

Энн МАККЕФРИ

БЕЛЫЙ ДРАКОН

Энн МАККЕФРИ

•Всаднику Перна•

ЭНН
МЯККЕФРИ

БЕЛЫЙ
ДРЯКОН

Всадники Перна

III

МОСКВА
«АРТЛИК»
1992

ББК 84.7 США

М 15

Маккефри Э.

Белый дракон: Роман из цикла «Всадники

Перна». Пересказ с английского. — Москва:

«АРТЛИК», 1992 — 480 с.

ISBN 5-8598-03-2

M15

Третий роман знаменитого цикла Энн Маккефри «Всадники Перна» хорошо известного читателям по двум первым томам («Полет дракона», «Поиски дракона»), вышедшим в издательстве «Северо-Запад» в 1992 г.

Перепечатка отдельных глав и всего произведения в целом — запрещена. Всякое коммерческое использование данного произведения возможно исключительно с ведома владельца авторских прав.

Главный редактор: В.Н.Матюшин

Заказ № 245. Тираж 50000.

Отпечатано с готовых диапозитов
в типографии им. Володарского Лениздата,
191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.

© Т. Сайнер, пересказ с английского, 1992 г.

© М. Нахмансон, вступительная статья, 1992 г.

ISBN 5-8598-03-2

КРЫЛЬЯ НАД МИРОМ

Плоскость фантастического подчиняется своей логике, а плоскость реального — своей.

Действительно достойное изучения начинается там, где эти плоскости пересекаются.

Из одной научно-фантастической книги.

«Крылья над Миром»... Союз авиаторов, описанный в сценарии Герберта Уэллса «Облик грядущего», сообщество окрыленных бойцов, спасающих мир от угрозы уничтожения. Какой величественный образ! Человек, воспаривший в небеса; защитник, очистивший помыслы свои от лжи, коварства и властолюбия; пилот, слившись воедино с могучей машиной... Однако простертые над миром крылья — неживые; не трепетная плоть, но сверкающий металл, который лишь руки и разум авиатора направляют к добру — или к злу, как бывало не раз. И тогда покорная машина превращается в чудовищного воздушного монстра-убийцу, словно всплывая из сказочных глубин в обыденную и суровую реальность.

Возможны ли тут другие варианты? Если бы наш чудесный летательный аппарат внезапно стал живым... добрым, благородным, прекрасным, преданным... если бы он мог отвратить человека от зла... если бы крылья его стали шелковистыми и гибкими, жилы наполнились горячей кровью и разум одухотворил это чудесное создание... Что ж, в фантастике возможно все. И вот простертый над миром металл

превращается в крылья *дракона*, машина становится величественным и могучим зверем, а сам мир — уже не планетой Земля, а далеким, сказочным *Перном*. Там не свистят бомбы, не ползут ядовитые газы, не грохочут выстрелы. Но пылают тревожные костры на утесах, звонит набат и прячутся люди в пещерные *города-холды*, выдолбленные в скалах трудом поколений. Из тьмы и холода космического пространства на Перн падает дождь — смертоносный ливень серебристых *Нитей*, страшных полурастений-полуживотных, пожирающих любую органическую материю. И тогда из крепостей *Вейров*, из кратеров потухших вулканов, взмывают ввысь боевые дружины всадников на драконах, чтобы испепеляющим огнем очистить голубые небеса Перна.

Драконы распостерли свои крылья над Перном — и над душой Энн Маккефри, чье воображение дало им жизнь. Ибо сериал «*Всадники на драконах*» стал, несомненно, центральным в ее творчестве. Снова и снова на протяжении двух десятилетий она возвращалась к этой теме, к прекрасной планете Перн, лучшему творению ее разума и сердца. Энн Маккефри, Повелительница Драконов.. Имя ее, однако, не много говорит нам, так как произведения этой замечательной американской писательницы ранее не переводились на русский.

Энн Инес Маккефри родилась в 1926 году. Ее первая фантастическая вещь увидела свет в 1953 году, первый большой роман «*Реставрация*» вышел в 1967. Затем она пишет две небольшие повести «*Вейр в Поиске*» и «*Всадник на драконе*», из которых первая получает премию «Хьюго» в 1968, вторая — в том же году — премию «Небьюла». За следующие двадцать лет Маккефри написала десять книг о планете Перн, составивших два сериала. Премированные повести стали первой и второй частями первого романа — «*Полет дракона*».

Читатели уже знакомы и с этим произведением, и со вторым романом «*Странствия дракона*»; оба они вышли в 1992 году в санкт-петербургском издательстве «Северо-Запад» в виде двухтомника. Данная книга «*Белый дракон*» является третьей частью основного сериала «*Лесса Пернская*». Второй сериал «*Арфистка Менолли*» повествует о жизни и

приключениях девочки Менолли, ставшей первой в истории Перна женщиной-музыкантом; она является также одним из основных персонажей романа «Белый дракон». Перечислим книги обоих сериалов в рекомендованном самой Энн Маккефри порядке.

Основной сериал — «Лесса Пернская»

1. «Полет дракона»
2. «Странствия дракона»
3. «Белый дракон»
4. «Морета — повелительница драконов»
5. «История Нерилки»
6. «Рассвет над Перном»
7. «Изменники Перна»

Второй сериал — «Арфистка Менолли»

1. «Песня дракона»
2. «Певица драконов»
3. «Барабаны драконов»

Итак, Перн. Мир, заселенный в древности земными колонистами и вскоре утративший связь с материнской планетой. Мир, позабывший технологические достижения космической эры и вернувшийся к патриархальному средневековью, к временам мотыги и плуга, меча и стрел, трубадуров-арфистов и лордов — властителей пещерных замков. Мир жестокий и, в то же время, относительно благополучный, ибо обширный, плодородный Перн может с лихвой обеспечить свое пока немногочисленное население. Год за годом, столетие за столетием этот мир мог бы подыматься по ступеням цивилизации, повторяя путь, некогда пройденный на Земле. Однако...

Раз в двести лет (или *Оборотов*, как говорят периниты) к Перну приближалась другая планета местной солнечной системы — *Алая Звезда*. Пятьдесят Оборотов находилась она вблизи Перна и в этот период смертоносные споры, рождение чуждой жизни, перелетали с Алоей Звезды на Перн. В теплой атмосфере благодатной планеты они разворачивались в серебристые Нити, падали на почву и начиная-

ли стремительно размножаться, уничтожая растения и животных. Пожрав всю органику, лишившись необходимой для их жизнедеятельности пищи, Нити рассыпались черной пылью.

Немногое могло остановить их. Голый камень и металлы, сильный холод или пламя. Собственно, огонь был единственным эффективным способом борьбы. Люди вырубали свои поселения в скалах, закрывали входы в пещеры железными ставнями и истребляли всю зелень вокруг жилищ, чтобы она не послужила пищей Нитям. Но таким образом они не могли спасти свои поля, стада, сады, пастбища, леса. Лишь огнедышащие драконы, прирученные или искусственно выведенные в глубокой древности огромные звери, чей род люди лелеяли и берегли, были способны сжечь Нити в воздухе и спасти Перн от космического бедствия.

В сердце каждого перинита жила мечта о драконе. Но лишь юноша, одаренный высокой ментальной чувствительностью, вступивший в неразрывную телепатическую связь с драконом в момент, когда зверь разбивал скорлупу своего яйца (этот обряд назывался *Запечатлением*), мог стать всадником. Судьба дарила ему друга на всю жизнь — самого могучего бронзового дракона, или коричневого, голубого, зеленого. Очень редко в кладке появлялось золотое яйцо — и тогда по всему Перну отряды всадников искали молодую девушку, способную пленить сердце будущей королевы драконов, продолжательницы их рода. Эта девушка становилась *Госпожой Вейра*, хранительницей поселения всадников и драконов; выше ее стоял только мужчина-предводитель, боевой вождь, который вел Вейр в сражение с Нитями.

Такова, фактически, суть фантастического антуража, созданного Энн Маккефри. На этом фоне в семи романах основного Пернского цикла разворачивается весьма реалистическая история о жизни, любви и борьбе Лессы, Госпожи Вейра Бенден, и Ф'лара, его вождя. Они встретились в тот год, когда Алая Звезда, после длительного перерыва, начала свое прохождение вблизи Перна. Они боролись с самовластием лордов, повелителей холдов, они сражались с Нитями, они расстилали драконов, они любили друг друга, но путь их любви был непрост.

Теперь, пожалуй, уместно поговорить о том, чем замечательны сочинения Маккефри и почему они снискали столь высокие литературные премии.

Романы Пернского цикла — произведения двухслойные. Первый слой, исходная возвышенно-романтическая посылка — грандиозная борьба, которую ведут отважные всадники и благородные драконы, спасая свой мир. Именно в контексте первого слоя возникает тот образ, о котором говорилось в начале статьи — образ могучего разумного зверя, раскинувшего крылья над планетой.

Но если читатель ждет, что далее последует сказка-фэнтези о драконах, рыцарях-всадниках и прекрасных леди, то его постигает жестокое разочарование. Маккефри раскрывает бытие своих героев с предельным реализмом, напоминающим стиль исторических романов Сигрид Унсет — кстати, ее Лесса во многом похожа на Кристин, дочь Лавранса, героя одноименной трилогии шведской писательницы.

Нельзя сказать, что Маккефри с многословной подробностью описывает жилища, одежду или занятия перинитов. Все нужные сведения сообщаются читателю как бы мельком, в процессе действия — но насколько они точны и конкретны! Возьмем, например, убранство всадника — его полного описания нет нигде. Два-три слова там, намек — здесь... Но к середине первого романа все детали оказываются расставленными по местам, и читатель получает ясное представление об одеянии для полетов: тяжелая, плотно облегающая тело туника из толстой кожи с длинными рукавами, перехваченная наплечными ремнями и широким поясом с кинжалом, кожаные перчатки с раструбами; сапоги, кожаные штаны, шлем. Прочная, теплая одежда, способная предохранить человека от холода больших высот и ледяного дыхания иных пространств, в которых также могут путешествовать крылатые звери.

А как всадник удерживается на драконе? Вначале можно подумать, что он просто сидит верхом на огромной шее — без седла, стремян и поводьев! — и пепляется руками за складку кожи на шее дракона. Это кажется нелепым — разве можно усидеть в такой позиции и не свалиться вниз при резком пируэте? И лишь потом начинаешь понимать, что

зверь, находящийся в непрерывной телепатической связи с человеком, постоянно поддерживает его. И опять-таки в двух первых романах об этом нигде не говорится прямо. Однако Маккефри не раз подчеркивает, с какой бережной нежностью и предупредительностью относятся драконы к слабым человеческим созданиям; для них забота о безопасности всадника является врожденным инстинктом.

В конце второго романа, когда Ф'нор отправляется на Алую Звезду, мы узнаем, что всадники часто используют упряжь — кожаные ремни, способные предохранить их от падения. Наконец, в третьем романе выясняется, что у дракона на шее выступают два позвонка — или шипа спинного гребня, — между которыми он удерживает всадника словно в седле.

Очень скучны и описания пещерных городов-холдов, но их конструкция становится яснее от страницы к странице. Холды вырубались в скалах, вблизи плодородных долин, в которых возделывались поля и сады. Массивная металлическая дверь защищала вход в *Главный Зал* холда; там принимали гостей, вершился суд лорда-властителя, собирался совет. Отсюда длинные переходы вели к службам — на кухню, в кладовые, в конюшни и казармы стражников. Напротив наружной двери располагалась лестница; за ней — внутренний холд, система коридоров и помещений, укрытых глубоко в скале. Там жил лорд с семьей и близкими людьми, там селили почетных гостей и, видимо, там же укрывались женщины и дети во время атак Нитей. Снаружи перед холдом простирался просторный, мощеный камнем двор, замкнутый в полукруг стен со сторожевыми башнями и воротами.

Описанный выше прием сотворения «тайн и загадок» не нов. Автор уравнивает читателя с героями романа, для которых бытовые детали их мира являются привычными, обычными. Читатель постигает этот мир как бы изнутри — по кратким замечаниям, намекам, ссылкам на события и обстоятельства, хорошо известные обитателям Перна. Читатель заинтересован; автор ничего не объясняет ему сразу, но заставляет идти его дальше и дальше, от одного открытия к другому, домысливать несказанное, додумывать ненаписан-

ное. И постепенно, незаметно читатель погружается в мир вымысла, который начинает казаться реальностью. Великое искусство писателя!

Однако это продуманное и завлекательное бытописание — всего лишь грунтовка холста, предназначенного для более ярких красок самой картины. Ибо в основном Энн Маккефри предпочитает говорить о вещах серьезных — о любви и ненависти, о коварстве и благородстве, о преданности и предательстве, о мужестве и трусости — обо всем, что является прерогативой человеческих отношений. Люди всегда остаются людьми — под небом Земли, перевитом трассами реактивных самолетов, и под небесами Перна, которые бороздят крылья могучих драконов. И души людские — за редким исключением — не сияют ангельской белизной, и не повергают в ужас адскими злодействами. Показать это под силу только настоящему писателю.

Здесь уместно вспомнить, что, хотя Перн хронологически находится в далеком будущем, в историческом плане это мир средневековья. Жестокий мир — и дети его жестоки. Жадные и воинственные лорды, свирепые *надсмотрщики-Оберегающие*, полурабы-крестьяне, забитые женщины... И всадники, избранные из избранных, далеко не святые. Даже лучшие из них. Флар, защитник Перна, человек, воодушевленный благородной целью — но как он холoden и расчетлив! Лишь любовь к прекрасной и непокорной женщине растопит его ледяное сердце, лишь тяжкие испытания заставят понять, что мера всех ценностей — человеческое счастье. Красавица Лесса... умная, тонкая, своюерная... какой ненавистью полно ее сердце! Ненавистью, что копилась годами — и немало лет понадобилось ей, чтобы познать страх, неуверенность и жалость. Да, они — живые люди, не сказочные герои, не абстрактные символы добра, обряженные в ангельские ризы.

Правда, надо заметить, что Перн и люди Перна меняются от романа к роману и эти изменения благотворны. Если в первом романе главным источником конфликта является противоборство между Лессой и Ф'ларом, то во втором отрицательные черты главных героев смягчаются, притухают — и, одновременно, переносятся на новых персонажей —

Древних всадников, вызванных Лессой из прошлого для защиты Перна. Этот процесс гуманизации перинитского общества особенно заметен в «Белом драконе», где главными действующими лицами являются не Ф'лар с Лессой, а Джексоном — юный лорд руатанский и всадник белого Рута. Он — ровесник расцвета Перна, человек эпохи Возрождения, подготовленной трудами и страданиями старших современников. И он совсем другой, отличный от них; в нем — твердость без жестокости, ум без коварства, отвага без фанатизма. Поэтому, вероятно, роман о его приключениях так не похож на две первые книги сериала. Что еще поведает нам Маккефри о прошлом и будущем Перна? Посмотрим... Впереди еще — семь книг.

Для ориентации читателя укажем, что некоторые детали в романах Пернского сериала не продуманы до конца; по-видимому, это почти неизбежно при создании на протяжении двадцати лет столь огромного произведения. Так, в первой книге повествуется о трагической судьбе Лайтола — всадника, потерявшего дракона в результате несчастного случая. Дракон Лайтола был зеленым; но во второй книге Маккефри повысила его статус до коричневого. С чем это связано? Согласно концепциям первой книги, драконы — самцы бывают бронзового, коричневого, голубого и зеленого цветов; самки-королевы — только золотые. Во второй книге эта иерархия несколько видоизменилась; Маккефри ввела бесплодных, но способных к любовным играм зеленых самок. Те читатели, которые знакомы с романом «Странствия дракона», поймут, что это — важнейшее изменение; на нем основана завязка второй книги.

Итак, появились зеленые самки (существуют ли зеленые самцы — совершенно неясно). Но, так как все всадники обычных боевых драконов — мужчины, а брачный полет их подопечных вызывает у людей совершенно определенные эмоции (очень ярко описанные во второй книге), то следует неопровергимый вывод: всадники зеленой самки и коричневого или голубого самца связаны гомосексуальными отношениями. Это буквально читается между строк в начале романа — там, где описана ссора Ф'нора со всадником зеленой из Форт Вейра. Видимо, Энн Маккефри не хотела, чтобы один

из главных героев сериала, мужественный сумрачный Лайт-тол, был заподозрен как пассивный партнер в столь грешном деянии. В результате его дракон во второй книге оказался «перекрашенным». Простим автору эту непредусмотрительность.

Пожалуй, для более ясного представления места и значения творчества Энн Маккефри полезно обратиться к произведениям несколько иного жанра. Сейчас уже можно говорить о традиции исторических и историко-фантастических произведений, в которых достоверная реконструкция событий прошлого сочетается с глубоким психологическим исследованием внутреннего мира героев. Вспомним «Тезея» Мэри Рено, романы Георгия Гулиа «Фараон Эхнатон», «Человек из Афин», «Сулпа»; вспомним изумительную трилогию Мэри Стюарт о Мерлине и короле Артуре — «Кристальный грот», «Полые холмы», «Последнее волшебство». Случайно ли, что этот цикл о Темной эпохе Британии создан примерно в то же время, что первые три романа Пернского сериала Маккефри — в семидесятые годы?

Однако Рено, Гулиа и Стюарт — писатели исторического жанра; Энн Маккефри — фантаст. И в фантастике, довольно строго разделявшейся на «твердую» НФ и сказку-фэнтези, она бесспорно сказала новое слово. В ее книгах сплавилось сказочное и реальное, невозможное и обыденное, романтико-героическое и повседневное. И сплав этот оказался жизнеспособным, породив многочисленных последователей. Энн Маккефри — основатель необычного жанра, ее историко-фантастические повествования как бы вырастают из сказки, лежат на пересечении классической НФ и фэнтези — и, в то же время, весьма близки к упомянутому выше жанру исторической реконструкции. По-видимому, эта необычность, новизна и была оценена двадцать четыре года назад самыми престижными премиями в англо-американской фантастике.

К сказанному выше остается добавить немногое. Энн Маккефри очень любит музыку, поэтому в ее произведениях часто присутствует музыкальная тема. В Пернском цикле одним из основных персонажей является Мастер Робинтон, глава цеха арфистов Перна, которые выполняют также

функцию историков и учителей, хранителей знаний о прошлом; героиня второго сериала Менолли — поэтесса и музыкант.

Интерес Маккефри к музыке проявился и в серии новелл о некоем Киллашандре, Певце Кристалла, созданной в середине семидесятых годов. В конце семидесятых писательница приступает к работе над новым сериалом «Планета динозавров». В этих книгах повествуется о группе исследователей, которые в результате крушения космического корабля оказываются на планете Ирета — в примитивном, древнем мире, в котором доминируют динозавры.

Несомненно, Энн Маккефри предпочитает крупные произведения. К настоящему времени она опубликовала около тридцати книг; это, бесспорно, ставит ее в ряд крупнейших романистов современной англо-американской фантастики.

По данным «Энциклопедии научной фантастики», изданной Питером Никольсом в 1981 году, Энн Маккефри жила в Ирландии, в поместье, которое назвала «Дом Дракона».

Нам остается сделать некоторые заключительные замечания, которые должны правильно ориентировать читателя относительно преемственности между переводами двух первых романов, выпущенных издательством «Северо-Запад», и настоящей книгой. Кое-что здесь может читателя удивить — например, несоответствие терминологии, названий и, отчасти, литературного стиля. К сожалению, издательством «Северо-Запад» было произведено несанкционированное переводчиками редактирование рукописей, от которого, по моему мнению, особенно пострадала первая часть первого тома — та самая, которая получила в 1968 году премию «Хьюго».

Романы Маккефри — тонкие, многозначные произведения, и иногда небольшая перестановка акцентов превраща-

ет героическое в смешное, а смешное — в глупое. К сожалению, редакторы первой книги не пожелали ознакомить авторов русского текста с плодами своих усилий.

Так как издательство «Северо-Запад» в конце каждой из своих книг объявляет полный список сотрудников, причастных к ее выпуску — начиная от редакторов и кончая лицами, осуществляющими таинственные функции по техническому обеспечению и руководству проектом, то главные герои, приложившие руку к тексту нашего перевода, известны пофамильно. И поэтому следует сделать одну существенную оговорку: профессиональный редактор А.Земцова, работавшая со второй книгой «Странствия дракона», выполнила свой долг честно и добросовестно; огромная ей за это благодарность. Правда, этого редактора рекомендовал и «пробил» у издательства сам переводчик, ужаснувшийся тому, что сотворили с текстом первого романа северо-западные издатели.

Итак, уважаемые читатели, не удивляйтесь, что в двух первых романах руатанцы превратились в руатянцев, лорд Обергающий — в заурядного управляющего, а периниты — в пернитов... Ни Энн Маккефри, ни мы, ее переводчики, такого не писали и даже в виду не имели. Зато автору этого предисловия удалось спасти золотую Рамоту, королеву драконов, от великого поругания — одному из редакторов очень хотелось перекрестить ее в царицу; он решил, что Рамота выполняла в Вейре те же функции, что и матка в пчелином улье. Конечно, царица — не менее почетное звание, чем королева, и функции тоже довольно близки, но драконы все же не пчелы... К тому же, по утверждению самой Энн Маккефри, среди первопоселенцев Перна не было выходцев из России.

Наконец, последнее замечание. Предлагаемое читателям произведение безусловно не является дословным переводом романа «Белый дракон»; надо заметить, что такой перевод просто невозможен — в связи с некоторыми специфическими особенностями текстов Маккефри. Т.Сайнером создано фактически новое произведение — пересказ-переложение упомянутого выше романа. При этом автор русского текста

добивался в первую очередь не его полного соответствия английскому оригиналу, а адекватности эмоционального впечатления, которое роман должен производить на англоязычного и русскоязычного читателей. Мне представляется, что эта задача решена автором пересказа вполне успешно.

M.Нахмансон

БЕЛЫЙ ДРЯКОН

© Пересказ с английского Т.Сайнер, 1992 г.

ПРОЛОГ

Ракбет, в созвездии Стрельца, был золотистой звездой класса G. В его систему входили два пояса астероидов, пять планет — и еще одна, блуждающая, притянутая и связанная узами тяготения в последние тысячелетия. Когда люди впервые обосновались на третьей планете системы Ракбета, получившей название Перн, они не обратили особого внимания на странную планету-пришельцу, что вращалась вокруг центрального светила по очень вытянутой и неустойчивой эллиптической орбите. В течение нескольких поколений люди не очень задумывались об этой Алой Звезде — пока однажды она не подошла в перигелии близко к Перну.

Когда влияние остальных небесных тел системы Ракбета не мешало сближению двух планет, чуждая жизнь, безжалостная и хищная, стремилась преодолеть узкую пространственную щель между ними и перебраться в более гостеприимный мир. В такие времена с небес Перна падали серебристые Нити, уничтожая все живое на своем пути. В период первой атаки потери, понесенные колонистами были устрашающими. Затем началась длительная борьба за выживание, отчаянное сражение с регулярными атаками Нитей. Это отнимало много сил, и постепенно непрочная связь с материнской планетой была окончательно утрачена.

В свое время периниты разобрали транспортные корабли и отказались от многих технологических достижений — все это представлялось ненужным и неуместным на девственной, благодатной планете. Теперь же, чтобы защититься от вторжения Нитей, наиболее изобретательная и предприимчивая часть колонистов разработала план, рассчитанный на века. Его первая стадия заключалась в совершенствовании одного из уникальных биологических видов усыновившей их планеты. Мужчин и женщин, способных к глубокому сопререживанию, обладающих врожденным даром телепатии, обучали использовать и сохранять этих необычных животных. «Драконы», названные так в память о сказочных созданиях из земных легенд, обладали двумя чрезвычайно полезными

свойствами: они почти мгновенно перемещались из одного места в другое и, после того, как заглатывали некий местный минерал, содержащий фосфор, обретали способность выдыхать пламя. Таким образом, поднявшись под облака, драконы могли сжигать Нити в воздухе, не допуская их падения на почву.

Чтобы реализовать первый этап этого плана, потребовалось несколько поколений. Одновременно осуществлялась и вторая стадия, но для ее окончательного завершения было нужно еще больше времени. Нити являлись всего лишь микро-зойдными спорами, способными преодолевать космическое пространство и с бессмысленной прожорливостью поглощать любую органическую материю. Попадая на плодородную поверхность Перна, они зарывались в мягкую землю и начинали стремительно размножаться. Периниты вывели особых личинок, обладающих сходными качествами и способных противостоять нашествию паразитов, и внесли их в почву южного материка. Первоначальный план предполагал, что драконы будут сжигать Нити в полете, защищая жилища и скот колонистов; личинки же предназначались для охраны растительности и уничтожения Нитей, сумевших ускользнуть от огнедышащих стражей.

Но инициаторы двухступенчатой программы не смогли учесть грядущих геологических катаклизмов и социальных изменений. Южный континент, на первый взгляд более привлекательный, чем суровые северные земли, оказался небезопасным. В результате вся колония была вынуждена переселиться на север и искать защиты от Нитей в естественных горных пещерах северного материка.

Форт, первоначальное поселение, вырубленное в восточном склоне Великого Западного хребта, вскоре стал слишком тесен для колонистов. Второй город-холл был заложен дальше к северу, около большого озера, где в скалах обнаружилось множество пещер. Однако через несколько поколений холл Руат тоже оказался переполненным. Поскольку Алая Звезда всходила на восточном небосклоне, периниты решили заложить следующие поселения в Восточных горах,

если там окажутся подходящие пещеры. Ведь только камень и металл, (которым Перн, к сожалению, оказался не очень богат) могли защитить от обжигающих ударов Нитей.

К тому времени в процессе селекции крылатые, длиннохвостые, огнедышащие драконы достигли таких размеров, что содержать их в тесноте пещерных городов-холдов стало невозможно. Тогда периниты обратили внимание на кратеры древних потухших вулканов, внутренние склоны которых были источены огромными пещерами. Одна такая вершина находилась вблизи Форта, другую обнаружили в горах Бендена на восточной оконечности материка. Их приспособили для обитания драконов и их всадников, но на этот проект ушли последние запасы горючего для гигантских горнопроходческих машин, и все остальные холды и Вейры выsekались в скалах вручную.

Задачи у всадников и у людей, обитавших в холдах, были различны; разными стали и их жизненные уклады. Постепенно они освящались временем и привычкой — пока не превратились в традицию, незыблемую, как закон.

Наступил период, равный двумстам Оборотам Перна вокруг светила, когда Алая Звезда, одинокая, замерзшая пленница, находилась на дальнем конце своей эллиптической орбиты. На почву северного материка больше не падали Нити. Люди стерли следы опустошения, разбили фруктовые сады, вспахали поля и даже собирались восстановить на склонах гор уничтоженные Нитями леса. Вскоре они едва не позабыли о том, что совсем недавно находились на грани вымирания. Но блуждающая планета вернулась с неизменностью космического маятника, и Нити стали падать опять; начались пятьдесят Оборотов ужаса, которым грозили небеса. И периниты благословляли далеких предков, чья мудрая предусмотрительность спасала их в эти трудные времена. Теперь у них были драконы, которые своим огненным дыханием уничтожали в воздухе падающие Нити.

В течение мирного Интервала род драконов множился и процветал; согласно разработанному ранее плану защиты были основаны четыре новых поселения в кратерах вулканов. Но в пылу строительства холдов, освоения девственных земель, странствий по бескрайним лесам и пустыням была

утрачена память о червях-пожирателях Нитей с южного материка, о самом материке и о прародине перинитов. С каждым последующим поколением воспоминания о Земле отступали все дальше в глубь времен, пока не превратились в миф, легенду и, наконец, не канули в вечность.

К моменту, когда Алая Звезда в третий раз сблизилась с Перном, на планете уже сложилась прочная политico-экономическая структура, позволяющая успешно бороться с регулярными бедствиями. Шесть Вейров — так стали называть лагеря всадников в кратерах потухших вулканов — взяли под защиту весь северный материк, разделив его на шесть областей. Остальное население должно было оказывать поддержку Вейрам, так как обитавшие в них бойцы не могли тратить силы и время на поиски пропитания — тем более, что в горах не было пригодной для обработки земли. В мирное время всадники растили драконов и обучали молодежь; во время прохождения Алой Звезды они сражались с Нитями.

В районах, изобиловавших естественными пещерами, в плодородных долинах рек росли города-холды. Некоторые из них, расположенные в стратегических точках, развивались особо стремительно. Чтобы управлять ими, бороться с ужасом и отчаянием, которые охватывали население во время атак Нитей, требовались сильные люди. Нужны были мудрые администраторы, способные организовать сбор и хранение запасов продовольствия — на тот случай, если урожай погибнет; опытные ремесленники, трудолюбивые фермеры, отважные мореходы. Людей, обладавших способностями к работе с металлом, умевших разводить животных, ловить рыбу, ткать, добывать руду — там, где она была, — объединили в Цеха. Каждый Цех включал несколько мастерских, расположенных, как правило, в самых больших холдах. Одна из них считалась главной — там ремесленники совершенствовали свое искусство, там обучали молодежь, передавая из поколения в поколение секреты мастерства. Чтобы лорды-правители холдов, на землях которых находились мастерские, не могли прибрать к рукам их продукцию, ремесленникам было предоставлено самоуправление. Они подчинялись только Главному мастеру своего цеха, которого

выбирали из числа наиболее опытных и уважаемых людей. Главный мастер полностью отвечал за продукцию цеха, ее качество и распределение; его мастерские работали для всего Перна.

Со временем, конечно, права и привилегии властителей холдов и Главных мастеров возросли; то же самое относилось и к всадникам, под защитой которых находились все поселения на планете.

Случалось порой, что из-за влияния остальных пяти спутников Ракбета Алая Звезда проходила слишком далеко от Перна и смертоносные споры не появлялись в его небесах. Такие периоды назывались долгими Интервалами. Во время последнего из них наступила эпоха процветания. Люди осваивали все новые и новые земли, вырубали в неприступных скалах города, затем начали строить поселения в открытой местности. Занятые повседневными заботами, они предпочитали не думать об Алой Звезде — и, наконец, решили, что она перестала угрожать Перну. Тем временем, племя драконов катастрофически сократилось и на всей планете остался один-единственный Вейр, где обитали всадники. Это уже не беспокоило никого. Зачем тревожиться, если Алая Звезда на долгие Обороты — или, быть может, навсегда — ушла с небосклона Перна?

Сменилось пять поколений, и потомки героического племени Парящих на драконах впали в немилость. Легенды об их былых подвигах звучали все реже — зато с каждым Оборотом громче и громче раздавались голоса тех, кто называл их анахронизмом, пережитком старины, о котором давно пора забыть.

Но пришли времена, когда Алая Звезда под влиянием сил тяготения вновь начала приближаться к Перну, устремив на свою извечную жертву зловещий багровый глаз. И лишь один всадник на обретенной планете — Ф'лар, всадник бронзовового Мнемента, — верил, что в древних сказаниях сокрыта истинна. Он передал эту веру Ф'нору, всаднику Канта, своему сводному брату. Когда на площадку рождений Вейра Бенден легло последнее золотое яйцо умирающей королевы драконов, Ф'лар и Ф'нор решили воспользоваться подходящей ситуацией и взять власть над Вейром. По древнему обычая

всадники вылетели на Поиск, чтобы найти молодую женщину, способную пройти обряд Запечатления вместе с новой королевой в момент ее появления из яйца. В холде Руат братья встретили Лессу, юную девушку, одаренную необычайной телепатической мощью и силой духа. Она была единственным потомком гордых лордов Руата; вся ее семья погибла десять Оборотов назад во время междоусобной стычки.

Лесса запечатлила золотую Рамоту, новую королеву, и стала Госпожой Вейра Бенден. Позже бронзовый Мнемент Ф'лара догнал молодую королеву в первом брачном полете, и Ф'лар, согласно традиции, стал предводителем Вейра, возглавив уцелевших всадников Перна.

Эти трое, Лесса, Ф'лар и Ф'нор, сумели убедить властителей холдов и мастеров в том, что на Перн надвигается страшная опасность. Они начали готовить почти беззащитную планету к обороне. Однако было ясно, что две сотни драконов Бендена не смогут прикрыть разросшиеся поселения перинитов. В старые времена для этого требовалось шесть полных Вейров, а обитаемые области были намного меньше.

Во время одного из тренировочных полетов Лесса случайно обнаружила, что драконы могут не только почти мгновенно перемещаться в пространстве, но и путешествовать во времени. Тогда, рискуя своей жизнью и жизнью единственной на планете королевы — продолжательницы рода драконов, Лесса отправилась на четыреста Оборотов назад, к моменту загадочного исчезновения остальных пяти Вейров, внезапно опустевших в те времена, когда заканчивалось последнее прохождение Алой Звезды. Вожди пяти Вейров, предчувствуя, что после долгих лет героических битв их ожидает период застоя и упадка, согласились помочь своим потомкам. Вместе с Лессой они отправились в будущее и спасли Перн.

Прошло семь Оборотов. Первоначальный восторг и благодарность, которые испытывали холды и цеха к своим спасителям, успели остыть. Да и древним всадникам, выходцам из прошлого, не нравился новый Перн и та эпоха, в которой они очутились. Слишком многое изменилось произошло за четыреста Оборотов — изменений, которые неизбежно вели к кон-

фликту между прошлым и настоящим. Древние, привыкшие к благоговейной покорности холдеров, не могли найти общий язык ни с лордами и мастерами, ни с вождями Вейра Бенден.

Трения, возникшие между ними, вылились в стычку между Ф'нором и всадниками Древних из Форт Вейра, в результате чего Ф'нор отправился на вновь заселенный южный материк залечивать раны. Этот небывалый случай — ибо, согласно нерушимому закону, всадник не мог пролить кровь соратника — рассматривался на совете предводителей Вейров. Он закончился почти безрезультатно; Ф'лару стало ясно, что Т'рон, вождь Форта, не желает нести ответственность за свои действия. Однако, доводы Ф'лара заставили двух вождей Древних Вейров, Д'рама из Исты и Г'нериша из Айгена, по-новому взглянуть на своих современников.

Вскоре нарушилась регулярность падения Нитей, и графики атак, столь тщательно составленные Ф'ларом на основании старинных хроник, утратили свою ценность. Главный арфист Перна Робинсон и глава цеха кузнецов Фандарел, совместно с вождями Бендена, попытались справиться с новой напастью. Фандарел со своими помощниками изобрел устройство, напоминающее проволочный телеграф, а мастер арфистов придумал код типа азбуки Морзе. Это давало возможность обеспечить связь между холдами, Вейрами и мастерскими и своевременно предупреждать всадников об атаках Нитей.

Тем временем Ф'нор, которого выходила юная Брекки, младшая Госпожа нового Южного Вейра, случайно обнаружил файров, огненных ящериц, которых до сих пор считали легендой или пустой выдумкой. Он убедился, что они существуют и при рождении поддаются Запечатлению — как и драконы, их отдаленные родичи. Килара, коварная и необузданная Госпожа Южного Вейра, нашла кладку яиц файров и предназначила их в дар лорду Мерону Наболскому, своему любовнику, проявлявшему неизменную враждебность к всадникам.

Получив от Ф'нора весть об огненных ящерицах, Ф'лар направился в Южный. Он хотел заодно проверить состояние дел в новом Вейре, ибо знал, что молодой Т'бор, его предводитель, не может сладить с Госпожой Южного, распутной Ки-

ларой. Когда началась неожиданная атака Нитей в глубине Южного материка, Ф'лар присоединился к всадникам, защищавшим огромную территорию болот. Исследуя местную растительность, он обнаружил в почве странных белесых червячков, роившихся в местах падения Нитей. Ф'лар собрал образцы, чтобы показать их Согрейни, Главному смотрителю стад. Но тот не пожелал тратить время на ничтожных личинок, и вождю Бендана пришлось продолжать исследования самому. Он рассказал о своей находке Ф'нору и молодому Н'тону, всаднику бронзового Лиота.

Вскоре лорд Лайтол, опекун юного Джексома, которому Лесса передала свое кровное право на холд Руат, посетил Вейр Бендан, чтобы обсудить напряженную ситуацию, сложившуюся на Перне, с Ф'ларом, Лессой, Робинтоном и Фандарелом. Он взял с собой Джексома; его питомец подружился с Фелессаном, единственным сыном Ф'лара и Лессы. Пока взрослые совещались, мальчики по заброшенным переходам Вейра пробрались на Площадку Рождений, чтобы взглянуть на новую кладку Рамоты. Неожиданно королева вернулась, и перепуганные мальчики бросились наутек. Заблудившись в темных переходах, они случайно обнаружили древнюю лабораторию, оставленную земными предками перинитов. Спасательный отряд нашел мальчиков, когда они уже потеряли сознание. Незадачливые исследователи лежали на пороге двери, что вела в заброшенные комнаты, где оказалось множество загадочных приборов — в том числе и устройство, способное увеличивать мелкие предметы. Микроскопом сразу же завладел Главный мастер кузнецов. Ф'лар предложил изучить заброшенные коридоры старых холдов и Вейров — возможно, там найдется нечто, позволяющее востановить знания древности?

Вскоре в холде Телгар состоялась свадьба лорда Асгенара и сестры лорда Телгарского, на которой Килара появилась вместе с лордом Мероном. На плечах у них восседали огненные ящерицы, вызвавшие всеобщее изумление. Внезапно всадник принес весть, что над Айгеном в неурочное время выпали Нити. Ф'лар призвал присутствующих на свадьбе вождей Вейров вылететь на помощь. Тогда Т'рон, используя это как предлог для ссоры, вызвал Предводителя Бенде-

на на поединок; в результате жестокой схватки Ф'лар вышел победителем — несмотря на серьезную рану. Он отправил в изгнание Т'рана и Т'кула, вождя Вейра Плоскогорье, также не пожелавшего признать его Верховным Предводителем Перна. Властители холдов и мастера единодушно поддержали Ф'лара. Вожди Древних, Д'рам из Исты, Г'нериши из Айгена и Р'арт из Телгара также примкнули к нему. Т'кул, а с ним еще семьдесят всадников и их драконы последовали за Т'роном в ссылку. Ф'лар, раненый, повел всадников на защиту Айгена.

Прибыв в Южный, Т'кул изгнал живших там всадников Т'бара, переселившихся в покинутый Древними Вейр Плоскогорье, который они нашли в ужасающем запустении. Бrekки, не ведая о том, что Вирент, ее королева, вот-вот поднимется в первый брачный полет, стала наводить порядок в Вейре. Килара, старшая госпожа, в это время отправилась в Набол и уединилась с лордом Мероном. К несчастью случилось так, что Придита, королева Килары, тоже была готова подняться. И когда Вирент начала брачную игру, Придита взлетела вслед за ней. Между двумя королевами разгорелся бой — хотя другие драконы пытались их разнять. Напрасно Кант и Рамота пытались спасти Вирент. Смертельно израненные, обе королевы ушли в Промежуток; Килара лишилась рассудка, Бrekки тоже оказалась на грани безумия. Только благодаря любви Ф'нора, преданности Канта и неотступным заботам крошечных файров ей удалось остаться в живых.

Тем временем в Форт Вейре был обнаружен телескоп — или прибор для дальновидения, как назвали его Фандарел с помощником Вансором. Н'тон и Вансор начали изучать поверхность Алой Звезды, почти полностью закрытую клубящимися тучами. Лесса, Робинтон, лорды и всадники прибыли в Форт, чтобы осмотреть и испытать дальновидящее устройство. Мерон Наболский начал требовать, чтобы теперь, когда Алую Звезду можно увидеть, как на ладони, всадники отправились туда и окончательно уничтожили Нити. Он даже рискнул послать к планете своего файра, но огненная ящерица в ужасе скрылась, попутно перепугав всех своих собратьев.

Когда кладка Рамоты наконец созрела, среди множества гостей на торжество в Бенден прибыли и лорд Лайтол с юным Джексомом. Попытка Ф'лара и Лессы вывести Брекки из шока, предоставив ей возможность пройти повторное Запечатление с новорожденной королевой, не увенчалась успехом, но ее бронзовому файру удалось вырвать девушки из мрака отчаяния.

Джексом увидел, что самое маленькое из яиц Рамоты — то самое, которое он заметил и даже потрогал еще раньше, когда украдкой пробрался на Площадку Рождений — раскачивается, но никак не может расколоться. Мальчик бросился на помощь новорожденному и в результате запечатлил Рута, крохотного белого дракончика. Так будущий лорд Руата стал всадником. Ему позволили забрать Рута с собой в холд, поскольку никто не верил, что маленький дракон необычного цвета проживет дольше одного Оборота.

Оправившийся от ран Ф'лар использовал торжество, на которое собралось много гостей, чтобы продемонстрировать мастерам и лордам, как личинки с южного материкаправляются с Нитями. Судя по всему, они также залечивали ожоги, нанесенные растениям. И тогда мастер земледельцев Андемон понял истинную суть древней заповеди: наблюдайте за личинками! Это предупреждение было неверно истолковано — вместо того, чтобы заботиться о личинках, их безжалостно и неустанно уничтожали.

Итак, спустя века был восстановлен второй этап проекта защиты, разработанного колонистами. Опираясь на него, Ф'лар при поддержке Ф'нора и Н'тона, своих ближайших помощников, повел решительную атаку на отживающие традиции. Он потребовал массового расселения личинок на северном материке, а также распространения накопленных знаний, чтобы жизненно важные сведения не оказались утраченными или искаженными.

Однако лорды, которых подстрекал Мерон, продолжали настаивать, чтобы всадники снарядили экспедицию на Алую Звезду и уничтожили источник, порождающий Нити. Чтобы подавить в зародыше мысль о подобном рискованном путешествии, Ф'нор направил своего Канта к облачному скоплению над поверхностью Алой Звезды. Совершив гиган-

тский прыжок сквозь Промежуток, они едва не погибли в бурной, лишенной кислорода атмосфере враждебной планеты. Только любовь и привязанность Брекки помогла им вернуться обратно, избежав неминуемой смерти.

Разведывательный полет, предпринятый Ф'нором, доказал всадникам и владыкам холдов, что очистить Алую Звезду от Нитей не так просто; слишком велика опасность потерять и драконов, и людей.

В этой сложной ситуации Ф'лар направил все свои усилия на распространение спасительных личинок. Одновременно он, вместе с Робинтоном, вел тайное наблюдение за Южным, который продолжал оставаться оплотом Древних, не принявших новых преобразований. Положение их было крайне тяжелым — у них не осталось молодых королев, способных продолжить род драконов. Возникли и другие сложности, на взгляд Робинтона, не менее серьезные.

А теперь — третья книга, «Белый Дракон».

Глава 1

*Холд Рут;
всенадцатый Оборот с начала Прохождения Алои
Звезды.*

По-моему, чище не бывает,— сказал Н'тону Джексом, в последний раз споласкивая Рута водой из небольшого ведра,— или я просто не знаю, что такое чистота!— рукавом куртки он промокнул со лба пот.— Как ты полагаешь, Н'тон?— учтиво осведомился мальчик, внезапно сообразив, что обратился к своему собеседнику, Предводителю Вейра, без должного почтения к его высокому рангу.

Н'тон усмехнулся и кивнул в сторону заросшего травой берега озера. Они прошлепали по грязи, в которую превратилась стекавшая с дракончика мыльная пена, и разом обернулись, чтобы издали взглянуть на Рута, влажно поблескивавшего в лучах утреннего солнца.

— В жизни не видел его таким чистым,— подтвердил Н'тон после придирчивого осмотра и, спохватившись, добавил: — Я вовсе не хочу сказать, Джексом, что раньше ты плохо ухаживал за ним. Но если ты сейчас же не велишь ему вылезти из грязи, он недолго останется таким красавцем.

Джексом поспешил передать просьбу дракону, добавив: — И еще, Рут, держи хвост повыше, пока не выйдешь на травку!

Краешком глаза он приметил, что Дорс с дружками счел за благо улизнуть, пока Н'тон не нашел для них новой утомительной работы. Купая Рута, Джексом с трудом прятал торжествующую усмешку. Дорс, да и другие из его компаний, не осмелились ослушаться Н'тона, когда всадник, ни о чем не подозревая, заставил их прийти на подмогу. Настроение у Джексома сразу поднялось: ну и попотели же они, суетясь вокруг «малявки», «файра-переростка» — вместо того, чтобы по обыкновению дразнить и подначивать его хозяина! Конечно, он не надеялся, что передышка будет долгой. Но если сегодня вожди Бендена решат, что Рут уже достаточно

силен, чтобы подняться в воздух вместе с ним, то Джексом сможет в любой момент улететь от насмешек своего молочного братца и его компаний.

— А знаешь, — чуть нахмурясь, произнес Н'тон, отряхивая забрызганную водой тунику, — на самом деле Рут вовсе не белый.

— Разве? — Джексом недоверчиво уставился на своего дракона.

— Взгляни-ка: кое-где шкура отливает коричневым и золотым, а по бокам проступают голубые и зеленые разводы.

— Ты прав! — Джексом даже заморгал от удивления, обнаружив в своем друге что-то совершенно новое. — Наверное, сегодня эти оттенки гораздо заметнее, потому что он такой чистый... и солнышко так ярко светит! — для мальчика было несказанным удовольствием поговорить на заветную тему с понимающим собеседником.

— Да, он вовсе не бесцветный, скорее... скорее, сочетает все известные цвета драконов, — продолжал Н'тон. Положив ладонь на крепкое плечо Рута, он склонил голову, рассматривая мощную спину зверя. — И сложен просто отлично! Пусть, Джексом, твой дракон не вышел ростом, все равно он просто загляденье!

Джексом вздохнул и, сам того не замечая, расправил плечи, гордо выпятив грудь.

— Не слишком толстый и не слишком худой — в самый раз, а, Джексом?

Лукаво улыбаясь, Н'тон локтем легонько толкнул мальчика в спину, намекая на те случаи, когда Джексом обращался к нему за помощью: раньше у Рута частенько побаливал живот. Джексом вообразил, что, если поплотнее набивать дракончику желудок, он догонит ростом своих собратьев по выводку. Но результаты оказались плачевными.

— Как ты считаешь, у него хватит сил подняться вместе со мной?

Н'тон остановил на мальчике задумчивый взгляд.

— Дай сообразить... Запечатление прошло весной, больше Оборота назад, сейчас уже близится прохладный сезон... Большинство драконов завершают рост за один Оборот. Не

думаю, чтобы за последние шесть месяцев Рут подрос хоть на пол-локтя. Приходится признать, что больше он не вырастет. Ну-ну! — подбодрил Н'тон мальчика, услышав его печальный вздох, — все равно он на полголовы выше любого скакуна, ведь так? А на них можно часами мчаться без устали, верно? Да и ты не такой тяжеловес, как этот Дорс.

— Но ведь для полета нужны совсем другие усилия...

— Разумеется, но и крылья у Рута достаточно велики, чтобы удерживать его в воздухе.

— Так, значит, он и вправду настоящий дракон? — Н'тон внимательно посмотрел на Джексома. Потом положил ладони ему на плечи. — Да, Джексом. Рут — настоящий дракон, хоть и в половину меньше своих собратьев! И он докажет это сегодня, когда ты полетишь на нем. А пока вам обоим пора возвращаться в холд. Тебе еще надо принарядиться, чтобы не уступить ему красотой!

— Вперед, Рут!

«Куда охотнее посидел бы здесь, на солнышке,» — ответил Рут, горделиво вышагивая слева от Джексома; он легко поспевал за своим другом и Предводителем Форта.

— У нас во дворе тоже солнце, Рут, — уговаривал Джексом приятеля, ласково поглаживая ладонью его выпуклое надбровье. От удовольствия в плавно врашающихся фасеточных глазах дракона мелькали голубые всплески.

Дальше шли молча. Джексом поднял взгляд на величавый утес, приютивший холд Руат, второе по старшинству поселение Перна. Это будет его холд, когда он подрастет или когда его опекун, лорд Лайтол, бывший ткач, а еще раньше — всадник, решит, что он уже достаточно поумнел... и когда владетели остальных холдов перестанут, наконец, ворчать из-за этого неожиданного Запечатления Рута, дракона-недоростка. Джексом вздохнул; он уже смирился с тем, что ему вовек не дадут забыть тот день.

Он вовсе не собирался забывать его. Просто Запечатление Рута создало много трудностей и для Ф'лара с Лессой, Предводителей Вейра Бенден, и для властителей холдов, и для него самого — поскольку ему не было дозволено стать настоящим всадником и поселиться в Вейре. Он должен оставаться наследственным лордом Руата, в противном случае любой

из младших отпрысков благородных семейств, не имеющий своего холда, станет биться насмерть, чтобы заполучить этот титул. Но больше всего хлопот он доставил человеку, порадовать которого было его самой сокровенной мечтой — Лайтолу, Оберегающему Руата, своему опекуну. Ведь задержись Джексом хоть на мгновение, задумайся он хоть чуть-чуть перед тем, как спрыгнуть на песок Площадки Рождений и броситься на помощь белому дракончику, отчаянно бившемуся в твердой скорлупе своего яйца, он наверняка бы понял, какое горе принесет этот шаг Лайтолу. Теперь Рут постоянно напоминал бывшему всаднику о том, что он потерял со смертью своего любимого Ларта. И неважно, что Ларт погиб за много Оборотов до того, как Джексом появился на свет в холде Руат, — для Лайтола трагедия, так ярко и жестоко запечатлевшаяся в памяти, произошла едва ли не вчера... во всяком случае, так он неоднократно повторял Джексому. Но тогда, — часто думал мальчик, — почему же тогда Лайтол не возражал, чтобы он, Джексом, попробовал вырастить дракончика в Руате?

Взглянув на возносившиеся над холдом скалы, Джексом заметил, что бронзовый Лиот Н'тона сидит бок о бок с Уилтом, старым коричневым сторожевым драконом. Интересно, о чем они судачат? О его Руте? О предстоящем испытании? Он увидел огненных ящериц, крошечных сородичей больших драконов, лениво круживших над двумя великанами. Люди гнали тягловый скот и верховых скакунов из главных конюшен на пастбища, раскинувшиеся к северу от холда. Струйки дыма поднимались над мастерскими и зданиями предметов, что окаймляли подъем к большому двору и тянулись вдоль главной восточной дороги. Слева от нее возводились новые мастерские, поскольку внутренние помещения холда Руат стали уже недостаточно просторными.

— Сколько у Лайтола воспитанников здесь, в Руате? — неожиданно спросил Н'тон.

— Воспитанников? Ни одного, мой господин, — Джексом нахмурился. Он был уверен, что Н'тону это известно.

— Но почему? Тебе необходимо общество сверстников, подростков из благородных семей.

— Я часто сопровождаю Лайтола в другие холды.

— Я имел в виду не эти визиты, а твоё постоянное окружение... здесь, дома.

— Ну, тут есть мой молочный брат Дорс и его приятели из мастерских.

— Да, это так.

Что-то в тоне молодого Предводителя заставило Джексона поднять взгляд, но лицо Н'тона было непроницаемо.

— А Фелессана ты теперь часто видишь? Помню, как вы, бывало, озорничали в Бендене...

Джексон невольно покраснел до корней волос. Неужели Н'тону каким-то образом стало известно, что они с Фелессаном пробрались сквозь расщелину на бенденскую Площадку Рождений, чтобы поближе рассмотреть кладку Рамоты? Разве что Фелессан проболтался! Нет, вряд ли! Но Джексон часто задумывался — не могло ли случиться так, что прикосновение к маленькому яйцу предопределило его связь с дракончиком?

— Теперь я редко встречаюсь с Фелессаном. У меня мало времени — ведь нужно ухаживать за Рутом и все такое...

— Ну да, понятно, — промолвил Н'тон. Казалось, он хотел что-то добавить, но передумал.

Молча шагая по дороге, Джексон соображал, не ляпнул ли он какую-нибудь глупость. Но на долгие размышления у него не хватило времени. Не прошло и минуты, как над ними, снижаясь, закружил коричневый Трис, Н'тонов файр, и, возбуждению чирикая, уселся на плечо всадника.

— Что случилось? — спросил Джексон.

— Он слишком раз волновался, невозможно ничего разобрать, — посмеиваясь, ответил Н'тон. Он стал поглаживать файра по шее, ласково успокаивая его, пока Трис, чирикнув в последний раз, не сложил крыльшки на спине.

«Просто он меня любит», — заметил Рут.

— Тебя любят все файры, — ответил Джексон.

— Я тоже заметил это... Не сегодня, когда они помогали нам купать Рута, а гораздо раньше, — подтвердил Н'тон.

— Но почему? — Джексону уже давно хотелось задать Н'тону этот вопрос, но он никак не мог отважиться. Нельзя

же отнимать драгоценное время Предводителя Вейра, отвлекая его на всякие пустяки! Но сегодня вопрос не казался ему таким уж пустячным.

Н'тон взглянул на своего файра. Трис коротко чирикнул и стал чистить свои коготки. Молодой всадник усмехнулся.

— Он любит Рута — вот и весь ответ. Полагаю, все дело в том, что Рут ближе к ним по своим размерам. На него можно смотреть, не отходя в сторону на несколько длин дракона.

— Может, и так, — Джексом осмелел, — во всяком случае, ящерки слетаются со всех сторон, чтобы с ним поболтать. Рассказывают самые невероятные истории, особенно когда меня нет рядом.

Они вышли на дорогу и направились к подъему, ведущему на главный двор холда.

— Смотри, Джексом, одевайся поскорее — скоро должны прибыть Ф'лар с Лессой, — предупредил Н'тон и, миновав большие ворота, зашагал к тяжелой металлической двери холда. — Скажи-ка, Файндер в этот час должен быть у себя?

— Скорее всего.

Когда Джексом с Рутом повернули к кухне и старым кнюшням, мальчика охватила тревога. Как пройдет сегодняшнее испытание? Ведь не стал бы Н'тон его обнадеживать, что вожди Бендена позволят Джексому подняться с Рутом в воздух!

Лететь с Рутом — какое счастье! К тому же, он докажет всем раз и навсегда: Рут — настоящий дракон, а не какой-нибудь там файр-переросток, как любит издеваться Дорс. И еще, ему наконец-то удастся отделаться от Дорса! Сегодня первый раз за целый Оборот обошлось без его насмешек во время купания дракончика. Конечно, дело не в том, что Дорс завидовал Джексому из-за Рута; просто он всегда его тиранил, сколько Джексом мог себя помнить. До того, как появился Рут, Джексом мог улизнуть от него в темные закоулки огромного холда. Дорс недолюбливал мрачные затхлые переходы и старался туда не соваться. Но теперь Джексому уже не удавалось скрыться от приставаний. Он часто сожалел, что так обязан Дорсу. Но что поделаешь! Он — лорд Руата, а Дорс его молочный брат. Он, Джексом, обязан ему жизнью. Если бы Дилана не родила Дорса за два дня до преждевре-

менного появления Джексома на свет, будущий лорд не прожил бы и несколько часов. Вот Лайтол и арфист холда добавят ему: от всего уделяй половину молочному братцу. Сразу видно, Дорсу это пошло на пользу. Он на полголовы выше Джексома и куда шире в кости. Похоже, ничуть не пострадал от того, что делился материнским молоком. А теперь-то Дорс всегда следит, чтобы ему досталось все лучшее из того, что есть у Джексома.

Джексом приветливо махнул поварам, хлопотавшим над праздничным обедом по случаю первого полета Рута — во всяком случае он искренне надеялся, что повод будет именно таким. Вместе с белым драконом он миновал ворота, ведущие к старым конюшням, переоборудованным под их с Рутом жилище. Хоть Рут был совсем крошкой, когда полтора Оборота назад прибыл в Руат, никто не сомневался, что ему скоро станут тесны покой властелина холда. Вот Лайтол и решил, что старые конюшни, перекрытые арочными сводами, можно легко приспособить под спальню и кабинет для Джексома, и удобный просторный вейр для дракончика. Главный мастер кузнецов Фандарел лично изготовил новые двери. Они были так хитро сконструированы, что и хрупкий подросток, и неуклюжий маленький дракончик могли с ними справиться.

«Я пока посижу здесь, на солнышке, — заявил Рут, просунув голову в дверь. — У меня сегодня еще не подметали».

— Все сбились с ног, готовясь к прибытию Лессы, — объяснил Джексом. Он прыснул, припомнив, какой ужас застыл на лице Диланы, когда Лайтол сообщил ей о предстоящем визите госпожи Вейра. В глазах кормилицы Лесса оставалась единственной чистокровной руатанкой, оставшейся в живых после того, как Фэкс предательски напал на холд больше двадцати Оборотов назад. Стягивая влажную куртку, Джексом вошел в свою комнату. Он поморщился: вода в кувшине рядом с раковиной успела совсем остывть. Конечно, всадник не должен чистотой уступать своему дракону, но теперь он навряд ли успеет в горячие бани холда до приезда гостей из Бендена. Нехорошо получится, если его не будет на месте, когда они прилетят. Пришлось удовольствоваться мыльным песком и чуть теплой водой. «Они уже здесь», —

прозвучали в мозгу у Джексома слова Рута, и тут же старый Уилт и Лиот приветственно затрубили, встречая сородичей. Джексон кинулся к окну и успел заметить промельк огромных крыльев — прибывшие драконы садились во дворе. Несколько мгновений, и мальчик вновь увидел бенденских драконов. В окружении стайки взбудораженных файров они устраивались на высотах, рядом с ямами для огненного камня. Джексом наспех вытерся и выскользнул из намокших штанов. Переодевание в парадный костюм не заняло много времени. Он натянул сапоги, специально пошитые к сегодняшнему дню. У них была пушистая меховая подкладка, чтобы ноги не зябли в полете. С драконьей упражью мальчик справился легко — оказались долгие тренировки.

Стоило, однако, Джексому вместе с Рутом выйти во двор, как сомнения стали одолевать его с новой силой. Что, если Н'тон ошибся? Вдруг Лесса и Ф'лар решат выждать еще несколько месяцев, чтобы окончательно убедиться — Рут больше не вырастет? Вдруг Рут — ведь он все-таки совсем малыш! — не сумеет поднять Джексома в воздух? Что, если он причинит Руту вред?

Дракончик ободряюще курлыкнул. «Ты не можешь нанести мне никакого вреда. Ведь ты — мой друг», — он ласково подтолкнул Джексома, обдав его лицо теплым пряным дыханием.

Джексом глубоко вздохнул, стараясь унять волнение. И лишь теперь заметил людей, столпившихся на крыльце холда. И зачем их только так много?

«Не так уж много, — заметил Рут, подняв голову, чтобы получше рассмотреть собравшихся. — И файры тоже слетелись поглядеть на меня. Я всех здесь знаю. Да и ты тоже».

Джексом был вынужден согласиться. Значит, его дракончику нипочем такая масса зрителей. Уверенность друга придала ему смелости. Он расправил плечи и шагнул вперед.

Самыми главными гостями были, конечно, Ф'лар и Лесса, Предводитель и Госпожа Бендана.

Здесь был и Ф'нор, всадник коричневого Канта, приятель бедняжки Брекки — с ним Джексом давно подружился. Само-собой, прибыл и Н'тон, Предводитель Форт Вейра — ведь Руат находился под его защитой. А вот и мастер Робин-

тон, Главный арфист Перна! Джексом обрадовался, увидев рядом с ним юную арфистку Менолли, частенько заступавшуюся за него. Что гораздо хуже, здесь был лорд Сэнджел из Южного Болла и лорд Грох из Форта, но Джексом, скрепя сердце, был вынужден признать, что присутствуют они по праву, как представители Конклава властителей холдов.

Сначала он никак не мог разглядеть лорда Лайтоля, но вот Файндер наклонился к Менолли, что-то втолковывая ей, и мальчик обнаружил своего наставника. Джексом очень надеялся, что на этот раз Лайтол наконец-то оценит Рута по достоинству.

Они пересекли двор и остановились перед лестницей. Положив правую руку на сильную, гибкую шею Рута, Джексом спокойно ожидал решения арбитров.

Приветливо махнув Руту рукой, Лесса улыбнулась Джексому и спустилась по ступенькам, чтобы поздороваться с ним.

— Рут очень окреп с весны, — произнесла она. Голос ее звучал строго и одновременно ободряюще. — А вот тебе, Джексом, надо есть побольше. Скажи-ка, Лайтол, Дилана его совсем не кормит, что ли? Одна кожа да кости!

Внезапно Джексом с изумлением осознал, что перерос Лессу: ей пришлось откинуть голову, чтобы взглянуть ему в лицо. А ведь Госпожа Бендана казалась ему такой высокой... До чего же странно смотреть на нее сверху вниз!

— Пожалуй, ты не отстаешь от Фелессана, а он растет не по дням, а по часам, — добавила она.

Джексом пробормотал что-то в свое оправдание.

— Не робей, Джексом, рост мужчины не помеха, — пришел ему на помощь Ф'лар. Он пристально разглядывал Рута, и белый дракон задрал голову, красуясь перед высоким гостем.

— А ты, Рут, вырос гораздо больше, чем я рассчитывал, когда увидел тебя в первый раз! Да и лорд Джексом, похоже, не отставал от тебя, — бенденец едва заметно подчеркнул титул Джексома, переводя взор с дракона на всадника. — Однако, не думаю, что ты когда-нибудь сравняешься статью с нашим Фандарелом,.. так что ноша не окажется для Рута непосильной, — Ф'лар обвел взглядом собравшихся. — Рут на добрую голову выше любого скакуна — и куда крепче.

— Какой у него размах крыльев? — осведомилась Лесса, вопросительно подняв брови. — Будь добр, Джексом, попроси Рута их расправить.

Госпожа Бендена вполне могла бы и сама обратиться к нему — ведь она умела говорить с любым драконом. Джексом, слегка приободренный такой любезностью, передал просьбу Руту. Вращая глазами от возбуждения, белый дракончик приподнялся на задних лапах и взмахнул крыльями; под атласной кожей заиграли мышцы, а по груди и плечам рябью скользнули светлые волны всех драконьих цветов.

— Удивительно соразмерно сложен! — заметил Ф'лар, нырнув под крыло, чтобы поближе рассмотреть поверхность широкой полупрозрачной перепонки. — Спасибо, Рут, — добавил он, когда дракончик с готовностью приподнял крыло. — Похоже, ему так же не терпится полететь, как и тебе, Джексом.

— Конечно, мой господин, ведь он дракон, а все драконы летают!

Взгляд, которым наградил его Ф'лар, заставил мальчика затаить дыхание. Уж не показался ли его поспешный ответ слишком дерзким? Он услышал звонкий смех Лессы и оглянулся, чтобы посмотреть на нее. Но хохотала она вовсе не над ним и не над Рутом. Взгляд ее был устремлен на супруга, Предводителя Бендена. И Ф'лар, изогнув бровь, улыбался ей в ответ. Джексом почувствовал: им сейчас не до них с Рутом.

— Да, драконы летают, не так ли, Лесса? — негромко произнес Предводитель Вейра, и Джексому стало ясно: им припомнилось что-то очень сокровенное, свое, понятное лишь им двоим.

Потом Ф'лар поднял взгляд к вершинам скал, откуда за всем происходящим с интересом наблюдали золотая Рамота, бронзовый Мнемент и двое коричневых, Кант и Уилт.

— Ну, Лесса, что думает Рамота?

Лесса состроила гримаску.

— Ты же знаешь, что она всегда говорит по этому поводу. Рут себя еще покажет.

Ф'лар перевел взгляд на улыбающегося Н'тона, потом на Ф'нора, который молча пожал плечами.

— И знаешь, Джексом, не одна она уверена в этом. Мнемент, например, вообще не понимает, из-за чего вся эта суета. Так что вперед, дружище! — Ф'лар шагнул к нему, как будто собирался подсадить Джексома на шею белому дракону.

В душе мальчика боролись два противоречивых чувства. С одной стороны, ему льстило, что первый и самый прославленный всадник Перна пожелал ему помочь. И в то же время он возмутился — неужели Ф'лар думает, что он не справится сам?

Рут пришел ему на выручку — он отвел крылья назад и согнул левую лапу в колене. Легко ступив на усердливо подставленную опору, Джексом оседлал драконью шею, причем сразу попал на нужное место — между двумя нижними выростами шейного гребня. У взрослого дракона эти выступы прочно удерживали всадника в полете, однако Лайтол настоял, чтобы Джексом для страховки воспользовался специальной упряжью. Пристегнув ремешки к поясу, мальчик украдкой глянул на собравшихся, но не обнаружил на их лицах ни тени удивления или неодобрения по поводу такой предосторожности. Итак, все готово. И тут в душу Джексома снова закрался противный холодок сомнения. А вдруг Рут осрамится...

Он уловил ободряющую улыбку на лице Н'тона, увидел, как мастер Робинтон и Менолли машут руками, приветствуя его. Вот Ф'лар поднял над головой сжатый кулак — традиционный сигнал к взлету.

Джексом набрал побольше воздуха. — Вперед, Рут! — И сразу почувствовал, как напряглись мышцы дракона. Рут присел, чуть согнув спину, огромные крылья поднялись, готовые сделать первый, решающий взмах. Вот он упруго оттолкнулся от земли мощными задними лапами — от неожиданности у Джексома дернулась голова. Он инстинктивно ухватился за поводья и крепко сжал их. А белый дракон сильными взмахами крыльев уже вздыпал его все выше и выше. Мелькнули окна первого этажа, пестреющие лицами зрителей. Они поднимались так стремительно, что все остальные этажи холда расплылись в тумане. Еще взмах — и вот они уже парят над огненными ямами. Драконы-великаны распускают крылья, одобрительно трубя. Вокруг носятся

файры, мелькают разноцветными искорками, вплетая в приветственный хор свои серебристые трели. «Только бы они не испугали Рута, не помешали ему в полете», — подумал Джексом.

«Они радуются, видя, как мы с тобой летим вместе. Рамота и Мнемент тоже счастливы, что ты, наконец-то, смог подняться со мной. И я рад, очень рад! Ну а ты — ты что чувствуешь?»

От этого вопроса, в котором сквозила печаль, у Джексома комок застрял в горле. Он открыл было рот, чтобы ответить, но летящий в лицо ветер уносил слова, срывавшиеся с губ.

— Ну конечно, я рад! Я всегда рад, когда мы вместе! — весело крикнул он. — Мы летим с тобой, Рут! Я так давно мечтал об этом! Теперь все видят, что ты — настоящий дракон!

«Кто в этом сомневался? Но почему ты так кричишь?»

— Я счастлив — почему бы мне и не покричать?

«Кроме меня, тебя никто не слышит, а я и так отлично тебя понимаю».

— Ну и прекрасно. А за тебя я счастлив больше всего!

Они скользнули в вираж, и Джексом, затаив дыхание, отклонился в противоположную сторону. Надо же, он столько раз летал на драконах, но тогда все было иначе. Тогда он был всего лишь пассажиром, зажатым с обеих сторон между телами взрослых попутчиков. Совсем другое дело теперь, когда он в одиночку переживает это пьянящее, радостно-тревожное, немыслимо прекрасное чувство полета!

«Рамота говорит, чтобы ты покрепче сжал колени, как при езде верхом».

— Я боялся, что тебе будет трудно дышать, — Джексом стиснул ногами шелковистую шею Рута и с облегчением почувствовал — так гораздо надежнее.

«Ну вот, теперь лучше. С моей шеей ничего не случится. Ты не можешь мне помешать — ведь ты мой всадник. Рамота говорит, пора приземляться», — в беззвучном голосе дракона звучало явное недовольство.

— Как, уже? Ведь мы только что взлетели!

«Рамота говорит, что мне не следует переутомляться. Как будто летать с тобой — утомительно! Я только об этом и мечтаю! Еще она говорит, чтобы мы каждый день летали чуть подольше. Вот это мне нравится!»

Рут пошел на снижение, собираясь подлететь к холду с юго-востока. Народ на подъездной дороге останавливался, люди глядели на них, махали руками. Джексому даже казалось, что он слышит приветственные крики, но встречный поток воздуха не позволял разобрать слова. Собравшиеся во дворе поворачивали головы, следя за их приземлением. Из окон двух нижних этажей высовывались любопытные зрители.

Теперь им всем придется признать, что Рут — настоящий летающий дракон!

Единственное, о чем жалел Джексом, — что полет был так краток. Каждый день чуть подольше? Да теперь ни падение Нитей, ни огонь, ни дым не помешают ему каждый день летать все дольше и все дальше от холда!

Рут расправил крылья и четко приземлился на то же место, откуда так недавно поднялся в воздух. Джексома резко бросило вперед, и он ударился грудью о шейный гребень.

«Прости, пожалуйста, — сокрушенно сказал Рут, — Вижу, мне еще многому предстоит научиться».

Переживая в душе восторг полета, Джексом еще несколько мгновений посидел, потирая ушибленную грудь и утешая Рута. Тут он увидел, что к нему направляются Ф'лар, Ф'нор и Н'тон; все трое одобрительно улыбались. Почему же у главы арфистов такой задумчивый вид? И почему хмурится лорд Сэнджел?

«Всадники говорят, что мы можем летать. Какое нам дело до остальных?» — заметил Рут.

Только лицо Лайтола оставалось совершенно непроницаемым. Это слегка омрачило торжество Джексома. А он-то надеялся, что сегодня услышит от своего наставника хоть одно одобрительное слово!

«Он никак не может забыть Ларта», — тихонько напомнил Рут.

— Вот видишь, Джексом, что я тебе говорил! — воскликнул Н'тон, вместе с Ф'ларом и Ф'нором остановившись рядом с драконом.

— Для первого полета, Джексом, просто отлично! — похвалил Ф'лар. Он быстро окинул взглядом Рута, пытаясь уловить признаки усталости. — Твоему Руту все нипочем.

— Этот малыш сумеет развернуться на кончике крыла! Только не забывай про упряжь, пока вы не привыкнете друг к другу, — добавил Ф'нор, пожимая Джексому руку. Это приветствие равного страшно польстило мальчику.

— Выходит, ты был неправ, лорд Сэнджел, — донесясь до Джексома звонкий голосок Лессы. — Никто не сомневался, что белый дракон сможет летать. Просто мы откладывали испытание до тех пор, пока не убедились, что Рут совсем вырос.

Ф'нор подмигнул Джексому, Н'тон состроил забавную гримасу, а Ф'лар возвел глаза к небу, изображая безграничное терпение. Такое свойское поведение всадников окончательно убедило мальчика, что он, Джексом Руатанский, допущен, как равный, в их славное братство.

— Вот ты и стал всадником, малыш! — сказал Н'тон.

— Это так, — нахмурившись, протяжно проговорил Ф'лар.

— Это так, но не считай, что ты волен завтра же лететь на все четыре стороны. И еще — не вздумай соваться в Промежуток! Вам слишком рано. Надеюсь, ты меня понял? Вот и отлично. Ты должен ежедневно тренировать Рута в полете. Нет ли у тебя с собой, Н'тон, списка учебных баллад? — Ф'лар вручил мальчику стопку пергаментных листков и похлопал Рута по спине. — Вот эти мышцы необходимо упражнять очень медленно и осторожно, ни в коем случае не перенапрягая — это опасно. Может статься, что ему будет необходимо проявить всю силу и маневренность, а неокрепшие мускулы не справятся! Ты слышал о трагическом случае на Плоскогорье? — строго спросил он.

— Да, мой господин... Файндер мне рассказывал. — Джексом не стал упоминать о том, что Дорс с дружками, прознав

об этом несчастье, постоянно донимали его напоминаниями о юном всаднике, который не рассчитал сил своего молодого дракона и врезался в горный склон.

— На тебе, Джексом, лежит двойная ответственность — за Рута и за твой холд!

— Да, мой господин, понимаю.

Н'тон рассмеялся и хлопнул мальчика по колену.

— Бьюсь об заклад, что понимаешь, лорд Джексом, еще как понимаешь!

Ф'лар обернулся к молодому Предводителю Вейра, удивленный его замечанием. Джексом замер. Неужели Предводители тоже говорят, не подумав? Ведь Лайтол неустанно твердит ему — сначала подумай, а потом открывай рот!

— Я прослежу, чтобы Джексом усвоил все азы, — продолжал Н'тон. — Что касается чувства ответственности, то тут, Ф'лар, ты можешь быть совершенно спокоен — оно у него в крови. И еще, если позволишь, я научу его летать в Промежутке, когда почувствуешь, что он готов. Сдается мне, чем меньше посторонних будет знать об этом этапе обучения, — он кивнул в сторону двух престарелых лордов, наседавших на Лессу, — тем лучше.

Джексом почувствовал едва заметное напряжение, возникшее между Ф'ларом и Н'тоном. Всадники молча смотрели друг на друга. Вдруг с высот раздался трубный клич Мнемента, к нему присоединилась Рамота.

— Видишь, они согласны, — негромко заметил Н'тон.

Ф'лар легонько покачал головой и отбросил упавшую на глаза темную прядь.

— Не сомневаюсь, Ф'лар, что Джексом заслужил право стать всадником, — решительно произнес Ф'нор. — В конце концов, ответственность все равно лежит на Вейре. Не этим же старым пиям решать! — коричневый всадник бросил взгляд в сторону Сэнджела и Гроха. — И потом, Рут — бенденский дракон.

— Ответственность — вот что главное, — нахмурившись, бросил Ф'лар, обращаясь к собеседникам. Он поднял взгляд на Джексома, который никак не мог взять в толк, о чём идет речь. Он понимал только, что решается их с Рутом судьба. —

Ну ладно, ладно. Придется обучать его полетам в Промежутке. Иначе, чего доброго, он попробует сам — как-никак, у него в жилах течет кровь лордов Руата... верно, Джексом?

— Я не совсем понял, мой господин... — Джексом едва мог поверить своему счастью.

— Нет, Ф'лар, Джексом не будет соваться туда на свой страх и риск, — произнес Н'тон, в голосе его прозвучали странные нотки. — И в этом вся беда. Боюсь, Лайтол пересердствовал.

— В чем же? — резко спросил Ф'лар.

Ф'нор предупреждающе поднял руку.

— А вот и сам Лайтол, — торопливо сказал он.

— Не лучше ли будет, лорд Джексом, если ты отведешь своего друга домой, а потом присоединишься к нам? — Оберегающий Руата учтиво поклонился гостям, потом резко повернулся и пошел вверх по лестнице. Его щека дергалась.

«Неужели он не мог сказать мне что-нибудь приятное, — думал Джексом, глядя на удаляющуюся спину опекуна. — Видно, не захотел».

Н'тон хлопнул его по колену, и когда мальчик взглянул на Предводителя Форта, тот лукаво подмигнул ему.

— Ты хороший парень, Джексом, и всадник отличный, — повернувшись, он неторопливо направился за своими товарищами.

— Скажи-ка, Лайтол, уж не бенденским ли вином нас угостят по столь торжественному случаю? — прогремел через весь двор голос Главного арфиста.

— Полно, Робинтон, разве кто-нибудь осмелится угостить тебя чем-нибудь другим? — рассмеялась Лесса. Джексом смотрел, как они поднимаются по ступенькам и входят в двери большого зала. Огненные ящерки, громко пересвистываясь, покинули свой наблюдательный пост и опрометью бросились к входу, торопясь прошмыгнуть внутрь. При этом они едва не врезались в долговязую фигуру Робинтона.

Это зрелище слегка развеселило Джексома, и он вместе с Рутом поспешил домой. Бросив взгляд на окна холда, мальчик увидел, что зрители начали расходиться. Он искренне надеялся, что Дорс с дружками не пропустили ни одного

мгновения его сегодняшнего триумфа, что они заметили рукопожатие, которым обменялся с ним Ф'нор, и то, как три самых прославленных всадника Перна беседовали с ним, как с равным. Теперь, когда Джексому с Рутом вот-вот разрешат летать в Промежутке, Дорсу придется стать поосмотрительнее. «Вот уж на это Дорс никак не рассчитывал, — подумал Джексом, — куда ему! А здорово, что Н'тон решил сам учить нас. Когда Дорс услышит об этом, ему останется только съесть свой кулак и не подавиться!».

Рут ответил на мысли друга курлыканьем. Дракон подошел к двери старой конюшни и опустил плечо, приглашая Джексома спешиться.

— Теперь, Рут, мы сможем умчаться отсюда, как только захотим. А когда научимся летать в Промежутке, любое место на Перне станет нам доступно... Ты был просто великолепен! Жаль, я такой неопытный всадник — врезался тебе прямо в гребень. Но я научусь, вот увидишь!

Следуя за другом по пятам, Рут вошел в вейр. Глаза его плавно вращались, поблескивая ласковой голубизной. А Джексом, сметая с ложа дракона накопившуюся за ночь пыль и шерстинки, все говорил и говорил... Какой он, Рут, молодчина, как он может развернуться на самом кончике крыла и вообще... Дракон улегся и подставил Джексому голову, намекая, что не прочь получить причитающуюся порцию ласк. Джексом не возражал: ему почему-то не хотелось сидеть на пиру, где отсутствовал главный виновник торжества.

* * *

Заслышав крики файров, Робинтон проворно прижался к правой створке тяжелой кованой двери и прикрыл лицо руками. Ему так часто доставалось от этих крохотных разбойников, что арфист поневоле научился осторожности. Надо признать, что, благодаря заботам Менолли, файры их цеха вели себя, как правило, вполне пристойно. Он ухмыльнулся, услышав негодящий взоглас Лессы. Понимавший поднятый ящерицами ветерок, Робинтон остался на месте; как он и ожидал, стайка крылатых сорванцов тут же выле-

тела из двери обратно. Послышался голос лорда Гроха, призывавшего к порядку Мергу, его крошечную королеву. Потом арфиста отыскал Заир. Обиженно вереща, как будто хозяин нарочно старался от него скрыться, маленький бронзовый файр уселся на его плечо.

— Ладно, ладно, малыш, — уговаривал Робинтон, поглаживая пальцем возбужденного файра, и тут же получил в ответ такие бурные ласки, что едва не вывернул себе шею. — Ты же знаешь, я никуда от тебя не денусь. Ты тоже летал вместе с Джексомом?

Заир перестал верещать и радостно зачирикал. Потом, изогнув шею, стал осматривать двор. Робинтон пригляделся, любопытствуя, что же так заинтересовало его питомца, и увидел Рута, шествующего по направлению к старым конюшням. Арфист вздохнул. Может быть, было бы лучше, чтобы Джексому пока не позволили летать... Лорд Сэнджел до сих пор яростно сопротивлялся тому, чтобы сопливых юнцов наделяли привилегиями всадников. И не он один — среди пожилых владетелей хватало противников такого нововведения. Робинтон чувствовал, что ему удастся склонить на свою сторону лорда Гроха... тот все-таки поумнее Сэнджела. И у него есть свой файр, а значит, он настроен к Руту с Джексомом более благосклонно. Робинтон не помнил, как обстояло дело с Сэнджелом — не сумел ли он запечатлеть огненную ящерицу или просто не пожелал. Нужно будет спросить у Менолли. Красотка, ее королева, скоро отложит яйца. Хорошо, что у его помощницы королева файров — теперь он сможет распределить яйца так, чтобы это всем пошло на благо.

Робинтон задержал взгляд на юном драконе и его всаднике. Трогательное зрелище! Казалось, Рут и Джексом прямо-таки излучают незащищенность и чистоту, любовь и горячее стремление охранить друг друга. Да, мир устроил новорожденному Джексому не слишком гостеприимную встречу. Младенца извлекли из чрева мертвой матери, а полчаса спустя расстался с жизнью его отец. Припомнив то, что поведали ему недавно Н'тон и Файндер, арфист Руата, Робинтон выругал себя — и почему он раньше не уделял мальчугану побольше внимания? Не так уж Лайтол толстокож, чтобы не

понять намека, особенно если дело касается блага Джексона. Вся беда в том, что у Главного мастера цеха всегда дел по горло, даже несмотря на постоянную помощь верных Менолли и Сибела... Заир сочувственно чиркнул и потерся головой о его подбородок.

Усмехнувшись, Робинтон погладил файра. Поди ж ты — звереныш не длиннее человеческой руки, и умишко — не сравнить с драконьим, а душу согревает... да и польза кое-какая есть.

Пора, пожалуй, последовать за остальными. Надо поразмыслить, как лучше подступиться к Лайтолу. И юный Джексон станет прекрасным завершающим штрихом к его, Робинтона, плану...

— Робинтон! — окликнул его Ф'лар с порога главного зала холда. — Поторопись, ты рискуешь своей репутацией!

— Чем-чем? Немедленно иду... — фраза еще не закончилась, а длинноногий арфист уже входил в просторный зал. По улыбкам гостей, собравшихся вокруг уставленного кувшинами с вином стола, он понял, что его ожидает.

— Вот оно что! Вы задумали меня подловить! — с преувеличенным возмущением воскликнул он, указывая на запотевшие сосуды. — Что ж, я уверен, что мне удастся и на этот раз отстоять свою репутацию! Если, конечно, вино у Лайтола достойного сорта.

Лесса рассмеялась и, выбрав один из кувшинов, продемонстрировала собравшимся печать под глиняным горлышком. Потом наполнила кружку темно-рубиновой влагой и вручила ее Робинтону. Понимая, что за ним следят десятки глаз, арфист важной, неторопливой поступью приблизился к столу. Он встретился глазами с Менолли, и девушка чуть заметно подмигнула ему, как видно, совершенно освоившись в столь высокопоставленном обществе. Как и белый дракончик, она полностью полагалась на себя. Да, немало Оборотов отделяло ее от робкой, никому не известной девчонки из захолустного Морского холда! Кончилась пора ученичества... Месяц-другой — и, расправив крылья, она устремится в самостоятельный полет.

Робинтон с полнейшей серьезностью изобразил все стадии процесса дегустации — ведь именно этого от него ждали. Он

придирчиво изучал цвет вина в лучах заглянувшего в окно солнца, вдыхал его аромат, потом стал пить крошечными глоточками, с наслаждением смакуя вкус.

— Ну, что ж, — наконец изрек он чуть надменно. — Нет ничего проще, чем распознать этот букет.

— Говори же! — потребовал лорд Грох, барабаня толстыми пальцами по широкому поясу и покачиваясь на каблуках от нетерпения.

— Вино поспешности не терпит!

— Либо ты знаешь, либо нет, — скептически хмыкнув, заметил Сэнджел.

— Ну, разумеется, знаю. Это бенденское, причем изготовлено одиннадцать Оборотов назад. Ведь так, Лайтол?

В зале воцарилась тишина. Робинтона поразило выражение лица Лайтола. Неужели он еще не пришел в себя после полета мальчугана? Нет, щека у него не дергается.

— Я прав! — заявил Робинтон, жестом обвинителя наставив указательный палец на Обергающего Руата. — И ты, Лайтол, это прекрасно знаешь. Если уж быть совсем точным, это поздний отжим — в вине есть приятная терпкость. И еще: оно из первой десятины, которую тебе удалось вытянуть из старого лорда Рейда, и то под предлогом руатанских кровей госпожи Лессы. — Он изменил голос, подражая хрипловатому баритону Лайтола. — Госпоже Перна нужно поднести бенденское вино, когда она изволит посетить свой родной холд! Или я не прав, а, Лайтол?

— Прав, прав — вне всяких сомнений, — согласился Лайтол, сопровождая свои слова звуком, подозрительно напоминающим сдавленный смешок. — Когда дело касается вин, Мастер, ты просто непогрешиш!

— Какое облегчение! — проговорил Ф'лар, хлопнув арфиста по плечу. — Я бы не вынес, Робинтон, если бы ты уронил свою репутацию.

— Подходящее вино, чтобы отпразновать сегодняшнее событие. За Джексома, юного правителя Руата, гордого всадника Рута! — Робинтон понимал, что этими словами ставит дракона наравне с обычной домашней живностью, но, с другой стороны, против факта не пойдешь — Джексом был

и полноправным властелином холда Руат, и всадником; именно так, вне всяких сомнений. Лорд Сэнджел, уже собиравшийся сделать глоток, звучно откашлялся. Красноречивый взгляд, которым наградила Лесса арфиста, говорил ясно, что она ожидала любой тост, кроме этого.

Сэнджел еще раз откашлялся и, как ожидал Робинтон, ринулся в атаку.

— Что ж, давайте выясним раз и навсегда, в какой степени юный Джексон является всадником. Во время его Запечатления, — Сэнджел махнул рукой куда-то в сторону коношен, — мне дали ясно понять, что малыши долго не прятанет. Только поэтому я тогда и не стал возражать.

— Никто ведь не ставил себе целью, лорд Сэнджел, намеренно ввести тебя в заблуждение, — запальчиво начала Лесса.

— Не волнуйся, Сэнджел, никаких осложнений не возникнет, — дипломатично вступил в разговор Ф'лар. — У нас в Вейрах достаточно боевых драконов, так что ему не нужно участвовать в отражении атак Нитей.

— Но у нас достаточно и молодых людей благородной крови, которые готовы принять на себя управление холдом, — воинственно выпятив подбородок, заявил Сэнджел. «Нет сомнений, что старина Сэнджел попал в самую точку», — восхитившись собственной проницательностью, подумал Робинтон.

— Но не руатанской крови, — отрезала Лесса, ее серые глаза метали молнии. — Став Госпожой Вейра, я уступила Джексону свои наследственные права на холд лишь потому, что он был единственным ребенком, в чьих жилах текла кровь лордов Руата! Теперь ты хочешь, чтобы по всему материку прокатилась волна кровопролитных поединков между младшими сыновьями лордов за право владеть Руатом? Так знай, пока я жива, этому не бывать! Джексон останется полноправным хозяином Руата, и он никогда не станет боевым всадником!

— Я просто хотел внести ясность, — пробормотал Сэнджел, прячась в тень, подальше от испепеляющего взгляда, которым наградила его Лесса. — Но тебе, госпожа моя, при-

дется все же признать, что полеты на драконах — пусть даже без участия в битвах с Нитями — довольно опасная штука. Я слышал об одном юном всаднике с Плоскогорья...

— За Джексомом будут присматривать, — обещал Ф'лар, со значением посмотрев в сторону Н'тона. — Он никогда не полетит сражаться с Нитями, — слишком велика опасность.

— Джексом по натуре своей осторожный мальчик, — вступил в разговор Лайтол. — К тому же, мне удалось воспитать в нем чувство ответственности.

Робинтон увидел, как Н'тон поморщился.

— Ты хочешь сказать, Н'тон, что он чересчур осторожен? — осведомился Ф'лар, от которого тоже не укрылась недовольная гримаса молодого Предводителя Форта.

— Пожалуй, — тактично ответил Н'тон, бросив на Лайтола извиняющийся взгляд. — Хотя лучше, наверное, будет сказать, что он слишком замкнутый. Я никого не хочу обидеть, Лайтол, но сегодня я заметил, что мальчику... ну, ему не хватает общества сверстников. Конечно, дело еще и в том, что у него есть свой дракон. Ведь ребятам его возраста не позволяют проходить Запечатление с файрами, поэтому мальчикам холда не понятны его заботы.

— Что, опять Дорс его дразнил? — спросил Лайтол, пощипывая подбородок.

— Так, значит, это для тебя не новость? — с облегчением сказал Н'тон.

— Ну, разумеется, нет. Это одна из причин, Ф'лар, по которой я так настаивал, чтобы мальчику позволили летать. Теперь он сможет бывать в других холдах, где есть мальчики его возраста и звания.

— Но ведь у тебя здесь тоже есть воспитанники? — восхлинула Лесса, обводя взглядом зал, как будто присутствие юных обитателей холда до сих пор по каким-то неведомым причинам ускользнуло от ее внимания.

— Я как раз собирался на половину Оборота послать Джексома воспитанником в какой-нибудь из великих холдов, но тут случилась эта история с Рутом... — Лайтол развел руками в знак того, что его планам не суждено было осуществиться.

— Я вовсе не хочу, чтобы Джексом оставил Руат и отправился куда-то на воспитание, — хмуро возразила Лесса. — Ведь он, как-никак, последний в роду...

— Мне тоже это не нравится, — признался Лайтол, — но великие холды должны обмениваться воспитанниками.

— Совсем необязательно, — заявил лорл Грох, хлопнув Лайтола по плечу. — А по правде сказать, было бы большим облегчением отказаться от этого правила. У меня есть паренек такого же возраста, как Джексом, которого предстоит послать на воспитание. Так вот, я бы с превеликим удовольствием не брал никого взамен. Когда я вижу, сколько сил ты вложил в Руат, чтобы привести его в порядок и вернуть холду былую славу, то каждый раз убеждаюсь: ты отлично выучишь моего парня, как нужно управлять холдом. Если, конечно, у него будет, чем управлять, когда он достигнет совершеннолетия.

— Я бы тоже не прочь поднять этот вопрос, — подступая к Ф'лару, заявил лорд Сэнджел. Он выразительно посмотрел на Гроху, ожидая поддержки. — Что делать нам, правителям холдов?

— В каком смысле? — озадаченно спросил Ф'лар.

— Он имеет в виду младших сыновей лордов, — услужливо подсказал Робинтон. — Ведь ни в Южном Болле, ни в Форте, ни в Исте, ни в Айгене — я называю владения лордов, каждый из которых имеет целый выводок подающих надежды сыновей, — нет больше холдов, которыми они могли бы управлять.

— Я о Южном материке, Ф'лар, — когда, наконец, придет его черед? — спросил Грох. — Может, Торику, который остался в Южном холде, как раз не хватает предприимчивого, энергичного и честолюбивого парня, а может, и двоих-троих?

— Южный материк — вотчина Древних, — непреклонно проговорила Лесса. — Там их бездействие никому не принесет вреда — ведь земли Южного защищают личинки.

— Госпожа, я прекрасно помню, где обитают Древние, — вскинув брови, ответил Грох. — Для них это действительно лучшее место, где они никому не мешают, делают все, что им заблагорассудится и не притесняют честный люд. — Робинтон отметил, что Грох говорит на удивление беззлобно, если

учесть, как страдал Форт холд во времена безответственного владычества Т'рона в Форт Вейре.— Суть в том, что Южный обширен и заселен личинками, так что нет особой разницы, летают ли Древние сражаться с Нитями или нет — все равно опасаться нечего.

— А тебе случалось оказаться вне стен холда, когда вокруг падают Нити? — спросил лорда Гроха Ф'лар.

— Мне? Ну, нет! Что я, спятил, что ли? Все дело в ораве мальчишек, которые только и знают, что драться по поводу и без повода... Хорошо еще, что они пускают в ход только кулаки, но мне уже пришлось затупить все оружие в доме. И потом, они поднимают такой гвалт, что впору скрыться от них в Промежутке либо еще дальше! Я прекрасно тебя понимаю, Предводитель, — мрачно добавил Грох, барабаня пальцами по широкому поясу. — Все не так-то просто, не правда ли? Мы не можем жить без холдов. Но разве Торик не собирается расширять свои владения? Что-то ведь нужно делать и для молодых наследников? И не только в моем холде... Что скажешь, Сэнджел?

Робинтон увидел, что Ф'лар несколько растерялся и быстро пришел ему на помощь.

— Не позволите ли мне внести предложение? — Судя по тому, с какой готовностью Ф'лар дал ему слово, Предводитель был явно рад вмешательству арфиста. — Так вот, половину Оборота назад Бенелек, пятый сын лорда Гроха, придумал, как можно усовершенствовать орудия для жатвы. Кузнец Форта сказал, что эта мысль наверняка заинтересует Фандарела. И он не ошибся. Юный Бенелек отправился в Телгар, чтобы получить там специальную подготовку и уговорил сына одного из лордов с Плоскогорья составить ему компанию — у того паренька тоже оказалась техническая жилка. Короче говоря, теперь в цехе кузнецов учатся восемь сыновей правителей холдов, и все они проявили отличные способности к ремеслу.

— Ну и что же ты предлагаешь, Робинтон?

— Безделье — вот корень всех пороков. Нужно набрать для обучения группу молодежи из всех холдов и мастерских — пусть лучше обмениваются идеями, чем тумаками.

— Им нужны земли, а не идеи! — буркнул Грох. — Так как насчет Южного?

— Разумеется, этот вариант тоже стоит рассмотреть, — сказал Робинтон, как бы не замечая настойчивости Гроха. — Ведь Древние тоже не вечно.

— Сказать по правде, лорд Грох, мы не имеем ничего против расширения холдов южного материка, — произнес Ф'лар. — Все дело в том, чтобы...

— Правильно выбрать время, — закончила за него Лесса, увидев, что он замялся. Глаза Госпожи Бендана сверкнули странным огоньком, и арфист понял: у нее есть свои соображения на сей счет.

— Надеюсь, нам не придется ждать до конца Прохождения, — брюзгливо заметил Сэнджел.

— Нет, мы не нарушим свое слово, — ответил Ф'лар. — Ты же помнишь, Вейры решили начать исследование южного материка...

— Вейры решили покончить с Нитями, а заодно и с Алой Звездой! — все больше распаляясь, отрезал Сэнджел.

— У Ф'нора и Канта еще не зажили раны от встречи со Звездой, — с негодованием напомнила ему Лесса. Надо же, этот умник вздумал критиковать Вейры!

— Госпожа, Ф'лар, Ф'нор, я никого не хотел обидеть, — с плохо скрытым недовольством пробубнил Сэнджел.

— Вот вам еще один повод обучать молодежь — пусть ищут новые пути, — поспешил вставить Робинтон, стараясь отвлечь Сэнджела.

Главный арфист был совершенно удовлетворен — Сэнджел повел себя наилучшим образом. Ведь еще недавно старые правители холдов упрямо твердили: будь у всадников такое желание, они наверняка сумели бы выжечь Нити в самом зародыше — на Алой Звезде, и таким образом навсегда покончить с бедствием, которое привязывало людей к скалам и пещерам. Но пока хватит об этом. И арфист быстро перевел разговор на другую тему.

— Мастер Арнор, мой летописец, скоро совсем ослепнет, силясь расшифровать рассыпающиеся в прах Записи. Он справляется неплохо, но иногда мне приходит в голову

мысль, что он понятия не имеет, о чем в них говорится, а потому беспощадно перевирает непонятные слова. Фандарел тоже предупреждал об этом. Он твердо уверен, что многие несообразности в старых Записях — следствие ошибок при переписке. Будь у нас переписчики, знакомые с содержанием Записей...

— Я хотел бы, чтобы Джексом этому поучился, — перебил его Лайтол.

— Я очень надеялся, что ты это предложишь.

— Не забудь, что ты обещал взять к себе моего сына, — напомнил Грох.

— Но если Джексом...

— А почему бы не сделать и то, и другое? — предложил Робинтон. — Можно взять несколько мальчиков того же возраста и положения, что и Джексом — пусть воспитываются здесь, в Руате, где он должен учиться управлять холдом. Но парню полезно также ознакомиться с разными ремеслами в иной компании, вместе с молодыми подмастерьями, к примеру.

— Пир после голодной зимы? — заметил Н'тон так тихо, что его услышали только Робинтон и Менолли. — Кстати, о пирах — вот и наш виновник торжества!

Джексом в нерешительности остановился на пороге, но потом, вспомнив о правилах хорошего тона, отвесил гостям поклон.

— С Рутом все в порядке, Джексом? — приветливо спросила Лесса, жестом приглашая мальчика подойти поближе.

— Да, моя госпожа.

— А мы тут без тебя кое-что придумали, — с улыбкой продолжала она, поймав его непонимающий взгляд.

— Ты ведь знаком с моим сыном Хороном — ему столько же лет, сколько и тебе? — спросил Грох.

Джексом удивленно кивнул.

— Он будет воспитываться у вас, так что у тебя будет приятель.

— А может быть, что и не он один, — добавила Лесса. — Ты рад?

Робинтон заметил, как недоверчиво расширились глаза мальчика. Он перевел взгляд с Лессы на Гроха, потом на Лайтола и не спускал глаз с опекуна, пока тот не соблаговолил торжественно кивнуть.

— Как насчет того, чтобы наведаться в мою мастерскую, когда Рут освоит все полетные премудрости? — спросил Робинтон. — Вот увидишь, я научу тебя таким вещам, о которых твой Лайтол знатъ не знает!

— О! — Джексон снова остановил взгляд на Лайтоле. — Неужели все это — правда? — в голосе мальчика звенели облегчение и неподдельная радость.

ГЛАВА 2

*Вейр Бенден;
тринадцатый оборот с начала Прохождения.*

Над Бенденом сгущались сумерки. Робинтон взбирался по лестнице, ведущей в королевский вейр — этот путь за последние тринадцать оборотов он проделывал бесчисленное количество раз. Арфист остановился передохнуть, а заодно и перемолвиться словом со своим спутником.

— Мы правильно рассчитали время, Торик. Вряд ли кто-нибудь заметил наше появление. А Н'тона, конечно, расспрашивать не станут, — сказал он, кивнув в сторону едва различимого в полумраке силуэта вождя Форта, который пересекал чашу Вейра, направляясь к освещенным Нижним Пещерам.

Но Торик смотрел в другую сторону. Взгляд его был прикован к карнизу, где восседал бронзовый Мнемент. Мерцающие в полумраке фасеточные глаза дракона пристально разглядывали прибывших. Увидев бронзового гиганта, Заир, файр Робинтона, вцепился острыми коготками в ухо хозяина и крепко обвил хвостом его шею.

— Не бойся, Заир, он тебя не тронет, — шепнул Робинтон, надеясь, что его слова успокоят и правителя Южного холда; судя по выражению лица, Торик был совершенно ошеломлен.

— Да ведь он почти вдвое крупнее любого дракона Древних, — почтительно понизив голос, произнес Торик. — А я-то думал, что больше Н'тонова Лиота не бывает!

— Пожалуй, Мнемент самый крупный из бронзовых, — сказал Робинтон, одолевая последние ступеньки. Он снова почувствовал знакомую боль в груди... а он-то надеялся, что вынужденный отдых на море поможет одолеть эту хворь! Нет, придется все же посоветоваться с мастером Олдайвом...

— Добрый вечер, Мнемент! — поднявшись на верхнюю площадку, он поклонился бронзовому. — Мне всегда кажется, что как-то невежливо прошмыгнуть мимо, не поздоровавшись, — шепнул он Торику. — А это мой друг Торик — Ф'лар и Лесса ожидают его.

«Знаю. Я уже передал им, что вы идете».

Робинтон откланялся. Он никогда заранее не питал надежд, что дракон пожелает ответить ему, и если это случалось, испытывал почти детское чувство боязливого и восторженного удивления. Сейчас он не стал передавать Торику слова дракона. Видно, парень и без того оробел.

Прячась за спиной у Робинтона, глава Южного поспешил к широкому короткому проходу, ведущему в Вейр.

— Пожалуй, лучше предупредить тебя заранее, — сказал арфист, стараясь не рассмеяться, — что Рамота еще больше!

Раздавшееся было в ответ ворчание Торика перешло в возглас изумления — проход открывался в огромную, высеченную в скале пещеру, служившую спальней королеве Бендана. Она почивала на своем каменном ложе, вытянув по направлению к вошедшем узкую клиновидную голову. В отблесках озарявшего вейр света ее шкура сияла расплавленным золотом.

— Хвала небесам, Робинтон, ты вернулся в добром здравии! — воскликнула Лесса, подбегая к арфисту. Ее лицо, живое, подвижное, осветилось радостной улыбкой. — А как загорел-то!

И вдруг, к удивлению и восторгу Робинтона, она порывисто обняла его.

— Стоит, пожалуй, почаше исчезать в морских просторах! — ему удалось произнести это довольно непринужденно, сопровождая слова бесшабашной улыбкой, хотя сердце так и норовило выпрыгнуть из груди — он еще ощущал трепет припавшего к нему стройного тела Лессы.

— Только попробуй! — она наградила его взглядом, в котором слились воедино гнев, облегчение и обида, и тут же ее лукавое лицико приняло выражение поистине королевского достоинства — Лесса обратилась ко второму гостю. — Рада видеть тебя, Торик, и поблагодарить за спасение нашего славного Мастера.

— Но я ничего особенного не сделал, — удивленно проговорил Торик. — Просто ему здорово повезло. Редкая удача — уцелеть в таком штурме.

— Не зря же Менолли выросла в Морском! — арфист откашлялся, вспоминая часы сурового испытания. — Только благодаря ей нам удалось удержаться на плаву. Хотя бывали минуты, когда я предпочел бы расстаться с жизнью!

— Выходит, Робинтон, моряк из тебя не получился! — посмеиваясь, заметил Ф'лар. Пожимая руку южанину, он другой радостно хлопнул арфиста по плечу.

Робинтон внезапно сообразил, что здесь, в Бендене, о его приключении уже известно всем. Это льстило ему и, в то же время, он был слегка уязвлен. Спору нет, во время шторма взбунтовавшийся желудок позволял думать лишь о том, как бы пережить очередной вал, готовый сокрушить легкое суденышко. Тогда, наблюдая за уверенными действиями Менолли, он не понимал, сколь бедственным было их положение. Только потом до Робинтона дошло, что они чудом избежали гибели. Неужели Менолли скрывала свой страх, чтобы не упасть в его глазах? Ее морские навыки спасли их; она умудрилась почти целиком сохранить основательно потрепанный белый парус, в нужный момент выбросила якорь, крепко-накрепко привязала Робинтона к мачте, когда он совсем ослаб от изнурительных приступов морской болезни.

— Да, Ф'лар, мореход из меня никудышный, — вздрогнув от невеселых воспоминаний, согласился арфист. — Пусть этим занимаются люди, рожденные для мореплавания.

— А ты впредь следуй их советам, — буркнул Торик. Он кивнул в сторону арфиста. — Оказывается, у него начисто отсутствует предчувствие погоды. Ну, а Менолли недооценила силу Западного течения в это время года. — Он пожал плечами, искренне возмущенный подобной непредусмотрительностью.

— Вот почему вас отнесло так далеко от Южного! — восхликал Ф'лар, жестом приглашая гостей к круглому столу, стоявшему в углу просторного помещения.

— Во всяком случае, мне так объяснили, — пробормотал Робинтон, морщась при одном воспоминании о долгих нотациях, которые ему пришлось выслушать. Течения, приливы, дрейфы, ветры — его так напичкали этими морскими премудростями, что и до конца жизни не переварить!

В ответ на ворчливый тон арфиста, Лесса рассмеялась и налила ему вина.

— А вот известно ли вам, — спросил он, бережно покачивая в ладонях вместительную чашу, — что на борту не оказалось ни капли вина?

— Не может быть! — в комическом ужасе вскричала Лесса. Ей вторил смех Ф'лара. — Как же ты перенес такие лишения?

Робинтон с наслаждением сделал глоток и перешел к непосредственной цели своего визита.

— Однако, наше приключение принесло свои плоды. Южный материк, дорогие мои предводители, гораздо обширнее, чем мы предполагали. — Он взглянул на Торика, и тот достал карту, которую срочно скопировал с большого портулана, хранившегося в его холде. Ф'лар с Лессой предупредительно взялись за углы, помогая расправить жесткую кожу. Северный материк был изображен во всех подробностях, как и исследованная часть южного. Робинтон указал на выступающий рог полуострова, на котором располагались Южный Вейр и холд Торика, потом провел рукой направо и налево от этого ориентира, где побережье и значительная часть материка, ограниченная двумя реками, пестрели топографическими пометками. — Торик не дремал. Видите, сколько новых сведений о местности собрано здесь со времени последних разведок Ф'нора?

— Я спросил у Т'рона разрешения продолжить эту работу, — на лице южанина мелькнули неприязнь и презрение. — Он, едва выслушав меня, заявил: можешь делать все, что угодно, лишь бы Вейр получал вдоволь мяса и свежих фруктов.

— Получал? — воскликнул Ф'лар. — Да ведь там достаточно отойти от хижин на несколько драконьих длин, чтобы самому взять что душе угодно!

— Они порой так и поступают. Но я предпочитаю, чтобы их снабжали мои люди... тогда они нас не трогают.

— Не трогают? — возмущенно переспросила Лесса.

— Вот именно, госпожа, — в ответе Торика явственно прозвенел металл. Он снова обратился к карте. — Моим лю-

дям удалось проникнуть вглубь материка до сих пор, — гла-
ва Южного чиркнул ногтем по карте. — Продвигаться даль-
ше очень трудно. Везде непролазные заросли, самый острый
нож через час работы никуда не годится. В жизни не видел
столько зелени! Мы знаем, что где-то здесь начинаются хол-
мы, а за ними тянется горный хребет, — он снова постучал
по карте, указывая нужное место, — но я просто не представ-
ляю, сколько времени пришлось бы туда пробиваться по су-
ше. Так что мы стали вести разведку вдоль побережья, обна-
ружили вот эти две реки и поднялись вверх по течению,
насколько было возможно. Западная река заканчивается
низменным заболоченным озером, а юго-восточная — водо-
падом высотой в шесть или семь длин дракона. — Торик
выпрямился, сумрачно обозревая узкую полоску иссле-
данной суши. — Думаю, что не ошибусь, если скажу: пусть
даже к югу от этого хребта ничего нет, все равно только уже
разведанные земли вдвое больше Южного Болла или Тилле-
ка!

— Разве сâмим Древним не интересно изучить свои вла-
дения? — Робинтон почувствовал, что Ф'лар не одобряет по-
добного равнодушия.

— Нет, мой господин, им все равно. А у меня, честно говоря,
не хватает ни людей, ни сил, чтобы заниматься этим, — То-
рик похлопал по пергаментной карте, — если мы не найдем
более доступного способа преодолеть непроходимые заросли.
Сейчас у меня ровно столько земли, сколько я могу обраба-
тывать; к тому же, я должен быть уверен, что все мои люди
надежно защищены от нападения Нитей. — Он помолчал.
Хотя Робинтон догадывался, чего не договаривает Торик,
арфист хотел, чтобы предводители Бендена узнали о забо-
тах предпримчивого южанина от него самого.

— Наши всадники не особо тревожатся из-за этого, —
продолжал хозяин Южного.

— Что ты сказал? — взорвалась Лесса, но Ф'лар незамет-
но коснулся ее руки и кивнул головой.

— Я так и думал.

— Да как они смеют? — не унималась Лесса, ее серые
глаза сверкали гневом. Рамота пошевелилась на своем ложе.

— Вот так и смеют, — ответил Торик, с опаской косясь на королеву.

Робинтон видел, что Торик доволен тем, с каким возмущением восприняла Лесса весть о преступной небрежности Древних.

— Но что... что... — она даже захлебнулась от негодования.

— И ты справляешься, Торик? — спросил Ф'лар, твердым пожатием руки успокаивая подругу.

— Научился, — ответил южанин. — Отнеметов у нас хватает — Ф'нор позаботился, чтобы их оставили нам. Мы уничтожаем всю траву в холдах, а во время Падения загоняем скот в каменные конюшни, — он неуверенно пожал плечами и едва заметно усмехнулся, увидев пылающее гневом лицо Госпожи Бендана. — Пусть от них нет никакого проката, но ведь и вреда тоже нет. Не тревожься, Лесса. Мы с ними справимся.

— Не в этом суть, — сердито бросила Лесса. — Ведь они всадники, они дали клятву защищать...

— Вы потому и отправили их на юг, что они не сдержали своей клятвы, — напомнил Торик. — И еще чтобы они не могли здесь вредить людям.

— Все равно, это не дает им никакого права...

— Я уже сказал, Лесса: они нам не мешают. И мы прекрасно обходимся без их!

Скрытый вызов, прозвучавший в словах Торика, заставил Робинтона затянуть дыхание. Он знал крутой нрав Лессы.

— Может ли Север вам чем-нибудь помочь? — спросил Ф'лар, чтобы как-то разрядить обстановку.

— Я надеялся, что вы спросите об этом, — усмехнувшись, сказал южанин. — Знаю, вы не можете нарушить слово чести, пытаясь как-то повлиять на Древних в Южном. Я и не собирался просить об этом, — поспешил добавил он, увидев, что Лесса снова собралась возразить. — Просто у нас многоного не хватает... например, кованого металла и частей к огнеметам — кузнец говорит, что только сам Фандарел может их изготовить.

— Я позабочусь, чтобы вы получили все, что нужно.

— Еще я хотел бы, чтобы моя сестра Шарра поучилась у лекаря, про которого мне рассказывал арфист, у мастера Олдайва. У нас встречаются странные виды лихорадок и неизвестные инфекции.

— Конечно, пусть приезжает, — не раздумывая, согласилась Лесса. — А наша Манора прекрасно разбирается в лечебных отврах.

— И еще... — Торик в нерешительности посмотрел на Робинтона; тот, ободряюще улыбнувшись, сделал ему знак продолжать. — Если у вас есть предпримчивые люди, желающие перебраться в мой холд, я, пожалуй, смог бы их принять, не ставя в известность Древних. Только для начала немного — места у нас хватит на всех, но некоторые чувствуют себя не в своей тарелке, если не видят в небе драконов, когда Нити начинают падать.

— Ну что ж, — произнес Ф'лар так бесшабашно, что арфист с трудом удержался от смеха, — надеюсь, найдется несколько смельчаков, готовых присоединиться к тебе.

— Вот и отлично. Если все пойдет, как надо, то с наступлением холодного сезона можно будет подумать и о том, чтобы провести исследования обеих рек в верхнем течении.

— Но ты, кажется, говорил, что это невозможно... — начал Ф'лар.

— Нет, почему же... просто нелегко, — ответил Торик и с улыбкой добавил, — у меня найдутся желающие продолжить дело, несмотря на все трудности. Да я и сам хотел бы знать, что там, дальше.

— Наши желания совпадают, — сказала Лесса, — тем более, что Древние не бессмертны.

— Эта мысль меня часто утешает, — заметил Торик. — Вот только... — он замолчал и, прищурившись, оглядел предводителей Бендана.

До сих пор смелость Торика восхищала Робинтона. Арфист был вполне доволен, что убедил южанина предложить как раз то, в чем Север больше всего нуждался — место, куда могли бы переселиться независимые и способные люди, не имевшие никаких шансов получить холды в родных краях. Манеры рослого южанина приятно удивили и арфиста, и

предводителей Бендена — в них не чувствовалось ни приниженности или раболепства, ни требовательной агрессивности. Торик стал независимым — и весь секрет заключался в том, что рядом не оказалось людей, которым он мог бы передоверить ответственность — ни всадников, ни цеховых мастеров, ни властителей холдов. И, поскольку он выжил, то стал верить в свои силы; теперь он знал, чего хочет и как добиться желаемого результата. Он обращался к Лессе и Ф'лару, как к равным.

— Есть одно обстоятельство, которое мне хотелось бы выяснить.

— В чем же дело? — подбодрил его Ф'лар.

— Что будет с Южным, со мной, с моими людьми, когда не останется никого из Древних?

— Я бы сказал, что вы вполне заслужили право распоряжаться своим холдом, — не спеша вымолвил Ф'лар, сделав заметное ударение на последних словах. — То, что вам удалось отвоевать у джунглей, — несомненно, ваше!

— Отлично! — одобрительно кивнул Торик, по-прежнему не спуская глаз с Ф'лара. Внезапно его дочерна загорелое лицо расплылось в улыбке. — Я уж и забыл, какие вы, северяне. Буду ждать пополнения...

— А они тоже получат в собственность то, что отвоюют? — вставил Робинтон.

— Получат столько земли, сколько смогут поднять, — сдержанно ответил Торик. — Только не нужно заваливать Южный добровольцами. Им надо будет пробраться туда тайком, чтобы не заметили Древние.

— И сколько же человек смогут прошмыгнуть к вам таким образом?

— Ну, на первый раз, шесть-восемь. Потом, когда мы отведем и расчистим для них землю, сделаем второй заход, — он ухмыльнулся. — Первые должны построить жилища — до того, как прибудут остальные. Но в Южном места хватит всем.

— Это утешает — ведь у меня самого есть виды на Южный, — сказал Ф'лар. — Напомни-ка, Робинтон, как далеко на восток вам с Менолли удалось забраться?

— Хотел бы я знать! Помню, где мы были, когда разразился шторм. Более красивого места я еще не встречал — правильный полукруг, образованный белым песчаным берегом, и далеко-далеко в глубине — огромная бурая гора прямо по центру бухты...

— Но ведь вы возвращались вдоль берега, не так ли? — теряя терпение, настаивал Ф'лар. — И что же вы видели?

— Берег, — туманно ответил Робинтон. — Вот и все, что я могу сказать... — он взглянул на Торика, посмеивавшегося над его растерянностью. — У нас было две возможности: плыть у самого берега — но Менолли заявила, что это опасно, поскольку мы не знаем ни рифов, ни мелей, — либо по дальше, придерживаясь Западного течения, чтобы оно ненесло нас обратно в бухту. Значит, хотя судно шло вдоль берега, он был слишком далеко, чтобы я мог что-нибудь разглядеть.

— Обидно! — Ф'лар был явно разочарован.

— И да, и нет, — ответил Робинтон. — Нам потребовалось девять дней на обратный путь. Целых девять дней, подумай только! Там действительно хватит земли на всех... Торику надо лишь исследовать эти места.

— Я готов выступить, как только получу все необходимое...

— А как мы отправим тебе груз? — спросил Ф'лар. — Не стоит, пожалуй, посыпать его с драконами, хотя так было бы легче и удобнее всего.

Фыркнув, Робинтон подмигнул собеседникам:

— Если дело за этим, то разве не может еще какой-нибудь корабль заблудиться к югу от холда Иста? Недавно я переговорился словом с мастером Идароланом, и он сетовал, что в этот Оборот часто штормит.

— Так вот, значит, каким манером вы оказались на юге? — осведомилась Лесса.

— А как иначе? — с невинным видом ответил Робинтон. — Менолли решила научить меня управляться с парусом, а тут совершенно неожиданно налетел шторм и унес нас прямехонько в гавань к Торику. Разве не так, а, Торик?

— Тебе виднее, арфист!

Глава 3

*Утро в холде Рут и мастерской кузнецов холда
Телгар;
пятнадцатый Оборот с начала Прохождения,
девятый день пятого месяца.*

Джексом с такой силой стукнул кулаком по тяжелому деревянному столу, что подпрыгнула посуда.
— Хватит, — произнес он посреди ощеломленной тишины и, поднявшись, расправил широкие плечи. — Хватит, я вам сказал!

Как Джексом с удовольствием вспоминал позже, он не унзился до крика, но голос его, усиленный долго сдерживаемым гневом, гулко прокатился под сводами зала. Прислуга, появившаяся в дверях с кувшином горячего кла, в изумлении застыла на месте.

— Я — лорд этого холда, — продолжал Джексом, смерив взглядом своего молочного брата Дорса. — И еще, я — всадник Рута, а он, как известно, дракон. — Джексом перевел взгляд на Бранда, старшего дворецкого, у которого от неожиданности даже челюсть отвисла. — Рут, — взгляд юноши скользнул по озадаченному лицу Лайтоля, — с самого рождения неизменно пребывает в добром здравии, — Джексом бросил взгляд на четверых воспитанников, но они слишком недавно прибыли в Рут, чтобы иметь собственное мнение. — Так что сегодня, — сказал он, в упор глядя на свою кормилицу Дилану, от чего нижняя губа бедняжки мелко задрожала, — я отправляюсь в мастерскую кузнецов, где, как вам всем прекрасно известно, мне будут обеспечены питание и уход, отвечающие моим потребностям и званию. А потому, — он обвел взглядом всех собравшихся за столом, — прошу в моем присутствии больше не поднимать вопрос, возникший во время нашей сегодняшней беседы. Надеюсь, я выразился достаточно ясно?

Не дожидаясь ответа, он вышел из зала. В душе его боролись ликование — наконец-то он сказал свое слово! — и недовольство собственной персоной — все-таки дал волю.

гневу! Джексом услышал голос Лайтола — тот просил его вернуться, — но сегодня призыв опекуна впервые не возымел действия.

На этот раз Джексом не вздумает приносить извинения. Подобных случаев накопилось слишком много и до сих пор он мужественно сносил все обиды или старался их не замечать — на что были свои причины. Но сегодня его терпению пришел конец! Сейчас Джексом хотел только одного: расстаться, наконец, со своим унизительным положением, со своим слишком разумным и ревностным опекуном и всей этой несносной публикой, злоупотребляющей тем, что он вынужден постоянно находиться в их кругу.

Уловив недовольство своего всадника, Рут стремительно появился на пороге старой конюшни, служившей ему вейром. Расправляя просвечивающие на солнце крылья, белый дракон бросился к другу, готовый утешить и ободрить.

Со вздохом, в котором звучало сдавленное рыдание, Джексом взобрался ему на шею и велел взлетать. Как раз в этот миг в массивных дверях холда появился Лайтол, и он поскорее отвернулся. Теперь, не особенно погрешив против истины, он может сказать, что не видел знаков опекуна.

Сильными взмахами крыльев Рут стремительно набирал высоту. Более легкий, чем большие драконы, он взлетал гораздо быстрее их.

— Ты — лучший из драконов, Рут! Слышишь? Лучший! Ты опережаешь их во всем! — Крамольные мысли захлестывали Джексома и, отвечая его настроению, Рут дерзко затрубыл.

С огненных высот ему ворчливо ответил потревоженный сторожевой дракон, и сразу же вокруг Рута невесть откуда возникли все руатские файры. Кружась и кувыркаясь в воздухе, они взволнованно чирикали, приветствуя своего любимца.

Поднявшись над руатскими скалами, Рут нырнул в Промежуток, безошибочно держа курс на горное озеро, их тайное прибежище.

Пронизывающий холод Промежутка, каким бы коротким он ни был, остудил пыл Джексома. Юноша поежился — на нем была только легкая куртка без рукавов, — но Рут уже плавно снижался к берегу.

— Полнейшая и совершеннейшая несправедливость! — воскликнул Джексом и с такой силой стукнул кулаком себя по бедру, что даже Рут почувствовал удар и фыркнул.

«Да что с тобой сегодня?» — спросил дракон, приземляясь у самой воды.

— Все — и ничего!

«В смысле?» — рассудительный Рут хотел знать конкретно. Он повернул голову, разглядывая всадника.

Джексом соскользнул с бархатистой белой спины и, обняв дракона за шею, притянул к себе его клиновидную голову, ища у друга утешения.

«Почему ты позволил им вывести себя из терпения?» — спросил Рут, глаза его вращались, сияя любовью и преданностью.

— Хороший вопрос, — ответил Джексом, немного поразмыслив. — Они, знаешь ли, большие мастера в таких делах, — он засмеялся. — Пожалуй, тут должна была бы сработать непредвзятость мнений, о которой любит говорить Робинсон, — однако ж, ничего подобного!

«Главного арфиста все уважают — он такой мудрый...» — ощущив неуверенность в тоне Рута, Джексом рассмеялся.

Ему всю жизнь твердили, что драконы не способны усваивать абстрактные понятия и прослеживать сложные взаимосвязи событий. Однако Рут так часто ставил его в тупик своими замечаниями, что Джексом начал сомневаться в справедливости утверждений своих учителей. Драконы, особенно Рут — к своему другу Джексом не мог относиться непредвзято — очевидно, понимали гораздо больше, чем полагали их всадники — даже такие, как Ф'лар и Лесса, вожди Вейра, и даже такие, как Н'тон.. Вспомнив о нем, Джексом решил, что теперь у него есть особый повод навестить Фандарела, Главного мастера кузнецов. Там будет

Н'тон — по случаю предполагавшегося выступления Вансона. И Джексон чувствовал, что из всех всадников только предводитель Форта может помочь ему.

— Клянусь Скорлупой! — Джексон яростно пнул камешек; подняв волны, тот скользнул по водной глади и исчез в глубине.

Робинсон часто использовал этот пример — волны на воде — чтобы показать, как самое ничтожное действие порождает множество разнообразных последствий. Джексон фыркнул — интересно, сильное ли волнение поднялось сегодня утром после того, как он умчался из холда? Шторм, буря или даже тайфун? Но почему от так разошелся на этот раз? День начинался как обычно — с порядком надоевших шуточек Дорса по поводу файлов-переростков, с традиционных распросов Лайтоля о здоровье Рута — как будто за ночь оно могло катастрофически ухудшиться, — и с нелепых рассказов Диланы — мол, в Телгаре, в мастерской кузнецов, гостей морят голодом.

Докучливая опека кормилицы стала с недавних пор раздражать Джексона, особенно когда эта добрая душа изливалась на него свои заботы на глазах у родного сына, Дорса, которого это неизменно злило. Словом, вполне обычная, набившая оскомину тягомотина, с которой начиналось в Руате каждое утро. Почему же сегодня все это заставило его в ярости выскочить из-за стола, покинуть холд, которым он по праву владел, бежать от людей, находившихся — теоретически — в полной его власти?

Рут здесь был ни при чем, совершенно ни при чем.

«С мной все в порядке, — заявил Рут и, помолчав, печально добавил, — только вот поплавать я не успел».

Снисходительно улыбнувшись, Джексон погладил мягкие надбровья.

— Извини, тебе я тоже испортил утро.

«Вовсе нет — я искупалась в озере. Здесь гораздо спокойнее, — дракончик подтолкнул Джексона носом. — И тебе здесь будет лучше».

— Будем надеяться, — Джексон не был гневлив, и теперь он досадовал на себя за столь бурное проявление чувств —

как и на тех, кто довел его до этого взрыва. — Давай лучше поплаваем. Ты же знаешь, нам надо успеть в мастерскую кузнецов.

Не успел Рут расправить крылья, как целый выводок огненных ящериц возник в воздухе над его головой. Файры оглушительно чирикали, их простенькие мысли выдавали самодовольную радость — вот какие они находчивые, так быстро обнаружили беглецов! Одна из ящерок сразу же исчезла, и Джексом снова ощущил прилив негодования. Значит, за ними следят! Так... Он уже знал, каким будет его следующий приказ, когда они вернутся в холд. За кого они его принимают — за несмышленого младенца или за одного из Древних?

И тут же юноша виновато вздохнул. Конечно, они там волниются — ведь он выскочил из зала, как бешеный. Как будто он мог улететь еще куда-нибудь, кроме этого озера! Как будто с ним или с Рутом может что-то случиться! Как будто хоть где-то на Перне можно скрыться от файров!

В нем снова заговорил гнев, но на этот раз виной тому были глупые файры. Почему из всех драконов именно Рута они избрали мишенью для своего неутолимого любопытства? Куда бы они ни направились, каждая ящерица в округе тут же заявляется поглазеть на белого дракона. Обычно их настырность забавляла Джексома — файры показывали Руту самые невероятные изображения вещей и событий, которые они помнили, и наиболее интересное дракон передавал своему всаднику. Но сегодня их проделки отнюдь не забавляли Джексома; скорее, он почувствовал только раздражение.

— Рассуждай логически, — любил наставлять его Лайтол, — и будь объективен. Нельзя повелевать другими, пока не научишься владеть собой, пока не сможешь мыслить широко, перспективно.

Юноша дважды глубоко вздохнул — Лайтол советовал всегда так делать перед любым публичным выступлением, дабы лучше сформулировать то, что собираешься сказать.

Рут парил над голубой гладью озерца, огненные ящерицы повторяли его изящные пируэты. Неожиданно он сложил крылья и нырнул. Джексом поежился — что за удовольствие плескаться в обжигающей, студеной воде, которую пита-

ли снежевые вершины Плоскогорья? Джексом и сам был не прочь освежиться, когда вокруг стояла удушливая летняя жара, но теперь, когда едва минула зима.. Он снова поежился. С другой стороны, если драконы не ощущают куда более свирепого холода Промежутка, купанье в ледяной воде озера Руту явно не повредит.

Его белый вынырнул на поверхность — по озеру заходили волны, разбиваясь у ног Джексома. Юноша лениво обрывал с ветки толстые иглы, бросая их одну за другой в набегающие волны. Вот, значит, одна из волн, последовавших за его утренней выходкой — файрам отдали приказ их разыскать.

А вот и другая — невероятное изумление, застывшее на лице Дорса. Ведь Джексом в первый раз обрезал молочного брата, и лишь мысль о том, что Лайтол будет недоволен, заставляла его так долго терпеть. Во имя Первого Яйца! Сколько лет Дорс предавался своему любимому развлечению — дразнить Джексома миниатюрным сложением Рута! Причем, он неизменно скрывал свои злобные выпады под маской дружеского подтрунивания, отлично зная, что Джексом не может достойно ответить, не получив от Лайтоля взбучки за то, что ведет себя недостойно своего титула и положения. А Дилана, мать Дорса... Джексом давным-давно вырос и не нуждался в ее хлопотливой опеке, но по доброте душевной и из благодарности к ней он никак не решался попросить Лайтоля, чтобы тот удалил кормилицу.

Почему же именно сегодня он так взвился?

Голова Рута снова вынырнула из воды, его фасеточные глаза сверкали на солнце зеленью и сияющей голубизной. Огненные ящерицы набросились на спину дракона, шершавыми языками и острыми коготками выскребая мельчайшие комочки грязи, взмахами крыльев поливая его водой, так что их кожа намокла и потемнела.

Вот зеленый файр, обернувшись, подтолкнул носом одного из пары голубых, потом шлепнул крылом коричневого, чтобы тот не отлынивал от работы. Джексом невольно рассмеялся при виде этой сценки. Зеленая ящерка принадлежала Дилене и поведением так напоминала его кормилицу, что Джексому припомнилась распространенная в Вейре поговорка: каков всадник, таков и дракон.

И в этом смысле Лайтол не сделал Джексому ничего дурного — Рут лучший дракон на всем Перне. Если только — ему, наконец, открылась истинная причина утреннего мятежа — если Руту когда-нибудь позволят им стать. И сразу же Джексома вновь охватил беспомощный гнев, разрушив все его старания мыслить беспристрастно, все то немногое, чего он добился на берегу мирного озерца. Ведь ни ему, Джексому, лорду Руатанскому, ни Руту, белому дракончику из выводка Рамоты, до сих пор не позволяли быть тем, кем они по сути своей являлись.

Джексом только назывался лордом, на самом деле Руатом управлял Лайтол; он принимал все решения и выступал в Конclave от имени холда. Джексому еще только предстояло войти в права владельца Руата, если его назначение утверждят другие лорды. Конечно, это всего лишь дань обычая — ведь на Перне больше не было мужчин руатанского рода. К тому же Лесса, единственная чистокровная руатанка, уступила свое право на холд Джексому в день его появления на свет.

Джексом знал: ему не бывать всадником, потому что он должен стать лордом Руата. Но ведь не может же он подойти к Лайтолу и сказать: «Я уже вырос и способен вести дела сам. Спасибо тебе за все и счастливого пути!». Слишком долго и самоотверженно трудился Лайтол на благо Руата, чтобы по первому требованию неопытного юнца передать холд в его руки. Для него Руат — вся жизнь. Ведь он так много потерял: сначала дракона, потом свою семью, ставшую жертвой алчности Фэкса. Теперь все его помыслы сосредоточены на Руате, на его нивах и садах, на стадах, угодьях и мастерских...

Нет, если уж быть справедливым до конца, придется подождать, пока Лайтол, обладающий отменным здоровьем, закончит свой век, и только тогда вступить в свои законные права.

Но если пока он не претендует на власть над Руатом, продолжал размышлять Джексом, почему бы им с Рутом не пройти обучение, необходимое всаднику и дракону? Ведь теперь, когда Нити падают с Алой Звезды в неурочное время, каждый боевой дракон на счету! Зачем же таскаться по полям с неуклюжим огнеметом, когда можно биться с Нитя-

ми куда более эффективно — пусть только Руту позволят жевать огненный камень! Хотя Рут вдвое меньше остальных драконов, это вовсе не значит, что он уступает им в других отношениях!

«Конечно же, нет», — ответил с озера Рут.

Джексом поморщился — он не хотел, чтобы его горькие размышления стали понятны дракончику.

«Я услышал твои чувства, а не мысли, — спокойно заметил Рут. — Ты огорчен и раздосадован, — он приподнялся над водой, отряхивая крылья, и поплыл к берегу. — Ведь я — дракон. А ты — мой всадник. И с этим никто не может ничего поделать. Оставайся самим собой. А я — и так я!».

— Легко сказать! — воскликнул Джексом. — Они не разрешают нам быть теми, кто мы есть на самом деле! Они не допускают, чтобы я стал всадником! Кем угодно — только не всадником!

«Но ты — всадник. А еще, — Рут говорил медленно, как будто сам старался во всем разобраться, — ты — владыка холда. Ты — ученик Главного кузнеца и Главного арфиста. Ты — друг Менолли, Миррим, Ф'лессана и Н'тона. Рамота тебя знает. И Мнемент тоже. И меня они тоже знают. Тебе приходится быть сразу многими людьми. Это трудно».

Джексом смотрел на Рута, а тот, в последний раз взмахнув крыльями, аккуратно сложил их на спине.

«Теперь я чистый. Мне хорошо», — заявил дракон таким тоном, как будто это должно было разрешить все снедавшие Джексома сомнения.

— Что бы я делал без тебя, Рут?

«Не знаю. Тебя хочет видеть Н'тон. Он был в Руате и отправился в Телгар. Коричневый малыш, который только что прилетал сюда, принадлежит Н'тону».

У Джексома перехватило дыхание. Уж Рут-то лучше всех знает, какой файр — чай. Сам он решил, что коричневый принадлежит кому-то из обитателей Руата.

— Что же ты мне раньше не сказал? — Джексом торопливо взгромоздился на шею Рута. Н'тон уже в Телгаре! Как раз

сейчас, когда он так хотел поговорить с ним! Неудобно получилось... Он заставляет ждать Предводителя Вейра... У Н'тона наверняка не слишком много свободного времени.

«Мне хотелось поплавать, — ответил Рут. — А в Телгармы не опаздаем. — Едва Джексом уселся, как белый сразу же взмыл ввысь. — Мы не заставим Н'тона ждать», — Джексом раскрыл рот, собираясь напомнить Руту, что им еще не разрешается путешествовать во временном Промежутке, но они уже висели в мрачной бездонной пустоте.

— Послушай, Рут, а вдруг Н'тон поймет, что мы сделали скачок во времени? — стуча зубами, спросил Джексом в тот миг, когда они вынырнули из Промежутка прямо в жаркий телгарский полдень и повисли над массивными зданиями кузнечной мастерской.

«Он не станет спрашивать».

«До чего же самоуверен! — подумал Джексом. — Конечно, ведь не ему Н'тон устроит головомойку! Каждый всадник знает, как опасны такие путешествия...»

«А я всегда знаю, в какое время отправляюсь, — без малейшего смущения ответил Рут. — Немногие из драконов обладают таким чутьем».

Не успели они сделать круг над владениями Фандарела, как огромный бронзовый Лиот возник из воздуха прямо над ними.

— Вот это точность! — восхитился Джексом. — Как ты ухитрился так рассчитать время?

«Совсем просто, — с нарочитой небрежностью заявил Рут. — Я узнал, когда коричневый файр вернулся к Н'тону — и полетел прямо в это “когда”».

Джексому было известно, что драконы не умеют смеяться, но исходившее от Рута чувство не оставляло повода для сомнений. Белый веселился — словно мальчишка, стянувший самый спелый плод с кухонного стола.

Лиот парил в воздухе рядом с Джексомом, и юный лорд мог рассмотреть выражение лица бронзового всадника — Н'тон улыбался во весь рот. Странно... Кажется, Рут говорил, что предводитель Форта сначала завернул в Руат. Тут Н'тон

поднял руку и тряхнул чем-то темным. Джексом покраснел — несомненно, то была его собственная полетная туника. Кто же это постарался? Дилана или сам Лайтол?

Спускаясь, Джексом заметил, что они прибыли отнюдь не первыми. Он насчитал пять драконов; среди них был бронзовый Голант Ф'лессана и зеленая Пат Миррим — она приветливо закурлыкала. Рут легко опустился на лужайку перед Главной мастерской, и в следующий миг рядом сел Лиот. Пока Н'тон слезал со своего бронзового, Трис, его коричневый файр, ринулся прямо к Руту, уселся ему на гребень и самодовольно зачирикал.

— Дилана сказала, что ты забыл вот это, — сказал Н'тон, бросив тунику Джексому. — Надеюсь, тебя не так морозит в Промежутке, как мои старые кости. А может, ты тренируешься перед полетом в Пустынные Земли?

— И ты туда же, Н'тон!

— Что значит «туда же», молодой человек?

— Сам знаешь...

— Да нет, не знаю, — Н'тон в упор посмотрел на Джексома. — Неужели сегодня обычные причитания Диланы что-то означали?

— Разве ты не видел Лайтола?

— Нет, я просто спросил первого попавшегося, где ты. А Дилана обливалась слезами, потому что ты улетел без туники. — Подражая кормилице, Н'тон смешно оттопырил нижнюю губу. — Не выношу вида плачущих женщин — во всяком случае, женщин столь почтенного возраста... Пришлось мне поклясться скорлупой Лиота, что я собственоручно натяну эти шкуры на твои нежные плечи. Я послал Триса разведать, где Рут — и вот мы встретились. Скажи-ка, что же приключилось сегодня утром? Рут выглядит великолепно.

Джексом в замешательстве отвернулся и, стараясь не встречаться с вопросительным взглядом предводителя Форта, стал нарочито медленно застегивать тунику.

— Рут ни при чем. Просто я сегодня послал подальше всех в холде.

— Я говорил Лайтолу, что это скоро случится.

— Как?! — Джексом был потрясен.

— Ну и что же переполнило чашу терпения — неужели хныканье Диланы?

— Если бы... Скажи, ведь Рут — дракон?

— Само-собой, — с таким жаром ответил Н'тон, что Лиот удивленно повернул голову. — А что, разве кто-то сомневается?

— Да все они! Весь Руат! Они считают, что он просто файр — переросток! Да ты и сам знаешь...

Лиот зашипел. Трис испуганно вспорхнул, но Рут свистнул что-то успокаивающее, и файр снова уселся ему на спину.

— Знаю, слышал, — ответил Н'тон обнимая Джексома за плечи. — Но я уверен, что любой всадник найдет что возвратить шутникам — и не только словом.

— Но если ты считаешь его драконом, почему же он не может вести себя как дракон?

— Неужели он разучился летать? — Н'тон с испугом посмотрел на Рута, словно белый дракончик у него на глазах превратился в бескрылого прозаического бычка из руатанских стад.

— Я хотел сказать, чем он отличается от боевого дракона?

— Ах, вот оно что, — поморщился Н'тон. — Послушай, малыш...

— Это все Лайтол, да? Это он настоял, чтобы ты не разрешал нам с Рутом сражаться с Нитями?

— Дело не в этом, Джексом...

— Тогда в чем же? Нет такого места на Перне, куда бы мы с ним не попали в единый миг, с первого раза. Да, Рут маленький, но зато он быстрее всех, проворнее поворачивается, гораздо легче...

— Дело не в его способностях, Джексом, — сказал Н'тон, слегка повысив голос, — а в том, что благоразумно, а что нет.

— Снова отговорки!

— Нет! — Резкий ответ Н'тона заставил Джексома на миг забыть обиду. — Друг мой, боевые вылеты и отражение атак Нитей — чрезвычайно опасное занятие. Я вовсе не сомневаюсь в твоей храбрости, однако пойми — несмотря на весь

твой задор, на всю быстроту и хитрость Рута, в бою вы станете обузой для крыла. Ведь вы не обучены, а уж насчет дисциплины...

— Если все дело только в дисциплине...

Н'тон сжал плечи Джексома, чтобы прервать поток его возражений.

— Не только, — всадник глубоко вздохнул. — Я ведь уже сказал: дело не в ваших с Рутом способностях — дело в благородстве. Перн не может рисковать ни тобой, молодым лордом Руата, ни Рутом, единственным в своем роде драконом.

— Никакой я не лорд Руата — во всяком случае, пока. Холдом управляет Лайтол. Он принимает все решения... а я только слушаю да киваю головой, как разомлевший на солнце страж порога, — Джексом запнулся, сообразив, что осмеливается критиковать Лайтола. — Я хочу сказать, что отлично понимаю: Лайтол должен управлять Руатом, пока меня не утвердят в Конклаве... и потом, я вовсе не хочу, чтобы Лайтол покинул Руат навсегда. Стань я всадником, дело до этого никогда и не дойдет, понимаешь?

Поймав взгляд Н'тона, Джексом обреченно понурился.

— Да, понимаешь, — и все равно не позволишь! Это привел бы к лишним сложностям... слишком большим, не так ли? Значит, я должен всю жизнь сидеть меж двух стульев? Ни лорд, ни всадник — никто, сплошная обуза. Обуза для всех!

«Только не для меня», — отчетливо и уверенно промолвил Рут, ласково подтолкнув своего всадника носом.

— Вовсе ты не обуза, Джексом, — сочувственно проговорил Н'тон, — не стоит так кипятиться. Сам-то я думаю, что тебе пошло бы только на пользу полетать с крылом и научить Рута жевать огненный камень. Это сразу поставило бы тебя на голову выше любого лорда.

На какой-то мимолетный миг Джексом подумал было, что Н'тон предлагает ему столь долгожданный шанс; сердце его замерло.

— Но решать, как ты знаешь, не мнё, — Н'тон пожал плечами, помедлил, вглядываясь в лицо юноши. — Однако этот вопрос стоило бы обсудить. Ты уже достаточно взрос-

лый, чтобы вступить в права лорда или, во всяком случае, заняться чем-нибудь полезным. Я поговорю с Лайтолом, да и с Ф'ларом тоже.

— Лайтол скажет, что я уже и так правлю холдом, а Ф'лар — что Рут маловат для полетов с боевым крылом...

— Если ты будешь вести себя словно капризный ребенок, я им вообще ничего не стану говорить.

С небес грянул рев. Еще два дракона кружили в вышине, явно собираясь приземлиться. Н'тон, поспешил уступить им место, зашагал вместе с Джексомом по направлению к Главной мастерской. На пороге он обернулся и тронул юношу за локоть.

— Я не забуду о своем обещании... Но и ты, Джексом, поклянись Первым Яйцом, что ни одна живая душа не увидит, как ты даешь Руту огненный камень. А когда полетишь, будь осторожен, очень осторожен!

Не веря своим ушам, Джексом уставился вслед Предводителю Форта; тот, войдя в дом, уже окликнул приятеля. Настроение Джексома резко подскочило.

Перешагнув порог, он слегка замешкался, пока глаза, привыкшие к яркому весеннему солнцу, приспособливались к более мягкому освещению. С головой погрузившись в собственные горести, Джексом забыл, какое важное событие ожидается сегодня. За длинным верстаком, освобожденным по такому случаю от всякого хлама, уже сидел Главный арфист Робинтон, рядом с ним — Ф'лар, Предводитель Бендана. Поодаль Джексом увидел еще троих Предводителей Вейров и Бриарета, нового Главного смотрителя стад. Там были еще многие лорды, добрая половина крыла бронзовых всадников, наиболее уважаемые мастера кузнецкого цеха и шумная компания арфистов — их было больше, чем представителей других цехов, насколько Джексом мог судить по цвету туник собравшихся в зале слушателей.

Кто-то громким шепотом настойчиво звал его по имени. Взглянув налево, Джексом увидел Ф'лессана и молодых учеников, робко жавшихся у дальнего окна. Парни стояли, девушки ерзали на табуретках.

— Здесь собралась половина Перна, — с довольным видом заметил Ф'лессан, освобождая Джексому место у стены.

Джексом кивнул молодым людям, которые с любопытством глазели на каждого из вновь прибывших.— Вот уж не думал, что столько народа заинтересуется вансоровыми звездами да формулами,— тихо сказал он Ф'лессану.

— Неужели кто-нибудь упустит случай прокатиться на драконе?— добродушно съязвил тот.— Я сам привез четырех.

— Очень многие помогали Вансору в работе,— как всегда, назидательным тоном произнес Бенелек.— Конечно, им хочется услышать, во что же вылились их усилия и время.

— Понятно, что они тут не ради местного угощения,— давясь от смеха, проговорил Ф'лессан.

«Интересно, почему его шуточки совсем меня не раздражают?»— подумал Джексом.

— Глупости, Ф'лессан,— ответил Бенелек, который был слишком прямодушен, чтобы понимать шутки.— Здесь очень хорошо кормят. Ты и сам здесь часто ешь.

— Я вроде Фандарела,— сказал Ф'лессан.— Не глядя, уничтожаю все съестное,— он ухмыльнулся и махнул в сторону двери.— Тише, он идет! Клянусь Скорлупой!— Неужели никто не мог заставить его переодеться?

— Для такого человека, как Вансор, одежда не имеет значения!— как ни старался Бенелек приглушить голос, пренебрежение к словам Ф'лессана угадывалось безошибочно.

— И все же сегодня Вансор мог бы выглядеть поопрятнее,— возразил Джексом.— Ф'лессан хотел сказать только это.

Бенелек что-то проворчал себе под нос, но спорить не стал. Ф'лессан подмигнул приятелю и толкнул его в бок.

Перешагнув порог, Вансор неожиданно для себя обнаружил, что зал набит битком. Он застыл на месте, робко озираясь по сторонам. Потом, завидев кого-то из знакомых, кивнул и неуверенно улыбнулся. Со всех сторон его встречали ободряющие улыбки и приглушенные приветствия. Собравшиеся жестами приглашали его пройти на середину.

— Ну и ну! И это все из-за моих звезд?... Из-за звездочек — надо же! — он выглядел так забавно, что по залу прокатился смешок. — Польщен, весьма польщен... кто бы мог подумать... О, Робинтон, и ты здесь!

— А где же мне еще быть? — лицо мастера арфистов сохраняло полнейшую серьезность, но Джексому показалось, что он заметил, как подрагивают губы Робинтона от усилий спрятать улыбку. Он поднялся с места и, подталкивая Вансора в спину, подвел его к возвышению в дальнем конце зала.

— Давай, Вансор, начинай, — громыхающим басом произнес Фандарел.

— Да-да, прошу прощения. Мне так жаль, что я заставил вас всех ждать. А, вот и лорд Асгена! Я очень польщен, что ты пришел, мой господин... А Н'тон — он тоже здесь? — Вансор стал обходить зрителей. Он был близорук, и потому заглядывал людям в лицо, стараясь обнаружить Н'тона. — Он ведь должен быть...

— Я здесь, Вансор, — Н'тон поднял руку.

— А, вон ты где! — нахмуренное круглое лицо «звездных дел мастера» — как едко, но точно прозвала его Менолли — сразу разгладилось. — Н'тон, дорогой, ты должен сидеть впереди. Ты помог мне больше всех — вел наблюдения в самые глухиеочные часы. Иди же скорее сюда...

— Вансор, — рявкнул Фандарел, приподнявшись, чтобы его было лучше слышно, — не можешь же ты всех посадить в первый ряд — а ведь тебе помогало немало людей! Потому-то они здесь и собрались — узнать, что дали все их наблюдения. А теперь залезай сюда и приступай к делу. Не трать время попусту.

Бормоча возражения и извинения, Вансор стал пробираться к столу. «И правда, — заметил Джексом, — виду него такой, как будто он даже спит в одежде. Судя по тому, как засалилась туника на спине, он не снимал ее с последнего Падения Нитей».

Но в звездных картах, которые Вансор развесил на стене, не было и следа неряшливости. И где он только взял такую огненную красную краску для Алои Звезды? Казалось, она так и пылает. Джексом прислушался к глуховатому голосу

ученого и решил, что ничего сногшибательного в его выступлении нет. Все это он слышал уже не раз и, хотя старался не отвлекаться — из уважения к Вансору, — мысли его неуклонно возвращались к прощальному напутствию Н'тона: постарайся, чтобы ни одна живая душа не увидела, как ты даешь Руту огненный камень!

Что он, дурак, что ли? Но тут Джексом призадумался. Теоретически он знал, как надо обучать дракона жевать огненный камень, однако не сомневался, что между теорией и практикой случаются большие расхождения. Возможно, стоит попросить помощи у Ф'лессана?

Он взглянул на друга детства, который два года назад запечатлил бронзового дракона. В глубине души Джексом полагал, что Ф'лессан так и остался мальчишкой, относящимся к своим обязанностям бронзового всадника довольно несерьезно. Однако он был благодарен приятелю, который ни словом не обмолвился о его проступке — там, на Площадке Рождений, где он потрогал скорлупу рутова яйца. В Вейре эту историю могли бы раздуть до небес... И все же Ф'лессан слишком молодой и слишком легкомысленный, чтобы считать его достойным доверия наставником.

Миррим? Джексом перевел взгляд на девушку. Лучи утреннего солнца, лаская ее каштановые волосы, отбрасывали золотистые блики, — юноша никогда не замечал их раньше. Казалось, она забыла обо всем на свете, кроме вансоровых формул. Скорее всего, Миррим посоветует Джексому не отягочить Вейр новыми заботами, а потом напустит на него своих файров — пусть следят, чтобы он себя не подпалил. Что касается Т'рана, еще одного юного всадника из Исты, то в глубине души Джексом был уверен, что тот считает Рута просто файром-переростком. От него не приходилось ждать больше толка, чем от Ф'лессана.

О Бенелеке даже речи не могло идти. Он был так же равнодушен к драконам и огненным ящерицам, как и они к нему. Но попадись Бенелеку какой-нибудь чертеж или прибор, или отдельные части старинного механизма, обнаруженного в одном из древних холдов — и он будет сидеть дни и ночи напролет, стараясь отгадать, что это было и как работало. Обычно он ухитрялся починить любой прибор, даже если

приходилось разобрать его до последнего винтика, чтобы найти поломку. Бенелек с Фандарелом понимали друг друга с полуслова.

Менолли? Пожалуй, Менолли как раз тот человек, который ему нужен, несмотря на ее несносную привычку перекладывать все услышанное на музыку. Но именно эти способности помогли ей стать прекрасной арфисткой — по сути дела, первой девушкой в цехе арфистов за всю историю Перна. Джексом украдкой посмотрел на нее — губы Менолли едва заметно подрагивали. «Уж не решила ли она положить на музыку формулы Вансора?» — подумалось ему.

— Звезды в небесах Перна отсчитывают для нас время, помогая отличать один Оборот от другого, — говорил в это время Вансор, и Джексом, виновато опустив взгляд, заставил себя вновь сосредоточиться на выступлении ученого. — Звезды вели за собой Лессу, когда она устремилась в прошлое, чтобы привести к нам Древних, — Вансор слегка покривился, неосторожно упомянув событие, разделившее всадников на два лагеря. — И в будущем звезды всегда останутся нашими проводниками. Моря, материки, люди — все может изменяться, и только звезды, постоянно следующие своими путями, вселяют надежду и уверенность.

Джексому припомнился некогда услышанный разговор о попытке изменить путь Алой Звезды, отвести ее в сторону от Перна. Неужели Вансор доказал, что это возможно?

Тем временем ученый заговорил о том, что, однажды установив орбиту и скорость любой звезды, можно в любое время рассчитать ее положение в небе, вычислив предварительно силы, которые влияют на нее со стороны прочих светил в момент сближения.

— Итак, не сомневаюсь, что мы сможем точно предсказывать время атак Нитей, наблюдая Алую Звезду в момент ее сближения с соседними звездами. И я уверен, как только яркая голубая звезда выйдет из-под влияния желтой, что видна на небе весной, и начнет всходить высоко на востоке, Нити снова станут падать по графику, впервые составленному Ф'ларом.

— Используя это уравнение, — Вансор стал стремительно набрасывать на доске цифры, и Джексом снова отметил, что

записи этого неряшливого на вид человека отличаются удивительной четкостью,— мы можем рассчитать все последующие сближения, которые будут влиять на падение Нитей, до самого конца этого цикла. Мы также сумеем предсказать, где каждая из звезд находилась в любой прошедший момент и где она будет находиться в будущем.

Он стал с бешеною скоростью покрывать доску математическими значками, объясняя, как они соотносятся с каждой из звезд. Потом повернулся к зрителям; его круглое лицо светилось торжеством.

— Зная все это, мы даже можем точно предсказать начало следующего Прохождения! Конечно, до него еще столько Оборотов, что волноваться еще рано. Но, по-моему, о неприятностях лучше знать заблаговременно.

По залу прокатился смех; Вансор заморгал и неуверенно улыбнулся, с опозданием сообразив, что, сам того не желая, развеселил слушателей.

— К тому же, мы должны быть уверены, что за время долгого Интервала никто об этом не забудет,— провозгласил Фандарел. После дребезжащего тенорка Вансора его зычный бас прогремел столь оглушительно, что все вздрогнули.— Вот почему мы собрали вас тут,— добавил кузнец, обводя рукой зал.

Несколько Оборотов назад, когда мало кто сомневался, что Рут — не жилец на этом свете, Джексому казалось, что его приглашают на эти собрания с определенной целью — наверно, для того, чтобы в случае скорой смерти Рута у него, Джексома, остался хоть какой-то интерес в жизни. Однако сегодняшнее собрище затеяли явно не ради него. Он даже фыркнул, припомнив свои детские фантазии. Теперь он понимал, к чему стремятся Ф'лар и Фандарел. Чем больше людей в каждом Вейре и холде будет знать, что происходит в цехах, над какими проблемами трудятся главные мастера и их ближайшие помощники, тем меньше опасность, что планы защиты Перна от нашествия Нитей снова канут в забвение.

И главное — чтобы молодые не забывали об этом! За последние Обороты уже сложилось ядро постоянно действующей школы при цехах кузнецов и арфистов, которое соста-

вили Джексом, Ф'лессан, Бенелек, Миррим, Менолли, Т'ран, Пьемур и другие молодые люди, будущие наследники лордов и подмастерья. Каждый учился ценить дело, которым занимались другие.

«Вам надо общаться, — любил повторять Робинтон. — Вы должны обмениваться знаниями, учиться выражать свои мысли, усваивать новые идеи, обдумывать их, анализировать. Пусть ум ваш устремится в будущее!»

Оглядывая зал, Джексом размышлял о том, кто из собравшихся здесь способен воспринять идеи Вансора. Конечно, эти люди были хорошо подготовлены — многие из них сами наблюдали за звездами и видели, как светила изо дня в день, из месяца в месяц меняют свое положение. Бессонные ночи, которые они провели у треножника дальновидящего прибора, позволили Вансору выразить движение звезд в хитроумных схемах и формулах. И они собрались здесь именно потому, что жаждали услышать новые идеи, испить из источника знания. Но те, кому было весьма полезно зачерпнуть сей живительной влаги — Древние всадники — и поныне оставались в изгнании на южном материке. И они не услышали ничего.

У Джексома были причины подозревать, что за всем происходящим на Южном ведется негласный надзор. Как-то Н'тон ненароком обмолвился о своих полетах над Южным холдом. В цехе кузнецов Джексом видел очень подробную карту его окрестностей; он с удивлением понял, что материк гораздо обширнее, чем предполагали всего пять Оборотов назад. Однажды Робинтон в беседе с Лайтолом случайно обронил неосторожное слово, и навострившему уши Джексому стало ясно, что Главный арфист недавно вернулся из длительного и опасного путешествия. Он терялся в догадках — знают ли сами Древние, что творится на Перне? Ведь за последнее время произошло столько перемен, что только слепой мог бы их не заметить. Чего стоят одни только постоянно расширяющиеся лесные массивы, которые Древние так не хотели брать под защиту! Теперь эти земли охраняют личинки — те самые, которых фермеры так беспощадно изводили раньше, считая смертельным врагом... А ведь на них стоило молиться — эти белые червячки воистину спасли Перн!

Грянули аплодисменты, и Джексом свалился с небес на землю. Он захлопал в ладоши, лихорадочно соображая, не упустил ли чего-нибудь по-настоящему важного. Нужно будет потом спросить у Менолли — она-то уж наверняка запомнила все от слова до слова.

Восхищенный гул не стихал так долго, что Вансор порозовел от смущения. Наконец поднялся Фандарел и, воздев к потолку могучие руки, потребовал тишины. Но ему не дали сказать ни слова. Внезапно вскочил один из наблюдателей с Исты и потребовал, чтобы Вансор объяснил странное поведение трех звезд, известных, как Дневные Сестры. Ученый подготовился было отвечать, но тут кто-то из зала крикнул, что только глупцы ищут загадки там, где их нет. Парень с Исты тоже оказался остер на язык, и через минуту в зале бушевал яростный спор.

— Интересно, нельзя ли с помощью вансоровых закорючек перенестись в будущее? — задумчиво проговорил Ф'лессан.

— Ты что, бредишь? Разве можно очутиться во временах, которые еще не наступили? — язвительно заметила Миррим, опередив остальных. — Откуда тебе знать, что там случится? Вот напорешься на какой-нибудь утес или угодишь прямиком в стадо быков... или — еще хуже — окажешься посреди Нитей! Путешествовать в прошлое тоже опасно, но тут мы хотя бы можем узнать, что происходило в нужный момент... И все равно легко вlipнуть в какую-нибудь историю! Так что, милый Ф'лессан, забудь про свои фантазии.

— Сегодня у нас нет никаких разумных поводов, чтобы отправиться в будущее, — как всегда назидательно произнес Бенелек.

— Зато как было бы здорово туда попасть! — не сдавался Ф'лессан. — Мы бы разведали, что замышляют Древние. Ф'лар уверен — они что-то готовят. Слишком уж подозрительно тихо на Южном...

— Закрой рот, Ф'лессан! — набросилась на него Миррим. — Это не твоего ума дело! — Девушка тревожно оглянулась — не услышал ли кто-нибудь из взрослых этого болтуна.

— А еще говорят: общайтесь и делитесь мыслями! — припомнил Ф'лессан излюбленную сентенцию Робинтона.

— Есть же разница между общением и пустой болтовней,— заметил Джексом.

Ф'лессан смерил друга детства долгим взглядом.

— Знаешь, раньше я думал, что эта идея, которую Робин-тон вдолбил нам, и вправду хороша. А теперь вижу: из-за нее все мы превратились в никческих болтунов. И в бесплодных мыслителей,— он возмущенно поднял глаза к небу.— Мы все болтаем и болтаем, все думаем и думаем — ну просто до посинения... И ничего не делаем! Хвала Яицу, что во время сражения с Нитями мне приходится сначала делать, а уж потом — думать!— он повернулся на каблуках и, неожиданно повеселев, объявил:— Ура! Кушать подано!

Хлопнув себя по животу, Ф'лессан начал резво пробираться через толпу к огромному столу посреди зала. Служанки уже тащили туда подносы, заставленные мисками и кувшинами.

Джексом покачал головой.. Совсем мальчишка! Хотя ему пятнадцать Оборотов.. Мог бы поумнеть!

— Ох уж этот Ф'лессан,— шепнула ему Менолли,— все старается поддержать славу рода. Лесса посетила прошлое, а ему подавай будущее. Но уж слишком он.. безрассудный,— в лазурных глазах девушки запрыгали смешинки,— чтобы попасть в герои баллады,— закончила она. Неожиданно арфистка вздохнула.— Да, совершенно не подходит — думает только о себе. Правда, сердце у него все-таки доброе. Ну, пошли, а то нам ничего не достанется!

На этот раз кухни Фандарела достойно подготовились к такому наплыву гостей. Кроме сочных пирожков с мясом, им подали жареную рыбу, хлеб с несколькими сортами острых сыров, и огромные кувшины с горячим кла. Джексом подхватил блюдо с пирожками, сунул один в рот и принял обносить старших гостей. Лорды и мастера сердечно приветствовали его, расспрашивая о здоровье Лайтоля и Рута. Казалось, они горят желанием обменяться с ним любезностями, начисто забыв про все теории Вансора. «Может, дело в том,— насмешливо подумал Джексом,— что они просто ничего не поняли и теперь стесняются показать мне, юнцу, свое

невежество? Конечно, легче болтать о здоровье, чем о путях небесных светил...». Джексом вздохнул. Неужели наступит время, когда они будут видеть в нем равного?

— Да брось ты тарелку, Джексом! — схватил его за рукав Ф'лессан. — Пойдем, я что-то тебе покажу!

Сочтя свой долг выполненным, Джексом поставил блюдо на стол и поспешил вслед за приятелем. Они вышли наружу, и Ф'лессан, ухмыляясь, показал рукой на крышу Цеха кузнецов. Главная мастерская размещалась в просторном здании с крутой двускатной кровлей из серых шиферных пластин; но сейчас вся она словно переливались разноцветными волнами — файры покрывали ее сплошным ковром от края и до края. Свистя и чирикая, огненные ящерицы обменивались новостями — уморительная пародия на бурные споры, что происходили внутри. Джексом расхохотался.

— Не могу поверить, что все эти файры принадлежат тем, кто прибыл сюда, — он повернулся к только что подошедшей Менолли. — Или ты раздобыла еще пару выводков?

— У меня их всего десять, — смахивая выступившие от смеха слезы, пробормотала девушка, — да и то они обычно где-то пропадают... целыми днями не показываются на глаза. Пожалуй, моих здесь только два, да еще Красотка, моя королева. Она не отстает от меня ни на шаг. А знаешь, — теперь арфистка говорила вполне серьезно, — скоро с ними сладу не будет. Я не говорю о моих — они-то как раз умеют себя вести. А вот эти... — она махнула рукой в сторону кишащей ящерицами крыши. — Ведь они такие болтушки! Держу пари, они слетелись сюда поглазеть на драконов, особенно — на твоего Рута.

— Стоит нам с Рутом где-нибудь появиться, сразу начнется такой же кавардак, — пожаловался Джексом.

Менолли поглядела вдаль, туда, где на залитом солнцем речном песке в обществе трех больших драконов и стайки вездесущих файров возлежал Рут.

— Неужели Рута это не раздражает?

— Да нет, — снисходительно усмехнулся Джексом, — помоему, ему даже нравится. Файры его развлекают, когда мне приходится отлучаться по делам холда. Он говорит, что они

показывают ему самые удивительные и невероятные образы. Обычно Рут любит их смотреть... Но иногда сердится и утверждает, что они фантазируют.

— Разве файры умеют фантазировать? — недоверчиво спросила Менолли. Ведь они начисто лишены воображения и передают лишь то, что видели собственными глазами.

— Или полагают, что видели.

Менолли задумалась.

— Обычно то, что они показывают, вполне достоверно. Я знаю... — тут она смущенно запнулась и замолчала.

— Можешь не продолжать, — сказал Джексом. — Лишь болван не сообразит, что вы, арфисты, что-то затеваете на юге, — он обернулся, чтобы позвать Ф'лессана, но приятель куда-то исчез.

— Послушай, Джексом, — Менолли понизила голос, — на юге действительно что-то происходит. Мои файры просто в панике. Они все время показывают мне какое-то яйцо, только лежит оно вовсе не в вейре. Я сначала подумала, что Красотка спрятала новую кладку — с ней такое случалось и раньше. Но потом мне стало казаться, что все это происходило очень давно. А Красотка не старше твоего Рута... Спрашивается, откуда же ей помнить, что случилось раньше, чем пять Оборотов назад?

Джексом расхохотался.

— У огненных ящериц галлюцинации — они воображают, что обнаружили Первое Яйцо?

— А вот мне почему-то не смешно. Они действительно знают много странного. Помнишь, как меронов Гралл не хотел лететь на Алую Звезду? И, если хочешь знать, все файры, как один, ужасно боятся Алой Звезды!

— Мы тоже, Менолли.

— Но ведь они **ЗНАЛИ**, Джексом! Знали еще до того, как у людей возникли хоть какие-то соображения на этот счет!

Они оба, не сговариваясь, взглянули на юго-восток, где таилось грозное светило.

— Значит? — таинственно произнесла Менолли.

— Что? Что значит?

— Значит, у файров есть память, вот что!

— Брось, Менолли! Ты хочешь, чтобы я поверил, будто файры помнят то, чего не помнят люди?

— У тебя есть другой ответ? — наступала на него юная арфистка.

— Нет, конечно. Но не надо думать, что его вообще не существует, — усмехнулся Джексом. Вдруг улыбка сползла с его лица. — А вдруг кто-то из маленьких негодников заявился с юга? И теперь шпионит за нами?

— Ну и что из того? Во-первых, в зале никого из них не было, а во-вторых, они могут передавать только то, что понимают. — Менолли насмешливо фыркнула, и Джексом решил, что эта привычка выгодно отличает ее от глупо хихикающих девчонок из холда. — Можешь себе представить, какой сумбур возникнет в голове у Т'кула от вансоровых уравнений в передаче файлов!

Сам Джексом плохо помнил прежнего Предводителя Плоскогорья, но от Н'тона и Лайтола он был достаточно наслышан о нем и понимал, что этот человек слеп и глух ко всему новому. Хотя, как знать — может, за шесть Оборотов изгнания его взгляды изменились...

— И знаешь, — продолжала Менолли, — не одну меня это тревожит, Миррим — тоже. А ведь никто не понимает огненных ящериц лучше, чем Миррим!

— У тебя тоже неплохо получается — для простой арфистки.

— Благодарю за любезность, владетельный лорд! — девушка присела в шутливом реверансе. — Слушай, а ты не мог бы узнать, что файры рассказывают твоему Руту?

— А разве с зеленою мириимовой Пат они не болтают? — Джексому не хотелось без особой надобности связываться с файрами.

— Ты же знаешь, драконы не умеют запоминать. Но твой Рут — другой, я это давно заметила.

— Совсем другой.

От Миррим не ускользнуло недовольство, прозвучавшее в его ответе.

— Да что с тобой сегодня? Неужели к Лайтолу заявился лорд Грох?

— Лорд Грох? Это еще зачем?

В глазах Менолли запрыгали искорки, и она поманила его ближе, словно опасалась, что их кто-нибудь подслушает.

— Сдается мне, лорд Грох задумал сосватать за тебя свою третью дочурку — знаешь, ту, грудастую...

У Джексома вырвался стон ужаса.

— Да не пугайся ты так! Робинтон зарубил эту идею на корню. Не мог же он сидеть и ждать, когда тебя вконец повяжут... — борясь с одолевавшим ее смехом, девушка искона взглянула на него. — Так что, если у тебя есть на примете другая, сейчас самое время признаться.

Джексом был вне себя; конечно, виною тому была не Менолли, а новость, которую она сообщила. Но кто же не знает, как трудно порой отделить весть от вестника!

— Только жены мне и не хватало!

— Неужели ты не хочешь, чтобы тебя окружили заботой и лаской?

— Менолли!

— Полно прикидываться простачком! Мы, арфисты, прекрасно понимаем, как слаба человеческая плоть. А ведь ты, Джексом, — высокий, красивый парень. Неужто Лайтол не дал тебе наставлений и по этой части?

— Менолли!

— Джексом! — она безошибочно передразнила его интонацию. — Неужели Лайтол никогда не отпускает тебя на вольный выпас? Или ты еще только подумываешь об этом? Если хочешь начистоту, Джексом, — голос Менолли прозвучал неожиданно резко, и она в упор взглянула на него, — мне кажется, что Робинтон, Лесса с Ф'аром и Фандарел в придачу скоро окончательно превратят тебя в свое бледное подобие. А где же ты сам, Джексом?

Он так и не успел придумать достойный ответ на эту колкость. Прищурившись, девушка смерила его насмешливым взглядом и продолжала:

— Не зря ведь говорят — каков всадник, таков и дракон. Может быть, не случайно Рут так не похож на других? — выпалив столь загадочную тираду, она повернулась и пошла к зданию мастерской.

Джексома охватило искушение кликнуть Рута и покинуть место, где не дождешься ничего, кроме насмешек и оскорблений, но тут ему вспомнились слова Н'тона. Что сказал предводитель Форта? «Словно капризный ребенок?» Вздохнув, Джексом уселся на траву. Нет, не станет он во второй раз за день бежать, куда глаза глядят, отяготив душу гневом и обидой; не поступит сгоряча, как мальчишка. Не доставит Менолли такого удовольствия — пусть не воображает, что ее дерзости хоть чуть-чуть его задели.

Джексом поискал взглядом Рута, который забавлялся на берегу реки, и подумал: «Почему же Рут не такой, как все? Может, и вправду — каков всадник, таков и дракон?».

Если так, то здесь есть и его вина. Ведь его появление на свет было столь же необычным, как и рождение Рута. Джексома извлекли из тела мертвой матери; Рут же вылупился из яйца, которое не смог разбить самостоятельно... Рут — дракон, но вырос не в Вейре... Джексом — властелин холда, но никакой власти не имеет...

Стало быть, победа одного из них станет победой другого — и пусть все эти проклятые отличия сожгут Нитй!

«Постарайся, чтобы ни одна живая душа не увидела, как ты даешь Руту огненный камень», — сказал Н'тон.

Отлично, этим он и займется в первую очередь!

Глава 4

*Холд Рут, холд Фиделло и разные места в
Промежутке;
пятнадцатый Оборот, пятый месяцу,
дни с десятого по шестнадцатый.*

Прошел день, и Джексом понял одно дело решить, что пора научить Рута жевать огненный камень, и совсем другое — найти для этого время! Ему не удавалось выкроить ни единого свободного часа. Джексом даже начал задумываться — а вдруг Н'тон предупредил Лайтола о его намерениях и опекун нарочно старается заполнить его дни до отказа. Но он быстро отбросил эту мысль, как недостойную. Нет, Н'тон — не предатель и не хитрец. Поразмыслив как следует, Джексом пришел к выводу, что его дни и раньше были заполнены до отказа — сначала возней с Рутом, потом — занятиями и делами холда. Теперь еще добавились и встречи с другими лордами — Лайтол счел, что ему полезно побывать в разных местах; впоследствии это пригодится при ведении торговых дел.

До сих пор Джексом просто-напросто не отдавал себе отчета, насколько он занят. Он понял это только сейчас, когда ему отчаянно понадобилось время для себя — отлучка, которую не нужно было бы никому объяснять и ни с кем согласовывать.

Было и еще одно осложнение, которого он не учел — огненные ящерицы. Куда бы они с Рутом не отправились, назойливые файры непременно преследовали их. Менолли не напрасно называла крохотных дракончиков болтушками — Джексому совсем не улыбалось, чтобы они подглядывали за их с Рутом тайными занятиями. Он даже проделал опыт — послал Рута к горному кряжу, затерянному в просторах Плоскогорья, который служил им тренировочной площадкой, когда они учились летать в Промежутке. Место было глухое, пустынное; из-под слежавшегося снега только-только начинала пробиваться скучная горная растительность. Джексом задал Руту направление, когда они уже находи-

лись в воздухе и вокруг не было ни единой огненной ящерицы. Но не успел он сосчитать до двадцати, как прямо над головой дракона выпорхнули зеленая Диланы и голубой дворецкого. Они изумленно зачирикали, возмущаясь неприветливым видом местности.

Джексом попробовал уединиться в двух других, столь же малодоступных местах — одно находилось на равнинах Керуна, другое — на никому не ведомом островке у побережья Тиллека. И всюду за ними увязывались файры.

Сначала, раздраженный столь откровенной слежкой, он решил было объясниться с Лайтолом. Но здравый смысл подсказывал, что едва ли Оберегающий Руата стал бы просить дворецкого или Дилану направлять своих питомцев по его следам — причем, с упорством, достойным лучшего применения. А попробуй он прямо высказать Дилане свои претензии, она начнет хлюпать носом, причитать и, ломая руки, бросится прямехонько к Лайтолу. Совсем другое дело Бранд, главный дворецкий холда. Он перебрался к ним из Телгара два Оборота назад, когда оказалось, что прежний дворецкий не в силах совладать со слишком вольными нравами, царившими среди молодежи. Бранд быстро взял всех к ногти. «Тем более, — подумал Джексом, — он человек опытный, и должен понимать желания юного лорда».

Вернувшись в Руат, Джексом застал Бранда в его комнатушке. Он давал нагоняй слугам за погром, учиненный землеройками в кладовых холда. К изумлению Джексома, он тут же выдворил провинившихся, строго-настрого наказав им под угрозой лишения обеда не являться к нему без двух убитых землероек на брата.

Нельзя сказать, чтобы раньше Бранд вел себя с Джексомом недостаточно уважительно. Но столь подчеркнутое внимание так ошеломило юношу, что он несколько мгновений молчал, не в силах прийти в себя. Бранд ожидал, пока юный лорд изволит заговорить с ним, с таким почтением, какое он выражал только Лайтолу или какому-нибудь высокому гостю. Джексом с некоторым смущением вспомнил свою недавнюю выходку за завтраком — может быть, все дело в ней? Но Бранда не так-то просто устрашить! У него был острый

глаз, твердая рука, решительно сжатый рот и то чувство достоинства, которое, по мнению Лайтоля, всегда является признаком надежного человека.

— Знаешь ли, Бранд, я нигде не могу найти спасения от этих файров. Всюду за мной увязываются зеленая Диланы и — мне, право, не хотелось бы об этом говорить, — но твой голубой тоже. Нельзя ли покончить с этим?

На лице дворецкого отразилось неподдельное изумление.

— Иногда, — продолжал Джексон, — человеку хочется побыть наедине с собой, совсем одному. И потом, ты ведь знаешь, какие файры болтливые. Им может что-то померещиться и... ну, словом, ты понимаешь сам.

Бранд, разумеется, понимал; как бы его не удивила или не позабавила просьба Джексона, он ничем не выдал своих чувств.

— Прошу прощения, лорд Джексон, — недоглядел. Ты же помнишь, как Дилана переживала, когда вы с Рутом начали летать в Промежутке. Тогда файров посыпали с вами для страховки. Нужно было давным-давно отменить это распоряжение.

— С каких это пор, Бранд, я стал для тебя лордом Джексоном?

Губы дворецкого дрогнули.

— Со вчерашнего утра, лорд Джексон.

— Ну, Бранд, я ведь на этом вовсе не настаивал...

Бранд чуть склонил голову, предупреждая дальнейшие объяснения.

— Лорд Лайтол справедливо заметил: ты уже достаточно взрослый, чтобы вступить в свои права. И нам, лорд Джексон, — Бранд непринужденно улыбнулся, — надлежит вести себя сообразно твоему новому положению.

— Ну что ж, если так, то... спасибо, — Джексон поспешил ретироваться, чтобы окончательно не уронить свое достоинство, и быстро зашагал по коридору.

Завернув за угол, он остановился и, прислонившись к стене, стал обдумывать услышанное. «Достаточно взрослый, чтобы вступить в свои права...». И посему лорд Грох задумал женить его на своей грудастенькой дочке. Осмотрительный

владетель Форта никогда не пошел бы на это, имей он хоть малейшее сомнение, что будущего зятя утвердят в правах. Теперь такая перспектива всерьез тревожила и смущала Джексома — а ведь еще вчера он был бы вне себя от счастья... Стоит ему официально стать лордом Руата, как он тут же будет лишен всяких шансов летать с боевым крылом. Нет, не хочет он править Руатом, — во всяком случае, пока. И уж совсем ему не улыбается посадить себе на шею жену, которую он к тому же и в глаза не видел.

Надо было сказать Менолли, что любая девчонка в холде была бы рада-радешенька ему усугубить, возьмей он такое желание. Не то, чтобы он стремился следовать примеру более разбитных воспитанников... Нет, ему вовсе не нужно, чтобы его считали распутником вроде Мерона. Или взять того молодого дурня, сынка лорда Лауди... Лайтолу пришлось отослать его домой под каким-то благовидным предлогом, котому все равно никто не поверил. Нет ничего зазорного, если лорд приживет пару полукровок, но разбавлять кровь рода — дело другое. Однако придется, видимо, завести какую-нибудь девчонку посмазливее — нужно же иметь надлежащее оправдание для тех часов, которые они с Рутом потратят на куда более важные дела.

Джексом оттолкнулся от стены и, сам того не замечая, расправил плечи. Что ни говори, почтительность Бранда придала ему уверенности. Теперь, когда он всерьез задумался о событиях последних дней, он припомнил и другие признаки изменившегося отношения домочадцев — просто волнения из-за огненного камня сделали его слепым ко всему остальному. Вот и Дилана не пичкает его за столом выше горла, и Дорса уже несколько дней не видно и не слышно. А Лайтол больше не предваряет свои утренние распоряжения вопросами о здоровье Рута, а переходит прямо к делу.

В тот вечер, когда Джексом вернулся из мастерской кузнецов, Лайтол с Файндером сгорали от желания узнать, что же поведал Вансор, и разговоры затянулись дотемна. Воспитанники — да и другие домочадцы — сидели словно проглотив языки, и Джексом отнес их необычную молчаливость

за счет занимательности своего рассказа. Ведь, как правило, ни Лайтол, ни Файндер, ни Бранд за словом в карман не лезли.

На следующее утро он выскочил из-за стола, едва успев проглотить кусок мяса с лепешкой и кружку кла: днем ожидалось Падение Нитей на юго-западные поля, только что давшие молодые всходы, а путь туда был неблизкий. Дилана проводила его горестным взглядом, но не осмелилась сказать ни слова.

«Нужно было давным-давно поставить их всех на место!» — думал Джексом, входя в свои покой.

Было заведено, что никто не смеет беспокоить его в те часы, когда он занимается Рутом. Только теперь Джексом вполне оценил всю прелесть этой, пусть кратковременной, свободы. Обычно он обиживал дракона рано утром или поздно вечером — чистил его и смазывал кожу маслом. Раз в четыре дня они с Рутом отправлялись поохотиться — белому дракончику полагалось питаться чаще, чем его более крупным сородичам. И всегда за Рутом увязывались файры — неизменные участники его трапез. Большинство владельцев имели обыкновение кормить своих питомцев с рук, но файры обожали свежую, только что убитую живность, и люди давно махнули рукой на эту их привычку. Непредсказуемые существа эти огненные ящерицы! Никто не сомневался, что с момента Запечатления они нежно привязывались к своим владельцам, однако порой ими овладевали внезапные страхи и причуды, и они часто исчезали, иногда надолго. А возвратившись, вели себя так, будто никакой отлучки не было — разве что передавали какие-то невероятные картины.

Джексом знал, что сегодня Рут не пропь поохотиться — он ясно чувствовал его растущее нетерпение. Посмеиваясь, юноша натянул тяжелую летнюю тунику и влез в меховые сапоги, попутно вежливо поинтересовавшись, что Рут желает на обед в этот раз.

— Птицу, мясистого самца с равнин — я сыт по горло жесткими горными тварями! — Рут фыркнул от отвращения.

— Тогда отправимся на западные луга, — сказал Джексом, перешагнув порог вейра.

Рут легонько ткнулся носом Джексому в грудь, и тот через толстую тунику ощущил его прохладное дыхание. В огромных глазах дракона сверкали красные искры — признак здорового голода. Приблизившись к тяжелым металлическим дверям, выходившим во двор конюшни, Рут распахнул их сильным толчком передних лап.

Руатанские файры, уловив настроение Рута, возбужденно носились кругами, предчувствуя скорый пир. Джексом оседлал дракона и послал его вверх. Старый коричневый, восседавший на скалах, пожелал им счастливой охоты, а его всадник приветственно взмахнул рукой.

Кроме десятины, получаемой от холдов, все шесть Вейров содержали собственный скот и огромных нелетающих птиц для прокорма своих драконов. Впрочем, ни один из лордов не имел ничего против, если какой-нибудь всадник изредка заимствовал быка из его стад. Поскольку Джексом сам являлся лордом и имел законное право на все имущество Руата и относившихся к нему малых холдов, его охотничьи вылазки воспринимались подданными как знак благоволения. Лайтол был спокоен — его питомец отлично знал, как распределять свои экспедиции, чтобы не особо обременять фермеров.

Нынче утром Джексом дал Руту ориентиры богатого лугового поселения, где, по словам Лайтола, хозяин откармливал птиц к весеннему забою. Когда Джексом с Рутом появились в небесах, холдер как раз самолично объезжал на скакуне свои владения. Он учтиво приветствовал юного лорда, который в ответ начал традиционные расспросы о здоровье, поголовье стад и упитанности несущек.

— Могу я просить тебя кое о чем напомнить лорду Лайтолу, — наконец, сказал он, и в его голосе Джексом уловил скрытую обиду. — Я уже не раз обращался к нему за яйцом огненной ящерицы — как холдер и самостоятельный хозяин я имею на это право, да и польза была бы немалой. Как мне получить хороший выводок, если змеи да землеройки снова подберутся к кладке? Из-за них я теряю пять-шесть яиц на круг. Файры держали бы этих тварей на расстоянии. Они здорово помогают моему приятелю с Лысого озера, да и другие тоже их хвалят. Файры, лорд Джексом, очень полезные

зверушки. Ну, подумай, — я управляюсь со своим холдом уже двенадцать Оборотов, разве я не достоин получить ящерицу? Палон с Лысого озера давно отмечен... а ведь он владеет холдом всего Оборотов десять, не больше.

— Просто ума не приложу, Теггер, почему тебя обошли. Я прослежу, чтобы в следующий раз тебе обязательно послали яйцо.

Теггер хмуро поблагодарил и предложил Джексому поохотиться среди стада упитанных самцов, что паслось на дальнем конце ровной луговины. Он хотел, чтобы его птицы пострадали как можно меньше — спасаясь от дракона, они могли сразу сбросить семидневный привес.

Джексом поблагодарил хозяина, Рут тоже добродушно курлыкнул, от чего теггеров скакун встал на дыбы, едва не сбросив седока. Теггер злобно ударил животное промеж глаз, чтобы привести его в чувство.

«Не думаю, чтобы Теггеру удалось запечатлеть файра», — решил про себя Джексом, вскакивая Руту на шею.

Рут был вполне согласен со своим другом. «Однажды у него было яйцо. Малышка ушла в Промежуток, да так и не вернулась».

— А ты откуда знаешь?

«Мне рассказали файры».

— Когда?

«Когда это случилось. Просто я только что вспомнил, — в голосе Рута звучало неприкрытое самодовольство. — Они вообще рассказывают мне много интересного, когда тебя нет поблизости».

Только сейчас Джексом заметил, что с ними нет обычной свиты разноцветных ящерок — а ведь Рут отправился на охоту! Жаль... Он вовсе не настаивал, чтобы Бранд навсегда избавил его от их общества.

Рут жалобно спросил, нельзя ли поскорее приступить к делу — ведь он так проголодался... Они тронулись к выбранному холдером месту. По пути Рут высадил Джексома на поросшем травой пригорке, откуда открывался прекрасный вид на луг. Юный лорд удобно расположился там в предвкушении захватывающего зрелища. Как только Рут взмыл в

воздух, откуда ни возьмись появилась стайка файров. Они скромно уселись поодаль, ожидая, когда дракон пригласит их присоединиться к пиршеству.

Некоторые драконы долго выбирают жертву, гоняя стаю взад-вперед, чтобы животные разбежались во все стороны и можно было без помех высмотреть самое жирное. Либо Рут был не слишком разборчив, либо он понял опасения Джексома, что Теггер обозлится, если его птицы потеряют в весе, но только белый дракон мгновенно прикончил первого же самца, переломив его длинную шею как соломинку.

Рут предоставил ликующим файрам подбирать остатки, а сам в это время убил второго и, как всегда, очень аккуратно съел. Едва стая сгрудилась на дальнем конце луга, как он неожиданно взвился ввысь, присмотрев третьего.

«Я ведь сказал тебе, что проголодался», — сообщил Рут таким виноватым тоном, что Джексом, расхочотавшись, посоветовал ему набить брюхо до отвала.

«Никто и не думает набивать брюхо, — с едва заметным упреком ответил Рут, — просто я действительно ужасно голоден».

Джексом задумчиво наблюдал за пирующими файрами. Интересно, есть ли среди них руатанские? Рут, не задумываясь, ответил, что эти ящерки — местные, слетелись со всей округи.

«Итак, — размышлял Джексом, — мне удалось пока решить только часть задачи — отдалиться от ящериц. Но, как водится, то, что знает одна из них, мгновенно становится известно всем остальным. Значит, по-прежнему остается вопрос — как скрыть наши занятия от их вездесущих глаз».

Джексом знал: чтобы как следует прожевать и переварить огненный камень, дракону нужно время. Всадники начинают давать своим зверям камень за несколько часов до предполагаемого падения Нитей.

Сколько же времени понадобится Руту, чтобы он начал выдыхать пламя? Тут спешить нельзя. Все драконы ведут себя по-разному и всадник должен сам выяснить особенности своего зверя. Если бы он мог учить Рута в Вейре, где всегда можно воспользоваться советом опытного наставника...

Сам по себе огненный камень особой проблемы не представлял. Сторожевого дракона им снабжали в избытке, и на высотах над Руатом скопилась приличная куча. А Руту нужно куда меньше, чем большому дракону.

Когда приступить к делу — вот в чем вопрос! Сегодня у Джексома выдалось свободное утро, потому что Руту пришло время поохотиться. Но отправлять только что наевшегося дракона в Промежуток неразумно — под влиянием холода теплая непереваренная пища может плохо повлиять на его желудок. Значит, обратный путь в Руат отнимет довольно много времени. Днем, после Падения, ему придется осматривать весенние посевы, а если Лайтол действительно намерен взвалить на него управление холдом, то отыскивать от своих обязанностей больше не удастся.

— Интересно, не опасаются ли лорды, что он может пойти по стопам своего отца? — лениво размышлял Джексом. Они только и знают, что болтать про кровное родство и голос крови... А что, если в нем вдруг заговорит кровь Фэksа? Или они надеются, что материнская кровь все же пересилит? Все с готовностью беседуют с ним о матери, леди Гемме, но стоит ему ненароком упомянуть имя отца, о котором никто не пролил ни единой слезинки, как люди сразу замолкают или стараются перевести разговор на другую тему. Неужели они боятся, что он, узнав о неправедных делах Фэksа, пойдет по дурной дорожке? Или просто из вежливости не желают говорить о мертвом плохо? А когда речь идет о живых, все охотно перемывают друг другу кости...

Шутки ради Джексом стал размышлять, на кого бы ему напасть. Что, если захватить Набол, — Форт холдему, пожалуй, не по зубам, — или хотя бы Тиллек? Или, может быть, лучше Кром? Нет, ему слишком по душе Керн, старший сын лорда Нессела, не стоит лишать его наследства... Во имя Скорлупы — ну и хорош же он! Размечтался о завоеваниях, а сам не может даже распорядиться своей собственной судьбой и судьбой своего дракона...

К нему вперевалку подошел Рут. Брюхо у него оттопыривалось, время от времени он довольно рыгал. Разлегшись в нагретой солнцем душистой траве, он стал старательно облизывать когти. Рут всегда был чрезвычайно опрятен.

— Ты сможешь лететь с полным животом? — спросил Джексом, когда дракон закончил прихорашиваться.

Рут обернулся, в глазах его мелькнул упрек.

«Я могу лететь всегда, — он вздохнул, и на Джексома пахнуло свежим мясным духом. — Зачем ты опять тревожишься?»

— Просто я хочу, чтобы мы с тобой стали настоящим драконом и настоящим всадником... чтобы мы сражались с Нитями и ты дышал пламенем!

«Значит, так оно и будет, — с несокрушимой уверенностью заявил Рут. — Ведь я — дракон, а ты — мой всадник. За чём же дело стало?»

— А файры? От них нигде не спрячешься!

«Ты же сказал толстяку в синем, — так Рут охарактеризовал Бранда, — чтобы они от нас отстали. Видишь — их здесь нет».

— Зато есть другие. А ты сам знаешь, какие они все болтливые. — Тут Джексом вспомнил слова Менолли. — А о чём сейчас думает эта стая?

«Наелись до отвала. Птицы были сочные и нежные. Отличная еда. Не видели такой уже много Оборотов».

— А если ты им велишь, они уберутся отсюда?

Рут фыркнул, глаза его стали вращаться чуть быстрее, в них читалось раздумье.

«Они не поймут, почему их прогнали и вернутся посмотреть. Если хочешь, я попробую. Может быть, нам удастся хоть ненадолго от них избавиться».

— Как это на них похоже — сплошное любопытство и никакого толка. Но ведь не зря Робинсон постоянно твердит, что нет такой задачи, к которой нельзя было бы подобрать ключ. Придется нам заняться поисками ключа.

Пока они летели обратно в Руат, в животе у Рута громко урчало. Он мечтал лишь об одном — свернуться на согретом солнцем камне и подремать всласть. Коричневый сторожевой дракон был на патрулировании, и Рут расположился на его месте. Джексом постоял во дворе, наблюдая, как его друг уютно устраивается на скале, что нависала над широким двором Руата, а потом отправился на поиски Лайтоля.

Если Бранд и передал Оберегающему просьбу Джексома, то Лайтол никак этого не обнаружил. Он, как всегда, сдержанно поздоровался со своим питомцем и велел ему есть как можно быстрее — им предстоит дальняя дорога. Тордрил и еще один из старших воспитанников, поедут вместе с ними; однако они не будут осматривать пораженные Нитями посевы — утренние планы изменились. Андемон, Мастер земледельцев, прислал семена нового сорта высокоурожайной ранней пшеницы, последнее достижение его Цеха. На полях Южного холда, которые засеяли этими семенами, поднялись мощные злаки с налитыми колосьями; они без ущерба перенесли долгую летнюю сушь. Теперь Андемон хотел проверить, как проявит себя его пшеница в более влажном климате северного материка.

Многие мелкие холдеры — те, что постарше, — изо всех сил сопротивлялись любым новшествам. «Ну и тушицы — еще почище Древних», — любил ворчать Лайтол, но так или иначе Оберегающий умел настоять на своем. Фиделло — а именно ему принадлежал холд, куда они везли запас семян, — взялся хозяйствовать всего лишь два Оборота назад, после того как прежний холдер погиб, вылетев из седла во время охоты на диких быков.

Наскоро перекусив, они отправились в путь на скакунах особой породы, которые могли бежать без устали весь день даже в летний зной. Хоть Джексом и считал, что утомительно часами трястись в седле, когда они с Рутом могут добраться до места за несколько мгновений, он все же порой любил прокатиться верхом. Сегодня же, когда в воздухе пахло весной, и Джексом был уверен, что Лайтол к нему по-прежнему благоволит, прогулка доставляла ему особое наслаждение.

Холд Фиделло находился на северо-восток от Руата, на равнине, раскинувшейся на фоне заснеженных вершин Крома. Когда они выехали в степь, голубой файр, до того спокойно сидевший на плече у Тордрила, издал приветственный клич и, взвившись в небо, описал круг около возникшей в воздухе коричневой ящерки. Этот файр, видимо, принадлежал самому Фиделло и был выслан вперед, чтобы заблаговременно доложить о приближении гостей. Мгновение — и обе огненные ящерицы юркнули в Промежуток. Тордрил и

Джексом переглянулись: можно надеяться, что в холде их будут ожидать сладкие булочки и кувшин кла. После долгой дороги у путников разыгрался аппетит.

Фиделло сам выехал им навстречу и сопровождал гостей на последнем участке пути. Он сидел на могучем тяжеловозе; сквозь свалевшийся зимний мех животного кое-где уже проглядывала лоснящаяся летняя шкура.

С искренним гостеприимством, но слегка робея, он пригласил их в холд, небольшой, но хорошо обиженный. Прислуга, в том числе и та, что принадлежала еще старому хозяину, собралась встретить гостей.

— У него хороший повар, — шепнул Тордрил, пока трое юношей опустошали блюда с закусками, от которых ломился стол, накрытый в главном зале холда. — Но сестренка — еще лучше! — добавил он при виде девушки, подошедшей к ним с дымящимся кувшином кла.

«Действительно, хороша, — согласился Джексом, впервые увидев ее так близко. — Доверься Тордрилу, и он безошибочно приведет тебя к самой красивой девушке в окрестностях. Бранду придется не спускать с него глаз, когда он начнет наведываться в ремесленное предместье, что за мостом».

Но красотка подарила смущенную улыбку не Тордрилу, а Джексому, а когда наследник Исты попытался ее разговорить, отвечала однозначно, по-прежнему улыбаясь лишь своему лорду. Она удалилась только после того, как ее братья пригласили гостей поспешить на поля — иначе им предстоит возвращаться в Руат в темноте.

— Хотел бы я знать, удалось бы мне так быстро добиться своего, будь я лордом Руата? — заметил Тордрил, когда они проверяли подпруги, готовясь сесть в седло.

— О чём ты говоришь? Мы ёдва перемолвились словом.

— Значит, добьешься в следующий раз, когда у тебя выдастся время... перемолвиться словом. Неужели Лайтол станет возражать против пары-другой полукровок? Мой папаша утверждает, что это даже помогает держать законных наследников в узде. Тебе-то вообще раздолье — ведь Лайтол родом из Вейра, он не станет допекать тебя из-за таких пустяков.

В этот момент к ним присоединились Лайтол с Фиделло, но замечание Тордрила направило мысли Джексома в весьма плодотворное русло. Как там ее зовут? Кажется, Корана. Что ж, Корана может ему очень даже пригодиться. В равнинном холде всего один файр, и если Руту удастся сделать так, чтобы он их особенно не допекал...

В свой холд они вернулись уже затемно. Джексом незаметно пробрался на скалы, к ямам с огненным камнем; воспользовавшись тем, что сторожевой дракон вылетел поразматься перед сном, он набрал целый мешок.

На следующее утро Джексом как бы невзначай спросил Лайтола, хватит ли, на его взгляд, того запаса семян, который они вчера отвезли Фиделло — ведь у него такое большое поле. Лайтол окинул своего питомца проницательным взглядом из-под полуопущенных век, и заметил, что, пожалуй, было бы нeliшним добавить еще полмешка. На лице Тордрила юноша прочитал удивление, зависть и даже некоторое уважение за проявленную прыть. Лайтол распорядился, чтобы из кладовой принесли нужное количество андемоновых семян, и Джексом, подхватив мешок, отправился облачаться в летное снаряжение.

Рут, разомлевший после вчерашней охоты, пожелал узнатъ, есть ли в окрестностях холда приличное озеро. Джексом решил, что речка там достаточно широка, чтобы в ней можно было сносно искупаться. Кроме того, они летят к Фиделло не затем, чтобы плескаться в воде или любезничать с его сестрой. Им удалось благополучно взлететь — никто не заметил ни второго мешка, притороченного к шее Рута, ни боевой упряжи. Сначала, как всегда, вокруг хороводом носились файры, но в Равнинном холде ни один из них появиться не посмел.

Получив семена, Фиделло так долго рассыпался в благодарностях, что Джексом в душе проклял свое двуличие.

— Я не решился просить лорда Оберегающего, но ты сам видишь, лорд Джексом, какое большое поле я подготовил для сева — хотелось бы собрать хороший урожай, чтобы оправдать доверие лорда Лайтола. Не хочешь ли подкрепиться? Моя жена...

«Почему же только жена?» — разочарованно подумал Джексом, но вслух сказал:

— Отчего же, с удовольствием. Утро сегодня выдалось свежее. — Он ласково похлопал Рута по загривку и, спешившись, последовал за Фиделло в дом. От глаз Джексома не укрылось, что в главном зале царит такой же порядок, как и вчера, когда все ожидали гостей. Корана не появлялась, но беременная супруга Фиделло, явно дохаживавшая последний срок, безошибочно угадала истинную цель его неожиданного визита.

— Все на реке, напротив острова, пошли резать лозу, — сообщила она, поднося гостю кувшин горячего кла и со значением глядя на него. — Для тебя, мой юный лорд, с твоим хорошеньким дракончиком, это полминуты лета.

— Какой интерес лорду Джексому глядеть, как режут лозу? — спросил Фиделло, но вразумительного ответа так и не добился.

Покончив со светскими любезностями, Джексом поднял Рута в воздух, сделал прощальный круг над холдом и, помахав Фиделло, направил дракона через Промежуток в дальние горы, подальше от любопытных глаз. Коричневый файр последовал за ними.

— Ради Скорлупы! Рут, вели ему немедленно исчезнуть! Коричневый мгновенно испарился.

— Отлично, а теперь мы будем учиться жевать огненный камень.

«Я и так умею».

— Ты только думаешь, что умеешь. Я знаком со многими вадниками и знаю, что на самом деле это не такое простое занятие.

Рут отрывисто фыркнул. Джексом достал из мешка обломок камня величиной в кулак.

— Теперь сосредоточься на своем втором желудке, куда должен попасть каменный порошок. Смотри, не отправь его в то место, где хранится вчерашний обед...

Рут сосредоточился, закрыл глаза, взял камень в пасть и стал методично жевать. Раздался такой оглушительный хруст, что дракон даже сам слегка оторопел. Он вытаращил глаза и уставился на Джексома.

— Что, обязательно так хрустеть? — озабоченно спросил юноша.

«Но это же все-таки камень...»

Дракон прикрыл глаза и неожиданно сглотнул.

«Я отправил его во второй желудок», — сообщил он, предваряя подсказку Джексома. Потом Джексом клялся, что явственно слышал, как кусочки пережеванного камня катились вниз, по пищеводу.

Затем оба уселись и, глядя друг на друга, стали ждать, что будет дальше.

— Теперь ты должен отрыгнуть, — заметил Джексом.

«Я знаю, — жалобно подтвердил Рут, — и знаю, как это делается, только... почему-то не могу».

Джексом заботливо предложил ему еще кусок камня, побольше. На этот раз дракон жевал уже потише. Он снова сглотнул и резко присел, опираясь на хвост.

«Ой!» — внутри у Рута что-то заурчало, и он с опаской уставился на свое белое брюхо. Пасть его приоткрылась.

Испуганно вскрикнув, Джексом отскочил в сторону — из ноздрей дракона вырвался маленький язычок пламени.

Рут отшатнулся и чуть не упал на спину; его спас только хвост.

«Мне кажется, нужно сжевать побольше камня, чтобы получить приличное пламя».

Джексом выбрал несколько подходящих кусков, и Рут быстро справился с ними. На сей раз дело пошло лучше.

«Это уже на что-то похоже!» — горделиво сообщил он, извергнув струйку огня длиной в руку.

— Боюсь, на Нити ты не произведешь особого впечатления.

Рут разинул пасть, требуя очередную порцию камня, и торопливо сжевал все, что предложил ему Джексом. Выдохнув пламя, он сумел выжечь проплешину в зарослях горной колючки.

— Что-то у нас не то получается...

«Но ведь мы еще не пробовали жечь Нити!».

— Нам еще рано. Но зато теперь мы знаем наверняка, что жевать огненный камень ты можешь.

«Я в этом и так не сомневался».

— Я тоже, Рут, — Джексом тяжело вздохнул. — Однако нам понадобится целая гора камня, пока ты научишься выдыхать пламя непрерывной струей.

Вид у Рута сразу стал такой несчастный, что Джексом бросился утешать друга, поглаживая выпуклые надбровья, похлопывая его по макушке.

— Жаль, что нам не позволили учить тебя в Вейре, вместе с другими драконами. Ужасная несправедливость, я всегда это говорил! Пусть сегодня нам трудно, но, клянусь Первой Скорлупой, мы им еще покажем!

Рут дал себя уговорить и скоро снова повеселел.

«Просто нам придется как следует потрудиться. Вот увидишь, если мы раздобудем вдоволь камня, дело быстро пойдет на лад. Зачем коричневому Уилту такая куча? И вообще, он слишком стар, чтобы жевать камень!».

— Потому его и поставили сторожевым драконом.

Джексом вытряхнул из мешка крошки и обмотал его вокруг пояса. Он уже собрался направить дракона прямо в Руат, но тут ему пришло в голову, что было бы не лишним заручиться надежным алиби — пригодится на будущее. Он без труда отыскал на реке сборщиков лозы, и Корана радостно выбежала ему навстречу.

«А ведь действительно хороша! — подумал юноша. — К какой у нее нежный румянец, какие огромные зеленоватые глаза!». Завитки темных волос выбились из косы и влажными прядями лнули к щекам.

— Разве сегодня падали Нити? — спросила она, и в прозрачных глазах мелькнула тревога.

— Нет, с чего ты взяла?

— Я чувствую запах огненного камня.

— А, это от туники. Я всегда ее надеваю, когда Нити начинают падать. Должно быть, в нее уже въелся этот запах, просто я не замечал.

Вот еще одна опасность, которую он не учел! Надо срочно что-то придумать.

— Я привез твоему брату еще семян.

Корана нежно поблагодарила его за заботу, проявленную к столь незначительному холду, и смущенно примолкла. Но Джексому удалось ее снова расшевелить — он непременно хотел помочь ей резать лозу.

— Ведь я ваш лорд, и должен научиться делать все, что умеют мои люди, — заявил он, чтобы положить конец ее возражениям.

Джексому даже понравилась эта работа. Когда они нарезали огромную вязанку, он предложил навьючить ее на Рута — при условии, что девушка отправится вместе с ним. Корана ужасно боялась, но Джексом заверил ее, что они не полетят через Промежуток — ведь она слишком легко одета, да и расстояние было небольшим. По пути ему удалось сорвать пару поцелуев и, высадив девушку в холде, Джексом твердо решил, что она недолго будет служить ему только предлогом для отлучек.

Попрощавшись, он послал Рута через Промежуток к горному озеру. Хотя ему меньше всего хотелось лезть в ледяную воду, Джексом понимал, что перед возвращением в Руат необходимо отмыться от запаха огненного камня. Пришлось довольно долго оттирать шкуру дракона мелким озерным песком. Потом нужно было высушить намокшие штаны и рубаху, развесив их на самом солнцепеке. Но солнце уже начинало клониться к западу, и на это ушло значительно больше времени, чем могло бы занять свидание с Кораной. Поэтому Джексом рискнул и, нырнув в Промежуток, вернулся в Руат раньше, когда солнце еще стояло в зените. Но он совсем упустил из виду одну вещь, и это чуть было не свело на нет все его ухищрения.

Все собрались за обеденным столом, когда Джексом услышал отчаянный призыв дракона.

— Мне нужно к Руту! — бросил он и помчался по коридорам в свои покой.

«У меня горит в животе», — испуганно пожаловался Рут.

— Клянусь Скорлупой, это все остатки камня! — отозвался Джексом, пробегая по пустынным переходам. — Ступай скорее на скалы... туда, где Уилт оставляет свои отходы.

«Но я не могу пошевелиться! У меня тяжесть в животе!».

— Ты должен срыгнуть золу — драконы не держат ее в желудке, она не переваривается. Нужно сделать так, чтобы она поднялась наверх.

«Чувствую, что долго ждать не придется...».

— Только не здесь, Рут, пожалуйста!

Ворвавшись в вейр, Джексом встретил виноватый взгляд дракона. На полу, на самой середине, дымилась кучка серой золы, похожей на мокрый песок.

«Теперь мне гораздо легче», — тоненьким голоском произнес Рут.

— Ты не чувствуешь, не идет ли Лайтол? — спросил Джексом. От бега сердце его так стучало, что он почти ничего не слышал, когда бросился на кухню за ведерком и совком. Только бы успеть убрать, пока все вокруг не пропахло... Он трудился как сумасшедший, но, к счастью, все уместилось в одно ведро. Словно Рут и не сжевал целый мешок камня, которого хватило бы на доброе четырехчасовое сражение с Нитями!

Джексом вынес ведро, а пятно засыпал душистым песком.

— Что, не идет Лайтол?

«Нет...».

У него вырвался вздох облегчения, и он ободряюще похлопал Рута по спине. Следующий раз он ни за что не забудет заставить его срыгнуть в каком-нибудь безопасном месте.

Вернувшись к столу, Джексом не стал объяснять причины своего ухода, и никто не стал его расспрашивать — еще один пример нового отношения домочадцев.

Следующим вечером они с Рутом набрали столько огненного камня, сколько дракон смог унести, для чего наведались в заброшенный карьер в горах Крома. Во время их путешествия туда то и дело появлялись файры — по меньшей мере, полдюжины — но Рут каждый раз приказывал им удалиться.

— Не позволяй им подглядывать за нами.

«Они просто хотели поздороваться — ведь они меня любят».

— Вот обратная сторона твоей популярности!

Рут только вздохнул.

— Не слишком ли много камня мы набрали? — спросил Джексон, опасаясь, что перегрузил дракона.

«Вот еще. Я очень сильный».

Джексон послал Рута через Промежуток на пустынное побережье Керуна. Там было море, чтобы потом искупаться, и душистый песок, чтобы отскрести шкуру дракона, и палящее солнце, чтобы быстро высушить одежду.

ГЛАВА 5

*Утро в мастерской арфистов, Форт холд;
последовательное время в Вейре Бендеи и позже, в
мастерской арфистов; пятнадцатый Оборот,
двадцать шестой день пятого месяца.*

Миновало еще одно Падение Нитей, пока Джексому снова удалось выбраться в Равнинный холд. Его роман с Кораной продвигался куда успешнее, чем попытки научить Рута выдыхать непрерывную струю огня. Белый дракон чуть не обжег себе горло, сдерживая пламя, когда в самый неподходящий момент откуда не возьмись вынырнули любопытные файры. Джексому показалось, что все ящерицы Керуна прилетели поглязеть на них.

Терпение Рута было на исходе; им пришлось сделать шестичасовой скачок назад, чтобы их отсутствие в Руате не сочли подозрительно долгим. «Оказывается, путешествовать во времени довольно утомительно», — понял Джексом, падая вечером в постель. Он был измучен и разочарован.

Как нарочно, на следующее утро ему предстояло вместе с Файндером тащиться в мастерскую Робинтона — пришел перед арфиста Руата осваивать вансоровы звездные уравнения. Каждый арфист должен был уметь ими пользоваться, чтобы, по меньшей мере, еще один человек, кроме властителя холда, мог правильно рассчитать время падения Нитей.

Мастерская арфистов была частью обширного комплекса зданий, разбросанных по склонам гор, на которых высился Форт холд. Когда Джексом с Файндером верхом на Руте вынырнули из Промежутка прямо над небольшим двором, замкнутым в кольцо двухэтажных строений, их встретил неописуемый хаос. Вокруг носились обезумевшие файры, оглашая окрестности пронзительным чириканьем. На скалистых высотах Форта, привстав на задние лапы, угрожающе ревел сторожевой дракон; его развернутые крылья хлестали воздух, вздымая тучи пыли.

— Что происходит? — прокричал Файндер прямо Джексому в ухо.

— Рут говорит, что все очень сердятся.

— И это называется «сердятся»? Я еще никогда не видел дракона в такой ярости.

Полный тягостных предчувствий, Джексом посадил Рута во дворе мастерской арфистов. Везде метались люди, и они с трудом нашли свободное место. Не успели руатанцы приземлиться, как их кольцом окружила стайка файров. Кружась в диком хороводе, они передавали такие сумбурные, отрывочные картины, что даже Рут ничего толком не понял, а уж Джексом — в передаче дракона — и подавно. Единственное, что ему удалось разобрать, что ящерицы принадлежат Менолли, и она послала их найти Джексома.

— Наконец-то! Ты уже знаешь? — крикнула Менолли, выбегая во двор; на ходу она натягивала теплый плащ. — Скорее в Бенден! Кто-то похитил королевское яйцо...

Она вскарабкалась на спину Рута позади Файндера, шепча извинения, что стеснила арфиста, и велела Джексому поскорее отправляться. Белый дракон слегка замешкался.

— Не слишком ли нас много для одного Рута? — запоздало осведомилась Менолли.

«Ни в коем случае».

— Кто же мог утащить яйцо Рамоты? Зачем? Когда? — сыпал вопросами Файндер.

— Полчаса назад. Они собирают всех бронзовых и всех королев. Хотят пойти на Южный войной и силой заставить их вернуть яйцо.

— Откуда они знают, что здесь замешаны южане?

— Кому же еще придет в голову красть королевское яйцо?

Разговор прервался — Рут увлек их в ледяную тьму. Они выскочили над Бенденом, и вдруг увидели, что прямо на них, изрыгая пламя, стрелой мчится тройка бронзовых. Рут взвизгнул и бросился обратно в Промежуток. Вынырнув над озером, он раздраженно передал своим обидчикам:

«Это же я, Рут! Рут! Рут!».

— Мы были на волосок от гибели, — заикаясь, пробормотал Файндер. Арфист так вцепился Джексому в плечи, что они совсем онемели.

«Вы чуть не сожгли мне крыло! Я же Рут!.. Они извинились», — добавил белый дракон уже более спокойным тоном, но на всякий случай придирчиво осмотрел конец крыла.

— Я же совсем забыла! Ф'лар велел каждому сообщать свое имя! — простонала Менолли. — Но уж Рута могли бы пропустить и так!

Внезапно повсюду в воздухе стали возникать драконы, трубя пароль трем бронзовым охранникам Бендана. Они тесно сгрудились на дне чаши Вейра, высаживая своих всадников рядом с толпой, собравшейся у входа на Площадку Рождений. Джексом вместе с Менолли и Файндером поспешили к возбужденным бенденцам.

— Ты когда-нибудь видел столько бронзовых сразу? — спросила Джексома Менолли, окинув взглядом карнизы и скалы над Вейром, усеянные огромными телами — расправив крылья, звери были готовы взлететь по первому приказу. — Слушай, Джексом, неужели дело дойдет до смертельной схватки между драконами?

Ужас, прозвучавший в голосе девушки, в точности отражал чувство, которое испытывал сам Джексом.

— Должно быть, положение у Древних совсем отчаянное, — мрачно заметил Файндер.

— Но как они ухитрились скрыться с яйцом средь бела дня? — недоумевал Джексом. — Ведь Рамота ни на шаг не уходит от кладки! — «Однако нам с Ф'лессаном удалось подобраться к ней», — виновато добавил он про себя.

— Новости принес Ф'нор, — начала рассказывать Менолли. — Он говорит, что Рамота пошла поесть. На площадке собралась половина бенденских файров...

— И среди них, как пить дать, затесалась парочка чужаков из Южного, — вставил Файндер.

Менолли кивнула.

— Ф'нор тоже так думает. Одним словом, Древние знали, что она отлучилась. Ф'нор говорит, что Рамота только что убила самца, когда появились три бронзовых. Они миновали сторожевого дракона... я хочу сказать, с какой стати сторожевой дракон будет допрашивать бронзовых, кто они такие и зачем пожаловали? Они шмыгнули прямо в верхний тон-

нель, что ведет на Площадку Рождений. Вдруг Рамота взревела и исчезла в Промежутке. Когда чужие бронзовые вылетели из верхнего прохода, они услышали вопль Рамоты, и сразу же она сама выскочила с площадки Рождений. Но не успела королева оторваться от земли, как грабители уже ушли в Промежуток.

— И что же? За ними послали погоню?

— За ними бросилась сама Рамота! А потом — Мнемент!

Только это не помогло.

— Но почему?

— Бронзовые ушли в прошлое — и даже Рамота не знает, в какое именно время... Мнемент уже обыскал весь Южный Вейр и холд, и еще половину песчаных бухт в округе.

— Древние не такие уж идиоты, чтобы тащить королевское яйцо прямо к себе в Южный.

— Но ведь Древние не знают, что нам известно, кто похитил яйцо, — устало сказал Файндер.

Они как раз подошли к задним рядам толпы, которая состояла из всадников, прибывших на зов из других Вейров, из владельцев холдов и Главных мастеров. Лесса застыла на карнизе королевского вейра, рядом с ней стоял Ф'лар, а чуть поодаль — Фандарел с Робинтоном; вид у всех был как никогда мрачный и взъяренный. Ниже на ступенях остановился Н'тон. Сердито размахивая руками, он горячо спорил с двумя бронзовыми всадниками. По другую сторону собирались женщины — три младших госпожи Бендана и всадницы из других Вейров. Над толпой нависла гнетущая атмосфера ярости и бессилия. Все глаза были устремлены на Рамоту, которая металась перед входом на Площадку Рождений, то и дело останавливалась, чтобы взглянуть на оставшиеся яйца, зревшие в горячем песке. Она хлестала себя хвостом и возмущенно трубила, заглушая споры, которые вели всадники, столпившиеся на карнизе.

— Ведь это опасно — подвергать яйцо холоду Промежутка, — сказал чей-то голос рядом с Джексомом.

— Ничего с ним не случится — ведь яйцо было совсем теплое.

— Пора нам оседлать драконов и выкурить, наконец, Древних из Южного.

— Чтобы драконы пошли войной друг на друга? Да ты сам недалеко ушел от Древних!

— Нельзя же разрешить их драконам безнаказанно воровать королевские яйца! Такого оскорбления Бенден еще никогда не получал. Я считаю, Древние должны поплатиться за это преступление!

— Ситуация в южном Вейре действительно отчаянная, — тихо произнесла Менолли. — Ни одна из королев больше не поднимается в брачный полет. Бронзовые вымирают, даже молодых зеленых и то не осталось.

Внезапно Рамота издала тосклиwyй крик и вытянула голову по направлению к Лессе. Все драконы Вейра откликнулись на этот вопль, совершенно оглушив людей. Джексом видел, как Лесса наклонилась вперед, протягивая руку к своей безутешной королеве. Вдруг Джексом, который был на целую голову выше стоявших впереди, заметил, как на Площадке Рождений мелькнула какая-то темная тень. Потом раздался приглушенный стон.

— Эй, что там происходит, на Площадке Рождений?

Только те, кто стоял совсем рядом, услышали его возглас.

Джексом задрожал. Неужели Древние решили воспользоваться всеобщим замешательством, чтобы украсть еще и бронзовое яйцо?

Он стал протискиваться к Площадке Рождений; Менолли и Файндер следовали за ним по пятам. Вдруг на юношу обрушилась такая волна слабости, что он был вынужден остановиться. Казалось, что-то стремительно высасывает из него силы, но что? Он не знал.

— Что с тобой, Джексом?

— Ничего, — Джексом сбросил с плеча руку Менолли и подтолкнул девушку к Площадке Рождений. — Яйцо! — из последних сил крикнул он. — Яйцо!

Его слова потонули в изумленном и одновременно торжествующем реве Рамоты.

— Яйцо! Королевское яйцо!

К тому времени, когда Джексон спрятал яйцо, все уже с облегчением любовались королевским яйцом, которое снова благополучно покоилось между передних лап золотой королевы.

Какой-то фэйр, осмелев от любопытства, сунул яйцо было поглядеть, но, испуганный яростным ревом Рамоты, в панике бросился прочь.

У людей отлегло от сердца. Переговариваясь, обитатели Бендана и гости стали расходиться, направляясь туда, где песок не обжигал ноги. Кто-то предположил, что яйцо, должно быть, просто куда-то закатилось, а Рамота решила, что оно исчезло. Но слишком многие видели пустое место там, где полагалось быть королевскому яйцу... А три бронзовых, которые стрелой вылетели из тоннеля, ведущего на Площадку Рождений? Более вероятной казалась мысль, что Древние, одумавшись, решили не допустить сражения между драконами.

На Площадке осталась одна Лесса. Она пыталась уговорить Рамоту, чтобы та позволила ей осмотреть яйцо — все ли с ним в порядке. Вскоре она торопливо вышла из пещеры и поспешила туда, где стояли Ф'лар с Робинтоном.

— Яйцо то же самое, только оно значительно старше, скорлупа совсем затвердела. Новая королева может родиться в любую минуту — нужно срочно собрать девушек.

Вот уже третий раз за это утро Вейр Бенден был охвачен сильнейшим волнением — на этот раз, хвала Первой Скорлупе, по более счастливому поводу. Однако суматохи хватало и сейчас. Джексон с Менолли держались в стороне, но все же достаточно близко к эпицентру событий, чтобы, навострив уши, слышать разговоры старших.

— Тот, кто похитил яйцо, прятал его где-то дней десять, если не больше, — возмущенно сказала Лесса. — Это нельзя так оставить!

— Но ведь яйцо вернулось в целости и сохранности, — пытался успокоить ее Робинтон.

— Неужели мы, как последние трусы, снесем такое оскорбление? — обратилась Госпожа Вейра к окружившим ее всадникам; она не глядела на арфиста и, видимо, не желала слушать его увещеваний.

— Если для того, чтобы прослыть храбрецом, надо устроить побоище между драконами, — не сдавался Робинтон, — то я предпочитаю оставаться трусом!

Его слова явно охладили неистовый гнев Лессы.

«Битва драконов!» — эти слова эхом пронеслись над толпой. От одной мысли о такой возможности в груди у Джексона заныло, и он почувствовал, что стоявшая рядом Менолли содрогнулась от ужаса.

— Яйцо пролежало где-то так долго, что почти созрело, — с застывшим от гнева лицом вымолвила Лесса. — Может быть, его касались... и если это повлияло на будущую королеву, Запечатление не состоится!

— Никто еще не доказал, насколько физический контакт, предшествующий рождению дракона, влияет на мысленную связь в момент его появления на свет, — как можно убедительнее произнес Робинтон. — Во всяком случае, ты сама мне об этом не раз говорила. И, поскольку претендентка похитителей не будет находиться здесь, когда дракон разобьет скорлупу, я не думаю, что их уловка сможет принести им хоть какую-то пользу.

Столпившиеся вокруг всадники еще не отошли от шока, но с возвращением яйца, каким бы таинственным оно не казалось, первоначальный порыв, побуждавший их ринуться на уничтожение Южного Вейра, значительно ослабел.

— Теперь нам больше нельзя считать, что Вейр охраняет святость традиций, — произнес Ф'лар, подняв взгляд на стражевых драконов, — и что наша Площадка Рождений по-прежнему недоступна. Кстати, это относится и к Площадкам других Вейров, — он нервно откинул волосы со лба. — Клянусь Первой Скорлупой, какая фантастическая наглость — похитить яйцо Рамоты!

— И первое, что мы обязаны сделать, дабы обезопасить Бенден, — с раздражением бросила Лесса, — это разогнать всех мерзких файров! От этих маленьких пустозвонов больше вреда, чем пользы...

— Вовсе не от всех, Лесса,— вступилась за файров Брекки.— Кое-кто из них помогает нам, они выполняют разные поручения и...

— И двое из них участвовали в этой игре,— без тени обычного юмора вставил Робинтон.

Менолли ткнула Джексома в бок, чтобы напомнить ему: файры Цеха арфистов, в том числе и ее, зачастую бывали весьма полезны.

— Я не желаю о них больше слышать,— отрезала Лесса и огляделась вокруг; ее взгляд мог обратить в пепел целую стаю огненных ящериц.— И видеть их здесь тоже не желаю! Пусть эти гадкие твари больше не смеют докучать Рамоте! Сделайте так, чтобы они знали свое место!

— Нужно пометить их цветами Вейра или холда, которому они принадлежат,— быстро нашлась Брекки.— Пометить и научить называть свое имя, как делают драконы. На это у них хватит ума — по крайней мере, у тех, кого посылают в Бенден с поручениями.

— И пусть они докладывают тебе, Брекки, или Миррим,— предложил Робинтон.

— Только от меня и Рамоты им лучше держаться подальше! — Лесса заглянула на площадку к Рамоте и резко обернулась.— Пусть кто-нибудь принесет сюда птицу, которую Рамота не успела доесть — сейчас ей надо успокоиться и подкрепиться. А оскорблению, которое нанесено нашему Вейру, мы еще обсудим. Причем подробно!

Ф'лар отдал приказ всадникам притащить птицу, потом училиво поблагодарил остальных собравшихся, которые с такой готовностью явились на зов Бендена. Затем он сделал знак Робинтону и Предводителям Вейров подняться вместе с ним в зал Совета.

— Погляди, ни единой ящерки не видно,— сказала Джексому Менолли.— Я велела Красотке тоже убраться подальше. И знаешь, она, кажется, до ужаса перепугана.

— Как и Рут,— ответил Джексом, вместе с Менолли шагая к озерцу, где их дожидался дракон.— Смотри, он стал почти серым!

Мало сказать, что Рут был напуган, — он просто дрожал от страха.

«Что-то не так... Что-то неправильно», — пожаловался он своему всаднику; его глаза потускнели и тоже стали совсем серыми.

— Ты все-таки повредил себе крыло?

«Дело не в крыле, что-то не так у меня в голове! Я чувствую — что-то неправильно!» — шелестя крыльями, Рут присел на задние лапы, потом снова встал.

Может быть, дело в том, что исчезли все файры сразу? Или из-за переполоха с яйцом Рамоты?

«И да, и нет, — отвечал Рут. — Файры трясутся от страха: они вспомнили нечто такое, что их страшно испугало».

— Вспомнили? Только этого еще не хватало! — Джексом искренне досадовал на огненных ящериц с их избирательной памятью; невероятные смутные образы, которые они передавали, расстроили обычно невозмутимого Рута.

— Хочешь, Джексом? — Менолли успела наведаться в Нижние Пещеры и теперь протягивала ему пирожок с мясом. — Файндер передал мне приказ Робинтона — я должна вернуться обратно в нашу мастерскую и рассказать там и в Форт холде обо всем, что здесь случилось. Еще мне нужно пометить своих файров. Смотри! — она указала на скалы, обрамлявшие чашу Вейра. — Сторожевой дракон живет огненный камень! Ох, Джексом, что же будет?

— Битва драконов! — юноша содрогнулся.

— Но ведь не должно дойти до этого... — внезапно охрипшим голосом выдавила Менолли.

Ни одному из них пирожки не лезли в горло. Они молча сели на Рута, и он вознес их в небеса.

Никогда еще Робинтону не приходилось так напряженно размышлять, как в этот раз, когда он одолевал ступеньки, ведущие в королевский вейр. Слишком многое зависело от того, что сейчас произойдет — будущее всей планеты, как подсказывала арфисту интуиция. О положении в Южном Вейре он знал даже больше, чем следовало; но, увы, сегодня это знание оказалось бесполезным. Теперь Робинтон запоздало казнил себя — до чего же он был наивен, точнее —

непозволительно глуп, считая, как и любой из всадников, что Вейры недоступны, а Площадка Рождений — неприкосновенна. А ведь Пьемур предупреждал его! Но он, старый глупец, не сумел правильно истолковать полученные сведения. А вывод напрашивался сам собой: отчаявшиеся южане пойдут на любой, самый страшный риск, чтобы раздобыть себе новую королеву, способную приносить потомство, вдохнуть жизнь в свой угасающий Вейр. «Допустим, пришел бы я кциальному выводу, — печально размышлял арфист, — но каким образом я смог бы убедить Лессу и Ф'лара, что Древние способны на такое? Предводители Бендана только посмеялись бы надо мной, услышав столь невероятные предсказания».

Зато сегодня никто не смеялся. Ни единый человек.

Странно, сколь многие поверили, что Древние кротко смирились со своей ссылкой и послушно доживают жизнь на Южном. Они ни в чем не нуждались, кроме, пожалуй, самого главного — надежды на будущее. Скорее всего, замысел принадлежал Т'кулу — Т'рон растерял весь свой задор после рокового поединка с Ф'ларом. Робинтон ничуть не сомневался, что обе Госпожи Вейра, и Мерика, и Мардра, не участвовали в заговоре — зачем им уступать место новой королеве и ее всаднице? Не исключено, кстати, что яйцо вернула одна из них...

«Нет, — возразил сам себе Робинтон, — тут нужен человек, который знал бы бенденскую Площадку Рождений как свои пять пальцев... или же тот, кто сумел бы так ловко вынырнуть из Промежутка прямо в пещере и, сделав свое дело, тут же уйти обратно».

На миг арфисту припомнился тот глубочайший ужас, который он пережил, пока яйцо не вернулось. Он даже зажмурился, представив себе ярость Лессы. Она и сейчас готова поднять всадников северного континента на бой. Вполне возможно, она до сих пор пребывает в том безрассудном гневе, под знаком которого проходили все утренние события. И если она будет упорствовать, требуя отомстить южанам, это станет для Перна не меньшим бедствием, чем первое падение Нитей.

Главное, что яйцо вернули. Робинтона несколько успокаивала мысль, что за время своего отсутствия оно, по всей видимости, ничуть не пострадало, разве что стало на несколько дней старше. Но Лесса могла сыграть на том, что с яйцом что-то случилось. И арфист не сомневался: если юная королева не появится на свет живой и здоровой, Лесса опять начнет требовать возмездия.

Но яйцо вернули! Он должен вбить этот факт в головы, должен напирать на то, что наверняка не все южане примкнули к гнусному заговору! И среди них еще не перевелись люди, которые чтут древние традиции. Как видно, один из них оказался столь дальновидным или здравомыслящим, что предугадал неминуемость кары, что падет на головы преступников — и, так же решительно, как Робинтон, постарался предотвратить междуусобицу.

— Поистине черный день, — печально произнес рядом чей-то густой бас. Арфист обернулся. Он был благодарен главе кузнецов за поддержку. На лице Фандарела были написаны озабоченность и тревога, и Робинтон впервые заметил признаки надвигающейся старости — нездоровую одутловатость, глаза в красных прожилках.

Великан покачал головой.

— Столь вероломный поступок должен быть наказан — и все же, мы не можем на это пойти!

Мысль о том, что между драконами может разгореться сражение, снова обожгла сердце Робинтона ужасом. — Да, цена слишком высока, — кивнул он. — Древние и так потеряли все, что у них было, когда их отправили в изгнание. Меня удивляет, почему они не воспротивились раньше.

— Зато теперь наверстали, отомстили за свое унижение.

— Чтобы вызвать ответную месть! Друг мой, сегодня нам нужна осмотрительность — от Лессы можно ждать всего. Она уже позволила чувствам возобладать над здравым смыслом, — глаза кузнеца скользнули по плечу Робинтона — там, где обычно сидел его файр.

Продолжая разговор, они вошли в зал Совета. Кузнец медленно и печально покачал головой.

— У меня-то нет файра, но я слыхал об этих зверюшках только хорошее. Мне и в голову не приходило, что они могут кому-то угрожать.

— Значит, Фандарел, ты меня поддержишь? — спросила Брекки, вместе с Ф'нором входя в зал вслед за ними. — Лесса просто сама не своя. Я, конечно, понимаю ее тревогу, но нельзя же разогнать всех файров из-за озорства одного или двух.

— И ты называешь это озорством? — возмущенно воскликнул Ф'нор. — Радуйся, что Лесса тебя не слышит! Хорошенькое озорство — украсть королевское яйцо!

— Со стороны файров ничего, кроме озорства не было. Они прошмыгнули в пещеру Рамоты, как делали уже сотни раз с тех пор, как она отложила яйцо. — Брекки говорила горячее, чем обычно; глаза Ф'нора жестко сверкнули. Робинтон сделал вывод, что взгляды супругов на сей раз расходятся. — Файры не понимают, что значит правильно или неправильно, — продолжала Брекки.

— Придется им это усвоить... — начал Ф'нор гораздо рече, чем того требовало благородство.

Робинтон поспешил вмешаться, чтобы не дать двум любящим сердцам окончательно поссориться.

— Боюсь, что мы — те, у кого нет драконов, — слишком многое позволяем своим маленьким любимцам... всюду таскаем за собой, не расставаясь ни на миг... носимся, как с поздними детьми, потакаем всем их шалостям. Я считаю, что если мы попробуем быть с ними построже, это окажется невысокой ценой за сегодняшние треволнения.

Ф'нор немного смягчился.

— Но представь себе, Робинтон... а если бы яйцо не вернули? — Плечи всадника судорожно дернулись, он провел ладонью по лбу, как бы пытаясь отбросить тягостные воспоминания.

— Если бы яйцо не вернули, — с неумолимой уверенностью произнес Робинтон, — началась бы битва между драконами! — он вложил в эти слова всю силу убеждения, весь свой страх перед столь ужасным исходом.

Ф'нор энергично потряс головой.

— Нет, Робинтон, разве до такого могло дойти? Твоя мудрость...

— Мудрость?!— слово вылетело из уст разъяренной Госпожи Бендана как свист бича. Лесса застыла на пороге — тело напряжено струной, лицо побледнело от гнева.— Мудрость? Мудро ли допустить, чтобы они безнаказанно совершили такое преступление? Должны ли мы смириться с подобной гнусностью?— ее глаза метали молнии.— Зачем только я привела их из прошлого? Стоит вспомнить, как я умоляла этого мерзавца Т'рона прийти нам на помощь... Хороша помощь! Он решил помочь себе — похитив яйцо моей королевы! Если бы только можно было вернуть все назад! Я никогда не сделала бы такой глупости!

— Глупость — вести себя так, как ты делаешь сейчас,— холодно заметил арфист. Теперь он ясно представлял, что слова, которые ему предстоит сказать здесь, в зале Совета Бендана, перед лицом Предводителей Вейров и Главных мастеров, могут настроить против него всех.— Главное, что яйцо на месте...

— Да, но я...

— Ведь именно об этом ты мечтала всего час назад, верно?— повысив голос, спросил Робинтон.— Ты ведь хотела, чтобы яйцо вернули. И чтобы добиться этого, ты имела полное право начать войну — никто не стал бы тебя винить. Но яйцо вернули. Так что же теперь — развязать войну из мести? Нет, Лесса, этого делать нельзя. Месть — недостойное чувство!

Робинтон задумчиво покачал головой и продолжал:

— Если ты хочешь успокоить свою королеву и свое уязвленное самолюбие, то задумайся: они потерпели неудачу! Остались без яйца! Их выходка заставила все Вейры вспомнить о бдительности, так что во второй раз подобный фокус не пройдет! Пойми же, Лесса, они упустили свой единственный шанс. Их последняя надежда возродить вымирающих на юге бронзовых потерпела крушение. Их план провалился. И теперь перед ними — пустота... ни будущего, ни надежды.

— И ты, Лесса, уже не можешь ухудшить их положение. После того, как яйцо вернулось на место, ты перед лицом всего Перна не имеешь больше права на месть.

— Нет, имею! Я должна отомстить за оскорбление, нанесенное мне, моей королеве, моему Вейру!

— Оскорбление? — Робинтон отрывисто рассмеялся. — Где ты видишь оскорбление, милая Лесса? Ничего подобного, считай, что ты удостоилась высочайшего комплимента!

Его неожиданный смех и парадоксальное заявление сделали свое дело — Лесса уязвленно замолкла.

— Сколько всего королевских яиц было отложено за последний Оборот? — Робинтон повернулся к остальным предводителям. — Вспомним, что в ваших Вейрах Древние ориентируются куда лучше, чем в Бендене. Так нет же — они пожелали заиметь королеву из выводка Рамоты! Самое лучшее из того, что Перн мог им предоставить! — арфист ловко уводил разговор в сторону. — Полно, Лесса, — с мягкой настойчивостью продолжал он. — Всем нам сегодня досталось. Все мы были в полном смятении... — он провел ладонью по лицу, и жест этот вовсе не был наигранным: Робинтон действительно взмок, силясь переубедить столько людей сразу. — Мы слишком поддались чувствам. И самая страшная тяжесть обрушилась на твои плечи, Лесса, — он взял ее за руку и повел к креслу ошеломленную, притихшую и почти утратившую способность сопротивляться. Усадив Лессу с превеликой заботой и почтением, он произнес: — Наверное, так остро чувствуя отчаяние Рамоты, ты сама едва сохраняла самообладание. Теперь она уже успокоилась?

Лесса все еще не могла оправиться от изумления. О, этот златоуст... мастер играть словами! Приоткрыв рот, она не сводила с Робинтона широко распахнутых глаз. Потом молча кивнула, закрыла рот и облизнула пересохшие губы.

— Значит, скоро и ты совсем придешь в себя, — Робинтон плеснул в кружку бенденского и подал Лессе. Все еще озадаченная его невероятной логикой, она машинально сделала глоток. — И ты поймешь, наконец, что самая ужасная катастрофа, которая угрожает нашему миру — это битва между драконами.

Лесса резко поставила кружку, расплескав вино на каменный стол.

— Вечно ты... со своими хитрыми речами... — как отпущен-
ная пружина, она вскочила с кресла, устремив на Робинтона
гневный взгляд. — Ты...

— Он прав, Лесса, — раздался голос Ф'лара; он стоял на
пороге, оглядывая комнату. Предводитель Бендана подошел
к столу, за которым сидела его подруга, и встал рядом с
ней. — У нас была одна-единственная причина для похода
на Южный — яйцо! Но раз оно вернулось, весь Перн нас
осудит, если мы начнем искать отмщения. — Он обращался
к Лессе, но взгляд его скользил по лицам собравшихся —
Ф'лар наблюдал за их реакцией. — И если по какой-то при-
чине грянет война, — он решительно взмахнул рукой, отме-
тая подобную возможность, — для нас, всадников Перна,
планета будет потеряна навеки!

Ф'лар пристально, в упор посмотрел на Лессу, но она с
ледяной непримиримостью выдержала его взгляд. Затем он
повернулся к собравшимся. — Я всем сердцем хотел бы, что-
бы тогда, в Телгаре, мы по-иному решили участь Т'рона и
Т'кула. Мне казалось, что ссылка в Южный — единственно
правильное решение. Там они могли принести остальному
населению Перна наименьший вред.

— Речь идет не об остальных людях... они ненавидят Бен-
дан! — с горечью произнесла Лесса. — Т'рон с Мардрой хотят
отплатить нам!

— Мардра наверняка не горит желанием, чтобы ее место
заняла новая Госпожа, — возразила Брекки, не испугав-
шись недовольного взгляда Лессы.

— Брекки права, Лесса, — сказал Ф'лар, как бы невзна-
чай положив ладонь на плечо повелительницы Вейра. — За-
чем Мардре соперница?

— И у Мерики, подруги Т'кула, это тоже не вызвало бы
восторга, — вступил в разговор Д'рам, Предводитель Ис-
ты. — Уж я-то ее знаю!

Пожалуй, Робинтон, как никто другой, понимал, что
Д'рам, который сам был из Древних, острее всех переживает
случившееся. Пожилой всадник был честен и справедлив, в
свое время он первым встал на сторону Ф'лара и выступил
против современников. Именно его поддержка позволила
Вейру Бендан и холду Телгар склонить на свою сторону дру-

гих Предводителей Древних — Р'марта и Г'нериша. «Да, сколько подводных течений и невидимых нитей скрыто здесь, — подумал Робинтон, оглядывая зал. — И хотя тот, кто задумал похитить королевское яйцо, не преуспел в своем замысле, зато ему удалось поколебать единодушие всадников».

— Не могу передать, Лесса, как мне горько, — качая головой, продолжал Д'рам. — Я даже не мог сначала в это поверить! Не понимаю, чего они хотели добиться... Ведь Т'кул еще старше меня, его Салту не догнать молодую бенденскую королеву... Если уж на то пошло, ни один дракон на юге не может на это рассчитывать!

Искреннее недоумение Д'рама сыграло ту же роль, что и язвительные выпады арфиста — сковывавшая людей напряженность стала понемногу ослабевать. Сам того не замечив, Д'рам подтвердил высказанную Робинтоном мысль: Древние сделали Вейру Бенден высший комплимент.

— И, кстати, к тому времени, когда новая королева будет готова подняться в брачный полет, — добавил Д'рам, как видно, только что осознав все до конца, — их бронзовые, скорее всего, перемрут. Только за последний Оборот в Южном умерли восемь драконов. Мы все знаем об этом. Думаю, они зря затеяли эту историю с кражей яйца... — лицо его омрачилось грустью и сожалением.

— Да нет, не зря, — возразил Фандарел, сжимая огромные кулаки. — Вы только посмотрите, что происходит здесь — а ведь сколько Оборотов мы были друзьями! Вы, всадники, — он ткнул толстым пальцем в сторону вождей Вейров, — были всего на волосок от того, чтобы направить своих драконов против дряхлых стариков Южного! — Фандарел медленно покачал головой. — Страшный день, воистину, страшный! Мне жаль вас, — он задержал взгляд на Лессе. — Но больше всего мне будет жаль Перн и себя самого, если вы не совладаете с гневом... если здравый рассудок не победит. А теперь я вас оставил.

Он с достоинством поклонился всем Предводителям по очереди, потом Брекки и, наконец, Лессе. Но тщетно Главный кузнец старался поймать ее взгляд. Так и не добившись успеха, он со вздохом вышел из зала.

Фандарел ясно выразил то, о чем Робинтон лишь попытался намекнуть Лессе — если всадники развязнут междоусобицу, они потеряют власть над холдами и Цехами. Слишком многое было высказано сгоряча в присутствии лордов, призванных в Вейр в разгар тревоги. И теперь, когда яйцо благополучно вернулось, ни один лорд, ни один Главный мастер не станет упрекать Бенден в бездействии.

Но как достучаться до сердца этой упрямицы, которая замкнулась в своем гневе и не желает отказаться от гибельной попытки возмездия? Впервые за весь свой долгий срок пребывания на посту Главного Арфиста Перна Робинтон не мог найти нужных слов. Он и так уже почти утратил ее расположение! Но сейчас речь шла о большем, гораздо большем.

— Слова Фандарела напомнили мне, что дажессора между двумя всадниками грозит бедой, — с печалью произнес Ф'лар. Взгляд его застыл, он словно погрузился мыслями в прошлое. — Однажды я позволил оскорбленному самолюбию возобладать над разумом — и вот результат!

Д'рам, сидевший с опущенными глазами, пристально посмотрел на Ф'лара и энергично замотал головой. Поднялся приглушенный ропот — всадники, несомненно, считали, что в тот день в Телгаре Ф'лар поступил по справедливости.

— Не говори вздор, — резко произнесла Лесса. — Тот единок не был твоим личным делом. Ты был обязан сразиться с Т'роном, чтобы сохранить единство Перна!

— А сегодня я не имею права сражаться ни с Т'роном, ни с другими южанами, иначе это единство рухнет!

Лесса долго смотрела Ф'лару в глаза, потом плечи ее сильно поникли — кажется, Госпожа Бендена поняла, что обстоятельства переменились.

— Ладно, — ее голос был хриплым от напряжения. — Но если яйцо не проклюнется, или с новорожденной королевой будет что-то не так...

— Если такое случится, мы снова вернемся к этому вопросу, — пообещал Ф'лар и поднял правую руку, словно подтверждая свои слова.

Робинтон от всей души надеялся, что путешествие во времени никак не повлияло на новорожденную королеву и она появится из яйца целой и невредимой. К моменту Рождения он должен раздобыть кое-какие сведения — они помогут умиротворить Лессу и дадут возможность Ф'лару не отступить от данного при свидетелях обещания.

— Пойду к Рамоте, — заявила Лесса. — Я нужна ей. — Миновав строй почтительно расступившихся всадников, она покинула комнату.

Взгляд Робинтона задержался на кружке — той, что он налил для Лессы. Схватив глиняный сосуд, он единым духом осушил его.

Опуская кружку, арфист встретил взгляд Ф'лара.

— Всем нам сейчас не мешало бы выпить, — невесело усмехнулся Предводитель Бендана, жестом приглашая собравшихся к столу. Брекки, поспешно встав с места, стала разливать вино.

— Подождем, пока не появится на свет королева, — продолжал Ф'лар. — Думаю, вам не нужно напоминать о бдительности — вы и сами примете все меры, чтобы подобное не повторилось.

— Сейчас наши Площадки Рождений пусты, — ответил Р'март Телгарский. — И ни у кого из нас нет бенденской королевы! — он хитро прищурился, глядя на Главного арфиста, и покачал головой. — Значит, за последний Оборот у них умерло восемь зверей: получается, что на весь Южный осталось двести сорок восемь всадников, из них только пять — бронзовые. Кто же все-таки вернул яйцо?

— Главное, что яйцо на месте, осталось не так уж важно, — сказал Ф'лар, одним глотком наполовину опорожнив свою кружку. — Хотя лично я глубоко благодарен этому... этому незнакомцу.

— Можно выяснить, кто он, — тихо заметил Н'тон.

Ф'лар пожал плечами.

— Я не уверен, что хочу это знать. Не уверен, что нам вообще нужно это знать — если из яйца родится живая и здоровая королева.

— Фандарел был прав,— произнесла Брекки, грациозно склонившись над столом, чтобы вновь наполнить бокалы.— Только взгляните, что происходит с нами, столько Оборотов прожившими в дружбе и согласии! Для меня это самое страшное. И еще,— она обвела взглядом сидевших в массивных каменных креслах мужчин,— меня пугает ненависть к файрам. Чем виноваты те два-три зверька, которые замешаны в этом деле? Тем, что не слушались своих хозяев? Возможно, я сужу предвзято,— она печально улыбнулась,— но у меня есть свои причины быть благодарной ящеркам.

— Не будем спешить, Брекки,— ответил Ф'лар. Я понял тебя. Успокойся: многое из того, что было сказано сегодня сгоряча, не обязательно обретет законную силу.

— Надеюсь, искренне надеюсь,— промолвила Брекки. Она колебалась, словно хотела добавить еще что-то, и, наконец, сказала,— Берд постоянно повторяет, что драконы жгли файлов...

У Робинтона вырвался возглас изумления.

— Мой Заир нес такую же чушь! Но ведь ни один дракон никого не сжег...

— Пока не сжег,— с ударением сказала Брекки, кивнув в сторону вейра Рамоты.

— Тем более мы должны позаботиться, чтобы огненные ящерицы больше не попадались королеве на глаза,— решил Ф'лар, обводя глазами зал. — Пока,— добавил он, подняв руку, чтобы остановить приглушенные возражения,— самое умное, что они могут сделать — это держаться подальше от Бендена. Я знаю, что файры приносят пользу, что некоторые оказались надежными гонцами. Знаю, что многие из вас их держат. Но если вам уж так необходимо посыпать сюда файлов, направляйте их к Брекки,— он взглянул на Робинтона.

— Огненные ящерицы никогда не полетят туда, где их терпеть не могут,— заявила молодая женщина. Потом добавила с вымученной улыбкой, стараясь смягчить сказанное: — А сейчас они просто до смерти перепуганы.

— Значит, пока не подошло время Запечатления, нам нечего делать? — спросил Н'тон.

— Разве что собрать девушек, которых нашли во время Поиска. Лесса хочет, чтобы они как можно скорее прибыли сюда — Рамота должна освоиться с их присутствием. Что ж, Предводители, скоро мы встретимся на бенденской Площадке Рождений.

— И пусть все пройдет удачно, — с жаром подхватил Д'рам; остальные искренне поддержали его.

Робинтон до последней минуты надеялся, что, когда все уй-дут, Ф'лар попросит его остаться. Но вождь Бэндена беседовал с Д'рамом, и Робинтон с грустью подумал, что ему лучше покинуть Вейр. Направляясь к выходу, он почувствовал, как тяжким грузом навалилась усталость. И все же Ф'лар поддержал его призыв соблюдать осмотрительность! Одолев последний поворот коридора, арфист увидел на карнизе бронзовую громаду Мнемента и остановился, внезапно осознав, что ему почему-то не хочется приближаться к приятелю Рамоты.

— Не стоит так расстраиваться, Робинтон, — сказал Н'тон; он подошел к арфисту и коснулся его плеча. — Ты был тысячу раз прав и, как всегда, проявил мудрость. Кто, кроме тебя, сумел бы сладить с охватившим Лессу безумием? Ф'лар все понимает, — тут молодой всадник ухмыльнулся, — но ему еще предстоит выдержать бой.

— Мастер Робинтон, — тихо, как будто не желая, чтобы его услышали посторонние, сказал подошедший Ф'нор, — зайди, пожалуйста, к нам с Брекки. И ты тоже, Н'тон, если не очень спешишь к себе в Форт.

— Сегодня все мое время к вашим услугам, — с готовностью согласился молодой предводитель.

— Брекки сейчас подойдет, — и Ф'нор повел их к противоположной стене Чаши, над которой стояла необычная тишина, нарушаемая только приглушенным свистом Рамоты, доносившимся с Площадки Рождений.

Восседавший на карнизе Мнемент поводил огромной головой из стороны в сторону, не оставляя без внимания ни дюйма скалистой поверхности огромного кратера.

Не успели мужчины переступить порог, как на них налетели четыре обезумевших от страха файра. Всеми владел одинаково навязчивый страх; пришлось их утешать, уговаривать, что у драконов даже и в мыслях не было их жечь.

— Что за странное темное пятно показывает мне Заир? — недоумевающее спросил Робинтон, когда ему удалось хоть немного привести своего питомца в чувство. Заир поминутно вздрагивал; как только арфист переставал нежно поглаживать его, крошка бронзовый начинал настойчиво подталкивать замешкавшуюся руку.

Берд и Гралл тем временем устроились у Ф'нора на плечах. Они терлись о его щеки, при этом их глаза, вращаясь с бешеною скоростью, горели тревожным ярко-желтым огнем.

— Когда они чуть-чуть успокоятся, мы с Брекки попробуем выяснить, что к чему. Похоже, они действительно что-то помнят.

— Надеюсь, на этот раз не ужасы, вроде Алой Звезды? — осведомился Н'тон. Едва он произнес столь неосторожные слова, как его бронзовый Трис, до той поры мирно дремавший на плече у всадника, принялся бить крыльями и верещать. К его воплям присоединились остальные файры. — Прошу прощения. Да успокойся же, Трис!

— Нет, это совсем другое, — сказал Ф'нор. — Нечто такое... такое, что они помнят.

— Мы знаем, что они мгновенно обмениваются мыслями и, по-видимому, передают друг другу все, что чувствуют и переживают особенно остро, — проговорил Робинтон. — И все реагируют одинаково. Только вот как узнать, какой ящерице принадлежало первоначальное переживание? С другой стороны, ни Гралл, ни Берд не могли узнать ни от кого из своих сородичей, что... вы понимаете, что именно... грозит им опасностью. Откуда же, спрашивается, они это знали, да еще с такой определенностью, что чуть не впали в истерику? Как они могли это помнить?

— Порой скакуны тоже умеют избегать опасных мест, — задумчиво сказал Н'тон.

— Инстинкт, — предположил Робинтон. — Скорее всего, инстинкт, — он покачал головой. — Но одно дело — избегать

опасных мест, и совсем другое — испытывать инстинктивный страх. Нет, А-Л-А-ЯЗ-В-Е-З-Д-А, — по буквам произнес он, — нечто совсем особое. Ну, да ладно.

— Огненные ящерицы в общем-то наделены теми же способностями, что и драконы. Но драконы не обладают памятью.

— Что позволяет нам искренне надеяться, — Ф'нор поднял глаза к потолку, — что сегодняшнее происшествие очень скоро будет забыто.

— К сожалению, наша Лесса не страдает забывчивостью, — тяжело вздохнув, произнес Робинтон.

— Но она отнюдь не глупа, Главный арфист, — возразил Н'тон прибегнув к титулу, чтобы подчеркнуть свое уважение. — Да и Ф'лар тоже. Просто оба переволновались. Вот увидишь, скоро они придут в себя и оценят все, что ты сделал для Перна сегодня. — Н'тон откашлялся и в упор посмотрел на Робинтона. — А ты-то сам догадываешься, кто взял яйцо?

— Я только слышал, будто Древние что-то замышляют. Я знаю лишь то, что не представляет тайны для любого человека, ведущего счет Оборотам — и сами всадники, и их драконы постепенно дряхлеют, ими овладевает отчаяние. Мне тут довелось кое-что пережить, когда у Заира настала брачная пора... — Робинтон замолчал, вспоминая ошеломивший его прилив желаний, которые он считал уже давно забытыми, потом пожал плечами и, встретив взгляд Н'тона, прочитал в глазах молодого Предводителя понимающую усмешку. — Так что я вполне могу себе представить, какое давление способны оказывать на своих всадников томящиеся без королевы бронзовые и коричневые драконы. Здесь сгодилась бы даже зеленая, достаточно молодая для того, чтобы подняться, — он вопросительно посмотрел на всадников.

— После сегодняшнего об этом не может быть и речи, — резко сказал Ф'нор. — Обратись они раньше в один из Вейров... Да хотя бы к Д'раму, — он взглянул на Н'тона, ожидая поддержки, — может, им и выделили бы зеленую, чтобы облегчить участь драконов. Но пытаться решить свои затруднения, украв королевское яйцо... — Ф'нор нахмурился. —

Скажи, Робинтон, что тебе известно о событиях в Южном Вейре? Я ведь отдал тебе все карты, которые снял во время давних путешествий над материком.

— Честно говоря, мне больше известно о событиях в тамошнем холде. Я действительно получил недавно весть от Пьемура. Он сообщает, что всадники стали вести себя гораздо более скрытно, чем всегда. По обычаям своего времени, они и раньше-то не особо общались с людьми из холда, но все же заходить в Вейр никому не возбранялось. И вдруг — новый приказ. Никому из холдеров не позволяют даже приближаться к Вейру! Ни под каким предлогом. И полеты почти прекратились. Пьемур пишет, что драконы, едва взлетев в воздух, тут же уходят в Промежуток. Не кружат, не летают над землей, а сразу — раз, и в Промежуток.

— Должно быть, путешествуют во времени, — задумчиво проговорил Ф'нор.

Заир жалобно пискнул, и Робинтон поспешил его успокоить. Снова бронзовый настойчиво посыпал ему странные образы: драконы, испепеляющие файров, непонятное черное пятно и, мельком, — яйцо.

— Вы тоже получаете от своих маленьких друзей такие же картины? — спросил он всадников и по их встревоженным лицам понял ответ.

Робинтон велел Заиру показать ему более четкое изображение, на котором было бы видно яйцо, но не получил ничего, кроме ощущения обжигающего пламени и ужаса.

— Будь у них чуть побольше разума... — посетовал Робинтон, стиснув виски длинными пальцами. — До чего обидно — так близко подойти к цели — и ничего не понять... Жаль, что зрительное восприятие у файров так ограничено!

— Они еще не пришли в себя, — сказал Ф'нор. — Я потом попробую еще раз с Гралл и Бердом. Интересно, что получится у Менолли с ее выводком? Спроси ее, Робинтон, когда вернешься к себе. У нее столько файров, что картина должна выглядеть яснее.

Поднимаясь с места, Робинтон согласно кивнул, и тут ему в голову пришла еще одна мысль.

— Скажи-ка, Н'тон, ты сам ведь тоже летал с бронзовыми на Южный — посмотреть, не спрятали ли они яйцо где-нибудь в Вейре?

— Да. Но в Вейре никого не осталось, ни единого даже самого дряхлого дракона. Он был пуст.

— А ведь это вполне закономерно, как ты считаешь?

* * *

Джексом с Менолли верхом на Руте возникли в небесах над Форт холдом. Рут передал свое имя сторожевому дракону, и сразу же на них налетела целая туча огненных ящериц. Они плотным кольцом окружили дракона, так что он не мог даже взмахнуть крылом. Как только Рут приземлился, файры, сгорая от нетерпения, набросились и на него самого, и на его всадников.

Напрасно Менолли пыталась их увещевать — они цеплялись за ее одежду, запутывались в волосах. Двое попытались сесть Джексому на голову, еще несколько обвились хвостами вокруг шеи, а трое бешено махали крыльями, стараясь удержаться в воздухе бровень с его глазами.

— Что это на них нашло?

— Они до смерти перепуганы. Говорят, что драконы дышали на них огнем! — крикнула Менолли. — Но ведь ничего подобного не было, глупыши! Вам только велено пока не совать нос в Вейры.

Завидев такое столпотворение, им на выручку поспешили другие арфисты. Кто-то снимал файров, прицепившихся к Менолли и Джексому. Кто-то строго окликнул своих питомцев. Когда Джексом попытался отогнать файров от Рута, дракон попросил его не вмешиваться. Он, Рут, скоро сам их успокоит. Они перепугались, потому что помнят, как драконы преследовали их и жгли огнем. Поскольку арфистам не терпелось услышать новости из Бендена, Джексом решил предоставить Руту возиться с взбудораженными ящерками.

От файров, в панике вернувшихся в мастерскую, арфисты получили какие-то неясные, обрывочные образы: над Бенденом стаи огромных бронзовых драконов, изрыгающих пламя, готовых к сражению; Рамота, неистовствующая, как обезу-

мевший от крови дикий страж; еще одна странная картина — королевское яйцо, одиноко лежащее на песке. Но особенно встревожила всех картина испепеления файров драконами.

— Но ни один из бенденских драконов не сжег ни единого файра, — разом сказали Менолли с Джексомом.

— Правда, ящерицам отныне запрещено появляться в Бендене, если только их не пошлют по делу к Брекки или к Миррим, — строго добавила девушка. — И потом, мы должны помечтать всех принадлежащих арфистам ящериц цветами нашего Цеха.

Джексома с Менолли проводили в главный зал, где им подали вино и горячий суп. Правда, горячим его попробовать так и не удалось — не успели принести еду, как пришли люди из холда, жаждущие узнать новости. Менолли, как опытная арфистка, взяла на себя большую часть повествования. Уважение, которое Джексом питал к девушке, возросло еще больше, когда он ощущил, как ее плавно льющийся голос рождает у слушателей — и у него самого — именно тот душевный отклик, который соответствует каждому эпизоду. При этом Джексом должен был признать, что она ни-чуть не погрешила против истины. Один из старших арфистов, успокаивая юркнувшего ему под мышку голубого файра, согласно кивал головой, как видно, одобряя речи Менолли.

Но вот девушка закончила рассказ, и по комнате прокатился благодарный ропот. Теперь пришел черед слушателей поделиться новостями. Потом все стали гадать, кто же вернулся яйцо, как и почему — это все еще оставалось самой жгучей тайной. Намерены ли Вейры защищаться? Грозит ли опасность крупнейшим холдам? Кто знает, до чего могут дойти эти Древние, если они решились украсть яйцо бенденской королевы! Вот и теперь происходят какие-то загадочные случаи — сами по себе не столь уж важные и все же в высшей степени подозрительные, — о которых арфисты считают необходимым сообщить в Вейр Бенден. Например, о недостачах в железных копях. Или о бесследно исчезнувших молоденьких девушках. А вдруг Древние замышляют еще что-нибудь?

Менолли выбралась из кольца слушателей и поманила Джексом за собой.

— У меня даже в горле пересохло от такой долгой речи, — тяжело вздохнув, пожаловалась она, ведя его по коридору в огромный зал переписчиков. Там снимали копии с заплесневелых манускриптов, чтобы заключенные в них сведения не исчезли навеки. Внезапно в зал впорхнули ее файры, и она знаком приказала им сесть на один из столов. — Вам, мои дорогие, предстоит принарядиться по последней файровой моде! — девушка порылась в стоящем под столом сундуке. — Ну-ка, Джексом, помоги отыскать белую и желтую краску, а то в этих банках она совсем засохла, — Менолли швырнула их в ящик для мусора.

— Какая же у ящериц нынче мода?

— Та-а-ак, здесь белый, здесь синий арфистов, с голубым их помощников, между ними белая полоса, а вокруг желтая рамка, цвет Форт холда. Теперь их ни с кем ни спутаешь, верно?

Джексом согласился, и ему сразу же сунули в руки шею ящерицы, чтобы он держал ее покрепче. Это поручение оказалось вдвойне сложным: все ящерицы почему-то непременно хотели заглянуть ему прямо в глаза.

— Если они хотят мне что-то сообщить, то я все равно не понимаю, — сказал Джексом арфистке, безропотно выдергивая уже пятый пристальный взгляд.

— Я подозреваю, — заговорила Менолли, то и дело замолкая, чтобы наложить нужную краску, — что у тебя... да держи же ты его как следует!... единственный дракон... на всем Перне... которого... они... держи крепче... не опасаются. Ведь Рут... в конце концов... не жует огненный камень.

Джексом вздохнул, сообразив, что внезапно подскочившая популярность Рута может окончательно расстроить их личные планы. Придется, видно, уходить в другое время — если файры не будут знать, в каком времени скрылся Рут, они не смогут последовать за ним. Тут Джексом вспомнил, зачем, собственно, он сюда явился.

— А ведь я прилетел к вам сегодня утром, чтобы получить запись вансоровых уравнений...

— Да, — Менолли улыбнулась ему поверх крыла извивающегося голубого файра, — а кажется, будто это было столько Оборотов назад... Сейчас, только покрасим Дядюшку белым, и я сразу же дам тебе листы. У меня есть еще кое-какие небесные карты для зимнего периода, можешь взять — за то, что ты нам помогал.

В комнату стрелой влетел голубой файр и, увидев Джексома, радостно зачирикал.

«Это голубой нашего толстяка», — подсказал со двора Рут.

— У меня всего один голубой, и мы его только что пометили, или я ошибаюсь? — растерянно спросила Менолли, оглядывая остальных файров.

— Это голубой Бранда. Мне пора домой, в Руат. Нужно было уже давно вернуться.

— Только будь осторожен, а то встретишься с самим собой, — рассмеялась Менолли. — На этот раз ты выполнял поручение государственной важности.

Усмехнувшись в ответ, Джексом ловко поймал рулон карт, который девушка бросила ему. Откуда ей знать, что было у него на уме? Или Менолли догадывалась об их с Рутом занятиях? Ладно. Слишком уж он серьезно относится к ее словам — а все потому, что совесть нечиста.

— Тогда подтверди мое алиби, если Лайтол будет спрашивать.

— Всегда готова, Джексом.

Возвратившись в Руат, Джексом в который уже раз рассказал все новости домочадцам; его истории вызвали здесь не меньше восторга, изумления, гнева и облегчения, чем у арфистов и обитателей Форт холда. Джексом поймал себя на том, что невольно использует те же обороты, что и Менолли: «Интересно, — подумал он, — скоро ли мы услышим от нее балладу о сегодняшних событиях?».

В заключение он велел всем, кто держит файров, пометить их цветами Руата: красные квадраты на коричневом поле в черно-белом обрамлении. Юный лорд сам проследил, чтобы все было надлежащим образом организовано и вдруг заме-

тил, что Лайтол так и сидит в своем тяжелом кресле, пощипывая одной рукой нижнюю губу и устремив глаза в какую-то невидимую точку на каменном полу.

— Лайтол!

Оберегающий с усилием очнулся от своих раздумий и, нахмурившись, посмотрел на Джексома. Потом вздохнул:

— Я всегда боялся, что раздор с Древними может закончиться войной драконов.

— Но ведь до этого не дошло, Лайтол, — как можно спокойнее и убедительнее проговорил Джексом.

Опекун пристально посмотрел ему в глаза.

— Однако, едва не дошло, дружок. Вполне могло дойти. А ведь мы оба — и ты, и я — стольким обязаны Бендену. Может быть, мне стоит отправиться туда?

— Там остался Файндер.

Лайтол кивнул, и Джексом подумал: уж не решил ли Оберегающий, что он теперь не нужен? Его опекун провел рукой по глазам и опустил голову. Джексом обеспокоенно спросил:

— Лайтол, тебе нехорошо? Может быть, кружку вина?

— Нет, со мной все в порядке, дружок, — Лайтол быстро поднялся. — Наверное, во всей этой суматохе ты забыл, зачем отправился в Цех арфистов?

С облегчением убедившись, что Лайтол снова стал прежним, Джексом беспечно заявил, что привез не только уравнения Вансора, но еще и карты, над которыми можно поработать. И до самого ужина горько сожалел об этом — Лайтол тут же засадил его объяснять Бранду и ему самому, как нужно рассчитывать начало Падения Нитей.

Учить других — лучший способ усвоить кое-что самому. Джексом убедился в этом поздним вечером, когда, склонившись над грубой картой южного материка, которую ему удалось достать, стал составлять кое-какие уравнения для своей личной надобности. Слишком часто на Перне что-то случалось, чтобы можно было с легкой душой отправиться в какое-нибудь наугад выбранное время. И раз уж он решил путешествовать во времени, лучше перенестись, по крайней мере, на двенадцать Оборотов назад, когда на Южном еще никто не появился. Он знал, где искать залежи огненного

камня, так что с этим никаких затруднений не возникнет. Звезды уже начали меркнуть, когда Джексом, наконец, убедился, что найдет дорогу в то время, в котором хочет очутиться ся.

Перед самым рассветом Джексома разбудили всхлипывания Рута. Выскочив из-под шерстяного одеяла, он заковылял босиком по холодному каменному полу в драконий вейр. Передние лапы Рута подергивались, крылья трепетали — белому дракону снились тревожные сны. Вокруг копошились ящерицы, на большинстве из них цветов Руата не было и в помине. Джексом прогнал непрошеных гостей, и Рут, вздохнув, уснул глубоко и безмятежно.

Глава 6

*Холд Рут и холд Южный; пятнадцатый Оборот,
двадцать седьмой день пятого месяца — второй день
шестого.*

День в Руате начался с того, что во все мастерские и малые холды были посланы файры с наказом: пометить надлежащим образом всех огненных ящериц и строго-настрого предупредить каждую о том, как они должны себя вести в Вейрах. Вскоре один за другим стали появляться окрестные холдеры, желавшие внести ясность в сумбурные сведения, полученные от маленьких гонцов. У Лайтола, Бранда и Джексома эти объяснения заняли целый день. На завтра ожидалось Падение Нитей, и началось оно точно в тот момент, который вычислил Лайтол. Это доставило Оберегающему немалое удовлетворение и к тому же успокоило даже самых недоверчивых холдеров.

Джексом — на этот раз без особого недовольства — занял свое место в строю огнеметчиков, но ни одной Нити не удалось ускользнуть от драконов Форт Вейра. Юноша утешал себя мыслью, что в следующее Падение он, быть может, тоже будет летать над землей верхом на огнедышащем Руте.

На третий день после похищения яйца Рут проголодался и захотел поохотиться. Но файры, предвкушавшие обильную трапезу, слетелись со всех сторон такими тучами, что он прикончил только одного самца и съел его сам до последней косточки.

«Не собираюсь убивать для них», — заявил дракон так сердито, что Джексом даже испугался — уж не испепелил бы их Рут ненароком!

— Что на тебя нашло? Ведь раньше они тебе нравились! — ласково поглаживая Рута, спросил Джексом, когда они встретились на зеленом пригорке.

«Они помнят, как я сделал такое, чего сам не помню. Я этого не делал!» — глаза Рута вращались, сверкая алыми искрами.

— И что же они помнят?

«Я этого не делал, — неожиданно в мысли Рута прозвучал оттенок боязливой неуверености. — Я точно знаю, что не делал. Я просто не мог такое сделать. Ведь я дракон. Я — Рут! Рут из Бендана!» — с отчаянием выпалил он.

— Но что же они такое запомнили, а, Рут? Ты должен мне сказать.

Рут понурил голову и отвернулся, как будто желая спрятаться. Когда он снова взглянул на Джексома, глаза его были печальны.

«Разве стал бы я брать яйцо Рамоты? Я знаю, что не брал его. Ведь я все это время был на озере вместе с тобой. Я это помню. И ты помнишь. Они тоже знают, где я был. Но почему-то считают, что я взял яйцо Рамоты».

Чтобы удержаться на ногах, Джексому пришлось уцепиться за шею дракона. Потом он сделал несколько очень глубоких вдохов.

— Покажи мне картины, которые они тебе передали.

Рут повиновался. По мере того, как он постепенно приходил в себя, образы становились все четче и яснее.

«Вот что они запомнили», — сказал он наконец и глубоко, с облегчением вздохнул.

Джексом попытался осмыслить увиденное, потом, после минутного размышления, произнес:

— Файры могут помнить только то, что видели. А ты знаешь, КОГДА именно они видели, что ты берешь яйцо Рамоты?

«Я могу перенести тебя в это “когда”».

— Ты уверен?

«Среди них есть две королевы — они особенно меня донимают, потому что помнят лучше остальных».

— А не ночью ли это случилось? Может быть, они помнят, что на небе были звезды?

Рут покачал головой.

«Файры слишком малы, чтобы видеть звезды. Они говорят, что именно тогда их чуть не сожгли. Бронзовые драконы, которые стерегли яйцо, жевали огненный камень и не подпускали ящериц».

— Очень разумно с их стороны.

«Ни один дракон больше не любит огненных ящериц. А если бы драконы узнали то, что помнят обо мне ящерицы, меня они тоже перестали бы любить».

— Значит, не так уж плохо, что ты — единственный дракон, который готов выслушать ящериц, согласен? — Но эта мысль не особо утешила Рута, да и самого Джексома тоже. — Что же они тебя допекают, если яйцо давно уже вернулось в Бенден?

«Потому что они не видели, что я с ним сделал».

Джексом почувствовал, что ему лучше сесть. Над последними словами Рута придется долго думать. Впрочем, что тут думать... Ф'лессан был прав — все мы думаем и говорим до посинения. «Интересно, а Лессу и Ф'лара тоже охватывает столь же странное чувство, когда им приходится принимать важные решения? — мелькнула неожиданная мысль. — Пожалуй, лучше не размышлять на такие темы», — решил он.

— Так ты действительно уверен, что знаешь, в какое время нам нужно попасть? — спросил он Рута еще раз.

Мелодично воркуя, к ним подлетели две королевы. Одна до того осмелела, что села Джексому на плечо. Глаза ее радостно вращались.

«Они знают. И я тоже».

— Я рад, что они согласны нас сопровождать. Жаль только, что они не видят звезд...

Еще раз глубоко вздохнув, Джексом вскочил Руту на шею и велел дракону держать путь домой.

Стоило ему принять решение, как все стало удивительно просто, главное — поменьше думать. Он собрал летнюю амуницию, веревку, шерстяное покрывало — чтобы завернуть яйцо. Потом проглотил несколько пирожков и, подмигнув Бранду, выскочил из зала, вне себя от счастья, что у него есть такое безупречное алиби — предполагаемый роман с Кораной.

Зато ему пришлось довольно долго уговаривать Рута, чтобы тот вывалился в черном прибрежном иле телгарской дельты. Все же Джексому удалось внушить другу, что его

шкура будет слишком заметна посреди темной тропической ночи юга или на Площадке Рождений Бендена средь бела дня — им в обоих случаях требовалось держаться в тени.

Судя по образам, которые передали Руту две королевы, Джексом был почти уверен, что Древние спрятали яйцо в далеком прошлом, поместив его в самое разумное с их точки зрения место — в теплые пески потухшего вулкана на том плоскогорье, где в будущем разместился Южный Вейр. Он запомнил расположение звезд над Южным, так что, вероятно, удастся попасть в нужное время с точностью до одного-двух дней.

Файры в полном составе собрались у реки и с энтузиазмом помогали Джексому обмазывать белую шкуру дракона липкой черной грязью. Потом Джексом заляпал грязью лицо, руки и все блестящие детали снаряжения. Шерстяное покрывало и так было достаточно темным.

Странное чувство охватило Джексома. Ему казалось, что все это происходит не с ним, что он просто не может пуститься в такую дикую авантюру. Но другого выхода не было. Он неотвратимо приближался к заранее предопределенному событию, и ничто не могло его остановить. Поэтому без волнения и поспешности он оседлал Рута, вполне доверяя чутью своего дракона. Джексом дважды глубоко вздохнул.

— Ну, Рут, ты сам знаешь, в какое «когда» мы направляемся. Давай, дружок!

Да, это был самый долгий, самый обжигающий скачок из всех, которые ему доводилось совершать. Правда, у Джексома было одно преимущество, которого не имела Лесса — он это предвидел. Но, несмотря на предвидение, охватившая его тьма не стала менее устрашающей, давившая в уши мертвая тишина менее однообразной, а пробирающий до самых костей холод менее нестерпимым. Обратно им не удастся вернуться одним прыжком; чтобы не застудить яйцо, нужно будет разбить путь на несколько отрезков.

Они вынырнули посреди влажной теплой пустоты, наполненной запахами сочной зелени и чуть подгнивших плодов. На мгновение Джексомом овладело отвратительное чувство, что все это — лишь сон огненных ящериц. Но то, как Рут осторожно парил, стараясь скользить как можно бесшумнее,

слиться с нежным ночных ветерком, заставило его тотчас осознать всю реальность происходящего. Внезапно он увидел внизу яйцо — блестящую точку чуть правее настороженного уха Рута. Рядом, охраняя его, дремали бронзовые; он едва мог различить во тьме их гигантские силуэты.

Джексом выждал, пока Рут спустится пониже, чтобы лучше разглядеть это место у восточной границы будущего Вейра; сейчас тут простиралась только заросшая травой поляна. Потом он велел Руту переместить во времени. Казалось, они ни секунды не пробыли в Промежетке — и сразу же он ощутил на спине теплые лучи восходящего солнца. Часто махая крыльями, Рут стремительно пронесся над самыми спинами дремлющих бронзовых и их спящих всадников. Вот он камнем упал вниз — и яйцо уже зажато в его сильных передних лапах. Молниеносный рывок — и не успели ошеломленные бронзовые приподняться, как белый дракон снова нырнул в ледяную тьму безвременья.

Они вышли из Промежутка через один Оборот после удачного похищения. У Рута еще хватило сил осторожно опустить яйцо на теплый песок. Джексом скатился с драконьей шеи, спеша осмотреть добычу — нет ли на яйце трещин или вмятин. С виду оно выглядело вполне нормально — достаточно твердое и еще совсем теплое. Юноша забросал драгоценное яйцо горячим песком и, следуя примеру Рута, рухнул рядом, стараясь отдохнуть.

— Нам нельзя здесь долго отдыхать, Рут. Они начнут обыскивать материк день за днем. Ведь им ясно, что мы не можем сразу унести яйцо слишком далеко.

Рут кивнул; дыхание со свистом вырывалось из его пасти. Вдруг он напряженно замер; Джексом с тревогой наблюдал за ним. Из-за выступа скалы на них таращились два файра, бронзовый и голубой. В тот мимолетный миг, пока Джексом на них смотрел — потому что в следующий они уже исчезли — юноша заметил, что цветных полосок вокруг шеи у них не было.

— Ты их знаешь?

«Нет».

— А где две королевы, которые были с нами?

«Они показали мне нужное «когда» и ушли. Ведь именно этого ты от них и хотел?»

Джексом пожалел, что лишился даже такого эфемерного руководства и выругал себя за то, что не попросил ящерок остаться:

«Чую огненный камень, — сказал Рут. — Я видел следы огня. Здесь бронзовые сжигали файров! Это было давно. Следы огня уже начали исчезать».

— Битва драконов! — осенила Джексома страшная догадка. Здесь он не чувствовал себя в безопасности. Да и где найти ее, пока они не доставят яйцо назад, в Бенден?

— Нужно сделать еще один прыжок, Рут. Нам нельзя здесь долго прохладиться!

Он решительно размотал веревку, которая была обвязана у него вокруг пояса, и, завернув яйцо в покрывало, попытался увязать его в узел. Руту будет легче, если надежно пристроить яйцо между его передних лап. Джексом уже затягивал веревку, когда вдруг услышал громкий хруст.

— Уж не собираешься ли ты испепелить парочку драконов?

«Зачем? Просто они не посмеют ко мне приблизиться, если я буду выдыхать пламя».

Джексом был слишком выбит из колеи, чтобы спорить. Когда Рут прожевал все, что было у него в пасти, юноша подозвал дракона и стал привязывать к нему яйцо. Он обмотал плечи Рута веревкой и стал тщательно проверять все узлы. Вдруг его словно что-то толкнуло, и он быстро вскочил Руту на шею.

— Теперь передвинемся на пять Оборотов вперед в Керун, на наше место. Ты знаешь, как туда попасть?

«Знаю», — ответил Рут после секундного размышления.

В промежутке у Джексома было время, чтобы побеспокоиться о яйце. Не слишком ли длинные скачки они делают — не остынет ли оно? Ведь яйцо еще не насижено как следует... Уж не погубил ли он молодую королеву, пытаясь ее спасти? У Джексома просто голова шла кругом — и от Промежутка, и от неразрешимых вопросов. «Нет, — ответил он сам себе, —

самое важное — благополучное возвращение яйца — еще впереди. И драконы не идут друг на друга войной — во всяком случае, пока...»

Переливающийся зной керунской пустыни отогрел его из-зябшее тело и поднял упавший было дух. Под коркой засохшей черной грязи Рут выглядел зловещим призраком. Джексом распутал веревку и опустил яйцо на горячий песок. Рут помог его закопать. Солнце двигалось к полудню, близился час, когда яйцо должно вернуться на место, но от этого времени их отделяло не меньше шести Оборотов.

«Может быть, уже можно смыть в море эту мерзкую грязь?» — спросил Рут, но Джексом попросил его потерпеть, пока они не доставят яйцо в Бенден. Тогда ни один всадник и ни один дракон так и не понял, кто же это сделал, и сейчас никто не должен ничего понять — так что Руту не стоило светить своей белой шкурой.

«А как же файры? Почему они не видели, как я вернул яйцо?» — жалобно спросил Рут.

Джексом этот вопрос тоже тревожил, но он решил, что нашел правильный ответ.

— Вероятно, они так и не узнали, кто принес яйцо обратно. Ведь на Площадке Рождений ни одного из них не было — значит, они не помнят того, чего не видели. — Джексом решил пока об этом больше не думать.

Его сморила усталость, и он привалился к теплому боку Рута. Нужно немножко отдохнуть — а яйцо пока пусть греется на полуденном солнце. Теперь им предстоял последний, самый сложный маневр.

Нужно рассчитать так, чтобы выйти из Промежутка на самой Площадке Рождений — там, где арка нижнего входа, круто изгибаясь, не позволяет увидеть со стороны Чаши, что делается в глубине. Это как раз напротив щели, которой Джексом с Ф'лессаном так успешно воспользовались много Оборотов назад. Просто счастье, что Рут такой маленький и можно рискнуть выйти из Промежутка прямо на Площадку. Раз его дракончик родился на ней, то можно полагать, что он найдет дорогу с закрытыми глазами.. Правда, до сих пор его хвастливые заявления — мол, он всегда знает, в какое время направляется, — неизменно подтверждались.

Даже на пустынной и жаркой равнине Керуна стоял еле слышный, но неумолчный гул: тихонько шуршали какие-то насекомые, шелестел в сухой траве знойный ветер, извиваясь, скользили по песку змеи, где-то вдали разбивались о прибрежные скалы морские волны. Стихии все эти звуки разом — и это произвело бы не меньшее впечатление, чем гром средь ясного неба. Именно такая мертвая тишина и внезапно изменившееся давление воздуха заставили Джексома с Рутом с трепетом дрожать и в тревоге вскочить с теплого песка.

Джексом поднял глаза к небу, ожидая увидеть бронзовых драконов, жаждущих вернуть свою добычу. Но знойные небеса были совершенно пусты. Оглянувшись вокруг, Джексом увидел подстерегавшую их опасность — по пустыне, быстро приближаясь, надвигалась серебристая дымка Нитей. Падение! Спотыкаясь, он бросился к яйцу; Рут не отставал. Вдвоем они стали судорожно откачивать его; затем Джексом начал обвязывать тюк веревками, одновременно пытаясь определить, где проходит передний фронт смертоносного ливня. Удивительно, почему в небе не видно ни единого дракона?

Но, как они не спешили, стараясь понадежней закрепить на груди у Рута драгоценную ношу, время летело еще быстрее. Не успел Джексом вскочить Руту на шею и послать его вверх, как вокруг, зловеще шипя, стали дождем падать Нити. Выпустив столб пламени, Рут круто взвился в воздух, пытаясь вырваться перед собой свободное пространство, чтобы оттуда уйти в Промежуток.

Огненная лента обожгла Джексому щеку, скользнула по плечу, прошила кожаную тунику, ужалила руку, потом бедро. Он услышал крик боли, вырвавшийся у дракона — и все кануло в непроглядный мрак Промежутка.

Каким-то образом Джексом умудрился не потерять ощущения, где и когда они должны очутиться. Вот, наконец, бенденская Площадка Рождений раскинулась под ними. Снаружи доносится неистовый вой Рамоты. Рут чуть слышно ойкнул, когда раскаленный песок попал на свежий ожог. Кусая губы от боли, Джексом сражался с веревкой. У них так мало времени... кажется, уже целый час он не может распуш-

тать эти узлы! Рут опустил яйцо на песок, и золотистый овал, попав на пологий склон, неожиданно выкатился из темного угла, где они скрывались, прямо на глаза зрителей. Больше ждать было нельзя. Рут рванулся к высокому сводчатому потолку и нырнул в Промежуток.

Все! Теперь драконы не пойдут друг на друга войной...

Джексом удивился, когда Рут вышел из Промежутка над знакомым горным озерцом. В этот миг юноша был слишком озабочен состоянием своего дракона, чтобы задуматься, в каком времени они оказались.

Рут жалобно поскрипывал: невыносимо жгло лапу и бедро. Он мечтал только о том, чтобы поскорее унять эту жалящую боль. Джексом соскочил прямо на мелководье и стал поливать водой грязную серую шкуру дракона, проклиная себя за то, что не догадался захватить с собой целебную мазь. Конечно, ему и в голову не могло прийти, что они попадут в такую переделку...

От ледяной воды жжение слегка поутихло, но теперь Джексом боялся, как бы грязь не вызвала воспаление. Можно было, конечно, придумать для маскировки что-нибудь менее опасное, чем речной ил. Он не решился тереть обожженные места песком — Руту будет больно, да еще эта мерзкая грязь может въестся в раны. Впервые за много дней Джексом пожалел, что с ними нет ни единой ящерицы — они помогли бы ему вычистить дракона.

«Сегодня — следующий день после того, когда мы отправились в путь, — заявил Рут. — Видишь, я всегда знаю, в каком времени нахожусь, — добавил он с вполне законной гордостью. — Ужасно щиплет слева от гребня — ты оставил там грязь!»

Везде, где только было можно, Джексом основательно прошелся по рутовой шкуре песком, стараясь не обращать внимания на собственные рубцы, горевшие огнем. К тому времени, когда Рут, наконец, решил, что он достаточно отмылся и пошел в последний раз окунуться на глубине, Джексом едва не падал с ног от усталости и боли. Льющие к ногам волны снова напомнили ему тот не столь уж давний день, когда он так неожиданно взбунтовался.

— Ну что же,— посмеиваясь над собой, произнес он,— кроме всего прочего, мы еще и сразились с Нитями. Только бойцы из нас пока скверные — это слишком явно написано на наших шкурах.

«Просто у нас были другие заботы,— укоризненно заметил Рут.— Но теперь я знаю, как нужно действовать. В следующий раз у нас получится гораздо лучше. Я быстрее любого большого дракона; смогу развернуться на кончике хвоста и уйти в Промежуток почти над самой землей».

Джексом стал горячо убеждать Рута, что он самый лучший, самый быстрый, самый умный дракон на всем Перне — от севера до юга. От удовольствия глаза дракончика засияли зеленым светом, и он горделиво поплыл к берегу, расправив еще влажные крылья.

«Ты совсем замучился, озяб и проголодался. А у меня болит нога. Давай возвращаться домой».

Джексом знал, что это самое разумное — нужно наложить целительный бальзам Руту на ожог, да и на свои раны тоже. Но каждый увидит эти рубцы, которые могли оставить только Нити. Что, во имя Первой Скорлупы, он скажет Лайтолу?

«А зачем что-то говорить? — вполне логично спросил Рут.— Ведь мы сделали только то, что должны были сделать».

— Да ты, оказывается, умеешь мыслить логически? — Джексом, расхочатавшись, похлопал Рута по загривку и устало забрался ему на шею. Потом, с вполне объяснимой опаской, велел дракону возвращаться домой.

Сторожевой коричневый приветственно затрубил, и полдюжины файров, все разукрашенные цветами холда, окружили Рута, чтобы проводить его до вейра.

Вытаращив глаза от волнения, из кухни выскочила служанка.

— Лорд Джексом, Рождение уже произошло! И новая королева вылупилась жива-здорова. За тобой присылали, да только тебя нигде не могли сыскать.

— Я был занят. Принеси бальзама, да поскорее!

— Бальзама? — от удивления у служанки глаза полезли на лоб.

— Вот именно, бальзама — я обгорел на солнце.

Джексом промок до нитки и стучал зубами от холода, поэтому он мог со всем основанием гордиться своей находчивостью. Он проследил, чтобы Рут удобно расположился на своем ложе и поднял свою обожженную ногу повыше.

Прикосновение одежды к телу причиняло острую боль — Нить скользнула по руке, от плеча до запястья, и проделала длинную борозду вдоль всего бедра.

Робкое царапанье у двери возвестило о невероятно скромном возвращении служанки. Джексом приоткрыл створки ровно настолько, чтобы в щель пролез котелок с бальзамом; при этом он отворачивался, чтобы скрыть от любопытных глаз обожженную щеку.

— Спасибо. Еще я хотел бы съесть чего-нибудь горячего — суп, кла... Тащи все, что есть на плите.

Закрыв дверь, он разделся, набросил на плечи теплый плащ, стянув его ремнем на животе, и прошел к Руту. Плюхнув целую пригоршню бальзама ему на ногу, Джексом расплылся в улыбке — обезболивающее снадобье явно принесло Руту облегчение.

Постанывая от удовольствия, он принялся за свои раны. Замечательная, драгоценная травка! Он больше не станет отлынивать, когда придет пора собирать ее жесткие колючие листья, из которых варят такой чудодейственный бальзам! Смазывая рубец на щеке, Джексом погляделся в зеркало. Да, останется шрам длинной в палец. Тут уж никуда не денешься. Ему еще предстоит пережить гнев Лайтола...

— Джексом!

Быстрый стук в дверь — и вот Лайтол уже на пороге.

— Ты пропустил Запечатление в Бендене и... — увидев своего питомца, Лайтол остановился как вкопанный. Поскольку юноша, занимаясь врачеванием, приспустил плащ, отметины на его плече и лице были отлично видны.

— Я слышал, там все прошло благополучно? Вот и прекрасно, — сказал он с беспечностью, которой вовсе не ощущал, и стал натягивать тунику. — Я... — тут он замолчал, потому что сквозь плотную ткань голос его был еле слышен — и еще потому, что пришлось бы, как всегда чистосердечно, выложить опекуну все подробности ночного приключения.

Нет, он к этому не готов. Пожалуй, Рут прав — они сделали только то, что должны были сделать. И это их с Рутом личное дело. Как знать, может, его поступок был продиктован бессознательным стремлением загладить свою детскую вину, когда он так неосторожно залез на Площадку Рождений. Наконец, Джексом выбрался из ворота своего одеяния и поморщился, задев рубец на щеке. — Кажется, в Бендене опасались, удачно ли пройдет Рождение — ведь яйцо не раз побывало в Промежутке?

Лайтол медленно подошел к юноше, не спуская с его лица вопросительного взгляда.

Джексом одернул тунику, подпоясался, и снова размазал бальзам по щеке. Он не имел представления, что еще сказать.

— Может быть, Лайтол, ты посмотришь ногу Рута? Правильно я ее обработал? — глядя на опекуна, Джексом спокойно ожидал ответа. Ему было грустно, но приходилось сдерживать свои чувства. Ведь он заметил, как потемнели от волнения глаза Лайтола... Еще никогда он не был ему так благодарен, как в эту минуту. А ведь раньше он считал опекуна холодным, жестким, даже бесчувственным...

— Есть пара приемов, как увернуться от Нити, — тихо проговорил Лайтол. — Ты уж научи Рута, лорд Джексом.

— Если ты любезно подскажешь мне, как именно, лорд Лайтол...

Глава 7

Утро в холде Рут; пятнадцатый Оборот, второй день шестого месяца.

Ря ведь пришел сказать тебе, лорд Джексом, что у нас гости. Мастер Робинтон, Н'тон и Менолли уже на верху. Они заехали по пути из Бенденса, присутствовали там на Запечатлении. Но давай сначала посмотрим, что с Рутом.

— А сам ты ездил в Бенден? — спросил Джексом.

Перешагнув порог вейра Рута, Лайтол покачал головой. Белый дракон устраивался поудобнее, собираясь как следует вздрогнуть. Лайтол учтиво поклонился ему и нагнулся, чтобы поближе рассмотреть густо смазанные рубцы.

— Полагаю, ты сначала вымыл его в озере, — взглядел Лайтола задержался на мокрых волосах юноши. — Вода там достаточно чистая, и бальзам ты наложил как раз вовремя. Нужно будет проверить через несколько часов, как пойдут дела. Но я думаю, он в полном порядке, — Лайтол перевел взгляд на слишком заметные ожоги, украшавшие самого Джексома.

— Ума не приложу, как объяснить твой вид нашим гостям, — вздохнул он. — Скажи еще спасибо, что это Н'тон, а не Ф'лар. Менолли, я надеюсь, знала, что ты затеял.

— Я никого неставил в известность о своих планах, лорд Лайтол, — сдержанно произнес Джексом.

— Наконец-то ты хоть немного научился осмотрительности, — Оберегающий смерил взглядом своего питомца. — Пожалуй, я попрошу Н'тона, чтобы он потренировал тебя вместе с молодыми всадниками Форта — так будет спокойнее, да и у тебя появится компания. Робинтон, конечно, догадается, чем ты занимался... ну, да он все равно рано или поздно узнал бы, скрывай — не скрывай. Что ж, пошли — наши гости не осудят тебя слишком строго за неумелость. Хотя ты заслуживаешь большего, чем обычной головомойки — подвергать себя и Рута такой опасности! Особенно сейчас, когда и так все идет наперекосяк...

— Мне очень жаль, лорд Лайтол, что я тебя огорчил. Опекун снова окинул его внимательным взглядом.

— Дело не в огорчении, Джексом. Во всем виноват я один. Мне бы стоило давно догадаться, что ты непременно захочешь доказать таланты своего дракона. Хотел бы я, чтоб ты был на несколько Оборотов постарше и чтобы времена были полегче — тогда я мог бы передать тебе управление холдом...

— Но я вовсе не хочу отбирать у тебя холд, лорд Лайтол...

— Боюсь, что сейчас мне не позволят удалиться от дел — не то время. До ты и сам все услышишь, Джексом. Пойдем, мы и так заставили гостей слишком долго ждать.

Н'тон встретил их на пороге малого зала, которым в Руате пользовались в тех случаях, когда посетители желали побеседовать с хозяевами наедине. Увидев лицо Джексома, бронзовый всадник громко застонал. Робинтон проворно обернулся, в его усталых глазах мелькнуло удивление и, как Джексому хотелось бы надеяться, некоторое уважение.

— Никак, Джексом, тебя Нить поцеловала? — с ужасом воскликнула Менолли. — Как ты можешь так рисковать, в такое время? — юная арфистка, которая еще совсем недавно поддразнивала Джексома, призывая меньше думать и больше делать, теперь набросилась на него с гневными упреками.

— Так я и знал, Джексом, что ты не удержишься, — обреченно вздохнув, проговорил Н'тон; лицо его осветилось сочувственной улыбкой. — Ты обязательно должен был попробовать, но время, смею заверить, ты рассчитал скверно.

Джексом мог бы возразить, что время он как раз рассчитал идеально, но Н'тон продолжал:

— А как Рут — ему, я надеюсь, не досталось?

— Один ожог — на ноге и бедре, — ответил Лайтол. — Все уже обработано.

— Я искренне понимаю твое стремление, Джексом, — неожиданно серьезно сказал Робинтон, — твое желание летать вместе с другими всадниками, и все же я должен привзвать тебя к терпению.

— Я предпочел бы, мой господин, — неожиданно перебил арфиста Н'тон, — чтобы он поучился летать как следует вместе с моими парнями — если уж он так смел и безрассуден, что решился на это на свой страх и риск.

— Что-то я сомневаюсь, что мы дождемся одобрения Бендана, — качая головой, произнес Робинтон.

— Вполне достаточно моего одобрения, — решительно заявил Лайтол. — Ведь пока еще я опекун Джексома, а не Ф'лар с Лессой. Пусть они занимаются своим делом, а за Джексома отвечаю я. Не будет никакого вреда, если он поучится вместе с молодежью Форта, — Лайтол сурово посмотрел на Джексома. — Если он, конечно, согласится впредь не выкидывать никаких фокусов без нашего ведома. Обещаешь, лорд Джексом?

При одной мысли о том, что в Бендене не узнают о его подвигах, Джексом так обрадовался, что был готов согласиться на любые условия. Но сразу же им овладели противоречивые чувства — радость, поскольку все приняли случившееся как должное, и досада — ведь он только что достиг такого успеха, а его опять низводят до положения ученика! И все же приспешствие в Керуне слишком ясно показало, сколько премудростей он еще должен освоить, чтобы в сражении с Нитями уберечь себя и своего дракона от смертельной опасности.

Н'тон, нахмурившись, так пристально разглядывал Джексома, что на миг юноша засомневался — а вдруг предводитель Форта как-то пронал, чем они с Рутом занимались на самом деле, когда повстречались с Нитями. Стоит Н'тону и Лайтолу об этом пронюхать — и он больше шагу не ступит без разрешения!

— Вот что, Джексом, — заявил бронзовый всадник, я возьму с тебя еще одно обещание. Больше никаких полетов во времени. Ты и так слишком переусердствовал, по глазам вижу.

Лайтол удивленно взгляделся в лицо своего питомца.

— С Рутом мне ничто не угрожает, Н'тон, — возразил Джексом, обрадованный тем, что ему в вину ставят не самое страшное из его прегрешений. — Он всегда знает, в каком времени мы находимся.

Однако на Н'тона рутовы таланты не произвели никакого впечатления.

— Все может быть, только опасность кроется не в самона-деяности дракона, а в голове всадника, — нетерпеливо сказ-
ал он. — Один неосторожный шаг — и оба на волосок от гибели. Знаешь, как опасно во время такого путешествия столкнуться с самим собой? И вообще это отнимает массу сил и у всадника, и у дракона. А тебе, юный Джексом, такие вещи и вовсе ни к чему. У тебя впереди столько времени, что ты успеешь все сделать.

Слова Н'тона заставили Джексома вспомнить необъясни-
мую слабость, одолевшую его на Площадке Рождений. Неу-
жели в тот самый миг...

— Боюсь, Джексом, — прервав размышления юноши, вступил в разговор Робинтон, — что ты не совсем понимаешь, какая критическая обстановка создалась сейчас на Перне. А тебе бы надо это знать.

— Если, мастер Робинтон, ты имеешь в виду кражу яйца и то, что она чуть не довела всадников до войны, так я тоже был в Бендене тем утром...

— Разве? — Робинтон слегка удивился и покачал голо-
вой, будто упрекая себя за непростительную забывчи-
вость. — Тогда тем более ты можешь догадаться, в каком настроении пребывает Лесса. И если бы Запечатление про-
шло не так благополучно...

— Но ведь яйцо все-таки вернули, мастер Робинтон, — с недоумением произнес Джексом. — Чем же Лесса еще недовольна?

— Так-то оно так, — согласился арфист. — Очевидно, кое-кто в Южном учел возможные последствия этой кражи. Но Лесса никак не успокоится.

— Ведь оскорбление нанесли Лессе, Рамоте и всему Бен-
дену, — пояснил Н'тон.

— Но нельзя же допустить, чтобы драконы пошли друг на друга войной? — в смятении воскликнул Джексом. — Толь-
ко поэтому яйцо и вернули! — Неужели их рискованное предприятие, раны Рута — все было зря?

— У нашей Лессы крутой нрав, Джексом, и она долго помнит обиды. Ты ведь не забыл, как стал лордом Руата? — было заметно, что Робинтон с большой неохотой напоминает юноше о его происхождении. — При этом я ничуть не хочу преуменьшить достоинств Госпожи Бендана. Ее стойкость перед лицом столь невероятных событий достойна похвалы. Но упрямство, с которым она не желает смириться с нанесенным оскорблением, может иметь для всего Перна самые роковые последствия. Пока, правда, она прислушивается к разумным доводам, но в последнее время равновесие стало весьма неустойчивым.

Джексом кивнул. Нет, никогда он не признается, что замешан в этом деле. Хорошо еще, что он не проболтался Лайтулу о своем приключении. Никто не должен знать, что это он, Джексом, вернул яйцо. И особенно Лесса. Он послал мысленный приказ Руту, но тот сонно пробубнил, что слишком устал, чтобы кому-то о чем-то рассказывать и вообще, дадут ли ему, наконец, спокойно поспать?

— Ты прав, — сказал Джексом в ответ на слова Робинтона. — Я понимаю, что сейчас необходима чрезвычайная осторожность.

— Есть еще один момент... — на подвижном лице Робинтона отразилась глубокая печаль; он помолчал, подыскивая нужные слова. — Момент, который со дня на день еще больше осложнит и без того нелегкую ситуацию, — он взглянул на Н'тона. — Я имею в виду Д'рама.

— Полагаю, Робинтон, что ты не ошибаешься, — произнес бронзовый всадник. — Навряд ли он останется Предводителем Вейра, если Фанна умрет.

— Если? Боюсь, что правильнее будет сказать «когда». А судя по тому, что мне поведал мастер Олдайв, чем скорее это случится, тем милосерднее поступит судьба по отношению к ним обоим.

— Я и не знал, что Фанна больна, — произнес Джексом, а мысли уже умчались вперед, к печальному событию, которое неминуемо последует за смертью Фанны — ее королева Мират добровольно уйдет из жизни вслед за своей всадницей. О гибели королевы будут скорбеть все драконы — и Рамота, и Лесса тоже!

Лайтол помрачнел, как случалось всякий раз, когда обстоятельства напоминали ему о гибели его дракона. А Джексом, расправившись с остатками самолюбия, окончательно смирился со своим предстоящим ученичеством — нет, никогда больше он не станет подвергать Рута такой опасности!

— Фанна тихо угасает, — продолжал Робинтон, — ее съедает болезнь, которую ничто не может остановить. Мастер Олдайв сейчас с ней, в Исте.

— Да, его фэйр позовет меня, когда он соберется уезжать, — сказал Н'тон. — Д'рам может рассчитывать на меня.

— Ох уж эти фэйры, — задумчиво проговорил Робинтон. — Еще один камень преткновения в Бендене, — он взглянул на бронзового, мирно дремавшего у него на плече. — Там, на Площадке Рождений, я чувствовал себя как-то неуютно — из-за того, что со мной не было Заира. Честное слово! — Он снова взглянул на притихшего бронзового, потом на Триса, сонно жмурившегося на плече у всадника. — А ведь они утихомирились!

— Потому что Рут здесь, — сказал Н'тон, поглаживая своего Триса. — С ним они чувствуют себя в безопасности.

— Дело не в этом, — заметила Менолли, не спуская глаз с лица Джексома. — Они и при Руте не могли уговориться. Это дикое беспокойство улеглось только сейчас. Они больше не видят яйца! — арфистка скосила глаза на свою маленькую королеву. — И я думаю, что это вполне объяснимо. Запечатление прошло благополучно, и то, чего они так боялись, не произошло. Или, — она неожиданно взглянула на Джексома в упор, — все-таки произошло?

Джексому ничего не оставалось, как только изобразить на лице искреннее недоумение.

— Так ты считаешь, Менолли, что они волновались из-за королевского яйца? — спросил Робинтон. — Жаль, мы не можем сказать Лессе, как они переживали. Это могло бы хоть как-то оправдать фэйров в ее глазах.

— А я думаю, — сердито бросила Менолли, — что их уже давно нужно было призвать к порядку!

— Но, дорогая моя девочка... — Робинтон был явно растерян.

— Я не имею в виду наших, мастер Робинтон. Они доказали, что могут приносить большую пользу. Просто слишком многие относятся к ним спустя рукава и не считают нужным воспитывать, — она как-то странно засмеялась. — Вот и Джексон может подтвердить. Они так допекают Рута, что он вынужден прятаться от их назойливого внимания в Промежутке. Верно, Джексон? — было в ее настойчивом взгляде нечто такое, что поставило юношу в тупик.

— Не могу сказать, чтобы они всегда докучали Руту, — осторожно сказал Джексон, вытянув под столом длинные ноги, — но ты же знаешь, Менолли, у каждого бывают минуты, когда хочется побить одному.

Лайтол понимающе хмыкнул, и Джексон понял, что Бранд поделился с Оберегающим своими подозрениями насчет Кораны.

— Зачем? Чтобы жевать на пару огненный камень? — ухмыльнулся Н'тон.

— Вот, значит, чем вы занимались, отправляясь в другое время! — широко раскрыв глаза, воскликнула Менолли; лицо ее светилось невинным и лукавым любопытством.

— Можно сказать и так.

— А что, файры действительно осложняют вам жизнь? — заинтересованно спросил Робинтон.

— Видишь ли, мой господин, — ответил Джексон, — где бы мы ни очутились, каждая ящерица в округе считает своим долгом поглязеть на Рута. Обычно он не возражает — файры развлекают его, пока я занят делами холда.

— А они случайно не говорили Руту, что их так взвудоражило? Ты — то сам знал про их видения? — Робинтон подался вперед, с нетерпением ожидая, что скажет Джексон.

— О том, как драконы сжигают ящериц? И еще непонятное черное пятно и яйцо? Да, они чуть не свели Рута с ума своим вздором, — ответил Джексон. Он нахмурился, как бы озабоченный невзгодами своего друга, стараясь не глядеть в сторону Менолли. — Но теперь, судя по всему, это прошло. Наверное, вся суматоха была вызвана кражей яйца. Моло-

дая королева благополучно появилась на свет, и ты сам видишь, что они утихомирились и больше не мешают Руту спать.

— А где ты был во время Запечатления? — Менолли так неожиданно атаковала Джексома, что Н'тон с арфистом недоуменно переглянулись.

— Где? — засмеялся Джексом, потрогав обожженную щеку. — С Нитями воевал — где же еще?

Его находчивый ответ поставил Менолли в тупик, и она сконфуженно замолкла, зато Робинтон вместе с Н'тоном и Лайтолом втроем набросились на него, упрекая в безрассудстве. Он, не споря, выслушивал их нравоучения, спасавшие его от проницательности Менолли. Эта девчонка стоила всех троих... Значит, она все-таки что-то заподозрила. Джексому хотелось открыться ей. Из всех близких ему, она была единственным человеком, которому он мог полностью доверять. Но он знал — будет гораздо разумнее, если все поверят, что яйцо вернул всадник из Южного. Это мучило его; с каким бы облегчением, с какой радостью он поделился бы этой историей с Менолли... да и с Н'тоном, пожалуй, тоже.

Подали угощение, и разговор снова вернулся к огненным ящерицам.

Стали обсуждать, чего от них больше — пользы или беспорядка и, наконец, Джексом понял, что в этом вопросе все придерживаются единого мнения. Вот только как умиротворить Рамоту и Лессу?

— Рамота скоро сама забудет о своей неприязни, — сказал Н'тон.

— Зато Лесса не забудет, так что я сомневаюсь, стоит ли посыпать Заира в Вейр Бенден.

Пока Н'тон с Лайтолом горячо убеждали арфиста, что он преувеличивает, Джексом подумал: странно — в голосе Робинтона, когда он упомянул Бенден и его Госпожу, прозвучала какая-то неестественная нотка. Арфиста беспокоило не одно только опасение, что Лесса не допустит в Бенден огненных ящериц.

— Есть во всем этом деле кое-что еще, что не дает покоя моему слишком буйному воображению, — задумчиво проговорил Робинтон. — Ведь последние события привлекли всеобщее внимание к Южному.

— Ну и что с того? — не понял Лайтол.

Робинтон отпил глоток вина и помедлил с ответом, смакуя вкус.

— А вот что — мы вдруг поняли, что огромный материк населяет жалкая кучка людей.

— И что из этого следует?

— Я знаю многих недовольных лордов, в чьих холдах и предместьях негде зернышку упасть. А теперь Вейры готовы нарушить неприкосновенность Южного материка и склоняются к тому, что пора наложить на него руку. Что же тогда мешает лордам последовать их примеру и отхватить себе по солидному куску?

— У нас не хватит драконов, чтобы охранять такие огромные пространства — вот в чем все дело, — заметил Лайтол. — А сами Древние наверняка не удосужатся заняться этим.

— На Южном всадники в общем-то не нужны, — медленно проговорил Робинтон.

Лайтол ошеломленно уставился на арфиста, пораженный его словами.

— Да-да, это так, — продолжал Робинтон. — Ведь почва материка в изобилии заселена личинками. Торговцы говорили мне, что они там не обращают на Нити особого внимания. Торик, например, только следит, чтобы весь скот был под крышей и никто из людей не пострадал.

— Так что настанет время, когда и на севере всадники станут не нужны, — негромко сказал Н'тон, довершая смятение Лайтола.

— Всадники всегда будут нужны Перну, пока не исчезнет последняя Нить! — Лайтол грохнул кулаком по столу, подкрепляя свои слова.

— Ну, на нашу жизнь Нитей хватит, — поспешил успокоить его Робинтон. — И все же, мне не хотелось бы, чтобы Южный вызывал столь острый интерес. Подумай об этом, Лайтол.

— Ты, как всегда, о будущем, Робинтон? — хмуро осведомился Лайтол, и на лице его появилось недовольное выражение.

— Думать о будущем куда как полезнее, нежели о прошлом, — парировал арфист. Он поднял сжатую в кулак руку. — Зато я держу в своих руках факты, а за деревьями вижу лес.

— Так ты частенько наведывался на Южный, Главный арфист?

Робинтон смерил Лайтоля долгим взглядом.

— Бывало. Но, уверяю тебя, совершенно не афишируя своих визитов. Некоторые вещи нужно увидеть своими глазами, прежде чем в них поверить.

— Например?

Лениво поглаживая Заира, Робинтон устремил взгляд поверх головы Лайтоля куда-то в невидимую даль.

— Должен признать, что заглянуть в прошлое тоже порой небесполезно, — сказал он, снова посмотрев на Оберегающего. — Отдаешь ли ты себе отчет, что все мы родом с Южного материка?

Изумление, отразившееся на лице Лайтоля при таком неожиданном повороте беседы, сменилось раздумьем.

— Да, так следует из древнейших Записей, — кивнул он.

— Мне всегда хотелось узнать — не гниют ли где-нибудь на юге еще более древние Записи?

В ответ на слова арфиста Лайтол фыркнул.

— Это ты точно сказал — гниют.. За все эти тысячи Оборотов от них ничего не осталось.

— Знали же наши предки такие способы обработки металла, которые делали его стойким к ржавчине и старению. Возьми пластины, найденные в Форт Вейре, или те же инструменты, вроде знаменитого дальновидящего прибора, кото-

рый так очаровал Вансора с Фандарелом. Не верится мне, что время могло стереть все следы существования столь умных людей.

Джексон взглянул на Менолли, припоминая туманные намеки, которые ей иногда случалось обронить. Глаза девушки сияли от сдерживаемого волнения. Она, несомненно, знала обо всем, что сейчас замалчивал арфист. Юноша перевел взгляд на Н'тона и понял — ему тоже все известно.

— Но мы отдали южный материк этим отступникам Древним, — глухо произнес Лайтол.

— Которые со своей стороны нарушили уговор, — закончил за него Н'тон.

— Дает ли это нам право последовать их примеру? — спросил Лайтол, выпрямившись и хмуро глядя на Предводителя Вейра и арфиста.

— Они занимают всего лишь узкую полоску суши, полуостров, который вдается в Южное море, — мягко сказал Робинсон. — И не знают ничего о том, что происходит на остальной части материка.

— Так вы уже произвели разведку на Южном?

— В пределах благоразумия.

— И что же, ваших... благоразумных вылазок так никто и не заметил?

— Нет, — неторопливо ответил Робинсон. — Но я очень скоро обнародую то, что нам стало известно. Потому что не хочу допустить, чтобы туда ринулись недовольные подмастерья и безземельные холдеры, по глупости и неведению уничтожая все, что необходимо сохранить.

— Так что же все-таки вы там нашли?

— Старый рудник, в котором вся крепь сделана из такого легкого, но долговечного материала, что на нем и сегодня нет ни царапинки. Механизмы, приводимые в движение неизвестно чем — даже юный Бенелек не может в них разобраться...

Повисла долгая тишина, которую нарушил смешок Лайтола.

— Ох уж эти арфисты! А еще говорят, что их долг — учить молодежь!

— И, прежде всего, сохранять наше наследие!

Глава 8

*Холд Руат, Форт Вейр, холд Фиделло; пятнадцатый
Оборот, третий — семнадцатый дни шестого месяца*

Джексом был разочарован — несмотря на все ухищрения, Лайтолу не удалось больше ничего вытянуть из арфиста о его экспедиции на Южный. Когда от усталости глаза у юноши стали слипаться, ему пришло в голову: а ведь Робинтон все же сумел склонить Лайтола на свою сторону, убедить его, что разумнее сейчас сдержать всеобщий интерес к Южному!

Уже совсем засыпая, он не переставал восхищаться хитроумием Главного арфиста. Не удивительно, что тот не стал возражать, чтобы Джексом учился у Н'тона, когда понял, что Лайтол одобряет эту затею с Южным. Робинтон хочет, чтобы старик остался Оберегающим Руата. И если юный лорд будет занят обучением своего дракона, то он не станет стремиться занять место Лайтола.

На следующее утро Джексом проснулся с уверенностью, что не сможет шевельнуть даже пальцем. Мышцы затекли, лицо и плечо саднило от укусов Нити. Однако, вспомнив о ранах друга, он вскочил с постели, больше не обращая внимания на собственные болячки. Шерстяное одеяло полетело в сторону; Джексом схватил котелок с целебным бальзамом и устремился в вейр Рута.

Доносящееся оттуда негромкое сопение подсказало ему, что дракон все еще крепко спит. Похоже, он ни разу не пошевелился за ночь — раненая нога была вытянута точно так же, как и вечером. Воспользовавшись этим, Джексом быстро нанес свежий слой мази по всей длине рубца. Только теперь он понял, что им с Рутом придется подождать, пока заживут раны, прежде чем присоединиться к группе Н'тоновых учеников в Форт Вейре.

Но Лайтол придерживался иного мнения. Ибо зачем Джексом собирается в Форт Вейр? Чтобы в следующий раз суметь увернуться от Нити, чтобы научиться оберегать себя и своего дракона во время Падения. А станут дразнить за то,

что он был не слишком ловок — так и поделом! В итоге, закончив утреннюю трапезу, Джексом с Рутом вылетели в Форт Вейр.

К счастью, двое из учеников были примерно такого же возраста, что и сам Джексом, которому не так давно сравнялось восемнадцать Оборотов. Правда, возраст — не помеха, лишь бы суметь поскорее обучить Рута. Джексом с трудом поборол искушение открыть новым товарищам истинную причину приключившейся с ним беды. Что ж, пусть думают, что он такой неумелый. Пришлось втайне утешаться тем, что на самом деле они добились куда больших успехов, чем кто-либо мог предполагать.

Проблемы возникли сразу; и первая — как избавить Рута от назойливого внимания беочисленных ящериц, которые облепили его с ног до головы. Не успевали они отослать прочь одну стаю, как, к недовольству и возмущению К'небела, наставника молодых всадников, ей на смену появлялась другая.

— С вами всегда такая история? — ворчливо спросил он Джексома.

— Более или менее. Они просто... прилетают. Особенно с тех пор, как... как случилось это несчастье в Бендене...

Понимающие кивнув, К'небел все же не мог скрыть своего осуждения.

— Не могу поверить в рассказы о том, что драконы сжигали ящериц. И все же у вас с Рутом ничего не выйдет, пока файры не оставят его в покое. А если они не оставят его в покое, одна из них и вправду может оказаться сожженной!

Тогда Джексом велел Руту прогонять огненных ящериц сразу, как только они вздумают появиться. Прошло довольно много времени, прежде чем Рут хоть ненадолго освободился от их обременительного общества. Но вот, то ли уже все ящерицы округи успели поприветствовать дракона, то ли он преуспел в изгнании непрошеных визитеров — только все оставшееся время им никто не докучал.

Несмотря на эти досадные помехи, К'небел продержал учеников на занятиях до самого обеда. Джексома пригласили остаться и, в знак уважения к его рангу, провели за стол, предназначенный для старших всадников.

Беседа ворчалась вокруг истории с яйцом — высказывались догадки, кто из всадников Южного мог его вернуть. Наслушавшись этих споров, Джексом только укрепился в своей решимости хранить молчание. Он еще раз предупредил Рута, но, как оказалось, напрасно — белого дракона куда больше интересовала технология заглатывания огненного камня и уловки против Нитей, чем какие-то события в прошлом.

Окружавшие его файры совсем угомонились. Теперь первой заботой ящерок было вовремя поесть, а второй — почистить шкурку. С наступлением теплой погоды у них началась линька, и они ужасно чесались. Картины, которые они передавали Руту, больше не содержали ничего тревожного.

Поскольку по утрам Джексом теперь был занят в Форт Вейре, ему пришлось забросить учебу в Цехах кузнецов и арфистов. Это вполне устраивало его — не придется терпеть скверную привычку Менолли задавать каверзные вопросы. Джексома немало позабавило, что после обеда Лайтол оставил ему несколько свободных часов. Он решил не разочаровывать опекуна и отправился в Равнинный холд — разумеется, для того, чтобы проверить, как растет новая пшеница.

В последнее время все заботы по хозяйству легли на плечи Кораны, поскольку ее невестке подошел срок рожать. Когда девушка мило встревожилась, увидев его заживающий шрам, Джексом не стал разубеждать ее, что он заработал эту отметину, честно сражаясь с Нитями над своим холдом. И скоро был вознагражден за этот подвиг — столь же приятно, сколь неожиданно. Правда, он предпочел бы получить награду честным путем. И все же Джексом не мог сердиться на девушку, когда в томной полуодежде, последовавшей за их ласками, она несколько раз наводила разговор на файров, а потом прямо попросила раздобыть для нее яйцо.

— Все побережье на севере многократно прочесано, — сказал он; потом, заметив ее детское разочарование, добавил: — Но на Южном материке полно пустынных бухточек.

— А ты не смог бы слетать туда на Руте — только так, чтобы Древние ничего не узнали? — Корана явно не догады-

валась о последних событиях, и это весьма обрадовало Джексома, которому уже начинали надоедать постоянные волнения, связанные с Южным.

Следить на Руте — ведь это проще простого; тем более, что его дракон не возбудит подозрений местных файров — похоже, он успел с ними подружиться.

— Пожалуй, смог бы, — шепнул Джексом, размышая, как выкроить свободное время, чтобы его отлучки никто не заметил. Корана неверно истолковала его нерешительность, и нежные губы прильнули к шее Джексома; но он не стал ее поправлять.

Покинув Равнинный холд и держа путь домой, Джексом подумал: «А ведь волны от моей недавней выходки все еще идут!». Вот и вопрос с обучением Рута решен... и хотя он еще не стал полноценным владельцем Руата, все же пользуется теперь многими привилегиями истинного лорда. Юноша улыбнулся, припоминая нежности и ласки Кораны. Судя по радушию ее брата, можно полагать, что в Равнинном не возражают против незаконного потомка лорда Руата. Успехи по этой части не уронят его в глазах Лайтола. «Не взять ли Корану в холд?» — подумал Джексом, но сразу же отказался от этой мысли. Это было бы несправедливо по отношению к другим воспитанникам и прибавило бы хлопот Бранду с Лайтолом. Как будто у него нет Рута и он не может в любой миг обернуться по своим делам! А потом, если он возьмет Корану к себе, она потребует гораздо больше внимания, чем он готов ей уделять — причем за счет Рута.

Когда Джексом в третий раз отправился в Равнинный холд, у жены Фиделло начались роды, и Корана была так занята, что смогла только извиниться за царящую в доме суматоху. Он спросил, не нужно ли привезти лекаря из Руата, но Фиделло ответил, что одна из его служанок, которая знает толк в повивальных делах, заверила, что роды должны пройти без осложнений. Джексом произнес все приличествующие случаю слова и, слегка досадуя на неожиданную помеху, расстроившую их свидание, удалился.

«Почему ты смеешься?» — спросил Рут, когда они повернули в сторону холда.

— Потому что я дурак, Рут. Понимаешь? Дурак!

«Я вовсе так не думаю. Ведь с ней ты чувствуешь себя не дураком.. ты счастлив!»

— В том-то и дело, глупый дракон! Я спешил к ней, чтобы в ее объятиях вновь найти счастье — а она оказалась занята. Но ведь всего несколько недель назад я и думать не думал, что мне будет с ней так хорошо! Вот почему сейчас я чувствую себя дураком, Рут.

«Я всегда буду тебя любить», — ответил Рут, почувствовав, что именно такие слова нужны сейчас его другу.

Джексом благодарно потрепал дракона по загривку, продолжая в душе подтрунивать над своей неудачей. По возвращении в Руат его ожидала вторая неприятность. Лайтол сообщил, что назавтра ожидается Запечатление остального выводка Рамоты, так что Джексому придется отправиться в Бенден. Оберегающий покосился на джексомов шрам и покачал головой.

— Постарайся не попадаться на глаза Предводителям Вейра. Они с первого взгляда поймут, что к чему, — посоветовал Лайтол. — Незачем выставлять напоказ свои грехи.

В душе Джексом лелеял надежду, что шрам придает ему более мужественный вид, но на всякий случай пообещал Лайтолу держаться подальше от Лессы и Ф'лара.

Он любил бывать на обрядах Запечатления, особенно один, без Лайтола. Юноша корил себя за это, но ведь он знал, какие муки каждый раз испытывает его опекун, вспоминая своего любимого Ларта.

Весть о скором Запечатлении дошла до Форт Вейра как раз в тот час, когда Джексом летал с учебным крылом, осваивая на практике приемы борьбы с Нитями. Закончив маневр, он извинился перед наставником, и через Промежуток направил Рута домой, чтобы переодеться. У входа его уже поджидал Лайтол всесте с Крепышом, одним из файров Менолли. Он попросил Джексома захватить юную арфистку — Робинтон вместе со всадником и драконом своего Цеха отбыл в Исту.

Пришлось Джексому сделать вид, что он ничего не имеет против; благовидного предлога для отказа он придумать не мог. Что ж, придется так быстро домчать Менолли до Бендена, чтобы у нее не хватило времени на ненужные расспросы.

Когда они с Рутом появились над мастерской арфистов, и Рут сообщил сторожевому дракону свое имя, Джексом пришел в неописуемую ярость. На лугу прохлаждалось столько драконов из Форт Вейра, что они вполне могли бы унести на себе половину Цеха. Почему бы Менолли не воспользоваться одним из них? Он твердо решил не давать девушке повода для насмешек и велел Руту сообщить ее файрам, что он прибыл и ждет ее на лугу. Едва он успел сформулировать эту мысль, как Менолли выскочила из-под арки и устремилась к ним. Красотка, Нырок и Крепыш, щебеча, кружили над ее головой. На бегу она натягивала летную куртку, неловко перекладывая что-то из одной руки в другую.

— Слезай, Джексом, — строго приказала она. — Мне не справиться, когда ты сидишь ко мне спиной.

— С чем не справиться?

— Вот с чем! — она показала ему баночку, зажатую в кулаке. — Слезай быстро!

— Зачем?

— Хватит пререкаться, мы теряем время. Я собираюсь замазать твой шрам. Ведь ты же не хочешь, чтобы Ф'лар с Лессой увидели его и стали задавать вопросы, на которые у тебя нет ответов — или я не права? Слезай же, а то мы опоздаем — ведь тебе, кажется, не велено залезать во временной Промежуток? — добавила она, видя, что он все еще колеблется, не слишком доверяя ее бескорыстию.

— Я прикрою шрам волосами.

— Все равно забудешь и откинешь волосы назад, — сказала она, жестом приказывая ему поторопиться. — Я попросила Олдайва приготовить мазь без запаха. Вот... Нужно совсем чуть-чуть, — она легкими движениями нанесла снадобье ему на лицо, а остаток размазала по руке, повыше перчатки. — Видишь? Точно в тон кожи! — Менолли критически осмотрела свою работу. — Что ж, фокус вполне удался. Теперь никто не заметит твоего ожога. А как понравился твой шрам Коране? — фыркнув, осведомилась она.

— Коране?

— Только не делай большие глаза, лорд Джексом! Давай, залезай на Рута — мы опаздываем. Ты очень хитро придумал, затеяв роман с Кораной. При такой ловкости из тебя получился бы превосходный арфист.

Разъяренный Джексом оседлал дракона; он твердо решил не поддаваться на уловки Менолли. Как это на нее похоже — откопает какой-нибудь секрет, а потом старается вывести человека из себя! Ну, на этот раз у нее ничего не получится!

— Спасибо тебе, Менолли, что додумалась прихватить мазь, — с отменной вежливостью произнес он, овладев собой. — Вовсе ни к чему сейчас сердить Лессу, а мне непременно нужно присутствовать при Запечатлении.

— То-то и оно, что непременно.

Она произнесла это с явным нажимом, но у Джексома не было времени обдумать, что именно она имела в виду. Они взлетели, и он направил Рута через Промежуток прямо в Вейр Бенден. Нет, он ни за что не позволит ей себя разозлить! Однако надо отдать ей должное — эта девчонка хитрее десяти Робинтонов!

Рут вынырнула из Промежутка, и Джексом, вспомнив о файрах, оглянулся, чтобы посмотреть на левое плечо Менолли.

— Не волнуйся, они в вейре у Брекки.

— Все?

— Нет, только Красотка и трое бронзовых. Она вот-вот войдет в брачную пору, и самцы не оставляют ее ни на секунду, — Менолли снова фыркнула.

— Наверно, у тебя уже вся кладка расписана?

— Что? Ни в коем случае — ведь цыплят по осени считают, — укоризненно сказала Менолли. — А в чем дело? Неужели тебе тоже понадобилось?

— Да нет, не мне...

Менолли расхохоталась — он-таки выдал себя! Джексом тихо застонал. Ладно, пусть смеется...

— Зачем мне самому яйцо файра? — продолжал он, решив поставить арфистку на место. — Понимаешь, я пообещал Коране, что постараюсь раздобыть одно для нее. Она

была так мила со мной... ну, ты ведь понимаешь, Менолли... — На этот раз Джексом был вознагражден — арфистка даже поперхнулась от изумления. Потом с размаху стукнула его кулаком по спине. Джексом вздрогнул и отшатнулся. — Потише, Менолли, плечо у меня тоже обожжено, — он вложил в эти слова больше раздражения, чем следовало, и тут же выругал себя — стоило ли напоминать ей об этом?

— Прости, Джексом, — так виновато проговорила Менолли, что юноша невольно смягчился. — Здорово тебе досталось?

— Обожгло лицо, плечи и бедро.

Она схватила его за здоровую руку.

— Слышишь, как они оглушительно трубят? Гляди, гляди

— избранники входят на Площадку Рождений. А мы не сможем влететь прямо туда, внутрь?

Через верхний проход Джексом направил Рута в пещеру. Отовсюду слетались бронзовые, доставляя гостей на Площадку. Как только они оказались внутри, взгляд Джексома непроизвольно метнулся к тому месту рядом с аркой, где прятались они с Рутом, возвращая яйцо. Юноша ощущил внезапный прилив гордости — все-таки они победили!

— Джексом, я вижу Робинтона — вон он, на четвертом ярусе, рядом с истинцами. Сядешь с нами, а, Джексом? — В голосе Менолли прозвучала такая настойчивая просьба, что Джексом был слегка озадачен. Кто же откажется сидеть рядом с Главным Арфистом Перна?

Рут подлетел к ярусу и, ухватившись когтями за карниз, повис в воздухе, давая возможность Джексому с Менолли спуститься.

Усаживаясь, Джексом бросил внимательный взгляд на Робинтона и удивленно приподнял брови — арфист выглядел как-то необычно. Он, как всегда, приветливо поздоровался с молодыми людьми, не забыв улыбнуться своей помощнице и похлопать Джексома по плечу, но сразу же опять погрузился в свои думы, судя по всему, отнюдь не радостные. У Робинтона было вытянутое, сухощавое и очень подвижное лицо, отражавшее быструю смену мыслей и настроений. Но сейчас, когда взор арфиста был прикован к юным избранникам, уже шагавшим по горячему песку Площадки Рожде-

ний, оно казалось разом постаревшим, с глубокими морщинами и запавшими глазами, которые туманили усталость и тревога. Вид у Робинтона был измученный и потерянный. Потрясенный случившейся с ним переменой, Джексом поспешил отвел глаза, стараясь не встречаться взглядом с Менолли — он не хотел, чтобы наблюдательная арфистка догадалась о его невеселых размышлениях.

Мастер Робинтон стареет? Нет, только не это! Возможно, он устал или чем-то обеспокоен.. Разве можно представить себе Перн без его юмора, его мудрых советов, его баллад? Нет, никогда! Сердце Джексома ухнуло в холодную пустоту. Неужели мир может навсегда лишиться его проницательного ума и неистощимой любознательности? Предчувствие потери сменилось странным чувством неудовлетворенности; внезапно вся его жизнь показалась Джексому пустой и никчемной. Что с ним? Как советовал Робинтон, юноша попытался разобраться в нахлынувшей на него волне противоречивых ощущений.

Настойчивый рев Рамоты вернул его внимание к Площадке Рождений. Вид у королевы был устрашающий. Не хотел бы он находиться сейчас среди избранников, над которыми угрожающе нависла ее голова с горящими багровым пламенем глазами! Вместо того, чтобы выстроиться полукругом позади раскачивающихся яиц, мальчики сбились в тесную кучку, как будто надеялись, что Рамота не заметит их.

— Не завидую я мальчуганам, — тихо шепнула Джексому Менолли.

«Неужели она не хочет, чтобы выводок прошел Запечатление?» — в панике подумал юноша. Он вздрогнул, вспомнив, как бежал по раскаленному песку к маленькому покинутому яйцу.. яйцу Рута.. Если бы они не встретились.. если бы Рут не выбрал его.. как бы он жил теперь?

«То, что случилось — случилось. И теперь мы вместе», — уловив мысли Джексома, передал Рут. При этом подтверждении их нерасторжимой связи Джексом почувствовал, как на глаза навернулись слезы.

С Площадки Рождений донеслось такое яростное шипение, что он поспешил отвлечься от своих раздумий. Одно яйцо треснуло, но Рамота с таким угрожающим видом заслонила

его, что ни один из мальчиков не осмелился приблизиться. Снаружи на карнизе затрубил Мнемент, ему вторили сбравшиеся в пещере бронзовые. Рамота вздернула голову и, расправив переливающиеся золотом крылья, вызывающе заревела. Бронзовые ответили ей умиротворяющим урчанием, однако в трубном голосе Мнемента явно слышался приказ.

«Рамота очень сердится, — передал Джексому Рут. Белый дракончик незаметно удалился на солнечный берег озерца, плескавшегося на дне Чаша. Однако он прекрасно знал, что происходит на Площадке. — Мнемент говорит, что она ведет себя глупо. Рождение все равно произойдет, и новорожденные должны пройти Запечатление. Тогда ей больше не придется за них беспокоиться. С людьми они будут в безопасности».

Бронзовые заворчали громче, и Рамота, все еще не желающая смириться с неизбежным ходом событий, медленно и неохотно попятилась от яиц. И сразу же один из подростков, храбро державшийся впереди, училиво поклонился ей и шагнул к треснувшему яйцу, из которого, стараясь удержаться на разъезжающихся ногах, только что выбрался бронзовый малыш.

— Сообразительный паренек, — одобрительно кивнув, заметил Робинтон. Он, не отрываясь, наблюдал за происходящим внизу. — Уважение — вот чего сейчас так не хватает Рамоте. Смотрите, глаза ее гаснут, она складывает крылья... Молодец, просто молодец!

Последовав примеру товарища, еще двое старших мальчиков поклонились королеве и быстро направились к яйцам, которые уже начали бешено раскачиваться от усилий новорожденных, пытавшихся выбраться наружу. Поклоны вышли не особо ловкими и слишком торопливыми, но все же Рамота заметно смягчилась; теперь она лишь негромко рычала, когда очередной малыш проходил Запечатление.

— Смотрите, он получил бронзового! Паренек это заслужил! — аплодируя, крикнул Робинтон, когда первая пара двинулась к выходу.

— Откуда он? — поинтересовалась Менолли.

— Из холда Телгар. Мальчик и статью, и лицом похож на лорда Ларада... да и ум его, как видно, унаследовал.

— Юный Кирнети из Форт холда тоже получил бронзового! — торжествующе сообщила Менолли. — Я ведь говорила тебе, что так и будет!

— Значит, я ошибался, моя дорогая, и, наверняка, не в последний раз. Быть непогрешимым — такая скуча! — добродушно ответил мастер Робинтон. — А из Руата, Джексом, кто-нибудь есть?

— Даже двое, только отсюда я не могу их разглядеть.

— Отличная кладка, — заметил Робинтон. — Такой большой выбор.

Джексом наблюдал за пятеркой мальчиков, окруживших большое, покрытое зелеными пятнами яйцо. Он затаил дыхание — вот на свет показалась голова дракончика и стала поворачиваться, поочередно оглядывая каждого из пятерых. Полетели осколки скорлупы, и коричневый малыш, жалобно попискивая, протиснулся мимо подростков; неуклюже ковыляя, вытянув длинную шею, он побрел по песку отыскивать себе друга.

— Какое разочарование для этих ребят, — сочувственно проговорил Джексом.

Неожиданно ковылявший по песку дракончик упал и зарылся носом в горячий песок. Затем он выпрямился, чихнул и жалобно пискнул. Рамота предупреждающе заревела, и ближайшие к ней мальчики поспешили отступили. Один из них, темноволосый, длинноногий, с худыми исцарапанными коленками, чуть не налетел на коричневого малыша. Неловко взмахнув руками, он с трудом удержал равновесие и, слегка попятившись, замер на месте. Глаза его встретились с взглядом коричневого дракончика. Запечатление состоялось!

— Как быстро все закончилось, — разочарованно протянула Менолли. — Жаль, что сегодня Запечатление прошло так сумбурно.

— Да, денек выдался нелегкий, — подтвердил Робинтон, кивнув головой в сторону Рамоты. Королева, переступая с ноги на ногу, сердито смотрела вслед удалявшимся парам.

— Как ты думаешь, теперь, когда Запечатление закончилось благополучно, она сменит гнев на милость? — спросила Робинтона Менолли.

— А вместе с ней и Лесса? — арфист поджал губы, пытаясь скрыть усмешку. — Если Рамоту еще и удастся уговорить, чтобы она поела, обе, пожалуй, немножко придут в себя.

— Хотелось бы надеяться, — с чувством сказала Менолли — так тихо, что Джексому показалось, будто ее слова вовсе не предназначались для ушей Робинтона.

Тем не менее, он услышал и ласково улыбнулся своей помощнице.

— Думаешь, Рамота так пристально изучала каждого, пытаясь уловить, не пахнет ли от кого Южным Вейром? — посмеиваясь, спросил арфист.

Джексон искоса взглянул на него и подумал — возможно, неяркое освещение в пещере просто сыграло с ним злую шутку? Теперь лукаво усмехавшийся Главный арфист Перна снова казался самим собой.

— Не уверен, что меня сейчас обрадовал бы столь пристальный осмотр, — приподняв бровь, добавил Робинтон.

Менолли фыркнула, в глазах ее заплясали веселые огоньки.

«Великая Скорлупа! Да ведь они оба совсем недавно побывали на Южном! — понял Джексон. — Интересно, что они там откопали?» Внезапно юношу прошиб пот от страха; его осенило, что южане-то уж точно знают — никто из них яйца не возвращал! Неужели Робинтону это стало известно?

— Жаль, что нельзя отложить нашу встречу, пока страсти окончательно не улягутся, — продолжал Главный Арфист.

— Позволь мне на этот раз пойти с тобой!

— Зачем, Менолли? Чтобы защищать меня? — Грустно улыбнувшись, Робинтон положил руку на плечо девушки. — Нет, сегодня не обычное собрание, и я не могу проявить подобное самоуправство.

— Тогда пусть пойдет он! — Менолли указала пальцем на Джексома, сверля его сердитым взглядом.

— Куда?

— Разве Лайтол тебе не сказал, что после Запечатления должен состояться совет? — спросил Робинтон. — Ваш холд тоже приглашен.

— Значит, твой опекун решил все свалить на тебя? — звенившим от напряжения голосом сказала Менолли.

— О чём ты? — спросил Джексом, удивлённый необычной заботой Менолли.

— Да о том, глупая твоя голова...

— Полноте, Менолли, полно! Я ценю и твою заботу, и доброе слово Лайтола. Однако не надо забывать, что только время все расставит по местам. Я жив, здоров, невредим и не собираюсь сдаваться. А теперь, когда Рамота уже убила свою добычу, мне даже не грозит опасность попасть к ней на обед, — Робинтон похлопал девушку по плечу, стараясь ее успокоить.

Рамота покинула Площадку Рождений; они видели, как королева поднималась в воздух с жирным бычком в когтях.

— Вот видишь — она решила закусить. Мне больше совершенно нечего бояться.

Менолли смерила его долгим насмешливым взглядом.

— Просто мне захотелось пойти с тобой — вот и все.

— Я так и подумал. А вот и Фандарел, — громко сказал арфист и замахал рукой, стараясь привлечь внимание дородного кузнеца. — Пойдем, лорд Джексом, — нам пора в зал Совета.

Так вот что, должно быть, имел в виду Лайтол, когда говорил, что Джексому необходимо присутствовать на Запечатлении! Почему же он сам не явился, если собрание предполагается таким важным, как намекала Менолли? Несмотря на ее слова, Джексом был польщен — опекун оказал ему доверие.

Вокруг двух Мастеров, которые встретились на спуске с яруса, собрались другие главы Цехов. Они здоровались друг с другом с необычной серьезностью, что только укрепило подозрение Джексома. — видно, намеки Менолли и вправду имели под собой почву. И снова он подивился, что Лайтол не счел нужным прийти. Ведь его опекун мог бы поддержать Робинтона!

— Я уж подумал, что Рамота не допустит Запечатления, — кивнув Джексому, сказал Фандарел. Критически осмотрев юношу из-под нависших бровей, он добавил: — Похоже, ты совсем забыл меня ради своих драконьих подвигов?

— Я еще только учусь, мастер Фандарел. Все драконы должны уметь сражаться с Нитями.

— Ну и ну! — воскликнул Никат, Главный мастер Цеха горняков. — Вот уж никогда не думал, что твой малыш проживет до этого!

На языке у Джексома вертелся резкий ответ; но, встретив предостерегающий взгляд арфиста, он передумал и сказал:

— Благодарю тебя, мой господин. У Рута великолепное здоровье.

— Время летит стрелой, мастер Никат, — вкрадчиво произнес Робинтон, — и вот уже те, кого мы знали совсем юными, успели вырасти и возмужать. О, Андемон, как твои дела? — он кивнул Главному Земледельцу и направился вслед за ним через горячий песок Площадки.

Никат, посмеиваясь, шел рядом с Джексомом.

— Вот как — значит, учишь белого малыша жевать огненный камень? Уж не потому ли наши запасы тают так стремительно?

— Что ты, мастер Никат! Мы учимся в Форт Вейре, а там огненного камня полным-полно.

— В Форт Вейре, — Никат ухмыльнулся еще шире, взгляд его задержался на щеке Джексома и скользнул дальше. — Вот оно что... Летаешь вместе с другими всадниками, лорд Джексом? — Едва заметно подчеркнув титул Джексома, Никат перевел взгляд на лестницу, тянувшуюся в королевский вейр, и на карниз, где обычно восседал Мнемент.

Бронзовый великан покинул свой пост, чтобы сопровождать королеву, которая высматривала сейчас очередную жертву на Площадке кормления у озера. Джексом поиском глазами белое пятнышко на берегу и ощущением мысленное присутствие друга.

— Удачное Запечатление! Правда, ребятам пришлось немножко попотеть, — не унимался разговорчивый Никат.

— А ваши парни были сегодня на Площадке? — из вежливости спросил Джексом.

— На этот раз всего один. Но зато на прошлом Запечатлении двух наших пригласили в Телгар, так что мы не в обиде. Совсем не в обиде, — мастер поскреб мацушку задубелыми пальцами и подмигнул Джексому. — А вот если бы у тебя нашлась подходящая кладка файров, я бы не отказался от парочки яиц.

Встретив бесхитростный взгляд Никата, Джексом решил, что ни единый волосок не упал бы с его головы, вздумай он хоть мешками таскать огненный камень для Рута из его рудников.

— Сейчас нет ни одной, но разве можно знать заранее, когда найдешь новую кладку?

— Я ведь просто так сказал, к слову пришлось. Файры — сущая смерть для этих гнусных пролаз — змей-землероек... и они запросто чуют скопления подземного газа, которые мы не можем обнаружить. А с газом шутки плохи на всех рудниках.

В голосе горного мастера звучала тревога. «Что же происходит в эти последние дни, нагнетая такое беспокойство и тоску?» — подумал Джексом. Ему всегда нравился мастер Никат, а во время уроков в его рудниках он научился уважать плотного невысокого горняка, лицо которого до сих пор покрывали несмываемые черные крапинки — следы работы подмастерьем в подземных шахтах. Поднимаясь по каменным ступеням в королевский вейр, Джексом снова пожалел, что связан данным Н'тону обещанием не летать временным Промежутком. Слишком много забот навалилось на него, чтобы решиться на путешествие к берегам Южного с риском встретить патрули Древних. Конечно, быть может, Руту повезет, и он сразу обнаружит кладку... Юноше хотелось усугубить мастеру Никату, да и Коране он пообещал привезти яйцо. Заодно не помешало бы порадовать разобиженного Тегтера — вдруг на этот раз он сумеет удержать огненную ящерицу? Но, не прибегая к временному скачку, на юг сейчас выбираться опасно.

Едва они приблизились к входу, как над Звездной скалой, трубя, возник бронзовый дракон. Сторожевой ответил про-

тяжным ревом. Джексом заметил, что все замерли на месте, прислушиваясь к их перекличке. «Клянусь Скорлупой и ее Осколками! У них, в Бендене, нервишки стали пошаливать», — подумал он. Интересно, кто это прибыл?

«Предводитель Исты», — сообщил ему Рут.

Д'рам? Нельзя сказать, чтобы всем Предводителям Вейров вменялось в обязанность присутствовать на Запечатлении. Однако, если их территориям не угрожало падение Нитей, они непременно являлись, особенно в Бенден. Джексом уже заметил среди собравшихся Н'тона, Р'марта из Вейра Телгар, Г'нериша из Айгена и Т'бора с Плоскогорья. Потом он вспомнил слова Робинтона о Фанне, подруге вождя Исты. Неужели ей стало хуже?

Когда они вошли в зал Совета, Никат куда-то исчез. Стоило Джексому взглянуть на Лессу, застывшую в огромном каменном кресле, на ее хмурое лицо, как он тоже поспешил укрыться в дальнем углу. Ее зоркие глаза сумеют разглядеть шрам на его щеке даже с такого расстояния.

Арфист сказал, что Совет будет немноголюдным. Джексом следил, как в зал входят Главные мастера, вожди Вейров, владетели крупнейших холдов; но среди собравшихся не было видно ни женщин, ни помощников командиров боевых крыльев — исключение было сделано только для Ф'нора и Брекки.

Вот появился Д'рам вместе с Ф'ларом и каким-то молодым человеком, которого Джексом не узнал, хотя тот носил цвета бронзового всадника. Если признаки надвигающейся старости на лице Главного Арфиста расстроили Джексома, то перемена, произошедшая с Д'рамом, его просто потрясла. Казалось, за последний Оборот он стал меньше ростом, высох и сгорбился. Походка Предводителя Исты потеряла уверенность, плечи ссутулились.

Стремительно и грациозно Лесса встала со своего места и, протянув руки, пошла навстречу Д'раму. Лицо ее неожиданно осветилось сочувствием. Джексом глубоко вздохнул. А он-то решил, что госпожа Бендена по-прежнему гневается на весь мир!

— Мы собрались здесь по твоей просьбе, Д'рам, — произнесла Лесса, усаживая старого всадника рядом с собой и наливая ему бенденского.

Сделав глоток, Д'рам поблагодарил ее за вино и теплый прием; потом повернулся к собравшимся. Джексом увидел, что лицо его избороздили морщины возраста и усталости.

— Большинство из вас уже знает о том, что случилось... о болезни Фанны, — проговорил он тихо и неуверенно. Потом откашлялся и тяжело вздохнул. — Так вот, я хотел бы оставить пост Предводителя Исты. И дело даже не в том, что одна из наших королев готова к брачному полету... просто у меня нет больше сил. Вейр поддерживает мою просьбу. Г'денед, — Д'рам кивнул в сторону сопровождавшего его мужчины, — последние десять Падений командовал крылом на своем Барнате. Мне бы уже давно уйти, но... — он печально покачал головой.

— Мы все так надеялись, что болезнь отступит... — стариk с усилием расправился. — Старшая из наших королев — Кайлита, а ее всадница, Козира, — достойная Госпожа Вейра. Барнат уже раз догнал Кайлиту, и кладка оказалась отличной... — Д'рам нерешительно помолчал, выжидательно глядя на Лессу. — В прошлые времена существовал обычай: когда Вейр оставался без Предводителя, первый брачный полет его королевы объявляли открытым для всех молодых бронзовых. Так удавалось справедливо избрать нового Предводителя. Я бы сейчас предпочел вспомнить эту традицию, — он произнес эти слова почти вызывающим тоном, но взгляд его, устремленный на Лессу, выражал мольбу.

— Видно, ты слишком уверен в победе Барната, — бросил Р'март из Телгара; в ответ на его слова в зале поднялся недовольный ропот.

Г'денед широко улыбался, стараясь не встречаться ни с кем взглядом.

— Просто я хотел бы получить достойного вождя для Исты, — резко произнес Д'рам. — Г'денед доказал мне свои способности. Но теперь он должен доказать их всему Перну.

— Справедливые слова, — Ф'лар встал и поднял руку, призывая собравшихся к тишине. — Не сомневаюсь, Р'март, что у Г'дена хорошие шансы на успех, однако согласись —

в столь сложной ситуации предложение Д'рама вполне разумно. Я сообщу о нем бронзовым всадникам Бендене — тем, чьи драконы еще не принимали участия в брачном полете королевы. Полагаю, было бы не слишком честно создавать Барнату непреодолимые препятствия.

— А что, Кайлита — бенденская королева? — спросил лорд Корман из холда Керун.

— Нет, она из выводка Мираты. В Бендене родилась другая их королева — Пирита.

— Значит, Кайлита — королева Древних?

— Кайлита — королева Исты! — твердо заявил Ф'лар.

— А Г'денед?

— Я родился в прошлые времена, — негромко ответил всадник, но на лице его, обращенном к лорду Корману, не было и тени сожаления или стыда.

— К тому же, он — сын Д'рама, — заметил лорд Уорбret из холда Иста, обращаясь к Корману, как будто это обстоятельство могло смягчить молчаливое неодобрение повелителя Керуна.

— Достойный человек, и род — достойный, — нимало не смутившись, кивнул Корман.

— Речь идет о его праве на Вейр, а не о родстве, — возразил Ф'лар. — А обычай... что ж, этот обычай совсем не плох.

Джексом явственно расслышал чье-то замечание, что это, дескать, единственный неплохой обычай у Древних, о котором когда-либо слышали, и понадеялся, что произнесенные шепотом слова не разнесутся далеко.

— Д'рам был бы вправе передать пост бронзовому всаднику из своего Вейра, — продолжал Ф'лар, обращаясь к Мастерам и владельцам холдов. — Я глубоко ценю его предложение и согласие Исты объявить открытый полет.

— Я хочу найти для Вейра достойного Предводителя, — повторил Д'рам. — И только так я могу быть уверен, что Иста его получит.

Едва сдержав радостный возглас, Джексом обвел взглядом зал. Кажется, все Предводители Вейров согласны. И немудрено — ведь победу может одержать один из их всадников. Но Джексом надеялся, что Кайлиту все-таки догонит

Барнат Г'денеда. Пусть все увидят, что молодое поколение Древних тоже не робкого десятка! И никто не оспорит права нового Предводителя Исты, если он сумеет выиграть открытое состязание!

— Я передал вам предложение Исты, — сказал Д'рам, возвысив усталый голос, чтобы перекрыть гул разговоров. — Такова воля моего Вейра. А теперь мне пора назад. Премного вам всем обязан, лорды, Мастера, Предводители Вейров.

Торопливо кивнув собравшимся, он учтиво поклонился Лессе, и она, поднявшись, с нежностью коснулась его руки.

К удивлению и радости Джексома, люди в просторной комнате Совета поднялись все как один, чтобы проститься с Предводителем Исты, но Д'рам так и не поднял головы. «Видел ли он это? Понял ли, как его уважают?» — подумал Джексом, чувствуя, как к горлу подступает комок.

— Если я больше не нужен, то, пожалуй, тоже пойду, — сказал Г'денед, вежливо поклонившись Предводителям Бендана и всем собравшимся.

— Г'денед? — с вопросительной интонацией произнесла Лесса.

Всадник медленно покачал головой. Видимо, надежды на благополучный исход болезни Фанны уже не оставалось.

— Я извещу все Вейры, когда Кайлита будет готова к брачному полету, — сказал он и поспешил вслед за Д'рамом.

Как только его шаги замерли за поворотом, в зале поднялся шум. Правители холдов не были уверены, стоит ли одобрить такое новшество. Главные мастера, по всей видимости, расходились во мнениях, хотя Джексому показалось, что Робинтон знал о решении Д'рама и сохранял нейтралитет. Предводители Вейров были явно довольны.

— Будем надеяться, что Фанна не умрет сегодня, — шепнул кто-то из мастеров своему соседу. — Смерть в день Запечатления — дурной знак!

— К тому же, такая весть испортит праздничный пир... Интересно, правда ли, что бронзовый этого Г'денеда так силен? Ведь если бы Предводителем Исты стал всадник из Бендана...

При упоминании о пире Джексон вдруг понял, что внутри у него все свело от голода. С утра он, как всегда, был на занятиях, а потом едва успел заскочить в холд, чтобы переодеться в свой лучший наряд. Он стал незаметно пробираться к выходу. У женщин в Нижних Пещерах всегда можно выпросить кусок мяса или, на худой конец, булочку и пару плодов.

— Так что — на этом наше собрание закончено? — хрипло спросил среди наступившей тишины лорд Бергамон из холда Нерат. В голосе его звучал вызов. — Разве Вейры еще не выяснили, кто взял яйцо? Или, хотя бы, кто его вернул? Я-то надеялся, что именно об этом мы сегодня услышим.

— Яйцо вернули, лорд Бергамон, и дело закончено, — протягивая руку Лессе, ответил Ф'лар.

— Мне и так известно, что яйцо вернули. Я при сем присутствовал. Как, впрочем, и при Запечатлении новой королевы.

Ф'лар повел Лессу через зал.

— Но сегодня — совсем другой праздник, мой господин, — бросил он. — Счастливое событие для каждого из нас. Внизу всех ждут накрытые столы, — и двое Предводителей Бендана удалились.

— Ничего не понимаю, — недоуменно повернулся к соседу Бергамон. — Я-то надеялся сегодня хоть что-нибудь разузнать!

— Но ты же узнал, — произнес Ф'нор, рука об руку с Брекки проходя мимо владетеля Нерата. — Узнал, что Д'рам покидает свой пост.

— Это меня не касается! — Казалось, слова Ф'нора вызвали у Бергамона еще большее раздражение.

— Нет, касается, причем куда больше, чем все домыслы по поводу яйца, — сказал Ф'нор, вместе с Брекки выходя из зала.

— Вот и весь ответ на твой вопрос, — насмешливо улыбнувшись Бергамону, заметил Робинтон.

— Но... но должны же они что-то сделать! Неужели Бенден терпит подобное оскорбление?

— В отличие от правителей холдов, — выходя вперед, заявил Н'тон, — всадники не вольны потворствовать своим страстям или уязвленному самолюбию в ущерб основной своей обязанности — защищать Перн от Нитей. Вот в чем состоит долг всадника, лорд Бергамон.

— Пойдем, Бергамон, — сказал лорд Грох из Форт холда, беря недовольного владельца Нерата под руку. — Ты же знаешь, это — дела Вейра. Вот и не будем вмешиваться, раз нам не положено. Им виднее. И потом, яйцо-то действительно вернули! А вот подругу Д'рама жаль, очень жаль.. Не хотелось бы, чтобы он уходил. Разумный человек. Ты не слышал, каким вином нас будут угощать?

Джексом увидел, как лорд Грох оглядывается по сторонам.

— Как ты полагаешь, Робинтон, нам подадут бенденское?

Арфист утвердительно кивнул и вышел из зала в обществе обоих лордов; любопытный Бергамон все еще ворчал — видимо, он жаждал новостей. Зал постепенно пустел, и Джексом последовал за остальными. У подножия лестницы, ведущей на дно Вейра, на него набросилась Менолли.

— Ну? Что там случилось? Они говорили с ним?

— Кто говорил? С кем?

— Ф'лар или Лесса обращались к Главному арфисту?

— У них не было повода к нему обращаться.

— Зато были поводы не обращаться. Так что же там происходило?

Джексом вздохнул и, набравшись терпения, начал вкратце пересказывать все, что происходило наверху.

— Д'рам прибыл сюда с просьбой.. нет, с сообщением, что он уходит с поста Предводителя Исты.. — Менолли согласно кивнула, как будто для нее это не было новостью. — И сказал, что обратится к обычаю Древних — объявит первый брачный полет королевы открытым для всех бронзовых.

Менолли вытаращила глаза, рот ее округлился от изумления.

— Все, должно быть, чуть не упали! Кто-нибудь возражал?

— Только кое-кто из лордов, — ухмыльнулся Джексом. — Всадники согласны. Разве что Р'арт съязвил, что дракон Г'денеда, мол, так силен, что никакой борьбы все равно не будет.

— С Г'денедом я не знакома... знаю только, что он сын Д'рама.

— Это ничего не значит.

— Не спорю.

— Потом Д'рам сказал, что хочет для Исты достойного Предводителя и это единственная возможность его получить.

— Бедный Д'рам...

— Ты хочешь сказать, «бедная Фанна»...

— Нет, бедный Д'рам. И все мы тоже бедные. Он был великолепным Предводителем Вейра. А мастер Робинтон что-нибудь говорил? — спросила Менолли, отложив размышления о судьбе Д'рама ради более важного дела.

— Он разговаривал с Бергамоном.

— А с Предводителями Бендана?

— Нет... и я не видел повода для этого.

— Они столько Оборотов были друзьями... а теперь поступают с ним так несправедливо! Он не мог тогда не вмешаться. Драконы не должны идти друг на друга войной!

Джексом искренне согласился, и его словам вторило громкое урчание в животе, такое звучное, что Менолли с недоумением уставилась на него. В душе Джексома боролись смущение и веселье. Все же победил смех. Извиняясь перед Менолли, он видел, что этот забавный случай повеселил и ее.

— Ладно, пойдем к столу — все равно от тебя ничего путного не добьешься, пока ты не поешь.

Этот пир по случаю очередного Запечатления не был ни особенно запоминающимся, ни слишком веселым. Всадники вели себя сдержанно. Джексом не пытался выяснить, чем это объяснялось — добровольной отставкой Д'рама или недавней кражей яйца. Он больше не хотел об этом слышать. Его стесняло общество Менолли — он никак не мог оторваться от ощущения, что она знает, кто вернул яйцо. Еще больше Джексома тревожило ее молчание. Он чувствовал — арфистка нарочно держит его в напряжении. Ему не особенно

хотелось оказаться за одним столом с Ф'лессаном и Миррим, которые могли заметить след от Нити. От общества Бенелека он никогда не был в восторге, а за главным столом, где ему было положено сидеть по рангу, он и подавно будет чувствовать себя не в своей тарелке. Наконец, Менолли куда-то утащил О'харан, арфист Вейра, и скоро Джексом услышал их пение. Если бы музыка была новая, он охотно присоединился к ним — просто, чтобы не оставаться в одиночестве. Но лорды стали наперебой заказывать свои любимые песни, а следом за ними — счастливые родители мальчиков, которым сегодня удалось совершить Запечатление.

Рут тем временем наслаждался, воспринимая восторженные мысли новорожденных дракончиков. Правда, для полного счастья ему не хватало привычного общества огненных ящериц.

«Им не нравится, что их держат взаперти у Брекки, — пожаловался Рут своему всаднику. — Почему их не выпускают? Рамота наелась и теперь спит. Она ничего не узнает».

— Напрасно ты в этом так уверен, — сказал Джексом, глядя на Мнемента, который свернулся на карнизе королевского вейра. Его чуть прищуренные глаза яркими точками мерцали на дальней стороне погружавшейся во мрак Чаши Вейра.

В результате они с Рутом покинули пир — но не раньше и не позже, чем того требовали правила учтивости. Когда они стали заходить на посадку над Руатом, Джексома охватили тревожные мысли о Лайтоле. Как, должно быть, расстроится его опекун, когда Фанна умрет, а ее королева навсегда исчезнет в Промежутке.. И почему именно он должен сообщить Лайтолу об отречении Д'рама! Джексом знал, какое уважение питает Лайтол к Предводителю Древних. Интересно, что скажет его опекун о предстоящем открытом полете?

Но Лайтол только хмыкнул, коротко кивнул и спросил Джексома, говорилось ли что-нибудь об этой истории с похищением яйца. Выслушав рассказ юноши о недовольных речах лорда Бергамона, Лайтол снова хмыкнул, на этот раз сердито и презрительно. Потом поинтересовался, нет ли

где — нибудь яиц файров — еще два мелких холдера одолевают его просьбами. Джексом пообещал спросить утром у Н'тона.

— Удивительно, что кто-то еще хочет держать файров — ведь они впали в такую немилость, — заметил Предводитель Форт Вейра, когда на следующий день Джексом обратился к нему с просьбой. — Впрочем, может быть, именно потому на них сейчас такой спрос. Каждый уверен, что больше никто не захочет их взять — значит, самое время заполучить яйцо-другое. Но у меня нет ни одного, — молодой предводитель покачал головой и пристально взглянул на Джексома. — Слушай, мне нужно с тобой поговорить. Завтра на севере ожидается Падение Нитей, туда полетят всадники Форт Вейра и Плоскогорья. Если бы опасность угрожала Руату, я попросил бы тебя присоединиться к крылу учеников. Но в данном случае в этом нет необходимости — понимаешь?

Джексом кивнул, но не удержался и спросил: значит, в следующий раз, когда Нити начнут падать над Руатом, они с Рутом смогут принять участие в сражении?

— Мы с Лайтолом обсуждали этот вопрос, — усмехнулся Н'тон; в глазах его заплясали веселые огоньки. — Лайтол полагает, что если ты будешь летать так высоко над землей, что ни один подданный не догадается, что его правитель рискует ради него своей жизнью, то до Бендена никаких слухов не дойдет.

— Я куда больше рисую жизнью на земле, бегая с командой огнеметчиков.

— Вполне возможно.. И, тем не менее, мы ведь не хотим, чтобы кто-нибудь сболтнул лишнее Лессе или Ф'лару? К'небел тебя хвалит. Рут обладает всеми качествами, о которых ты мне говорил — он быстр, хитер и необычайно ловок в полете, — Н'тон усмехнулся еще шире. — Между нами, К'небель сказал, что малыши может развернуться на кончике хвоста. Теперь его заботит, как бы другие всадники не решили, что их драконам это тоже по силам и не устроили в воздухе настоящую свалку.

На следующее утро, когда Вейр вылетел отражать атаку Нитей, Джексом с Рутом занялись охотой, потом слетали на озеро, чтобы Рут мог как следует отмыться и поплавать. Пока файры чистили шейный гребень дракона, Джексом осторожно тер шрам на его ноге. Вдруг Рут жалобно вскрикнул. Джексом виновато оглянулся и заметил, что файры, все как один, бросили работу. Вытянув шеи, они прислушивались к чему-то недоступному для ушей Джексома.

— Что происходит, Рут?

«Женщина умирает».

— Возвращаемся в холд! Скорее!

Джексом совсем окоченел — в холде Промежутка сырая одежда леденила тело. Громко стуча зубами, он отыскал взглядом сторожевого дракона и не поверил своим глазам — вместо того, чтобы предаваться скорби, зверь безмятежно полеживал на солнышке!

«Сейчас она еще жива», — пояснил Рут.

Юноша не сразу понял, что Рут по собственной инициативе перенес его в Руат чуть раньше, чем файры подняли тревогу на озере.

— Рут, ведь мы же обещали, что не будем летать через время! — Джексом понимал, что сегодня совсем особые обстоятельства, и все же не собирался ни под каким предлогом нарушать данное слово.

«Это ты обещал, а не я. Для Лайтоля будет лучше, если ты появишься вовремя».

Рут высадил Джексома во дворе, и юный лорд помчался по ступеням в Главный зал. Пробегая через столовую, он испугал служанку, подметавшую пол, спросив ее, где сейчас лорд Лайтол. Женщина выдавила, что он, должно быть, у господина Бранда. Джексом знал, что Бранд держит у себя вино, но на всякий случай забежал на кухню, схватил в одну руку бурдюк, в другую — две кружки и, прыгая через ступеньки, поспешил дальше. Толкнув плечом тяжелую внутреннюю дверь, он локтем нажал на ручку; затем, не теряя времени, устремился по коридору к покоям Бранда.

Как раз в тот момент, когда он распахнул дверь в его комнатушку, голубой файр дворецкого, прислушиваясь, вытянул шею — в точности, как те ящерицы на озере, которые привлекли внимание Джексома.

— Что случилось, лорд Джексом? — воскликнул Бранд, поднимаясь с места. На лице Лайтоля ясно читалось неодобрение, он уже собирался сделать своему питомцу выговор за столь неучтивое появление. Джексом молча указал на огненную ящерицу.

Она внезапно присела на лапки, расправила крылья и издала пронзительный визг, заменивший файрам плач. Краска схлынула с лица Лайтоля — он услышал более низкие, но столь же пронзительные вопли Рута и сторожевого дракона, — причитания по ушедшей королеве.

Джексом плеснул вина в кружку и сунул Лайтолу в руку.

— Я, конечно, знаю, что боль этим не уймешь, — грубо说道 он, — но тебе сейчас лучше как следует напиться, чтобы ничего не слышать и не помнить.

Глава 9

*Начало лета, мастерская арфистов и холд Руат;
пятнадцатый Оборот, третий день седьмого месяца.*

Первую весть Робинтон получил от Заира — файр, мирно дремавший на залитом солнцем подоконнике, внезапно проснулся и, взлетев арфисту на плечо, крепко обвил хвостом его шею. У Робинтона не хватило духа согнать своего любимца, и он попытался слегка ослабить давление, чтобы совсем не задохнуться. Заир, курлыкая, стала теряться головой о щеку арфиста.

— Ну, что такое, малыш?

В тот же миг сторожевой дракон поднялся на задние лапы и затрубил. Над мастерской арфистов вынырнул из воздуха бронзовый дракон и, ответив громовым ревом, начал спуск.

Раздался стук в дверь — и почти сразу же она распахнулась. Что за неучтивость! Главный арфист повернулся, чтобы сделать вошедшему выговор, и увидел на пороге Менолли. На плече у девушки, крепко вцепившись коготками, сидела Красотка, а над головой бешено кружились Крепыш, Нырок и Крикун.

— Это же Ф'лар с Мнементом! — крикнула она.

— Я и сам вижу, моя дорогая... К чему такая паника?

— Паника? Никакой паники. Просто я волнуюсь. Ведь это первый визит из Бенденса с тех пор, как украдли яйцо.

— В таком случае будь умницей и взгляни, не осталось ли у Сильвины чего-нибудь сладкого, чтобы подать вместе с кла. Для вина еще рановато, — с явным сожалением вздохнул Робинтон.

— По бенденскому времени — в самый раз, — выходя из комнаты, заметила Менолли.

Робинтон снова вздохнул и тоскливо посмотрел на открытую дверь. Менолли не дает покоя охлаждение между Вейром Бенден и цехом арфистов. Да и он сам не слепой... Но сейчас Главному мастеру арфистов не хотелось об этом думать. В том, как Мнемент ответил на рев сторожевого драко-

на, не было и тени тревоги. Что же привело Ф'лара к нему в мастерскую? И — что еще важнее — знает ли о его визите Лесса? А если знает, то одобряет ли?

Наверное, Мнемент уже приземлился. Теперь Ф'лар должен пройти через луг. Эти последние минуты ожидания стоили Робинтону больше нервов, чем четырехнедельная размолвка между его Цехом и Вейром.

Он встал и подошел к окну как раз в тот миг, когда Ф'лар входил во внутренний дворик мастерской. Предводитель Бендана шагал широко, размашисто — как всегда, подумал арфист; вряд ли Ф'лара привело сюда что-то срочное. Что же тогда ему надо?

Ф'лар остановился, заговорил с учеником, седлавшим скакуна. На крышу стали слетаться файры; он поднял голову и посмотрел на них. Робинтон задумался — не отослать ли Заира, пока вождь Бендана гостит здесь. Сейчас вовсе ни к чему его раздражать.

Ф'лар перешагнул порог. Через открытое окно Робинтон услышал его голос и чей-то негромкий ответ. Сильвина? Нет, скорее всего, это Менолли подстерегла бенденца, решил он. С лестницы до Робинтона донеслись голоса его помощницы и Ф'лара. Они звучали совершенно безмятежно. Умница девочка — ловко у нее получается!

— Робинтон, Менолли как раз говорила мне, что ее файры называют Мнемента «громадиной», — входя в комнату, произнес Ф'лар с непринужденной улыбкой.

— Учи, Ф'лар, они скучны на похвалу, — ответил Робинтон, принимая из рук Менолли поднос. Девушка вышла и закрыла за собой дверь. «Ничего, — подумал Робинтон, — от нее все равно не скроешь предмет нашей беседы — Заир тут же доложит Красотке, а Красотка — ей».

— Надеюсь, в Бендене ничего не случилось? — спросил он всадника, передавая кружку с кла.

— Нет, ничего... — Робинтон ждал. — Правда, есть одна загадка. Вот я и подумал, что ты, быть может, сумеешь ее разгадать.

— Попробую, — сказал арфист, жестом приглашая гостя сесть.

— Мы не можем найти Д'рама.

— Д'рама? — от неожиданности Робинтон чуть не рассмеялся. — Почему же вы не можете его найти? — Он жив, и это единственное, что мы о нем знаем. А вот где он — нам неизвестно.

— Разве Рамота не может связаться с Тиротом?

Ф'лар покачал головой.

— Наверное, я неправильно выразился — нам неизвестно, в каком он времени.

— Значит, Д'рам ушел в другое время?

— Иного объяснения у нас нет. Но в свое время он навряд ли мог вернуться. Мы не думаем, чтобы у Тирота хватило на это сил. Ты же знаешь, как изнуряют полеты во времени и всадников, и драконов. И, тем не менее, Д'рам исчез.

— Не такая уж это неожиданность, — медленно проговорил Робинтон, поспешно перебирая в уме возможные варианты.

— Не спорю.

— А не мог он податься в Южный Вейр?

— Нет. Будь он там, Рамота без труда нашла бы его. А Г'денед обыскал во времени всю Исту, до самого первого Падения — он думал, что Д'рам захотел остаться там, где живут его воспоминания... Мы слышали, что лорд Уорбрет предложил Д'раму любую пещеру на юге Исты, на выбор. Говорят, он согласился, — Ф'лар недоумевающе пожал плечами, а Робинтон заметил:

— Слишком охотно он дал согласие.

Вождь Бендана встал и принял беспокойно мерить шагами комнату.

— Ну, и как ты думаешь, куда он мог подеваться? Ты ведь с ним дружен. Ничего не припоминаешь?

— В последнее время он больше молчал — только сидел рядом с Фанной и держал ее руку, — Робинтон проглотил подступивший к горлу комок. Арфист давно уже смирился с бренностию человеческой, но сейчас, вспомнив, как предан был Д'рам своей супруге, как молчаливо скорбел о ее уходе, он почувствовал, что на глаза навернулись слезы. — Я передал ему приглашения от Гроха и Сэнджела. Вообще говоря,

мне кажется, что он мог отправиться в любое место на Перне — ему везде оказали бы радушный прием. Только он, очевидно, предпочитает общество своих воспоминаний... Скажи, есть ли у вас какие-то особые причины его разыскивать?

— Никаких, кроме беспокойства о нем.

— Ф'лар, мастер Олдайв говорил мне, что он в здравом уме и твердой памяти, если это тебя волнует.

Предводитель поморщился и нетерпеливо откинулся назад прядь волос, которая всегда падала ему на глаза, когда он волновался.

— Честно говоря, Робинтон, все это затеяла Лесса. Рамота не может понять, где Тирот. Вот Лесса и вбила себе в голову, что Д'рам нарочно забрался так далеко в прошлое, чтобы не расстраивать нас своим самоубийством. Похоже на него!

— Но это — его право, — мягко сказал Робинтон.

— Знаю, знаю! Никто и не стал бы его винить, просто Лесса места себе не находит. Пусть Д'рам удалился от дел, но его опыт, его мнение для нас по-прежнему важны. И сейчас — больше, чем когда-либо. Если говорить прямо, он нам нужен... Нужен здесь.

У Робинтона мелькнула мысль, что Д'рам, быть может, это понял и намеренно скрылся вместе с Тиротом туда, где его не так-то просто отыскать. Но Д'рам явится по первому зову, чтобы выступить на защиту Перна и Племени Дракона.

— Может быть, Ф'лар, ему нужно время, чтобы оправиться от потери?

— Ты сам знаешь, он совсем сдал, пока ухаживал за Фанной. Он тоже может заболеть и кто тогда ему поможет? Мы очень обеспокоены.

— Я боюсь об этом даже заикнуться, но не пробовала ли Брекки спросить огненных ящериц? И своих, и из Вейра Иста?

Озабоченно сжатые губы Ф'лара искривились в усмешке.

— Как же, она на этом настояла. Никакого результата! Файрам, как и драконам, необходим ориентир, чтобы перемещаться во времени.

— Я вовсе не имел в виду, что их нужно к нему посыпать. И полагаю, нужно только попросить их вспомнить одинокого бронзового дракона.

— Просить этих тварей вспомнить? — Ф'лар недоверчиво рассмеялся.

— Да, Ф'лар. У них отличная память, нужно лишь ее подтолкнуть. Откуда, например, файры узнали, что Алая Звезда... — его перебил протестующий вопль Заира. Файр так стремительно взвился с плеча арфиста, что оцарапал ему шею. — Снова я упомянул о ней в его присутствии! — виновато проговорил Робинтон, поглаживая царапину. — Вот что я думаю, Ф'лар: все огненные ящерицы знали, что Алая Звезда опасна и недосыгаема еще до того, как Ф'нор с Кантом попытались до нее добраться. Если ты сумеешь чего-нибудь добиться от файра, напомнив ему про Алую Звезду, то он скажет: мы знаем, что ее надо бояться. Откуда это знание? От их предков, которые жили в те времена, когда наши предки впервые попытались ее достичь?

Ф'лар наградил арфиста долгим испытующим взглядом.

— И это не единственное их воспоминание, оказавшееся достоверным, — продолжал Робинтон. — Мастер Андемон полагает, что ящерки способны помнить необычайные события, которые хотя бы одна из них наблюдала или переживала. Инстинкт играет немаловажную роль в существовании каждого животного — почему же их память должна быть исключением?

— Не уверен, что понял, как ты собираешься допрашивать их... Каким образом извлечь из памяти файров сведения, которые помогли бы нам разыскать Д'рама, где бы он ни скрывался?

— Все очень просто. Нужно попросить, чтобы они вспомнили, видел ли кто-нибудь одинокого бронзового дракона. Это достаточно необычное зрелище, чтобы они его заметили и... запомнили.

Было видно, что Ф'лар весьма сомневается в успехе.

— Думаю, должно получиться, если мы попросим Рута о посредничестве.

— Рута?

— Когда все файры смертельно боялись драконов, Рута они просто преследовали. Джексом мне говорил, что они обожают болтать с ним. Должен же хоть один из них вспомнить то, что мы хотим узнать!

— Я готов проститься с неприязнью к этим занудам, если они помогут развеять опасения Лессы.

— Надеюсь, ты не забудешь о своем обещании, — проговорил Робинтон и улыбнулся, чтобы смягчить свои слова.

— Ты поедешь со мной в Руат?

Арфист сразу же вспомнил про шрам на лице Джексома — вряд ли он зажил так быстро. К тому же, он никак не мог припомнить, сообщил ли Н'тон Ф'лару, что Джексом летает вместе с учебным крылом Форта.

— Может быть, сначала узнаем, в Руате ли сейчас Джексом?

— А где же ему еще быть? — нахмурившись, спросил Ф'лар.

— Он часто разъезжает по холду, знакомится со своими обязанностями или отправляется на занятия к Фандарелу.

— Минуточку, — Ф'лар отвернулся к окну, взгляд его стал рассеянным. — Нет, Мнемент говорит, что Рут в холде. Как видишь, у меня есть свой вестник, — усмехнулся он.

Робинтон надеялся, что Рут сообразит обо всем сказать Джексому. Он хотел бы отправить в Руат своего Заира, чтобы предупредить хозяев, но не мог найти подходящего предлога.

— Да, твой вестник куда надежнее моего... и действует быстрее, чем проволочная связь Фандарела, — пошутил арфист, натягивая толстую кожаную тунику, которую всегда надевал, собираясь в полет. — Кстати, о Фандареле — ты знаешь, что он дотянул свою линию до рудников Крома? — жестом пригласив Ф'лара следовать за ним, Робинтон направился к двери.

— Да, знаю. И это еще одна причина разыскивать Д'рама.

— Вот как?

В ответ на учтивый вопрос арфиста Ф'лар рассмеялся так искренне и заразительно, что Робинтон поверил — этот визит возродит их былую дружбу.

— Разве Никат не заезжал к тебе, Робинтон? По пути на
рудники Южного?

— Уж не те ли, где Торик пробавляется металлом?

— Я так и думал, что ты знаешь.

— Да, я знаю, что Никата тревожит состояние подземных
запасов. Руды истощаются. Но еще больше это тревожит
Фандарела — ему нужен металл куда лучшего качества.

— Как только мы допустим на Южный ремесленников, на
нас начнут наседать правители холдов... — Ф'лар невольно
понизил голос, хотя во дворе никого не было.

— Южный континент настолько велик, что на нем может
уместиться не один Северный Пери. Пойми, Ф'лар, ведь мы
еще только ступили на его окраину. Клянусь Первой Скор-
лупой! — Робинтон хлопнул себя по лбу. — Не зря мы заго-
ворили о файрах и ассоциативной памяти! Вот оно — теперь
мне понятно, куда отправился Д'рам!

— Куда же?

— По крайней мере, мне кажется, что он МОГ туда отпра-
виться...

— Говори же! Ну?

— Остается еще вопрос, в какое время... И, по-прежнему,
Рут — наш единственный ключ.

На лугу, на расстоянии в несколько длин дракона, их
ожидал Мнемент. Заир, тревожно вереща, кружил над голо-
вой Робинтона, предпочитая держаться от бронзового на
почтительном расстоянии. Несмотря на все ухищрения ар-
фиста, файр ни за что не соглашался сесть ему на плечо.

— Я собираюсь в Руат — к белому дракону, к Руту. Тогда
ступай прямо туда, глупая голова, если не хочешь прока-
титься у меня на плече.

— Мнемент ничего не имеет против Заира, — сказал
Ф'лар.

— Боюсь, что дело тут не только и не столько в Мнемен-
те, — ответил Робинтон.

Бронзовый всадник гневно сверкнул глазами:

— Ни один дракон даже не думал жечь файров!

— Конечно же нет, Предводитель. Во всяком случае, здесь. Однако все они помнят, что это случилось. А файры говорят только то, что видели сами — или это видел хотя бы один из них.

— Тогда вперед, в Руат! Может быть, хоть бы один из них видел Д'рама...

«Похоже, огненные ящерицы все еще остаются щекотливым моментом в наших отношениях», — печально подумал Робинтон, взбираясь на плечо бронзового, чтобы занять место позади Ф'лара.

* * *

Джексом с Лайтолом стояли на ступенях холда, когда Мнемент протрубил с небес свой призыв и стал кругами спускаться на огромный двор.

Пока гости и хозяева обменивались приветствиями, Робинтон придирчиво рассматривал лицо Джексома, пытаясь обнаружить след укуса Нити, но к своему удивлению ничего не увидел. Может быть, он на другой щеке? Что ж, будем надеяться, что у Рута тоже все зажило. К счастью, Ф'лар так поглощен заботой о судьбе Д'рама, что ему и в голову не придет разглядывать Джексома с Рутом.

— Рут мне сказал, что Мнемент им интересовался, — обращаясь к Ф'лару, произнес юный лорд. — Надеюсь, ничего плохого не случилось?

— Рут должен помочь нам разыскать Д'рама.

— Разыскать Д'рама?.. Разве он... — Джексом замолчал, тревожно взглянув на Лайтола, который хмуро покачивал головой.

— Нет, он жив... но скрывается, а в каком времени — мы не знаем, — ответил Робинтон. — Вот я и подумал: если Рут спросит огненных ящериц, может быть, удастся его найти.

Джексом не сводил глаз с арфиста, а тот никак не мог понять, почему у юноши такой ошеломленный и, как ни странно, испуганный вид. От Робинтона не укрылся ни молниеносный взгляд, который Джексом бросил на Ф'лара, ни то, как он судорожно сглотнул.

— Я запомнил твои рассказы о том, что файры часто болтают с Рутом о всякой всячине, — неспешно продолжал Робинтон, давая Джексому время прийти в себя. Непонятно, что так взбудоражило мальчугана... — Думаю, файры подскажут, ГДЕ находится Д'рам... но вот в КАКОМ времени... Это трудно бывает понять.

— Во всяком случае, стоит попытаться...

— Что-то я не совсем понимаю, — вмешался Лайтол, переводя взгляд с арфиста на своего питомца. — О чём идет речь? — он провел гостей в малый зал холда. На столе уже благоухал кувшин с вином, окруженный тарелками с хлебом, сыром и фруктами.

— Хорошо, — покосившись на вино, сказал Робинтон, — сейчас я все объясню...

— Боюсь, что от долгого рассказа у тебя может пересохнуть в горле, — сказал Джексон, направляясь к столу, чтобы разлить вино. — Это бенденское, мастер Робинтон. Самое лучшее — для особо почетных гостей.

— А мальчик-то растет, Лайтол, — сказал Ф'лар. Он поднял кружку, бросив одобрительный взгляд на Оберегающего Руата.

— Мальчик уже вырос, — буркнул Лайтол. — Так что там вы затеяли с файрами?

Из воздуха вынырнул Зайр. Громко пискнув, он опустился арфисту на плечо и крепко обмотал хвост вокруг его шеи. Потом озабоченно зачирикал, как бы убеждаясь в том, что поездка на «Громадине» не принесла Робинтону никакого вреда.

— Прошу прощения, — произнес арфист. Успокоив файра, он принял излагать Лайтолу свою гипотезу о том, что огненные ящерицы обладают весьма обширной наследственной памятью, чем, между прочим, можно объяснить их страх... Он кашлянул и многозначительно показал рукой на восточный небосклон, чтобы избежать очередной истерики бронзового. Файры способны принимать и передавать сильные эмоции; свидетельство этого — призыв Брекки к Канту в ту роковую ночь. Они пришли в ужас, когда было похищено яйцо Рамоты, и пребывали в панике до тех пор, пока Запечатление не прошло благополучно. Кажется, они помнят, что

видели яйцо рядом с непонятным черным пятном.. и еще помнят, как их сжигали драконы. Джексом много раз говорил ему, что файры пичкают Рута самыми невероятными историями, которые они, по их утверждению, помнят. И если эта их любопытная способность — не просто фантастические видения, посещающие их глупые головенки (тут арфисту пришлось унимать возмущенного Заира) — то сейчас самое время это доказать, прибегнув к помощи Рута. Вероятнее всего, Д'рам на свой страх и риск удалился в такое время, где мысль Рамоты не может достичь его дракона. Поэтому Рамота с Лессой очень расстроены — Госпожа Вейра опасается, что с Д'рамом может что-то случиться. И пусть он больше не предводитель Истры, Перну он по-прежнему нужен, а потому не хотелось бы потерять с ним связь навсегда.

— Так вот, — откашлявшись, продолжал Робинтон, — не так давно произошел один случай.. — он вопросительно взглянул на Ф'лара, тот кивнул в знак согласия, — .. случай, когда я неожиданно попал на Южный. Мы с Менолли сбились с курса, и нас отнесло далеко на восток. Там нам довелось побывать в прелестной бухте — вокруг белый песок, деревья, увешанные красными плодами; заливчик так и кишил желтохвостками и морскими звездами. Солнце ласково пригревает, а вода в ближайшем ручейке ароматная, как бенденское, хорошей выдержки, — он рассеянно заглянул в кружку, и Джексом, рассмеявшись, подлил ему еще.

— Сейчас уже не помню, как и когда, но только я рассказал Д'раму про этот уголок. Я совершенно уверен, что описал его достаточно подробно, чтобы такой опытный дракон, как Тирот, смог без труда найти дорогу.

— Д'рам не стал бы делать ничего такого, что осложнит бы обстановку здесь, — задумчиво проговорил Лайтол. — Он наверняка выбрал время, когда Древних на Южном еще не было. А прыжок на десять-двенадцать оборотов назад — вполне посильное дело для его Тирота.

— Я предвижу одно обстоятельство, Робинтон, — заметил Ф'лар, — которое может осложнить нашу задачу. — Даже если файры могут помнить важные события, случившиеся с их предками, — в его голосе звучало явное недоверие, — то навряд ли какая-нибудь из здешних ящериц сумеет припомн-

нить то, что нам нужно — ведь у нее не было предков из Южного. Вот он, например, — Предводитель указал на Зайра, — из той кладки, которую Менолли принесла из холда, что на Полукруглом море, если не ошибаюсь?

— Но к Руту файры слетаются отовсюду, — возразил Робинтон, взглядом ища поддержки у юного лорда.

— Ф'лар попал в точку, — признал Джексом.

— Но ты не можешь слетать в ту бухточку, а, Джексом? Я ничуть не сомневаюсь, что роковая страсть, которую твой Рут внушил файрам, проявится и там.

— Ты хочешь отправить меня на Южный?

Робинтон отметил недоверчивый тон юноши и жгучий интерес, вспыхнувший в его глазах. Так... Значит, мальчик обнаружил, что лететь на огнедышащем драконе — это еще не все в жизни...

— Я не хотел бы никого отправлять на Южный, — ответил Ф'лар, — поскольку это означало бы нарушение нашего уговора... Но я не вижу иного способа разыскать Д'рама.

— От бухты до Южного Вейра — долгий путь, — мягко заметил Робинтон, — а всем нам хорошо известно, что Древние не отваживаются от него далеко удаляться.

— Однако совсем недавно они отважились удалиться от него на весьма значительное расстояние, не так ли? — за пальчиво бросил Ф'лар, и его янтарные глаза сверкнули гневом.

Робинтон печально подумал, что трещина, пробежавшая между Цехом арфистов и Вейром Бенден еще только начинает затягиваться.

— Лорд Лайтол, — продолжал Ф'лар, — я допустил оплошность. Нужно прежде спросить твоего разрешения. Можем ли мы послать Джексома на поиски Д'рама?

Лайтол покачал головой.

— Решение всецело зависит от самого лорда Джексома.

Робинтон видел, как Ф'лар, обдумывая полученный ответ, смерил Джексома долгим испытующим взглядом. — Твое слово, лорд Джексом? — с улыбкой спросил Предводитель.

Арфист отметил непринужденное достоинство, с которым юноша слегка склонил голову.

— Сочту за честь быть полезным, Предводитель! — ответил он.

— Нет ли у вас здесь карт южного континента? — осведомился Ф'лар.

— Вообще-то есть, — сказал Джексом и поспешил пояснить — Фандарел на занятиях пару раз учил нас составлять карты.

Правда, карты в Руате оказались недостаточно полными. Ф'лар сразу понял, что это копия тех набросков, которые сделал Ф'нор во время своей первой экспедиции на Южный. Тогда его брат отправился вместе с первой кладкой Рамоты на десять Оборотов в прошлое, чтобы молодые драконы успели подрасти, пока вновь не начнутся атаки Нитей. Помнился, этот замысел в основном удался.

— У меня есть более подробные карты побережья, — вскользь заметил Робинтон, усаживаясь, чтобы черкнуть пару слов Менолли. Он прикрепил записку к пряжке на зашитом ошейнике и послал бронзового в свою мастерскую, мысленно умоляя не забыть про поручение.

— И что же — он вернется с картами? — недоверчиво и слегка надменно спросил Ф'лар. — Брекки с Ф'нором все стараются меня убедить, что эти малавки способны приносить пользу.

— Думаю, что по столь важному поводу Менолли попросит сторожевого дракона подбросить ее сюда, — вздохнул Робинтон, сетуя на себя за недогадливость — а ведь правда, нужно было намекнуть Менолли, чтобы она отправила карты с файрами. Зачем терять такой случай?

— Ты освоил полеты во временном Промежутке? — неожиданно спросил Джексома Предводитель Бендана.

Юноша вспыхнул. Робинтон встревожился, увидев, как на его покрасневшем лице простирали белая полоска шрама. К счастью, Джексом стоял, повернувшись к Ф'лару другой щекой.

— Как тебе сказать, мой господин...

— Полнο, мальчик! Я не знаю ни одного молодого всадника, который не использовал бы этот фокус. Просто я хочу выяснить, насколько точно Рут чувствует время. Ведь некоторые драконы вообще лишены такой способности.

— Рут всегда знает, в каком он времени, — с гордостью ответил Джексом. — Я бы сказал, что по ощущению времени ему нет равных на всем Перне.

Ф'лар помолчал, обдумывая услышанное.

— А длинные скачки ты пробовал?

Джексом медленно кивнул, искоса глядя на лорда Лайтоля, но лицо опекуна оставалось непроницаемым.

— И никаких отклонений? Слишком долгих задержек в Промежутке?

— Нет, мой господин. Особено легко попасть в точку, если совершаешь прыжок ночью.

— Боюсь, я не совсем тебя понял.

— Я имею в виду уравнения, которые дал нам Вансор. По-моему, ты тоже был на том собрании в Цехе кузнецов... — юноша замялся. Наконец, Ф'лар понял ход его мыслей и сделал знак продолжать. — Если вычислить положение главных светил, можно очень точно рассчитать нужное время.

— Ну да, конечно же, — ночь для этого подходит лучше всего, — подтвердил Главный арфист, которому никогда не приходило в голову, что вансоровы уравнения можно применить и таким образом.

— Я до этого не додумался, — задумчиво произнес Ф'лар.

— А ведь подобный случай уже был, — с улыбкой заметил Робинтон, — причем в твоем же собственном Вейре.

— Когда Лесса воспользовалась положением звезд на старинном гобелене, чтобы перенестись назад, к Древним? — Джексом явно не помнил об этом и, судя по комическому ужасу, мелькнувшему у него на лице, забыл и то, что упоминание о Древних не совсем уместно.

— Не можем же мы постоянно делать вид, что их не существует, правда? — сказал вождь Бендена — гораздо

боле терпимо, чем ожидал Робинтон.— Они есть, и с этим приходится считаться. Но вернемся к нашему делу. Долго нам еще ждать твоих ящерц, Робинтон?

В ответ снаружи послышался многоголосый гомон, так явно возвещавший возвращение файров, что все поспешили к окну.

— Менолли сама додумалась,— шепнул Джексому арфист.— Они уже здесь, Ф'лар.

— Кто — Менолли со сторожевым драконом?

— Нет; мой господин,— с торжеством в голосе произнес Джексом. — Заир и четверо файров Менолли — королева и трое бронзовых. И все они несут карты!

В комнату впорхнул Заир, в его чириканье слышалась смесь раздражения, озабоченности, и смущения. Следом за ним появилась четверка Менолли. Облетев комнату, Красотка, крошечная золотая королева, принялась яростно чирикать. Робинтон протянул руку, и Заир с готовностью сел на нее. Но Красотка кругами носилась по комнате и не подпускала к себе людей. Робинтон с Джексомом тщетно пытались заставить ящерок приземлиться. Ф'лар наблюдал за их возней с насмешливой улыбкой, Лайтол — без всякого выражения.

— Рут, может быть, хоть ты скажешь Красотке, чтобы она перестала безобразничать и села мне на руку? — воскликнул Джексом. Его тщетные старания задобрить маленькую королеву на глазах у Ф'лара начинали выглядеть просто смехотворно.

Красотка недовольно свистнула, но сразу же опустилась на стол. Пока Джексом снимал карты с ее спины, ящерка не переставала ожесточенно браниться. Не смолкла она и после того, как бронзовые робко приземдились, не решаясь сложить крылья, и позволили снять с себя груз. Освободившись от ноши, они тотчас вылетели в окно. Красотка в последний раз наградила всех пронзительным воплем и, взмахнув хвостом, исчезла. Заир виновато пискнул и спрятал голову у Робинтона в волосах.

— Что ж,— сказал Робинтон, когда в комнате наконец воцарилась долгожданная тишина, — быстро они обернулись, правда?

Ф'лар расхохотался.

— Обернулись-то они быстро. А вот насчет получения посылки... Не хотел бы я так пререкаться по поводу каждой адресованной мне записки!

— Это все из-за того, что здесь не было Менолли, — объяснил Джексон. — Просто Красотка не знала, кому из нас можно доверять. Прости, мой господин, я не собирался никого обижать, — поспешил добавил юноша.

— Вот то, что нам нужно, — Робинсон развернул первую карту, склонившись над столом. Он сделал знак остальным, чтобы они занялись другими частями. Скоро карты были расстелены на каменной столешнице; загибавшиеся кверху края придавили кружками.

— Можно подумать, мастер Робинсон, — добродушно пошутил Лайтол, — что все бури сносили тебя к берегам Южного. Карты весьма подробны.

— Разве это моя заслуга? — нашелся арфист. — Рыбаки из Морского мне очень помогли — вот здесь, здесь и здесь, — он ткнул пальцем в западный край континента, где изрезанная береговая линия была вычерчена очень подробно. — Это работа Идаролана и других капитанов, которые давали ему сведения, — он помолчал, взвешивая, не упомянуть ли, какую помошь в исследованиях Идаролана оказали многочисленные файры членов команды. — Торик и его холдеры, — продолжал он, решив до поры не возвращаться к этой теме, — имеют полное право на открытие собственных земель. Они подробнейшим образом исследовали вот эту часть, — он обвел рукой выступ полуострова, на котором размещались Южный холд и Вейр Южный.

— А где рудники, из которых Торик черпает свои запасы?

— Вот, — палец Робинсона передвинулся к обозначенному на карте предгорью, которое располагалось в глубине материка, к западу от поселений.

Ф'лар внимательно изучал расположение рудника, потом провел пальцем от него до Вейра. — А где же твоя бухта?

Робинсон показал — расстояние от нее до Южного Вейра было примерно такое же, как от Бендена до Руата.

— Вот в этом районе. Здесь, на побережье, есть несколько небольших заливчиков. Не могу точно сказать, какой из них мой, но расположен он где-то тут.

Ф'лар проворчал, что воспоминания арфиста носят слишком общий характер — откуда же дракону взять характерный ориентир для полета в Промежуток?

— Точно по центру бухты высится древний вулкан — совершенно симметричный конус, — Робинтон обозначил жестом форму горы. — Заир был там вместе со мной, он может передать Руту ее образ, — слегка повернув голову, арфист исподтишка подмигнул Джексому.

— Сможет ли Рут воспринять ориентир от ящерицы? — хмурясь, спросил юношу Ф'лар. — Источник не очень-то надежный.

— Больше ему не надо, — ответил Джексом, и Робинтон увидел, как весело блеснули глаза молодого лорда. Интересно, куда уже путешествовал белый дракон, используя подсказку файров? Может быть, Менолли знает...

— Это еще что? — недовольно осведомился Ф'лар. — Заговор с целью восстановить доброе имя файров?

— Мне казалось, что мы разрабатываем план, как разыскать Д'рама, — с мягким упреком в голосе ответил Робинтон.

Ф'лар хмыкнул и склонился над картой.

«И вся тяжесть нашего решения ляжет на плечи Рута, — подумал Робинтон. — А конечный результат будет зависеть от того, понравится ли белый дракон файрам Южного. Ведь Джексом уже дал согласие на прыжок в прошлое — если, конечно, Ф'лар решит, что юноше по силам найти верное место».

Они снова принялись обсуждать особенности памяти огненных ящериц. Ф'лар не желал и слышать, что, в отличие от драконов, на которых они были похожи во всех остальных отношениях, маленькие непоседы умеют помнить и вспоминать. Кто может поручиться, что их рассказы — не полная выдумка, не сны наяву? На это Робинтон отвечал, что воображение опирается на память; нет памяти — нет и воображения.

День кончался; вскоре в холд вернулись воспитанники, которые вместе с Брандом обезжали поля. Ф'лар заметил, что пробыл в Руате гораздо дольше, чем намеревался. Он предупредил Джексома, чтобы тот был поосторожнее, путешествуя во времени,— Робинтон подозревал, что к этому совету Ф'лару не мешало бы прислушаться самому — и не смел рисковать собой и своим драконом. Если не удастся обнаружить бухту — пусть не теряет время и сразу же возвращается назад. В случае успеха юноше надлежало отметить нужное место и сообщить в Бенден его координаты. Ф'лар не хотел докучать Д'раму, и если юноше удастся остаться незамеченным — тем лучше.

— Думаю, Джексом сумеет тактично выполнить твоё поручение, — сказал Робинтон, искоса наблюдая за юношем, — можешь на него положиться. Однажды он уже доказал свою осмотрительность. — «Странно, почему мальчуган так реагирует на обычную похвалу?» — подумал арфист и принял возиться с картами, чтобы отвлечь внимание Ф'лара от смущившегося молодого веадника.

Робинтон велел Джексому как следует выспаться, утром поплотнее поесть, после чего прибыть к нему в мастерскую за дальнейшими указаниями. Распрощавшись с хозяевами, они с Ф'ларом направились обратно в Форт. Когда Предводитель Бендена доставил арфиста в его цех, Робинтон решил ограничиться обычными словами благодарности. Хватит того, что нужды Перна снова привели Бенден в Цех арфистов. Всему свое время...

Пока Робинтон следил, как Ф'лар с Мнементом, миновав высоты над холдом, исчезли из вида, откуда ни возьмись вынырнула Красотка и набросилась на Заира, который привычно устроился у арфиста на плече. Заир никак не отвечал на ее выпады, и Робинтон довольно усмехнулся. Видно, Менолли заждалась отчета о последних событиях. Она, конечно, не столь бесцеремонна, чтобы приставать к нему с вопросами, но это не помешало ее Красотке отыграться на бронзовом. Умница Менолли, просто золото, а не девушка! Робинтон надеялся, что она не откажется прогуляться в обществе юного Джексома. Он не стал говорить об этом при Лайтоле, поскольку Ф'лар с самого начала требовал держать все экс-

педиции на Южный в полной тайне. Один Заир вряд ли поможет Джексому найти нужную бухту... но вместе с Менолли, которая сопровождала Робинтона в том бурном плавании, и ее файрами в качестве подкрепления, у мальчугана не будет никаких забот. Однако, чем меньше народу будет знать об этом, тем лучше.

Наутро, когда Робинтон сообщил Джексому о дополнительных средствах для достижения успеха, юноша был явно удивлен и обрадован.

— Только учи, юный Джексом, не стоит никого ставить в известность, что мы с Менолли уже вели разведку на Южном. Ведь мы, в сущности, не планировали забираться так далеко...

Менолли фыркнула:

— Я ведь говорила тебе, что надвигается шторм!

— Премного благодарен. С тех самых пор я ценю твои прогнозы погоды — ты, наверняка, и сама заметила. — Его лицо перекосилось, когда он вспомнил трехдневные страдания, вызванные морской болезнью, и отчаянные усилия Менолли, вцепившейся в румпель их легкого суденышка.

Не обременяя молодых людей лишними советами, Робинтон заставил их взять с собой запас еды и сказал, что надеется вскоре получить от них благоприятные вести.

— О чём? — спросила Менолли; в глазах девушки прыгали смешишки. — О местонахождении Д'рама или о поведении огненных ящериц?

— И о том, и о другом, дерзкая ты девчонка! Убирайся с глаз долой!

Робинтон решил не расспрашивать Джексома, почему тот так странно реагировал на его слова о перемещениях во времени и осмотрительности. Когда он сообщил Менолли, что намеревается послать ее вместе с файрами сопровождать Джексома, она тоже повела себя как-то странно. Он мимоходом поинтересовался, что ее так развеселило, но девушка только помотала головой, борясь с приступами смеха. Робинтон не мог понять, что с ними обоими происходит. Теперь, наблюдая, как Рут кругами уходит в небо, он снова задумался об их взаимоотношениях. Добродушное подкусывание, яв-

ная борьба кто-кого, но, казалось бы, ничего такого, что выходит за рамки старой дружбы. «Нет, — поспешил он успокоить себя, — Менолли никогда не станет для Джексома примерной супружой, госпожой холда, даже если между ними что-то есть. И дело здесь даже не в том...» — арфист выбранил себя за нескромное любопытство и погрузился в скучнейшие вопросы управления Цехом, которые он умудрялся так долго откладывать.

Глава 10

*От Цеха арфистов до Южного материка, вечер в
Вейре Бенден; Пятнадцатый Оборот, четвертый
день седьмого месяца.*

Рут взлетел над лугом, и Джексом с облегчением почувствовал, как волнение покидает его. Постепенно оно сменилось привычной настороженной готовностью, предшествовавшей долгому прыжку через Промежуток. Красотка и Нырок смирно сидели на плечах у Менолли, обвив хвостами ее шею. Самому Джексому пришлось выполнять роль насеста для Крепыша и Крикуна — именно эта четверка сопровождала Робинтона с Менолли в их путешествии на Южный. Джексома так и подмывало спросить, чем они занимались во время плавания. За этой морской прогулкой что-то крылось, и не зря в ней участвовала Менолли; она выросла в Морском холде и отлично разбиралась в мореплавании. Однако насмешливый огонек в глазах девушки удерживал его от лишних расспросов. Слово за слово, и эта хитрая девчонка подберется к его тайнам. Интересно, поделилась ли она с Главным арфистом своими подозрениями на счет роли Джексома в этой истории с яйцом? Он не сомневался, что у Менолли имеются кое-какие догадки на сей счет.

Первый прыжок через Промежуток перенес их на южную оконечность Нерата. Они кружили над морем, пока Менолли и ее файры старательно представляли себе бухту, лежавшую далеко на юго-востоке. Джексом хотел попасть туда во время вчерашней ночи — накануне он затратил немало сил, чтобы рассчитать положение звезд в южном полушарии. На этом настояли Менолли с Робинтоном; они опасались, что Рут не получит достаточно четких координат от файров.

Джексом был даже слегка разочарован, когда Рут заявил, что совершенно ясно видит место, куда они хотят попасть. «У Менолли получаются очень четкие образы», — одобрительно заметил он. Теперь Джексому ничего не оставалось, как только попросить дракона перенестись в далекую южную бухту.

Совсем по-другому дышится! — таким было его первое впечатление. Воздух здесь казался мягче, чище, суще. Рут скользил над водой, спускаясь к небольшому заливчику, и Джексон ощущал его радость; и дракон предвкушал морское купание. На солнце сверкала путеводная горная вершина — далекая, суровая, странно симметричная.

— Я уже начала забывать, как здесь красиво, — со вздохом шепнула ему на ухо Менолли.

Вода казалась такой прозрачной, что можно было отчетливо разглядеть песчаное дно бухты, хотя Джексон не сомневался, что здесь достаточно глубоко. В искрящейся синеве призраками скользили желтохвостки; иногда вспыхивали молниеносные зигзаги морских звезд. Прямо перед путниками разворачивался правильный полукруг белоснежного песчаного пляжа, за ним шла тенистая полоса растительности; деревья пестрели красными и желтыми плодами. Пока Рут спускался, Джексон успел разглядеть, что густой лес тянется до невысокой холмистой гряды, над которой царит величавая горная вершина. По обеим сторонам бухты виднелись похожие заливчики — может быть, не такой правильной формы, но не менее мирные и уединенные.

Погасив скорость, Рут приземлился на песке, поторапливая своих всадников — ему не терпелось искупаться.

— Ну, давай! — сказал Джексон, нежно потрепав дракона по шее, и засмеялся: Рут неуклюже заковылял по мелководью, устремившись к глубокой воде.

— Песок здесь такой же горячий, как на Площадке Рождений, — заметила Менолли и, подпрыгивая, бросилась к тенистым деревьям.

— Нет, там все-таки погорячее, — снова засмеялся Джексон, следя за ней.

— Значит, у меня ноги такие чувствительные, — растянувшись на песке, ответила девушка. Окинув взглядом окрестности, она сделала недовольное лицо.

— Что, никаких следов? — осведомился Джексон.

— Ты имеешь в виду Д'рама?

— Нет, огненных ящериц.

Менолли развернула пакет со съестными припасами.

— Скорее всего, они еще спят после утренней кормежки. Джексом, раз уж ты все равно на ногах, взгляни, нет ли на деревьях спелых фруктов. Не хочется есть пирожки всухомятку.

Спелых фруктов оказалось столько, что хватило бы на целый холд. Джексом собрал, сколько мог унести, и вернулся к ожидающей его девушке. Он знал, что Менолли питает слабость к плодам лунного дерева. Рут резвился в воде; он то нырял, то выскакивал на поверхность, то снова уходил в глубину, поднимая фонтаны брызги и высоченные волны. Вокруг носилась четверка файров, подбадривая его криками и свистом.

— Прилив достиг верхней отметки, — заметила Менолли, вгрызаясь в сочный ломоть серповидного плода лунного дерева. Постанывая от наслаждения, она пробормотала с набитым ртом:

— Просто божественно! И почему все южные плоды такие вкусные?

— Наверное, потому что запретный плод всегда сладок. А что, прилив как-то влияет на появление файров?

— Навряд ли. Рут — вот что на них должно повлиять.

— Значит, придется ждать, пока они заметят Рута?

— Это самый простой выход.

— А ты уверена, что в этой части Южного водятся файры?

— Разве я тебе не говорила? — Менолли изобразила притворное раскаяние. — Мы наблюдали брачный полет королевы — из-за нее я чуть было не потеряла Нырка и Крепыша. Красотка была в ярости!

— Нет ли еще чего-нибудь важного, что ты забыла мне поведать?

Арфистка рассмеялась:

— Придется подождать, пока свежие впечатления не всколыхнут мою память. Не волнуйся — все узнаешь в свое время.

Джексом понял, что с ней можно препираться до бесконечности и, усмехнувшись, занялся фруктами. Было так жарко, что он скинул шлем и тяжелую тунику. Рут продолжал ле-

ниво прохлаждаться в воде в окружении неутомимых ящериц. Их совместные проделки немало позабавили снисходительных зрителей.

Припекало все сильнее. Солнце, отражаясь от белого песка, раскалило воздух даже в тени. Джексом больше не мог спокойно смотреть на хрустальную воду и весело резвящийся драконий народец. Он стащил сапоги, скинул штаны и рубаху и устремился к берегу. Не успел он отплыть на длину дракона, как Менолли уже плескалась рядом с ним.

— Для начала не стоит особо жариться на солнце, — сказала она. — В прошлый раз я ужасно обгорела, — девушка поморщилась от неприятных воспоминаний. — Кожа с меня слезала, как со змеи-землеройки!

Рядом, выпустив струю воды, вынырнул Рут. Сначала он едва не утопил их ударами крыльев, а потом снисходительно предложил уцепиться за хвост, что они и сделали, кашляя и отплевываясь от соленой влаги.

«Пожалуй, Менолли стройнее, чем Корана, — подумал Джексом, когда они, после купания с Рутом, в полном изнеможении выбрались на берег. — Ноги у нее подлиннее и бедра не такие округлые. Грудь, правда, плосковата, но зато она двигается с такой грацией, что просто глаз не оторвать!» Когда он снова оглянулся, Менолли уже натянула штаны и безрукавку, оставлявшую открытыми ее изящные руки и стала сушить волосы, расчесывая их на солнце. Джексому больше нравилось, когда у девушек были длинные волосы. Но Менолли приходится столько летать, что вполне понятно, почему она предпочитает короткую стрижку — меньше времени со шлемом.

Они поделили желтый плод пополам и съели его — раньше Джексом не пробовал ничего подобного. Его нежная сладость казалась еще приятнее от солоноватого привкуса морской воды, оставшегося во рту после купания.

Из моря, подняв тучу брызг, появился Рут и окатил их с ног до головы.

«Здесь жаркое солнце, — оправдывался он в ответ на упреки. — Ваша одежда быстро высохнет. В Керуне так всегда бывало». Джексом покосился на Менолли, но девушка, по-

видимому, не обратила внимания на скрытый в его словах смысл; она перешла на другое место, недовольно отряхивая с одежды и обнаженных рук сырой песок.

— Дело не в том, что ты нас обрызгал, — сказал Джексом, вытирая лицо, — просто неприятно лежать на мокром.

Рут нагреб вокруг себя целую кучу теплого песка, и ящерицы, устало чирикая, стали устраиваться у него под боком.

«Надо бы предупредить, чтобы хоть один из них не спал, — подумал Джексом. — Пусть смотрят, подействуют ли чары Рута на здешних файров». Но еда, купание и свежий воздух сделали свое дело — он сам провалился в сон.

Разбудил его тихий голос Рута:

«Не шевелись. У нас гости».

Джексом лежал на боку, подложив под голову левую руку. Медленно приподняв веки, он отыскал взглядом белую шкуру Рута, всю в узорах тени. И насчитал рядом трех бронзовых файров, четырех зеленых, двух золотых и голубого! Ни у одного на шее не было ни ленточек, ни разноцветных узоров. Пока он наблюдал за ними, рядом с золотой королевой приземлился еще один бронзовый. Они потерлись носами и, склонив головки, уставились на Рута, чья голова покоилась на песке совсем рядом с ними. Один глаз у дракона был слегка приоткрыт.

Красотка, которая спала по другую сторону от Рута, мелкими шажками осторожно поднялась по плечу дракона и, спустившись с другого плеча, обменялась приветствиями с новыми знакомыми.

— Спроси, не видали ли они бронзового дракона, — мысленно подсказал Руту Джексом.

«Уже спросил. Они думают. Они меня любят. Никогда еще не видели ничего подобного».

— И не увидят, — Джексома позабавило прозвучавшее в голосе дракона самодовольство. До чего же Рут любит всем нравиться!

«Давным-давно был один дракон, бронзовый. И с ним человек, который все ходил по берегу взад-вперед. Они с этим бронзовым не общались. Он пробыл тут совсем недолго», — добавил Рут почти про себя.

«Что бы это могло значить? — размышлял Джексом. — Либо прилетели бенденцы и забрали Д'рама с собой, либо он, а вслед за ним и Тирот, ушли из жизни».

— Спроси, что еще они помнят про того человека, — велел Руту юноша. — Может, они видели рядом с Д'рамом Ф'лара?

Незнакомые файры так раз волновались, что Рут поднял голову и широко раскрыл глаза, которые начали тревожно вращаться. При этом Красотка, не удержавшись, соскользнула с его гребня и исчезла из вида, но через секунду появилась вновь, бешено махая крыльями, и уселась на прежнее место, недовольно вереща.

«Они помнят людей. Почему же я ничего такого не помню?»

— А драконов — помнят? — борясь с подступившей тревогой, поспешил спросил Джексом — откуда только южане сумели пронюхать, что они с Менолли побывали здесь? Потом здравый смысл все же подсказал ему: нет, этого знать они никак не могли.

Джексом почувствовал, как кто-то тронул его за плечо, и едва не вскочил.

— Узнай, когда это было, — еле слышным шепотом сказала Менолли, — когда они видели здесь Д'рама?

«Никаких драконов. Только много-много людей», — передал Рут и добавил, что файры слишком раз волновались, чтобы вспомнить про одинокого человека и его дракона. Он не мог понять, что именно они помнят —казалось, каждый файр помнил свое. У Рута просто голова пошла кругом.

— Они знают, что мы здесь?

«Они вас не видят. Смотрят только на меня. Вы — не их люди», — судя по голосу, Рут был удивлен этим ничуть не меньше Джексома.

— Нельзя ли снова навести их на воспоминания о Д'раме?

«Нет, — печально и даже слегка разочарованно ответил Рут. — Они не хотят больше ничего вспоминать. Только тех людей — не вас, а своих».

— Может быть, если я встану, они узнают во мне своего человека? — Джексом начал медленно подниматься, незаметно показав жестом Менолли, чтобы она последовала его примеру. — Пусть файры увидят нас в нужной перспективе.

«Нет, вы совсем не те люди, которых они помнят», — сказал Рут, когда ящерицы, завидев две поднимающиеся с песка фигуры, испуганно вспорхнули. Сделав круг на безопасном расстоянии, файры исчезли.

— Позови их обратно, Рут! Нам ведь нужно узнать, где Д'рам...

Рут с минуту помолчал, глаза его замедлили вращение. Потом, тряхнув головой, он передал всаднику, что они улетели вспоминать своих людей.

— Уж не южан ли они имеют в виду? — сказала Менолли, получив какие-то образы от своих файров. — На всех картинах позади торчит вон та гора, — она кивнула в сторону вершины, которая отсюда была не видна из-за деревьев. — Во всяком случае, они подразумевают не меня с Робинтоном, когда нас сюда занесло бурей. — Скажи-ка Рут, ведь лодку они вряд ли помнят? — спросила дракона Менолли и повернулась к Джексому, ожидая ответа.

«Вы не говорили, что надо спросить про лодку, — сожалением протянул Рут. — Но они точно видели одного человека и дракона».

— А они почувствовали бы... если бы Тирот... ушел в Промежуток?

«Нарочно? Навсегда? Нет, они не помнят, чтобы им было грустно. А я помню. Очень хорошо помню, как ушла Мират».

Джексом поспешил успокоить друга.

— Что, он и правда ушел? — испуганно спросила Менолли, не воспринимавшая ответов Рута.

— Рут так не думает. К тому же дракон не может допустить, чтобы его всадник причинил себе вред. Д'рам не мог уйти из жизни, пока жив Тирот. А Тирот не отправится в Промежуток, пока жив Д'рам.

— Но в каком же они времени? — огорченно спросила Менолли. — Ведь мы так и не узнали...

— Не узнали. Но если Д'рам был здесь, причем достаточно долго, так, что файры успели его запомнить, — и если он собирался здесь поселиться, ему пришлось найти или соорудить для себя какое-то укрытие. Ведь здесь бывают страшные ливни... И Нити... — Джексом стал обшаривать взглядом кромку леса, пытаясь проверить свою теорию. — Слушай, Менолли, ведь Нити начали падать всего пятнадцать Оборотов назад. Для Тирота это не такой уж большой скачок... Ставлю скорлупу Рута против огрызка плода, что именно в том времени и надо искать Д'рама — до начала падения Нитей! Уж он-то с ними навоевался на всю жизнь! — увязая в песке, Джексом направился к своему снаряжению и начал торопливо одеваться. Он чувствовал, что ошибки быть не должно. — Я почти уверен, что Д'рам перенесся на двадцать-двадцать пять Оборотов назад. Для начала мы попробуем поискать его там. Если заметим хоть какие-то следы Д'рама или Тирота, сразу же вернемся, я тебе обещаю! — он вскочил Руту на спину и, застегивая шлем, поднял дракона в воздух.

— Подожди, Джексом! Остановись!

Слова Менолли потонули в свисте воздуха, рассекаемого крыльями дракона. Джексом злорадно ухмыльнулся, глядя, как возмущенная девушка подпрыгивает внизу. Потом со средоточился на мгновении, в которое хотел попасть — вот-вот рассветет, Алая Звезда, отклонившись далеко к востоку, сверкает угремым тусклово-розовым блеском, еще не готовая обрушить на Перн смертоносный ливень... Но последнее слово все же осталось за Менолли. Направив Рута в Промежуток, Джексом почувствовал, как вокруг его шеи обвился хвост файра.

Казалось, они целую вечность висят в ледяной пустоте Промежутка. Юноша почувствовал, как холод до самых костей пробирает согретое ласковым солнцем тело; бездонная тьма ощутимой тяжестью давила на виски — все сильнее и сильнее... Внезапно мрак сменился неярким мерцанием; они снова были над бухтой. Холодный рассвет. Низко, почти над самым горизонтом сияет розовым пятнышком Алая Звезды.

— Ты чувствуешь Тирота, Рут? — сам Джексом не мог ничего разглядеть в тусклом свете занимавшегося дня — зари, что разгоралась задолго до его рождения.

«Он спит. И человек — тоже. Они здесь».

Радость захлестнула Джексома. Он велел Руту возвращаться к Менолли, только не так быстро. Юноша представил себе солнце, высоко стоящее над кромкой леса. И оно было первым, что он увидел, когда Рут перенес его в летние небеса над бухтой, в сегодняшний день.

Сначала Джексом не мог отыскать на берегу Менолли. Потом Красотка и еще двое бронзовых — его в путешествии сопровождал Крепыш — появились рядом с ним. Красотка оглащала воздух возмущенными воплями, Нырок и Крикун тревожно перекликались. Наконец, из леса появилась Менолли и, подбоченясь, стала следить за их приземлением. Джексому не нужно было смотреть ей в лицо — он и так знал, что она кипит от злости. Пока Рут осторожно садился, стараясь не забросать девушку песком, она не спускала с Джексома разъяренного взгляда.

— Ну, что скажешь?

«Слов нет, Менолли очень хороша, когда стоит вот так, сверкая глазами, — думал Джексом, — только зря она надеется меня напугать».

— Они там, двадцать пять Оборотов назад. Я использовал как ориентир Алую Звезду.

— Хорошо, что хоть додумался использовать что-то постоянное! Ты соображаешь, что отсутствовал несколько часов?

— Ты же знала, что со мной все в порядке, — за нами увязался Крепыш.

— От него все равно не было никакого толку! — девушка сокрушенно развела руками. — Красотка не могла ему ничего передать — так далеко вы забрались. Мы понятия не имели, где вы! А ведь ты мог столкнуться с теми людьми, о которых твердят здешние файры. Ты мог ошибиться в расчетах и никогда не вернуться назад.. Ты.. ты..

— Я виноват, Менолли, конечно, виноват, — стал оправдываться Джексом, пытаясь остановить поток ее упреков. — Просто я не запомнил точно, в какое время мы вылетели. Вот и пришлось немного задержаться, чтобы, вернувшись, не столкнуться с самим собой.

Менолли, похоже, успокоилась.

— Ты чуть не переусердствовал. Я уже совсем собралась послать Красотку за Ф'ларом.

— Так, значит, ты беспокоилась?

— Вот именно! — девушка нагнулась и, подхватив свои вещи, стала натягивать куртку и шлем. — Между прочим, я обнаружила остатки навеса — вон там, у ручья, — сказала она, бросая ему мешок. Ловко вскочив Руту на шею, Менолли огляделась, ища своих невесты куда запропастившихся файров. — Снова исчезли! — она позвала их, и Джексом невольно пригнулся, когда у него над головой забили четыре пары крыльев.

Менолли принялась рассаживать ящериц — Красотку с Крикуном к себе на плечи, Нырка с Крепышом — к Джексому. Наконец, все были готовы.

Появившись над Вейром Бенден, Рут протрубил свой зов. Файры неуверенно зачирикали.

— Я бы с удовольствием взяла вас с собой, в королевский вейр, но боюсь, что это неразумно. Отправляйтесь-ка лучше к Брекки!

Не успели файры скрыться, как сторожевой дракон, выгнув шею и расправив крылья, злобно заревел. Глаза его вспыхивали свирепыми красными искрами. Вздрогнув от неожиданности, Джексом с Менолли одновременно оглянулись и увидели приближающуюся стайку огненных ящериц.

— Увязались-таки за нами из Южного! Джексом, вели им скорее возвращаться!

Вся стая разом исчезла.

«Они ведь только хотели взглянуть, откуда мы», — обиженно протянул Рут.

— Пусть прилетают в Руат, а сюда — нельзя!

«Больше они не прилетят, — печально сообщил Рут. — Они испугались».

Тревога, поднятая сторожевым драконом, взбудоражила весь Вейр. Увидев, как возлежащий на карнизе Мнемент приподнял голову, Джексом с Менолли совсем приуныли. Они услышали рев Рамоты и, не успел Рут приземлиться, как

все драконы Вейра присоединились к голосу своей королевы. Рядом с Мнементом на карнизе появились знакомые фигуры Ф'лара и Лессы.

— Вот вляпались, — проговорил Джексом.

— Ничего, нам все простят — ведь мы принесли добрую весть. Думай об этом.

— Я слишком устал, чтобы о чем-то думать, — ответил Джексом резче, чем хотелось бы. Кожа у него горела — наверное, от песка. А может быть, от солнца; но чувствовал он себя препаршиво.

«Я голоден», — пожаловался Рут, печально глядя в сторону обнесенной изгородью Площадки для кормления.

Джексом застонал.

— Рут, здесь тебе нельзя охотиться, — он ободряюще похлопал друга по плечу и, заметив, что их уже ожидают Ф'лар и Лесса, подтянул штаны, одернул тунику и жестом показал Менолли, что им пора идти.

Не успели они подняться на три ступеньки, как Мнемент повернул клиновидную голову к Ф'лару. Переговорив между собой, Предводители Бендена стали спускаться вниз. Ф'лар сделал знак Джексому, чтобы он отправил Рута на Площадку для кормления.

«Мнемент — добрый друг, — заявил белый дракон. — Мне позволили поесть здесь. Я такой голодный...»

— Пусть отправляется, Джексом! — крикнул издали Ф'лар. — Смотри, он совсем серый!

«И правда, Рут выглядит посеревшим», — понял Джексом. Теперь, когда опьянение победы стало спадать, он и сам чувствовал себя не лучше. Юноша с облегчением велел дракону идти на площадку.

Поднимаясь вместе с Менолли навстречу Предводителям Вейра, он вдруг почувствовал, как колени его предательски слабеют, и привалился к девушке. Она мгновенно подхватила его под руку.

— Что с ним, Менолли? Он здоров? — пришел ей на помощь Ф'лар.

— Ему пришлось перенестись на двадцать пять Оборотов назад, чтобы отыскать Д'рама. Он совсем обессилен!

Следующие несколько секунд начисто выпали из памяти Джексома. Когда он снова пришел в себя, кто-то держал у него под носом склянку с противно пахнущей жидкостью. От этого запаха в голове у него сразу прояснилось, и Джексом отстранил от себя пузырек. Оказалось, что он сидит на ступеньке лестницы, ведущей в королевский вейр, с обеих сторон его поддерживают Ф'лар и Менолли, а Лесса и Манора, склонившись, стоят перед ним. Лица у всех были встревоженные.

Пронзительный вскрик подсказал ему, что Рут убил добычу, и, как ни странно, Джексому сразу полегчало.

— Выпей это, только медленно, — велела Лесса, вкладывая ему в руку кружку с чем-то горячим. Это был густой мясной отвар, ароматный от кореньев, горячий ровно настолько, чтобы можно было пить, не опасаясь обжечься. Джексом отхлебнул два больших глотка и уже открыл было рот, чтобы заговорить, но Лесса повелительным жестом приказала ему выпить все до дна.

— Самое главное Менолли нам уже рассказала, — неодобрительно хмурясь, произнесла Лесса. — Оказывается, ты пропадал так долго, что даже наша закаленная арфистка насмерть перепугалась. Но как же ты додумался, что Д'рам отправится именно на двадцать пять Оборотов назад? Нет, отвечать пока не надо, лучше пей. Ты совсем прозрачный, а я не хочу слышать вечные попреки Лайтола, если из-за нашей дурацкой затеи с тобой что-то случится, — она покосилась на Ф'лара. — Да, я беспокоилась за Д'рама, но вовсе не настолько. Я бы не стала рисковать и единственным волоском Рута, чтобы его найти, раз уж он захотел бесследно исчезнуть. И я вовсе не в восторге, что в этом деле оказались замешаны файры. — Она притопнула ногой, переведя сердитый взгляд с Менолли на Джексома. — Я по-прежнему считаю их на редкость противными созданиями! И нечего шнырять там, куда их никто не приглашал! Насколько я понимаю, залетевшая сюда стая непомеченных файров, увязалась за вами с юга? Я такого не потерплю!

— Что же мы могли сделать? Они последовали за Рутом, — ответил Джексом. Он слишком устал, чтобы соблюдать осторожность. — Неужели ты думаешь, моя госпожа, что я не пытался от них избавиться?

— Я верю тебе, — уже помягче сказала Лесса.

С Площадки для кормления донесся испуганный птичий клекот. Они повернулись, наблюдая, как Рут камнем упал на вторую птицу.

— До чего точный бросок! — похвалила Лесса. — Не гоняется стаю до потери сознания, прежде чем выбрать жертву... Ты стоять-то можешь, Джексом? Попробуй, тебе лучше переночевать здесь. Менолли, пошли-ка одну из своих несносных ящериц в Руат, пусть предупредят Лайтола. Руту понадобится время, чтобы переварить еду, и я не позволю, чтобы мальчик совался в Промежуток, устав до умопомрачения, да еще и на только что поевшем драконе.

Джексом поднялся.

— Благодарю, я уже в норме.

— Видел бы ты себя со стороны, — фыркнул Ф'лар, обхватив Джексома за плечи. — Давай-ка, шагай в вейр.

— Ему надо как следует подкрепиться. Сейчас я пришлю чого-нибудь, — пообещала Манора и повернулась к Нижним Пещерам. — А ты, Менолли, можешь мне помочь. Заодно и гонца своего пошлешь.

Менолли мешкала; было видно, что ей хочется остаться с Джексомом.

— Да не съем я его, девочка, — сказала Лесса, отправляя арфистку восвояси. — Разве можно его бранить, когда он еле стоит на ногах! Разберемся потом. Приходи в вейр, когда отошлешь весть в Руат.

Джексом встал, собираясь отказаться от помощи, но выяснилось, что она ему просто необходима. К тому времени, когда они взобрались на самый верх лестницы, юноша беспомощно повис на плечах у Ф'лара и Лессы. Мнемент проводил его дружелюбным взглядом.

Джексом не впервые был в королевском вейре. Когда его провели к столу, он задумался — неужели теперь всегда при виде Рамоты его будет охватывать чувство вины? Может ли она улавливать его мысли? Но фасеточные глаза королевы бездумно скользнули по его лицу, пока хозяева заботливо усаживали Джексома в кресло и подставляли под ноги скамеечку. Набросив на него меховое одеяло и что-то пригова-

ривая по поводу сквозняков и простуд, Лесса вдруг замерла, устремив на юношу внимательный взгляд. Потом, приподняв его подбородок, чуть повернула лицо к свету и легонько провела пальцем вдоль шрама.

— А это ты где приобрел, юный лорд Джексом? — суроно спросила Госпожа Вейра, взглядом заставляя его смотреть ей прямо в глаза.

Заинтересовавшись, Ф'лар вернулся к столу с кувшином вина и кружками в руках.

— Что приобрел? А, вот оно как! Молодой человек научил дракона жевать огненный камень, но не сумел увернуться от Нити!

— Я полагала, что вопрос решен окончательно: Джексом остается правителем Руата!

— А я полагал, что ты обещала его сегодня не бранить, — подмигивая Джексому, вставил Ф'лар.

— Я имела в виду скачки через время. Но это... — она сердито кивнула в сторону Джексома, — совсем другое дело.

— Разве, Лесса? — выражение, с которым Ф'лар произнес эти слова, озадачило Джексома. Казалось, они оба мгновенно забыли о его существовании. — Мне вспоминается одна девочка, которая отчаянно мечтала полетать на своем драконе...

— Опасность не в том, чтобы летать. Но ведь Джексом мог...

— Джексом, по-видимому, усвоил урок. Ведь так, мой юный лорд? Надеюсь, ты уже научился увертываться от Нитей?

— Да, мой господин. Н'тон включил меня в группу молодых всадников Форта.

— Почему же мне не сообщили? — возмутилась Лесса.

— За обучение Джексома несет ответственность Лайтол, и у нас не может быть никаких претензий на этот счет. Что касается Рута, то здесь все решает Н'тон. И давно вы с ними тренируетесь, Джексом?

— Не так уж давно. Я сам попросил Н'тона, потому что... — Джексом замялся в нерешительности. Главное, чтобы Лесса не подумала, что он как-то замешан в истории с этим несчастным яйцом.

Его выручил Ф'лар.

— Потому что Рут — дракон, а драконы должны жевать огненный камень и биться с Нитями — ведь так? — Он взглянул на Лессу и пожал плечами. — А ты чего ожидала? У него в жилах течет та же руатанская кровь, что и у тебя, моя дорогая. Главное, Джексом, береги свою шкуру. И Рута тоже.

— Мы еще даже ни разу не вылетали биться с Нитями, — признался Джексом, невольно отметив, как обиженно произнучал его голос.

Ф'лар по-приятельски ткнул его в бок, усмехнувшись своей подруге.

— Не злись, Лесса, он — разумный парнишка. И если однажды обжегся, впредь будет осторожнее. Рута тоже задело?

— Да, мой господин, — у Джексома был такой несчастный вид, что Ф'лар рассмеялся и погрозил пальцем Лессе, которая все еще не сводила с юноши сердитого взгляда.

— Вот видишь, Джексом! Кто надежнее женщины может сдержать излишний пыл? — он покачал головой и плеснул в кружки вина. — А Рут? Надеюсь, он ранен не опасно? Я в последнее время не так уж часто к вам заглядывал, — Ф'лар повернулся к широкому арочному входу, как будто желая рассмотреть белого дракона.

— Нет, — поспешил ответил Джексом, и Ф'лар снова рассмеялся, услышав в его голосе явное облегчение. — И все уже зажило. Шрам едва заметен — на левом бедре.

— Не могу сказать, чтобы мне все это нравилось, — заявила Лесса.

— Конечно, нужно было спросить твоего разрешения, госпожа, — слегка погрешив против истины, нашелся Джексом, — но как раз в это время на нас свалилось столько забот...

— Что ж... — начала Лесса.

— Что ж, — повторил Ф'лар, — дело сделано. Но ты, Джексом, должен понимать: осторожность — прежде всего. Нельзя, чтобы из-за Рута вспыхнула междоусобица.

— Я понимаю, мой господин.

— Боюсь, что сейчас было бы неразумно спешить с твоим утверждением в правах владетеля холда.

— Я тоже не хочу, чтобы Лайтол уходил. Ни сейчас, ни потом.

— Такие чувства делают тебе честь, но я понимаю твоё неопределенное положение. Терпение, дружок, всем дается нелегко, но, с другой стороны, оно иногда вознаграждается.

И снова Джексома озадачил взгляд, которым обменялись Лесса и Ф'лар.

— К тому же, — более непринужденным тоном добавил вождь Бендана, заметив замешательство юноши, — ты сегодня уже доказал свою находчивость. Но если бы я знал, что ты зайдешь так далеко, то дал бы тебе более точные инструкции, — Ф'лар глядел строго, но лицо Джексома против воли расплылось в улыбке. — Подумать только, двадцать пять Оборотов... — предводитель Вейра был одновременно поражен и возмущен.

Лесса фыркнула.

— А ведь это твоё первое путешествие, Лесса, навело меня на такую мысль, — сказал Джексом и, увидев на ее лице недоумение, пояснил:

— Помнишь, когда ты вела сюда Древних, вы возвращались, делая скачки через двадцать пять Оборотов. Вот я и подумал, что Д'рам скорее всего отправится в прошлое через такой же интервал. У него оставалось достаточно времени до начала Прохождения, так что он мог не опасаться Нитей.

Ф'лар одобрительно кивнул, а Лесса явно смягчилась.

Рамота повернула голову по направлению к дверному проему.

— А вот и еда, — улыбаясь, сказала Лесса. — Больше никаких разговоров, пока ты не поешь! Руг тебя значительно опередил — Рамота говорит, что он уже прикончил третью птицу.

— Пусть тебя не тревожит, если он съест трех-четырех, — произнес Ф'лар, заметив, что Джексом поморщился при известии о невоздержанности дракона. — Вейр не разорится, угостив твоего малыша.

Вошла Менолли с огромным подносом в руках. Девушка тяжело дышала после подъема по лестнице и, если судить по выступившим на лбу капелькам пота, весь путь она продела-ла бегом.

— Да этой снедью можно накормить целое боевое кры-ло! — воскликнула Лесса.

— Манора сказала, что раз время близится к обеду, мы можем поесть в вейре, — объяснила Менолли.

Если бы сегодня за завтраком Джексому предрекли, что обедать ему доведется в обществе Предводителей Бендана, он поднял бы шутника насмех. Однако он не мог спокойно есть, не взглянув, что делает Рут, хотя Рамота и Мнемент уверяли, что с ним все в порядке. Лесса разрешила юноше выйти на карниз посмотреть, как белый дракон прихорашивается у озера. Вернувшись к столу, Джексом заметил, что его снова одолевает слабость, и, чтобы восстановить силы, налег на тушеное мясо.

— Повтори-ка еще раз, что там файры говорили про лю-дей в бухте, — сказал Ф'лар, когда они, покончив с жарким, перешли к вину.

— От файров не всегда можно получить объяснения, — вмешалась Менолли, бросив на Джексома вопросительный взгляд; он кивнул, передавая инициативу в руки арфистки. — Когда Рут попросил вспомнить про людей, они так разволнивались, что их мысленные картины стали совер-шенно неразборчивыми. Я бы сказала точнее, — сосредото-ченно хмурясь, Менолли на мгновение задумалась, — их об-разы стали такими разными, что стало невозможно что-ни-будь понять.

— А почему же это произошло? — поинтересовалась Лес-са, несмотря на стойкую неприязнь к огненным ящерицам.

— Обычно целая группа файров передает какой-то один образ...

Джексом обреченно вздохнул: неужели у нее хватит глу-ности напомнить про изображение яйца и это загадочное темное пятно?

— Помните, они подняли тревогу, когда Кант падал с Алой Звезды? Мои малыши часто передают очень четкие картины тех мест, где они бывали, причем, мне кажется, один дополняет другого.

— Но люди! — задумчиво произнес Ф'лар. — Они могли видеть людей где угодно — южный материк такой огромный...

— Ф'лар, — резко перебила его Лесса, и в голосе ее прозвучало предостережение. — Ведь ты, кажется, не занимаешься разведкой южного материка? А если бы там действительно были люди, то, смею предположить, их непременно заметил бы Ф'нор во время своего пребывания в Южном или отряды Торика. Тогда у нас были бы более надежные свидетельства, чем вздорные фантазии каких-то ящериц.

— Ты, как всегда, права, Лесса, — согласился Ф'лар, но вид у него был такой несчастный, что Джексому впервые пришло в голову, что участь Предводителя Бендена и Первого всадника Перна вовсе не так завидна, как ему представлялось раньше.

И вообще, в последнее время он частенько убеждался в том, что стоит только присмотреться, и многое выглядит совсем по-иному, чем кажется на первый взгляд. Во всем таятся неожиданности. Тебе кажется, что ты получил все, о чем мечтал, но приглядишься как следует — совсем не то, что нужно. Бродя того случая, когда он учил дракона жевать огненный камень — и тут же попался в неожиданную ловушку. А теперь приходится в поте лица тренироваться с Н'тоновыми учениками... Прекрасное и полезное занятие, однако Джексому вовсе не улыбнулось летать с крылом Форта на такой высоте, что его холдерам и в голову не придет гордиться подвигами своего лорда!

— Все дело в том, Джексом, — произнес Ф'лар, — что у нас есть свои виды на Южный, пока правители холдов не начали разбазаривать его своим младшим сыновьям. — Он откинул со лба волосы. — Древние преподали нам урок, причем весьма полезный. Теперь я знаю, что может случиться с Вейром за долгий Интервал, — Ф'лар широко улыбнулся, глядя на Джексома. — Мы отдали много сил, чтобы заселить почву личинками. К следующему Прохождению Алой Звезды весь

северный материк, — Предводитель сделаал широкий жест, — будет надежно защищен. Во всяком случае, от попавших на землю Нитей. И если холдеры даже сейчас поговаривают, что всадники никому не нужны, то к тем временам у них будет для этого куда больше оснований.

— Но ведь люди всегда чувствуют себя уверенней, когда видят, как драконы сжигают Нити, — поспешил вставить Джексом, хотя по лицу Ф'лара не было заметно, что он нуждается в чьих-либо утешениях.

— Ты прав, но я предпочел бы, чтобы Вейры больше не просили подачек у холдов. Вот если бы у нас было вдоволь собственной земли...

— Так вот зачем тебе нужен Южный!

— Не весь...

— А только его лучшая часть, — уверенно произнесла Лесса.

Глава 11

Позднее утро в Вейре Бенден, раннее утро с Цехе арфистов, полдень в холле Фиделло; пятнадцатый Оборот, седьмой день пятого месяца.

Джексом с Рутом заночевали в одном из пустующих вейров, но Рут чувствовал себя так неуютно на огромном ложе, рассчитанном на большого дракона, что Джексом сгреб все меховые одеяла и прикорнул рядом с ним. Утром он почувствовал, как кто-то трясет его, заставляя вынырнуть из мира сонных грез, в который он погрузился с таким облегчением.

— Я понимаю, Джексом, что ты пальцем не можешь пошевелить от усталости, но придется тебе все-таки вставать! — прорезал уютным полуслуху голос Менолли. — К тому же, у тебя затечет шея, если ты будешь и дальше лежать в такой позе.

«Почему Менолли стоит вниз головой?» — подумал Джексом, приоткрыв глаза. Красотка, уцепившись задними лапками за плечи девушки и спустив передние ей на грудь, с любопытством таращилась на него.

— Просыпайся, Джексом! Мы принесли тебе столько кла, что в тебя, наверное, не влезет. — Ах, тут еще и Миррим! — Учи, что Ф'лар собирается в путь и хочет, чтобы Мнемент сначала поговорил с твоим Рутом.

Менолли с важным видом подмигнула Джексому из-за плеча Миррим; многозначительный взгляд арфистки явно предназначался только одному ему. Джексом застонал — никогда он не сумеет разобраться, кому и что можно говорить, а какие вещи следует держать в тайне. Ну что за секреты могут быть от Миррим? Потом он застонал еще громче, так как шея у него и вправду затекла.

Рут на миг чуть приподнял внутреннее веко и недовольно посмотрел на своего всадника.

«Я устал. Хочу спать».

— Больше спать не придется. Мнементу нужно с тобой поговорить.

«Почему же он не поговорил со мной вчера вечером?»

— Наверное, потому, что сегодня уже ничего бы не помнил. Рут приподнял голову и взглянул на Джексома широко раскрытым глазом.

«Мнемент запомнил бы. Он самый большой дракон на всем Перне».

— Ты так любишь его только потому, что он позволяет тебе вволю наедаться на его площадке для кормления. Ты слышал, он хочет с тобой поговорить — так что придется тебе поторопиться. Ты уже проснулся?

«Я не сплю, если разговариваю с тобой. Значит, я проснулся».

— Что-то ты сегодня дерзишь, приятель, — сказал Джексом, одним движением вскакивая с импровизированного ложа. Набросив на себя одеяло, он направился к столу, куда скромно удалились Миррим с Менолли. Аромат кла придал ему бодрости, и он поблагодарил девушек.

— Который час?

— Середина утра по бенденскому времени, — с невозмутимым видом ответила Менолли, но глаза ее смеялись, когда она едва заметно подчеркнула последние слова.

Джексом хмыкнул. Позади со стонами и скрипом потягивался Рут, готовясь встретить новый день.

— Когда это ты получил отметину, Джексом? — с обычной прямотой спросила Миррим. Наклонившись над юношой, она легко провела пальцем по шраму, поджав губы в знак явного неодобрения.

— Когда учил Рута жевать огненный камень в Форт Вейре, — ответил он с некоторой опаской — кажется, Миррим собиралась устроить ему выволочку.

— А Лесса знает об этом? — продолжала допытываться Миррим, не скрывая своих подозрений.

— Само собой, — ответил Джексом. Вот! Пусть съест! Но Миррим не собиралась отступать.

— Тогда я не очень-то высокого мнения о наставнике Форт Вейра, — сказала она, неодобрительно фыркнув. — Он-то куда смотрел?

— Он здесь ни при чем,— с набитым ртом промычал Джексом.

— Должно быть, Лайтол был вне себя — ты ведь рисковал жизнью!

Джексом энергично замотал головой. Он досадовал на Менолли — и зачем только она привела с собой эту зануду?

— И потом, я никак не пойму, зачем тебе вся эта премудрость. Ведь не собираешься же ты с Рутом участвовать в сражении?

Джексом даже поперхнулся.

— Вот именно, собираюсь!

— Он уже участвовал,— вставила Менолли, указывая на шрам.— А теперь прикрой рот и дай мужчине спокойно поесть.

— Мужчине? — голос Миррим звенел насмешкой, а взгляд, который она бросила на Джексома, был довольно вызывающим.

Менолли негодующе фыркнула.

— Знаешь, Миррим, если твоя Пат в ближайшее время не взлетит, с тобой будет просто невозможно ладить!

Джексом с удивлением взглянул на Миррим, которая покраснела до самых ушей.

— Так вот оно что! Пат готова к брачному полету! Вот в чем секрет твоих подковырок! — Юноша не мог отказать себе в удовольствии поддразнить и без того смущившуюся Миррим.— И что же, Пат кому-нибудь отдает предпочтение? О, поглядите только, как она покраснела! Никогда не думал, что дождусь дня, когда сестрица Миррим потеряет свой горнор! А скоро тебе придется потерять и еще кое-что! Надеюсь, это будет самый захватывающий полет — с тех пор, как Мнемент дognал Рамоту!

Миррим не выдержала, глаза ее сузились в щелочки, руки сжались в кулаки.

— Моя-то Пат, во всяком случае, поднимется в брачный полет, а вот тебе с твоим белым недоростком этого вовек не видать! — прошипела она.

— Миррим! — резкий окрик Менолли заставил девушку вздрогнуть, но ее злые слова успели холодным камнем упасть на сердце Джексома. Он взглянул на Миррим, пытаясь отразить полученный удар.

— Слишком много ты на себя берешь, Миррим, — сказала Менолли. — Тебе, пожалуй, лучше уйти.

— Я и сама здесь ни минуты не останусь! И ты, Менолли, будешь пешком спускаться с этой верхотуры — вот так-то! — девушка выскочила на карниз вейра.

— Клянусь Первой Скорлупой и ее Осколками! Вот облегчение-то будет для всех, когда ее зеленая, наконец, поднимется в брачный полет! Судя по поведению Миррим, это может случиться со дня на день, — небрежно молвила Менолли, посмеиваясь над причудами подруги.

Джексом никак не мог справиться с сухостью во рту. Ради спокойствия Рута он постарался унять свой гнев. Искусно взглянув на дракона, он увидел, что тот все еще потягивается и расправляет крылья. Юноша надеялся, что полусонный Рут не совсем понял, о чем шла речь. Он наклонился поближе к Менолли.

— Ты знаешь что-нибудь о... — он кивнул головой в сторону Рута, — чего не было бы известно мне?

— Ты имеешь в виду Пат? — Менолли сделала вид, что не поняла его намека. — Ну, если ты никогда не обращал внимания, что творится со всадником, когда его дракон входит в брачную пору, то Миррим продемонстрировала тебе типичный пример.

«Пат уже совсем взрослая», — задумчиво произнес Рут. Джексом застонал и закрыл лицо руками. Разве можно что-то скрыть от Рута?

Менолли нетерпеливо забарабанила пальцами по столу и в упор посмотрела на Джексома, требуя объяснения.

— Ты хотел бы догнать Пат? — спросил Джексом друга, не спуская глаз с Менолли.

«Зачем мне ее догонять? Я уже не раз перегонял ее, когда мы в Телгаре состязались на скорость. Я летаю куда быстрее ее».

Джексом дословно передал Менолли ответ Рута, стараясь как можно точнее передать озадаченную интонацию дракона.

Менолли так и покатилась со смеху.

— Как бы я хотела, чтобы Рут повторил тоже самое в присутствии Миррим! Это хоть немножко сбило бы с нее спесь.

«Мнемент хочет со мной поговорить», — в беззвучном голосе Рута чувствовалось глубокое почтение. Он поднял голову и посмотрел в сторону карниза, на котором обычно возлежал гигант.

— Так ты все-таки знаешь что-нибудь про Рута, неизвестное мне? — яростно прошептал Джексом, притянув к себе голову Менолли.

— Ты ведь сам все слышал, Джексом! — глаза Менолли весело сверкнули. — Драконы его ничуть не интересуют — во всяком случае, в этом смысле.

Джексом крепко стиснул ее руку.

— Попробуй рассуждать логически, — сказала девушка, наклоняясь к нему, — ведь Рут еще подросток, он взрослеет медленнее, чем другие драконы.

— Ты хочешь сказать, что он никогда не повзрослеет настолько, чтобы спариваться?

Менолли пристально посмотрела на него, и Джексом не обнаружил в ее взгляде ожидаемой жалости или уклончивости.

— Скажи мне, Джексом, разве тебе плохо с Кораной?

— Что ты! Прекрасно...

— Ты огорчен и, по-моему, совершенно зря. Я никогда не слышала ничего такого, что могло бы послужить поводом для беспокойства. Разве что разговоры о том, что Рут — не такой, как другие.

«Я уже рассказал Мнементу все, что он хотел узнать. Они сейчас отправятся, — сообщил Рут. — Как ты думаешь, теперь мне можно искупаться в озере?»

— Разве ты вчера не накупался вдоволь в бухте? — Джексом с облегчением убедился, что может говорить с драконом совершенно спокойно.

«Но это же было вчера, — так же спокойно ответил Рут. — С тех пор я уже поел и спал на пыльной скалे. Тебе, я думаю, тоже не помешало бы искупаться».

— Ладно, ладно, — согласился Джексом, — ступай! Только смотри, чтобы Лесса не увидела с тобой файров.

«А кто почистит мне как следует гребень?» — укоризненно осведомился Рут, слезая с каменного ложа.

— Чем он недоволен? — спросила Менолли, с усмешкой заметив выражение лица Джексома.

— Хочет, чтобы ему потерли спинку.

— Я пришлю к тебе своих малышей, Рут, когда ты уже будешь на озере. Лесса ничего не узнает.

Белый дракон, уже направлявшийся к выходу, замер на половине дороги, склонив голову набок, и слегка призадумался. Потом выгнул шею и уверенной поступью двинулся вперед.

«Все в порядке. Мнемент улетел и Рамота вместе с ним. Они не узнают, что я купался с ящерицами и они чистили мне спину».

Джексом не смог удержаться от смеха — такое лукавое самодовольство звучало в тоне его приятеля.

— Извини, Джексом, что притащила с собой Миррим, но без ее Пат мне было бы трудновато сюда забраться — ну, и без нее тоже.

Джексом отхлебнул большой глоток кла.

— Ладно, прости ее... раз у Пат такие заботы.

— Миррим сама вечно озабочена — не одним, так другим, — язвительно сказала Менолли.

— Что-что?

— Она вообще славится скверным характером...

Внезапно Джексом, которому пришла в голову неожиданная мысль, перебил арфистку.

— А тебе не кажется, что Миррим могла заранее пробраться на Площадку Рождений, чтобы заполучить дракона? Конечно, ничего такого не было... но ты ведь помнишь — никто не ожидал, что девчонка запечатлит боевого дракона...

— Как будто с тобой было иначе... Ладно, Джексом, нельзя уж и пошутить! Я не думаю, чтобы она пыталась повлиять

на Пат, когда та была еще в яйце. И у Миррим были файры — целых три, так что она казалась вполне довольной жизнью... Да и кто на ее месте был бы недоволен? — арфистка усмехнулась. — А ты знаешь, как разъярилась Лесса, когда Миррим запечатлила Пат? И тогда ни единий человек не признался, что видел, как Миррим лазала на Площадку Рождений! Случись такое, Лессе непременно бы доложили... Возможно, Миррим неуживчива, бестактна, утомительна и любит совать нос не в свое дело, но она не лгунья. Ты не был на том Запечатлении? Зато я была. Знаешь, как все выглядело? Пат приковыляла туда, где устроилась Миррим, и торчала там, безутешно скуля и отвергая каждого кандидата, находившегося на Площадке, пока Ф'лар не решил, что ей понравился кто-то из публики.

Менолли пожала плечами.

— И этим «кем-то» оказалась Миррим. И вот что еще странно: ни один из ее файров даже не чирикнул в знак протesta. Нет, я думаю, их связь была так же... так же предрешена, как и ваша с Рутом. Например, у нас с Крикуном было совсем не так. Мне совсем не нужен был еще один файр! — она поморщилась при неприятном воспоминании. — Просто скорлупа яйца треснула, когда я передавала его этому безмозглому сынку лорда Гроха. Ну, и... Правда, он меня никогда не винил — ведь мальчишка получил-таки зеленого. Но подумай — такому слюнтяю мог достаться бронзовый!

Джексом сжал тонкую руку девушки.

— Что-то ты слишком много болтаешь! Хочешь меня на-дуть? Ну-ка, признавайся, что тебе известно про нас с Рутом?

Менолли взглянула ему прямо в глаза.

— Мне ничего не известно. Честно, Джексом. И, судя по твоим же словам, Рут отнесся к известию о скором брачном полете Пат с таким же интересом, как мальчик, которому велели вынести мусор.

— Но это еще не значит...

— Это ничего не значит. Поэтому не становись в позу обиженного. Рут созревает медленно. Вот и все, что тебе нужно иметь в виду... особенно если учесть, что у тебя под рукой всегда есть Корана.

— Менолли!

— И нечего злиться. Иначе весь твой отдык пойдет на-смарку. Ты ведь вчера совсем обессилен, — девушка похлопала его по руке. — Я ведь не дразню тебя насчет Кораны, а просто поясняю... хотя ты, быть может, не замечаешь разницы.

— Сдается мне, что дела Руата не должны заботить арфистов, — стиснув зубы, чтобы не высказать все до конца, заявил Джексом.

— Арфистов заботишь ты, всадник белого Руга, а вовсе не юный Джексом, лорд Руата.

— И здесь тоже есть разница?

— Вот именно, — Менолли говорила серьезно, но глаза ее лучились смехом. — Как только Джексом начинает влиять на происходящие на Перне события, он сразу же становится заботой арфистов.

Джексом уставился на нее, по-прежнему недоумевая, почему она умалчивает о его эскападе с возвращением яйца. И вдруг уловил в глазах девушки странное предостережение — по какой-то причине она не хотела, чтобы он подтверждал свою причастность к этой истории.

— В тебе, Джексом, сразу несколько человек, — с подкапающей искренностью продолжала Менолли. — Властелин холда, который не должен стать поводом для раздоров, всадник единственного в своем роде дракона и юноша, который никак не может решить, какой ему выбрать путь. Но ты ведь знаешь — можно быть всем и даже больше, не нарушив верность ни себе, ни другим.

— И кто же это говорит, — фыркнул Джексом, — арфистка или Менолли-всезнайка?

Девушка пожала плечами, и странная улыбка промелькнула на ее лице — не слишком веселая, но и не похожая на усмешку сожаления.

— С одной стороны, арфистка — потому что я уже не могу смотреть на вещи иначе... а с другой — Менолли, которой не хотелось бы огорчать тебя. В особенности — после совершенного вчера подвига! — теперь в ее улыбке безошибочно угадывалась нежность.

В вейр впорхнула стайка ее файров. Джексом постарался скрыть недовольство; ему хотелось продолжить столь доверительную беседу. Но файры были явно взъярены, и еще до того, как Менолли успела хоть немного их успокоить, в вейре появился Рут. Глаза дракона вращались, сверкая мириадами разноцветных искр.

«Д'рам с Тиротом здесь, и все очень переживают, — сказал Рут, подталкивая Джексома носом, чтобы тот его приласкал. Джексом принял покорно поглаживать еще влажные после купания надбровья. — Мнемент очень доволен, что разыскал их», — добавил Рут с затаенной обидой.

— Но ведь Мнемент никогда не смог бы вернуть Д'рама с Тиротом без твоей помощи, — как можно убедительнее проговорил Джексом. — Правда, Менолли?

«А я не смог бы разыскать Д'рама с Тиротом без помощи огненных ящериц, — снисходительно признал Рут. — А ты додумался отправиться на двадцать пять Оборотов назад».

Менолли вздохнула, не слыша последнего замечания Рута.

— А вообще-то, мы все обязаны файрам Южного.

— Рут как раз это и сказал...

— Драконы — честный народ! — с выражением произнесла Менолли, поднимаясь. — Пойдемте-ка, друзья. Нам лучше отправиться по домам. Мы сделали все, что от нас зависело. Сделали на славу. Этим нам и следует утешаться. Разве не так? — спросила она, бросив на Джексома насмешливый взгляд. Потом подхватила свои вещи. — И так оно пусть и остается. Согласен?

Она взяла Джексома за руку и потянула к выходу из вейра, улыбаясь с такой таинственной обворожительностью, что его обида растаяла без следа.

Выходя на карниз, они заметили, как вокруг королевского вейра поднимается суматоха — всадники и женщины из Нижних Пещер стекались туда, чтобы встретить Д'рама и его бронзового.

— Должна признать, что ради разнообразия иногда приятно проститься с Бенденом, когда все его обитатели пребывают в полном благодушии, — заметила Менолли, в то время, как Рут возносил их с Джексомом к небесам.

Джексом собирался высадить Менолли в мастерской арфистов и сразу же вернуться домой. Однако не успел Рут сообщить свое имя сторожевому дракону, как Заир и маленькая королева, носящая на шее цвета Цеха арфистов, крепко-накрепко вцепились коготками в его гребень.

— Да это же Сибелова Кими! Значит, он вернулся... — в голосе Менолли прозвенела восторженная нотка, которой Джексом никогда не слышал раньше.

«Сторожевой дракон говорит, что Главный арфист хочет нас видеть. Заир подтверждает, — сообщил Джексому Рут. — Меня он тоже зовет», — с гордым удивлением добавил он.

— Почему бы Главному арфисту не пригласить тебя, Рут? Он наверняка хочет воздать тебе хвалу — ведь ты этого вполне заслуживаешь, — сказал Джексом и ласково похлопал дракона по гибкой шее. Рут повернулся голову, выбирая место для приземления.

Робинтон вместе с каким-то мужчиной, тунику которого украшал знак мастера, спускались им навстречу по лестнице, что вела из главного зала во двор. Робинтон раскинул руки, с таким пылом заключив в объятия Менолли и Джексома, что юноша был несколько ошеломлен. Потом, к его полному изумлению, второй арфист вырвал Менолли из объятий Робинтона и стал ее стремительно кружить, то и дело награждая звучными поцелуями. При этом огненные ящерицы, ни шипением, ни свистом не выражавшие гнева при виде такого бесцеремонного обращения с их хозяйкой, пустились исполнять в воздухе какой-то замысловатый танец, переплетая шеи и касаясь крыльями. Джексом знал, что королевы файров редко подпускают к себе других золотых, но Красотка так же радовалась встрече с чужой ящеркой, как и Менолли с незнакомцем. Взглянув на Главного арфиста, Джексом удивился еще больше — на его лице расплылась довольная улыбка. Заметив недоумение юноши, Робинтон взял его под руку.

— Пойдем, Джексом. Менолли с Сибелом, наверно, хотят обменяться новостями — они не виделись несколько месяцев. А я жажду выслушать твою историю о том, как нашли Д'рама.

Не успели Робинтон с Джексом направиться к входу в Цех, как Менолли вскрикнула и высвободилась из объятий арфиста. Правда Джексом заметил, что ее пальцы все равно не выпустили руки Сибела, когда она сделала робкий шаг в сторону Робинтона.

— Неужели Сибел после столь долгого отсутствия не заслужил твоего внимания? — спросил Главный арфист.

Джексом злорадно отметил, что Менолли смущилась. Сибел молча усмехался.

— Сначала, девочка моя, послушай, что он тебе расскажет, — уже более добродушно проговорил Робинтон. — А меня прекрасно устроит общество Джексома.

Шагая вслед за мастером по направлению к входу, Джексом оглянулся на удалявшуюся пару. Молодые люди шли, обняв друг друга за талию, голова Менолли лежала на плече арфиста. Над ними кружились их файры, словно подталкивая своих хозяев к расстилавшемуся позади мастерской лугу.

— Значит, ты, Джексом, привел назад Д'рама с Тиротом? — спросил Робинтон.

— Я только нашел их. А вернули Д'рама бенденцы — сегодня утром, по их времени.

Робинтон замешкался, едва не оступившись.

— Они все-таки были там, в моей бухточке? Так я и думал...

— Двадцать пять Оборотов тому назад, — уточнил Джексом и, не дожидаясь дальнейших расспросов, принялся пересказывать свое приключение с самого начала. У него был благодарный слушатель, еще более внимательный, чем Ф'лар с Лессой, и постепенно Джексом увлекся.

— Люди? — главный арфист, до того сидевший спокойно в кресле, вскочил столь стремительно, что металлические подковки каблуков звякнули о каменный пол. — Они видели людей?

Джексом на миг опешил. Эта часть истории вызвала недоверие и тревогу у Предводителя Бендена, но Главный арфист вел себя так, будто ждал именно такого поворота событий.

— Я всегда говорил, что все мы — выходцы с южного материка, — задумчиво произнес он, обращаясь главным образом к самому себе. Потом сделал Джексому знак продолжать.

Юноша послушно возобновил повествование, но вскоре понял, что Робинтон слушает его вполуха, хотя тот время от времени кивал головой и интересовался разными мелочами. Джексом закончил на том, как они с Менолли благополучно вернулись в Бенден, и замолк, не решаясь задать арфисту вопрос, который тревожил его самого. Он видел, что Робинтон, нахмурившись, с головой ушел в свои раздумья.

— Расскажи-ка мне еще разок, что говорили файры о тех людях? — попросил арфист. Он подался вперед, облокотившись на стол и устремив взгляд на Джексома. Сидевший на его плече Заир вопросительно чирикнул.

— Ничего особенного они не говорили — вот в чем вся беда, мастер Робинтон. Ящерки так разволнивались, что невозможно было ничего разобрать. Разве что Менолли добавит что-нибудь — ведь с ней были Красотка и трое бронзовых. Но я...

— А что сказал Рут?

Джексом пожал плечами, сознавая, что собранные им сведения вряд ли прояснят ситуацию.

— Он говорил, что образы слишком сумбурные, когда файры показывают людей — своих людей. Мы с Менолли к ним явно не относились. — Ощущив сухость во рту, он потянулся за кувшином с кла, затем учитво наполнил кружку арфиста; тот рассеянно осушил её, не отрываясь от своих дум.

— Значит, люди, — снова сказал мастер Робинтон, растягивая гласные, а в конце прищелкнул языком. Он так резко поднялся, что Заир даже пискнул, стараясь удержаться у него на плече. — Люди.. Причем, файры видели их так давно, что образы, сохранившиеся в их памяти, почти совсем поблекли. Очень, очень интересно.. просто чрезвычайно!

Робинтон принял ходить по комнате, поглаживая недовольно чирикающего Заира.

Джексом выглянул из окна. Рут грелся на солнышке, вокруг роились здешние ящерки. Откуда-то доносились звуки пения — хор разучивал очередную балладу. «Интересно, почему они так часто прерываются?» — лениво подумал Джексом. Сам он не мог найти в их исполнении никаких изъянов. Залетавший в окно ветерок был напоен душистыми ароматами лета. Вдруг Джексом вздрогнул — на плечо его легла рука арфиста.

— Ты отлично справился, мой мальчик, а теперь пора возвращаться в Руат. Ты совсем засыпаешь. Прыжок во времени отнял у тебя гораздо больше сил, чем ты думаешь.

Провожая Джексома до выхода, Робинтон заставил его еще раз повторить все, что передали файры. При этом арфист то и дело кивал головой, как будто убеждаясь, что запомнил все в точности.

— Полагаю, то, что ты обнаружил Д'рама с Тиротом целыми и невредимыми — не самое главное в этом деле. Я знал, что не ошибусь, остановив свой выбор на тебе и Руте. Не удивляйся, если услышишь от меня кое-что еще на эту тему — разумеется, с разрешения Лайтола.

В последний раз крепко пожав Джексому руку, Робинтон отступил в сторону, ожидая, пока юноша сядет на Рута. Увидев, что приятель покидает их, файры разочарованно заверещали. Пока Рут набирал высоту, Джексом махал рукой все уменьшающейся фигурке арфиста. Потом перевел взгляд на долину реки, пытаясь обнаружить Менолли и Сибела. Он досадовал на себя за любопытство, а когда отыскал их, разозлился еще больше — интимность их позы не оставляла никаких сомнений, что они были знакомы весьма близко. А он об этом даже не подозревал!

Джексому не хотелось возвращаться в Руат — тем более, что Лайтол не ожидал его к какому-то определенному часу. Поскольку вокруг не крутились файры, которые могли бы проболтаться о его прегрешениях, юноша попросил Рута отнести его в Равнинный холд. Уловив радостный отклик дракона, он удивился; похоже белый понимал его желания лучше, чем он сам.

В западном Перне время шло к полудню, и Джексом стал прикидывать, как бы вызвать Корану, не оповещая о своем визите всех обитателей холда.

«Вон она идет», — сообщил Рут, накренив крыло, чтобы Джексом мог увидеть девушку, которая вышла из дома и направилась к реке, держа на плече корзину.

Какой счастливый случай! Он велел Руту приземлиться на берегу, где женщины холда обычно занимались стиркой.

«Здесь не очень глубоко, — мимоходом заметил Рут, — но зато есть большой валун на самом солнцепеке — там мне будет тепло и уютно». Не дожидаясь, пока Джексом ответит, он начал плавный спуск и, пролетев над бурлящей среди камней водой, пошел на посадку над тихой заводью, где из речной глади выступал большой плоский валун. Сделав аккуратный разворот, чтобы не задеть крылом плакучие ветви густых деревьев, окаймляющих берег, Рут легко приземлился на теплую гранитную поверхность. — «Она идет», — повторил он и наклонил плечо, чтобы Джексому было удобнее спешиться.

Внезапно на юношу нахлынули сомнения; в памяти всплыли язвительные слова Миррим. Конечно, Рут еще не дорос до того возраста, когда драконы начинают интересоваться брачными полетами, и все же...

«Она идет, и тебе с ней будет хорошо. А когда тебе хорошо, мне хорошо тоже», — произнес Рут. — С ней ты чувствуешь себя сильным и счастливым, и это прекрасно. Здесь, на солнце, так тепло и приятно... Ступай же».

Изумленный настойчивостью, звучавшей в бесплотном голосе дракона, Джексом пристально поглядел на него. Глаза Рута плавно вращались, зеленовато-голубые сполохи свидетельствовали о полном удовлетворения, и это странным образом противоречило его настойчивому тону.

Тут Корана вышла из-за поворота тропинки и увидала их. Уронив корзину с бельем, она бросилась к Джексому. Ее объятия были такими пылкими, а поцелуи, которыми она осыпала его лицо, столь горячими, что скоро Джексом позабыл все свои тревоги.

Рука об руку они направились за прибрежные камни, туда, где землю покрывал мягкий мох, и где никто не мог их

увидеть,— даже Рут. Корана не меньше его сгорала от желания, подогретого несостоявшейся прошлой встречей. Когда ладони Джексома коснулись ее нежной кожи, и она всем телом прильнула к нему, мимолетная мысль едва не испортила его настроения. Кто знает, стала бы Корана столь пылкой возлюбленной, не будь он лордом Руата? Впрочем, какая разница! Все равно он — ее возлюбленный... И, больше ни о чем не думая, Джексом целиком отдался страсти. В последний миг наивысшего восторга, граничившего с болью, он ощущил едва заметное касание и радостно, облегченно вздохнул: Рут, как всегда, был с ним.

Глава 12

*Холд Рут, холд Фиделло, Падение Нитей;
пятнадцатый Оборот, седьмой день шестого месяца.*

Утаить что-либо от своего дракона совсем не просто. Единственное время, когда Джексом мог спокойно думать о чем угодно, не опасаясь, что услышит Рут, выдавалось лишь поздно вечером, когда тот уже крепко спал, или утром, если Джексом ухитрялся проснуться раньше своего приятеля. Он редко испытывал необходимость скрывать от дракона свои мысли, и тем труднее ему давались подобные уловки. Помимо этого, он сильно утомлялся за день — тренировки с учебным крылом Форта, помощь Лайтолу и Бранду в подготовке холда к летней страде и регулярные визиты в Равнинный холд приводили к тому, что Джексом проваливался в сон, едва успев натянуть на себя меховое покрывало. По утрам Тордрилу или другим воспитанникам зачастую приходилось стаскивать его с постели, чтобы он не опоздал к столу или на занятия.

И все же мысли о слишком медленном развитии Рута порой тревожили его в самое неподходящее время, и Джексому приходилось спешно справляться с ними, чтобы даже намеком не потревожить дракона.

Как будто нарочно в Форт Вейре они дважды становились свидетелями полетов затомившихся зеленых, за которыми устремлялись все коричневые и голубые, которые надеялись за ними угнаться. Первый случай произошел в самый разгар учебных маневров, так что Джексом едва заметил, как над их крылом пронеслась погоня. Ему не удалось ничего толком рассмотреть, поскольку Рут, которого это событие ничуть не заинтересовало, продолжал двигаться в строю, и Джексому пришлось срочно ухватиться за ремни упряжки, чтобы не полететь вниз.

Во второй раз они с Рутом были на земле, когда брачные призывы зеленой, которая начала высасывать кровь уже из третьего бычка, взбудоражили весь Вейр. Остальные ученики были слишком юны, чтобы проявить интерес, но на Джекс-

соме взгляд наставника задержался довольно надолго. Неожиданно для себя Джексом понял: по-видимому, К'небелу любопытно, присоединятся ли Джексом с Рутом к соперникам, ожидающим момента, когда зеленая поднимется в воздух.

Джексома затопила такая волна чувств — здесь были и волнение, и стыд, и ожидание, и отвращение, и неприкрытий ужас, — что Рут испуганно попятился, раскинув крылья.

«Что тебя так огорчило?» — требовательно спросил дракон, усаживаясь на землю и изогнув шею, чтобы лучше видеть своего всадника. Глаза его быстро вращались, воспринимая сумбурные мысли Джексома.

— Все в порядке, все в порядке, — поспешил ответил Джексом, поглаживая голову Рута. Ему отчаянно хотелось спросить, не возникло ли у Рута желания догнать зеленую, но где-то внутри, в самой глубине души, он тайно надеялся, что в этот раз брачные игры драконов обойдутся без их участия.

Свызывающим криком зеленая взвилась в небо, и с высоты еще раз повторила свой дразнящий призыв. Коричневые и голубые устремились за ней, подгоняемые разгорающейся страстью. Но она поднималась быстрее и легче своих преследователей; когда они оторвались от земли, зеленая была уже далеко. Около Площадки для кормления всадники улетевших драконов тесным кольцом окружили хозяина зеленой. Мгновение — и добыча, и ее преследователи превратились в еле заметные точки. Покачиваясь на неверных ногах, всадники заковыляли в Нижние Пещеры, в специальное помещение, предназначенное для таких случаев.

Джексом еще никогда не присутствовал при брачном полете драконов. Он вдруг ощутил, как в горле у него пересохло. Сердце бешено забилось, кровь застучала в висках; сейчас он испытывал такое же томительное напряжение, какое ощущал, прижимая к себе податливое тело Кораны. «Интересно, — пришла в голову внезапная мысль, — какой дракон догонит Пат, с каким всадником Миррим...».

Ощущив на плече чью-то руку, он подскочил с испуганным вскриком.

— Рут еще не готов к брачному полету... да и ты, Джексом, явно еще не созрел,— произнес К'небел, глядя на далекие точки в небе.— Даже брачные игры зеленои лишили тебя спокойствия...— На лице наставника Джексом увидел понимающую усмешку. К'небел кивком указал на Рута.— Что, совсем не интересуется? Ничего, увидишь, то ли еще будет! А пока вам лучше держаться подальше от Вейра в такие дни. Да и мне нужно увести куда-нибудь своих молокососов, пока зеленую не догнали.

Только сейчас Джексом заметил, что все крыло учеников куда-то разбежалось. Еще раз ободряюще хлопнув Джексома по плечу, К'небел подошел к своему бронзовому, ловко вскочил ему на шею и направил дракона в вейр.

Мысли Джексома вернулись к мчавшимся в поднебесы зверям. Он с содроганием подумал о всадниках, погруженных сейчас в транс, слившихся воедино со своими драконами. Они переживали все перипетии страстной погони; и надежда, желание, любовь с каждым мигом все сильнее и крепче стягивали нити, неразрывно соединяющие людей и драконов. Джексом подумал о Миррим. И о Коране...

Сдерживая стон, он залез Руту на шею, чтобы умчаться куда глаза глядят из обжигающей страстью атмосферы Форт Вейра, умчаться от внезапного прозрения того тайного, темного, что всегда мерещилось ему в душах всадников — и что сегодня он обнаружил в собственном сердце.

Его потянуло на озеро; он жаждал погрузиться в ледяную воду, чтобы обжигающий холод остыл тело и затушил огонь, сжигающий мозг. Но Рут доставил его в Равнинный холм.

— Рут! Я же просил на озеро! Отнеси меня на озеро!

«Для тебя сейчас будет гораздо лучше здесь,— услышал он ошеломляющий ответ Рута.— Файры говорят, что девушка на верхних полях»,— и снова Рут взял инициативу на себя, повернув к плоской возвышенности, где ярко-зелеными волнами колыхалась на полуденном солнце молодая пшеница,— туда, где Корана прилежно срезала мотыгой цепкие ползучие сорняки, наступавшие с окраины поля и грозившие заполонить посевы.

Рут опустился на узкую кромку, отделявшую пшеничное поле от защитной стенки. Корана, оправившись от удивления, которое вызвал их неожиданный визит, приветливо замахала рукой. Вместо того, чтобы броситься, как обычно бывало, навстречу возлюбленному, она лишь откинула волосы со лба и вытерла бусинки пота.

— Джексом, — вымолвила девушка, пока он шел к ней, все острее ощущал разливающийся по телу жар, — ты бы лучше...

Он заглушил поцелуем ее полуслугливый упрек и почувствовал, как ему в бок уперлось что-то твердое. Крепко прижимая правой рукой Корану к себе, левой он нащупал мотыгу и, вырвав ее из рук девушки, отбросил в сторону. Корана извивалась в его объятиях, столь же изумленная этим неожиданным натиском, сколь и он сам. Он прижал ее еще теснее, стараясь умерить все возрастающее напряжение, пока она не сможет ему ответить. От девушки пахло землей и молодым потом; от волос, упавших ей на лицо, исходил аромат свежего ветра. Джексом вдыхал эти запахи, целуя ее шею и грудь, они еще сильнее возбуждали его. Где-то краем сознания юноша ощущал зеленого дракона, издающего дерзкий призывный клич. И где-то совсем близко билась непрошена мысль о всадниках, толпящихся в Нижних Пещерах и с нетерпением, которое так сродни его собственному, ожидающих, когда же зеленую настигнет самый быстрый, самый сильный или самый ловкий преследователь. Только сам он держит в объятиях Корану... и она начинает отвечать на его страсть. И вот уже они оба на теплой влажной земле, которую она только что мотыжила... Джексом ощущает локтями и коленями податливое прикосновение почвы. Солнце припекает ему спину, и он старается поскорее выкинуть из памяти всадников, пьяно бредущих к Нижним Пещерам, и дерзкий вызов зеленой. Он не стал сопротивляться, когда уже знакомое и такое желанное прикосновение мысли Рута пришло к нему. Страсть его излилась, успокоив, наконец, смятение тела и ума.

* * *

На следующее утро Джексом не смог заставить себя отправиться на занятия в Форт Вейр. Лайтол с Брандом спозаранок уехали вместе с воспитанниками в окраинный холд, так что ненужных вопросов ни у кого не возникло. Днем, поднявшись над скалами Руата, он твердо приказал Руту лететь на озеро, и там так долго и яростно скреб своего дракона, что тот робко осведомился, что случилось.

— Я люблю тебя, Рут. Люблю! — сказал Джексом. Как ему хотелось добавить с былой безмятежной увереностью: я сделаю для тебя все! — Я люблю тебя, — повторил он, стиснув зубы, и очертя голову нырнул со спины дракона в ледяную воду озера.

«Кажется, я проголодался», — заявил Рут, когда Джексом, задыхаясь, выскочил на поверхность.

«Что ж, хоть какое-то разнообразие», — подумал Джексом, хватая ртом воздух.

— В южном Руате есть один холд, где откармливают птиц, — сказал он вслух.

«Как раз то, что нужно!».

Джексом быстро вытерся, натянул одежду и сапоги и, взобравшись на Рута, рассеянно накинул на шею влажное полотенце. И лишь направив дракона через Промежуток в знакомый холд, он понял, что натворил — смертельный холод леденящим кольцом стиснул горло, к которому прискалась влажная ткань. Теперь ему наверняка не миновать простуды!

Рут охотился с обычной ревностью. Файры, судя по раскраске на шеях — местные, стали сделяться со всех сторон, полу-чив, вероятно, от белого дракона приглашение разделить его трапезу. Пока Рут с восторгом предавался пищевому, у Джексома появилась возможность спокойно поразмышлять. Он был недоволен собой. Со стыдом и отвращением он вспоминал свою последнюю встречу с Кораной. И то, что она, по-видимому, разделяла те чувства, которые он считал безудержной похотью, отталкивало его от девушки. На их отношения, еще неделю назад пленявшие Джексома невин-

ной нежностью, словно упала нечистая тень. Теперь он был совсем не уверен, что ему хочется оставаться ее возлюбленным — еще один неприятный повод терзаться виной. Правда, он помог девушке закончить прополку, прерванную его вторжением — теперь ей хотя бы не достанется от Фиделло... За молодой пшеницей нужен непрерывный уход... Да, нельзя было так набрасываться на Корану! Он поступил просто возмутительно!

«Ей это очень понравилось», — донеслась до него мысль Рута так неожиданно, что Джексом рывком приподнялся.

— А ты откуда знаешь?

«Когда вы вместе с Кораной, она начинает чувствовать так же сильно, как и ты. И тогда я ее тоже слышу. Но только тогда, а в другое время — нет», — в голосе Рута звучало скорее удовлетворение, нежели сожаление. Он как будто радовался, что их контакт так ограничен.

К этому времени Рут уже прикончил двух жирных птиц и съел их, почти ничего не оставив файрам. Когда дракон впевалку подошел к нему, Джексом внимательно осмотрел его — фасеточные глаза врашались все медленнее, красные всполохи голода сменились сначала темно-лиловым, а потом голубым цветом удовлетворения.

— Ну и как тебе нравится то, что ты слышишь, — когда мы с Кораной любим юруг друга?

«Очень — ведь ты бываешь так счастлив. Для тебя это хорошо. А мне нравится, когда тебе хорошо».

Джексом вскочил на ноги, его терзали отчаяние и вина.

— А сам-то ты не хочешь попробовать? Почему ты всегда беспокоишься только обо мне? Почему ты даже не попытался догнать зеленую?

«А почему тебя это волнует? Зачем мне догонять зеленую?»

— Да потому что ты — дракон!

«Я — белый дракон. А за зелеными летают коричневые и голубые... ну, еще иногда — бронзовые».

— Но ты же мог ее догнать, Рут! Мог!

«Я просто не хотел... Ну вот, ты опять расстроился! Это я тебя расстроил», — вытянув шею, Рут виновато потыкался носом в плечо Джексома.

Юноша обнял своего друга за шею, прижавшись лицом к его гладкой, остро пахнущей шкуре и сосредоточился на одной мысли: как бесконечно он любит своего Рута, своего неповторимого Рута, единственного белого дракона на всем Перне.

«Да, я единственный белый дракон, который когда-либо рождался на Перне,— довольно подтвердил Рут и подвинулся так, чтобы покрепче прижать к себе Джексома скрещенными передними лапами.— Я — белый дракон. Ты — мой всадник. Мы вместе!».

— Ты прав,— устало произнес Джексом, смирившись со своим поражением.— Мы всегда вместе.

Его пробрал озноб, и он громко чихнул. Вот незадача! Если он вздумает расчихаться дома, его уморят тошнотворными микстурами, которыми Дилана обожает всех пичкать. Джексом запахнул тунику, обмотал шею сложенным полотенцем, теперь уже сухим, и, оседлав Рута, попросил его как можно быстрее возвращаться в Руат.

Джексому удалось избежать принудительного лечения только потому, что он постарался не попадаться Дилане на глаза, отсиживаясь у себя в комнате. Всем домашним он объявил, что выполняет срочное задание Робинтона, и просил до ужина его не беспокоить — рассчитывая, что к вечеру перестанет чихать. Его отговорка почти соответствовала действительности — Джексом хотел запечатлеть свои воспоминания о прелестной бухточке, за которой возвышалась огромная коническая гора. Взяв в руку мягкую угольную палочку — мастер Бендерек специально изготавлял такие, чтобы чертить на бумаге,— Джексом с головой ушел в работу. «Насколько все-таки легче писать на бумаге, чем на песке,— подумал Джексом.— А если и ошибешься, можно стереть неверную линию комочком загустевшего сока хвойного дерева — только нужно делать это аккуратно, чтобы не протереть бумагу до дыр».

Он уже набросал вполне приличную карту бухты, предоставившей приют Д'раму, и приступил к описанию, когда его работу нарушил стук в дверь. Перед тем, как отозваться, Джексом как следует прочистил нос. Он надеялся, что голос не выдаст его.

На пороге появился Лайтол и, поздоровавшись с Джексомом, подошел к рабочему столу; Оберегающий тактично отводил глаза от разложенных на нем бумаг.

— Рут сегодня ел? — спросил он. — Н'тон просил тебе передать — завтра Нити будут падать на севере, и ты сможешь полететь с крылом Форта. Только успеет ли Рут переварить пищу?

— Прекрасно успеет, — ответил Джексом, ощущая, как при мысли о том, что ему придется отражать атаку Нитей верхом на Руте, его одновременно охватывают радостное возбуждение и чувство неизбежности.

— Значит, ты закончил тренировочные полеты с учебным крылом?

Итак, Лайтол знает, что на утренних занятиях в Вейре его не было; голос опекуна казался несколько удивленным.

— Можно сказать, что я выучил почти все, что нужно — ведь мне не придется постоянно летать с боевым крылом... — Джексому хотелось поскорее замять эту тему. — Взгляни, я сделал набросок бухты, где мы нашли Д'рама. Красиво, правда? — он протянул Лайтолу рисунок.

К радости Джексома, на лице опекуна появилось заинтересованное и даже слегка удивленное выражение. Он стал внимательно разглядывать рисунок и карту.

— Ты уверен, что правильно передал форму горы? Должно быть, это самый большой вулкан на всем Перне! Какая мощь! А здесь что? — Лайтол указал на полукруг окаймляющих бухту деревьев, которые Джексом постарался изобразить как можно точнее и подробнее.

— Лес тянется до гряды невысоких холмов, но мы, конечно, побывали только на побережье...

— Прекрасный уголок! Теперь понятно, почему Главный арфист так хорошо запомнил это место.

С явной неохотой Лайтол протянул листок Джексому.

— Мой рисунок — лишь грубое подобие этого места... Там восхитительно... — протянул юноша, бросив взгляд на опекуна. Как всегда, он пожалел, что Лайтол избегает без нужды летать на драконах; он делал исключение лишь для самых необходимых поездок.

Оберегающий наградил Джексома скромной улыбкой и покачал головой.

— Отличный ориентир для дракона. Не забудь меня предупредить, когда соберешься слетать туда еще раз.

На этом Лайтол рас прощался, оставив Джексома в некотором недоумении. Можно ли считать, что опекун позволил ему еще раз наведаться в бухту? Но почему? Джексом окинул рисунок критическим взглядом. Правильно ли он изобразил деревья? Было бы так здорово побывать там снова... Скажем, после сражения с Нитями — если, конечно, Рут не слишком устанет.

«Неплохо бы отмыться от запаха огненного камня в той бухточке», — сонно подтвердил Рут.

Откинувшись на стуле, Джексом поглядел на белого дракона, свернувшегося на своем ложе. Голова его была вытянута в сторону юноши, хотя обе пары век — и наружные, и внутренние — были плотно закрыты.

«Правда, мне бы очень хотелось».

— Может быть, нам удалось бы еще что-нибудь выведать у файлов про тех людей. — «Да, это было бы совсем неплохо», — подумал Джексом, обрадованный тем, что у него появилась конкретная цель. Ведь ни Ф'лар, ни Лесса не запрещали ему посетить бухту еще раз. Она расположена слишком далеко от Южного холда, чтобы его появление там поставило под угрозу репутацию предводителей Бендена. К тому же, он окажет услугу Робинтону, если разузнает что-нибудь новое о таинственных людях. Быть может, он сумеет отыскать и кладку файлов где-нибудь на побережье... Не это ли имел в виду Лайтол, когда намекал на возможность повторного посещения бухты? Ну конечно! Как же он раньше не сообразил?

Падение Нитей ожидалось завтра утром, в начале десятого. И хотя на этот раз Джексому не нужно было спешить на сбор команды огнеметчиков, он все равно проснулся рано. Служанка принесла ему кла с булочками и ломоть мяса на завтрак.

Юноша ощущал тяжесть в голове и жжение в горле; его познавливало. В душе он проклинал себя за вчерашнюю неосмотрительность — похоже, его первый боевой вылет будет

омрачен простудой. Кто, спрашивается, заставлял его нырять в ледяное озеро, лезть, не высохнув, в Промежуток, а потом предаваться любовным играм на сырой, только что взрыхленной земле? Одеваясь, он несколько раз чихнул. Правда, нос от этого прочистился, но головная боль и озноб не прошли. Джексом натянул самое теплое белье, облачился в самую плотную тунику и вложил в сапоги лишние меховые стельки. Когда они с Рутом вышли, наконец, из вейра, он просто изнемогал от жары. Во дворе их встретила суета — люди седлали скакунов, проверяли огнеметы и другой инвентарь. Сторожевой дракон, восседая на руатанских высотах, жевал огненный камень. Поймав взгляд Лайтоля, стоявшего на верхней площадке лестницы у входа в холд, Джексом указал рукой на небо, и увидел, как лорд Оберегающий отсалютовал в ответ, а потом снова повернулся к людям и стал отдавать приказы. Джексом еще раз чихнул, да так сильно, что покачнулся на каблуках.

«Ты плохо себя чувствуешь?» — глаза Рута зажглись тревогой.

— Для дурака, умудрившегося простыть в такой день, просто отлично! Давай отправляться, пока я совсем не сварился в этих мехах.

Рут повиновался, и Джексом сразу почувствовал облегчение, когда ветер остудил его разгоряченное лицо. Времени у них было предостаточно, чтобы долететь до Вейра, не залезая в Промежуток. Хватит с него глупостей! Однако, не стоит ли в Форте переодеться полегче — во время сражения с Нитями будет и без того жарко. Но Вейр располагался выше в горах, чем холд Руат, так что, прибыв туда, Джексом не почувствовал особой жары.

Следуя вызубренным инструкциям, Джексом повел Рута туда, где хранились мешки для огненного камня. Потом отправился с драконом к ямам для камня, окружавшим Чашу Вейра. Рут принялся жевать камень, подготавливаясь к предстоящему сражению. Если выполнить эту процедуру заранее, удастся получить устойчивое пламя; в бою струи огня легко усилить, добавив камень-другой из мешка, который они возьмут с собой. Пока Рут жевал, Джексом налил себе

большую кружку дымящегося кла, надеясь, что оно поможет ему сохранить бодрость. Чувствовал он себя скверно, нос то и дело закладывало.

К счастью, шум, производимый множеством драконов, дробящих зубами камни, заглушал приступы чихания, которые время от времени нападали на Джексома. Не будь это его первый боевой вылет, он бы, пожалуй, призадумался, стоит ли рисковать. Джексом успокаивал себя мыслью, что начинающим всадникам скорее всего предстоит лететь вслед за взрослыми драконами — там, где Нити будут падать не так густо. Поэтому ему вряд ли придется слишком часто кирят в Промежуток, усугубляя свою простуду. Только бы не чихнуть, если Руту придется все-таки оказаться там, чтобы спастись от Нити...

У Звездной скалы показался Н'тон. Предводитель Вейра поднял руку, и Лиот протрубил, призывая всех к тишине. Четыре королевы Форта выстроились с обеих сторон от огромного бронзового. Правда, они были еще крупнее его, но, на взгляд Джексома, своим великолепием только подчеркивали мощь самца. Драконы, застыв на карнизах Вейра, выслушивали безмолвные приказы Лиота, затем взмывали в небо и выстраивались в крылья. Джексом еще раз проверил боевую упряжь, которая надежно удерживала его на шее дракона.

«Мы полетим с королевским крылом», — сообщил своему седоку Рут.

— Все ученики?

«Нет, только мы с тобой», — судя по голосу, Рут был польщен, но Джексом не испытывал уверенности, что удостоен такой уж большой чести.

Заметив его колебания, наставник подал юноше знак занять указанное место. Джексом покорно направил Рута вверх, к Звездным камням. Когда его дракон аккуратно приземлился слева от Селианты, самой молодой королевы Форта, он подумал, что рядом с огромной золотой королевой Рут кажется еще меньше. Должно быть, они выглядят глупее некуда!

Лиот снова затрубил, и драконы Предводителей Вейра взвились над Звездными камнями; звери разомкнули строй,

чтобы дать простор их мощно рассекающим воздух крыльям. Руту для взлета особого места не требовалось, поэтому он с минуту повисел над скалой, потом занял место в строю рядом с Селиантой. Ее всадница Прилла ободряюще взмахнула рукой, и Рут передал Джексому, что Лиот приказывает идти через Промежуток на сближение с Нитями.

Вынырнув из черной пустоты над бесплодными холмами северного Руата, Джексом почувствовал прилив восторга: такого он никогда не ощущал раньше, даже летая с Рутом. Со своего места на левом фланге королевского крыла он видел, как под ним, над ним и вокруг, повсюду, куда ни кинь взгляд, выстраивались боевые крылья. Казалось, гигантские сверкающие тела драконов расцветили небо; самое верхнее крыло первым должно было встретить надвигающийся фронт Нитей. Джексом шмыгнул носом, досадуя, что хворь может испортить такое торжество — он, Джексом, лорд Руата, вылетел на своем белом драконе, чтобы отразить атаку Нитей! Он чувствовал, как у Рута внутри рокочет сдерживаемое до поры пламя. Интересно, похожи ли хоть чуть-чуть ощущение дракона на тот жар и тяжесть в голове, которые чувствует он сам?

Верхнее крыло, прибавив скорость, рванулось вперед, и у Джексома не осталось больше времени на размышления — он тоже заметил в безоблачном небе белесую дымку, сероватую муть, предзывающую нашествие Нитей.

«Селианта говорит, чтобы я все время держался над ней и старался не попасть под струю из огнемета Приллы», — голос Рута звучал глухо; он с усилием сдерживал огненное дыхание. Белый дракон поднялся чуть выше, и тут все крылья разом пришли в движение.

Сероватая дымка на глазах превратилась в серебристый дождь. В небе вспыхнули огненные брызги — это драконы передового крыла сжигали своего вековечного врага, обращая его в обугленную пыль. Бесконечные тренировки с учебным крылом и холодный рассудок,зывающий к осторожности, помогли Джексому быстро справиться с волнением. Сегодня ни он, ни Рут не должны получить в бою ни единого удара!

Королевское крыло, плавно пошло на снижение — им предстояло патрулировать под верхним эшелоном, уничтожая любой обрывок Нити, ускользнувший от пламени. Они летели сквозь облака мельчайшей пыли, в которую превращались сожженные Нити. Круто развернувшись, королевское крыло двинулось обратным курсом, и Джексом почти сразу заметил серебристый жгут. Послав сгорающего от нетерпения дракона круто вверх, Джексом услышал, как Рут предостерегает соседей, — и вот уже они расправились с врагом.

Джексом с гордостью подумал: заметил ли кто-нибудь из вадников, как экономно использует Рут смертоносное пламя — ровно столько, сколько необходимо, не больше и не меньше.

Он потрепал своего приятеля по шее, чувствуя, как обрадовала Рута его похвала. Потом их перебросили на другой участок — королевское крыло должно было перехватить густое скопление Нитей, ускользнувшее от восточного фланга Вейра.

С этой минуты у Джексома больше не оставалось времени на размышления. Он слился воедино с ритмом, которому повиновались движения королевского крыла. Казалось, Маргатта на золотой Лудуте просто нюхом чует мелкие скопления Нитей, которые пропустило бы даже летящее совсем рядом крыло. Но королевы всякий раз оказывались под облаком серебряного дождя и беспощадно истребляли его. Скоро Джексому стало ясно: полеты с Крылом золотых не гарантируют ни безопасности, ни покоя. Огромные королевы могли контролировать большую территорию, но они не обладали маневренностью Рута. Пара над ними, белый дракон мог перелетать с одного края клиновидного строя на другой, туда, где его помочь была нужнее всего.

Внезапно атака Нитей прекратилась; сероватая мгла больше не туманила небосвод. Верхнее крыло стало неторопливыми кругами спускаться все ниже, готовясь к заключительному этапу обороны — облету местности на малой высоте, который поможет наземным отрядам обнаружить следы уцелевших Нитей.

Понемногу боевой задор покидал Джексома, и он начал все острее ощущать недомогание. Казалось, голова его так распухла, что стала вдвое больше, глаза были словно забиты песком, в висках билась тупая боль, в горле першило. Пожалуй, он совсем расклеился. Конечно, какая глупость — биться с Нитями в таком состоянии! В довершении ко всем его неприятностям, после тяжелейшей четырехчасовой схватки он даже не мог похвастаться большими личными успехами. Джексом был просто убит. Ему нестерпимо хотелось домой, но когда летаешь с боевым крылом, приходится держаться до конца. Поэтому он покорно приготовился к прыжку в Форт через Промежуток.

«Старшая королева говорит, чтобы мы улетали, пока нас не заметили наземные команды», — неожиданно произнес Рут.

Джексом посмотрел вниз, на Маргатту, и увидел, что она дает ему сигнал к отходу. При виде ее жеста на юношу нахлынула обида. Нет, он, разумеется не ожидал бурных апплодисментов, но все же ему казалось, что они с Рутом честно выполнили свой долг и заслужили хоть какой-то знак одобрения. Может быть, они в чем-то провинились? Голова у него болела, и он не мог как следует сосредоточиться. Однако Джексом повиновался и велел Руту поворачивать к дому. И тут он увидел, как к ним поднимается Селианта. Прилла несколько раз взмахнула сжатым кулаком, что означало: отлично справились, благодарю!

Ее одобрение несколько уняло обиду Джексома.

«Мы здорово бились, ни одна Нить от нас не ушла, — бодро заметил Рут. — Мне легко удавалось поддерживать пламя».

— Ты, Рут, был просто неподражаем. Ты так ловко увертывался, что нам даже ни разу не пришлось уходить в Промежуток, — Джексом ласково похлопал дракона по вытянутой в полете шее. — У тебя еще остался газ, чтобы выдохнуть?

Он почувствовал, как Рут напрягся, но перед его пастью вспыхнула лишь крошечная искорка.

«Пламя закончилось, но я бы очень хотел избавиться от золы. Ведь сегодня я сжевал так много камня!».

В беззвучном голосе дракона прозвучала такая гордость, что, несмотря на мерзкое самочувствие, Джексом расхохотался. Неподдельная радость, которую испытывал друг, несколько подняла его собственное настроение.

* * *

Он с облегчением обнаружил, что в холде остались только немногочисленные слуги. Остальные обитатели, отправившиеся на борьбу с Нитями, находились вдали от дома и от тех благ, которыми Джексом собирался немедленно воспользоваться. Пока Рут ковылял к колодцу, чтобы вдоволь напиться, Джексом велел служанке принести чего-нибудь поесть — погорячее, и кружку вина.

Войдя в свою комнату, чтобы сменить насквозь пропахшую огненным камнем летнюю тунику, юноша увидел на своем рабочем столе наброски бухты и вспомнил вчерашнее обещание. Он с тоской подумал о знайомом солнце, сияющем над морем. Оно наверняка выгнало бы всю простуду!

«Я бы сейчас с удовольствием поплавал», — сказал Рут.

— Разве ты не устал?

«Я устал, но все равно мне хотелось бы поплавать в той бухте, а потом полежать на песке. И для тебя это было бы неплохо».

— Да, мне это было бы в самый раз, — согласился Джексом, стягивая с себя боевую амуницию. Он натягивал свежую тунику, когда, робко постучавшись в полуоткрытую дверь, вошел слуга с подносом. Джексом кивнул ему на стол, потом велел унести грязную одежду. Потягивая горячее вино и отдуваясь — оно приятно пощипывало горло, — он вдруг понял, что пройдут часы, прежде чем Лайтол вернется в холд, так что он никак не сможет сообщить опекуну о своем намерении. Не ждать же его... Он вполне сумеет обернуться до возвращения Лайтола. Вдруг Джексом застонал — как же он упустил из вида, что бухточка лежит на другом краю планеты, и солнце, которое, как он надеялся, прожарит его до костей, уже спускается вниз, к самому горизонту.

«Там еще долго будет тепло, — заметил Рут. — Мне и правда очень хочется полететь туда».

— Ладно, ладно, полетим! — Джексом залпом допил горячее вино и потянулся за сыром, хлебом и жареным мясом. Он не ощущал голода; от запаха еды ему даже стало как-то не по себе. Скатав шерстяное покрывало, чтобы потом расстелить его на песке, он перекинул сверток через плечо и пошел к выходу. Может, передать Лайтолу пару слов через слугу? Нет, этого недостаточно. Джексом вернулся к столу, быстро черкнул опекуну записку и прислонил ее к кружке, чтобы было лучше видно.

«Мы скоро полетим?» — жалобно спросил Рут, которому не терпелось отмыться дочиста и повалиться на теплом песке.

— Иду, иду! — Джексом забежал в кухню и прихватил пирожков и сыра. Может быть, позднее он захочет поесть.

Главный повар поливал жиром жаркое, и от его запаха Джексома опять замутило.

— Послушай, Батунон, я оставил лорду Лайтолу записку у себя в комнате. Если ты увидишь его, передай, что я полетел в бухту купать Рута.

— Что, очистили небо от Нитей? — спросил Батунон, застыв с черпаком над раскаленной плитой.

— От них осталась только пыль. Вот, собираюсь отмыть наши шкуры от запаха огненного камня.

Глаза Рута светились желтым укоризненным светом, когда Джексом, наконец, вскарабкался дракону на шею, отпустив посвободнее боевую упряжь, которую тоже не мешало прополоскать и высушить на солнце. Они стремительно вззвились в воздух, и Джексом порадовался, что не забыл про упряжь. Едва оторвавшись от земли, Рут нырнул в Промежуток.

Глава 13

Бухта на южном материке; пятнадцатый Оборот, седьмой день седьмого месяца — двадцать восьмой день восьмого месяца.

Джексом пробудился и почувствовал, как что-то мокрое соскользнуло со лба и съехало на нос. Он нетерпеливо смахнул непонятный влажный комок.

«Тебе лучше?» — в голосе Рута слышалась такая страстная надежда и тоска, что Джексом был ошеломлен.

— Лучше? — еще не совсем проснувшись, он попытался приподняться на локте, но не смог пошевелить головой — казалось, она зажата в тиски.

«Брекки велит тебе лежать спокойно».

— Лежи спокойно, Джексом, — послышался голос Брекки. Юноша почувствовал, как она положила руку ему на грудь, не давая подняться.

Он услышал где-то рядом плеск воды, и на лоб ему лег свежий компресс, прохладный и душистый. Щек его с обеих сторон касались какие-то мягкие валики, доходившие до плеч, — вероятно, они должны были удерживать его голову в неподвижности. Он не мог понять, что случилось. И почему здесь Брекки?

«Ты заболел, — сказал Рут; голос его был окрашен тревогой. — Я очень испугался. Я вызвал Брекки. Она — целительница. Она меня услышала. Я не мог тебя оставить. Она прилетела с Ф'нором на Канте. Потом Ф'нор полетел за другой женщиной».

— И долго я болел? — услышав, что для ухода за ним прибыла еще одна сиделка, Джексом от души понадеялся, что «другая женщина» не окажется Диланой.

— Несколько дней, — ответила Брекки, но Рут, похоже, имел в виду более длительное время. — Теперь дело пойдет на поправку. Кризис миновал.

— Лайтол знает, где я? — Джексом попытался поднять веки и, обнаружив, что на них лежит компресс, протянул было руку, чтобы снять его. Но перед глазами сразу заплясали разноцветные пятна; он застонал и снова прикрыл их.

— Я же сказала, чтобы ты лежал спокойно! И не пытайся открывать глаза или снимать повязку, — сказала Брекки, легонько шлепнув его по руке. — Конечно же, Лайтол в курсе, Ф'нор ему сразу сообщил. И я дала ему знать, когда у тебя случился кризис. Менолли тоже поправляется.

— Менолли? Но ведь она не могла от меня заразиться — она была с Сибелом...

В комнате был кто-то еще, потому что Брекки не могла одновременно и разговаривать, и смеяться. Она стала терпеливо объяснять, что у него вовсе не простуда, а болезнь, которую южане называют горячкой. Начальные симптомы у нее такие же, как у простуды.

— Так я скоро поправлюсь?

— Глаза тебя еще беспокоят?

— Так, что даже не хочется их открывать.

— Пятна? Как будто смотришь на солнце?

— Вот-вот.

Брекки похлопала его по плечу.

— Это обычное явление, ведь правда, Шарра? Сколько оно обычно продолжается?

— Пока не пройдет головная боль. Так что пока, Джексом, не снимай с глаз повязки. — Шарра говорила неторопливо, чуть растягивая слова, но ее низкий голос звучал удивительно глубоко и мелодично; Джексом даже подумал — интересно, так ли она хороша, как ее голос?

— И не смей подсматривать, — продолжала девушка. — Ведь голова еще побаливает? Значит, нельзя открывать глаза. Мы затемнили комнату как смогли, но если ты не будешь вести себя поосторожнее, то испортишь зрение на всю жизнь.

Джексом почувствовал, как Брекки поправила компресс.

— Значит, Менолли тоже болеет?

— Да, но мастер Олдайв сообщил нам, что ей хорошо помогают лекарства,— Брекки помолчала.— Конечно, она не сражалась с Нитями и не летала через Промежуток — все это не пошло тебе на пользу.

Джексом застонал.

— Но я не раз летал Промежутком с простудой, и от этого мне хуже не становилось.

— Горячка — не простуда,— возразила Шарра.— Вот, Брекки, питье готово.

Джексом почувствовал, как к его губам поднесли соломинку. Брекки велела ему сосать через нее; он не мог поднять голову, чтобы пить нормально.

— Что это? — пробубнил он, не выпуская соломинку изо рта.

— Фруктовый сок, — с такой готовностью ответила Шарра, что Джексом невольно насторожился.— Обычный фруктовый сок. Тебе нужно побольше пить. Ты совсем высох от жара.

Сок приятно холодил горло. Джексом никак не мог понять, из каких фруктов он приготовлен, только вкус у него был в самый раз — не слишком острый, чтобы не раздражать воспаленное горло, и не слишком сладкий, чтобы не вызвать тошноту в пустом желудке. Джексом быстро прикончил его и попросил добавки, но Брекки сказала, что пока достаточно. А теперь пусть постарается уснуть.

— Рут, а ты-то как?

«Теперь, когда ты пришел в себя, я поем. Я не уйду далеко — тут все рядом».

— Рут?! — обеспокоенный, Джексом попытался приподнять голову. Виски пронзила нестерпимая боль.

— С Рутом все в порядке, Джексом, — строго сказала Брекки, прижимая его плечи к постели.— Он не знает отбоя от ящериц и каждый день купается — утром и вечером. И он ни разу не отошел от тебя дальше, чем на две длины дракона. Мне все время приходилось его утешать.— Джексом застонал; он совсем забыл, что Брекки может разговаривать с любым драконом.— Ф'нор с Кантом убивали для него дичь, потому что он ни за что не соглашался от тебя отойти. Так

что Рут вовсе не отошла — не то, что ты. Теперь он может поохотиться сам, все равно здесь ему делать нечего — ты ведь будешь спать.

У Джексома не оставалось другого выбора и, уже проваливаясь в беспамятство, он подумал: должно быть, в этом напитке было кое-что еще, кроме фруктов...

Проснулся он отдохнувшим, но по-прежнему озабоченным, и сразу же вспомнил, что ему нельзя двигать головой. Тогда он стал осторожно перебирать смутные воспоминания, окрашенные то жаром, то холодом. Он отчетливо помнил, как добрался до бухты, спотыкаясь, проковыляя в тень, рухнул у подножия дерева и потянулся за гроздью алых плодов, чтобы освежить пересохший рот. Пожалуй, именно тогда он понял, что серьезно заболел.

В памяти вставали смутные образы Брекки и Ф'нора; Джексом вспоминал, что, кажется, умолял их позвать Рута. Похоже, они возвели какое-то временное укрытие, нечто вроде летнего холда. Шарра что-то такое говорила. Он медленно вытянул левую руку, поводил ею вверх-вниз, но не нашупал ничего, кроме кровати. Тогда он вытянул правую.

— Проснулся, Джексом? — услышал он негромкий голос Шарры. — Рут так разоспался, что не разбудил меня. Пить хочешь? — Похоже, она не особо раскаивается, что сама тоже задремала. Девушка тихонько охнула, обнаружив, что компресс совсем высох. — Смотри, не открывай глаза!

Шарра сняла повязку, и он услышал, как она смачивает ее водой, потом — выжимает; наконец, влажная ткань коснулась его висков, и он поежился. Джексом поднял руку и прижал повязку ко лбу — сначала легко, потом более уверенно.

— Совсем не больно...

— Ш-ш-ш! Брекки спит, ее очень легко разбудить, — шепнула Шарра, прикрыв ладонью его рот.

— Почему я не могу повернуть голову? — он постарался не выдать снедавшую его тревогу.

Тихий смех Шарры несколько успокоил его.

— Мы сажали ее между двух валиков, чтобы ты не мог ею шевелить. Помнишь? — она дала ему потрогать это припо-

соблечение и убрала его.— Ну-ка, поверти немножко головой. Если твоя кожа уже потеряла болезненную чувствительность, значит, самое худшее позади.

Джексон с готовностью повернул голову налево, потом направо; и еще раз — чуть быстрее.

— Не больно, правда, совсем не больно!

— А вот это — нельзя! — заметив, что он потянулся к компрессу, Шарра схватила его за руку.— У меня горит ночник. Подожди, я его прикрою... Чем меньше света, тем лучше.

Он услышал, как она возится со светильником.

— Теперь можно?

— Я только потому разрешаю тебе попробовать, — она подчеркнула последнее слово, положив руку на его ладонь, уже коснувшуюся повязки, — что сегодня безлунная ночь и тебе ничто не грозит. Но если увидишь хоть малейшее блестящее пятнышко, немедленно закрой глаза.

— Это опасно?

— Может быть, опасно.

Она медленно сдвинула повязку.

— Ничего не вижу.

— Никаких пятен или точек?

— Нет, ничего, — что-то возникло у него перед глазами, он различал во тьме неясные очертания.

— Это моя рука. Я держу ее у тебя перед носом — на всякий случай, — сказала она.

Джексон смутно видел перед собой темный силуэт — очевидно, девочка стояла на коленях у его постели. Постепенно ему удалось сморгнуть с ресниц налипшие песчинки, и он стал видеть яснее.

— У меня в глазах полно песка.

— Минуточку! — Вдруг в глаза ему закапала вода. Он судорожно заморгал, громко протестуя. — Я же просила тебя, потише... Ты разбудишь Брекки... она совершенно измотана. Ну что, удалось смыть песок?

— Да, так гораздо лучше. Я не хотел причинять тебе столько хлопот.

— Неужели? А я уж было подумала, что ты нарочно все это подстроил.

Джексом поймал ладонь девушки и поднес к губам, сжимая так крепко, насколько позволяли оставшиеся у него силы. Шарра задохнулась и отдернула руку.

— Спасибо.

— Я положу повязку на место, — сказала она с явным упреком.

Джексом довольно усмехнулся — он был рад, что сумел ее смутить. Жаль только, что здесь так темно. Но он все же разглядел, что фигура у нее стройная. И голос, несмотря на увереные нотки, явно молодой. «Интересно, — снова подумалось ему, — так ли она хороша, как ее голос».

— Выпей, пожалуйста, сок, — сказала Шарра, и он почувствовал, как к его губам поднесли соломинку. — Тебе нужно еще разок выспаться как следует, и дело пойдет на лад.

— Так ты — целительница? — Джексом был разочарован. Ее голос звучал так молодо, что он принял ее за одну из воспитанниц Брекки.

— Ну, конечно. Неужели ты думаешь, что жизнь лорда рутанского могли бы доверить какой-нибудь ученице? Я уже много раз выхаживала людей от горячки.

Тут Джексом почувствовал, что добавленное в сок снотворное начинает действовать, и он снова куда-то уплывает, не в силах ответить девушке ни слова.

Проснувшись на следующее утро, он был весьма разочарован, когда на его зов явилась Брекки. Он не решился спросить, где же Шарра — это было бы не слишком тактично. Узнать у Рута он тоже не рискнул — Брекки наверняка услышала бы их разговор. Очевидно, Шарра все же рассказала Брекки о его ночном пробуждении — сегодня ее голос звучал куда спокойнее и казался почти веселым. Чтобы отпраздновать начавшееся выздоровление, Брекки позволила ему выпить кружку некрепкого кла и съесть несколько булочек.

Велев юноше не открывать глаз, она сменила повязку, но на этот раз сделала ее не такой плотной, так что, осторожно приподняв веки, он смог различить перед собой темные и светлые пятна.

Днем Джексому было позволено сидя съесть легкий обед, который приготовила для него Брекки, но даже эти ничтожные усилия довели его до полного изнеможения. Тем не менее, когда Брекки предложила ему выпить сока, он не преминул поворчать:

— Наверно, опять напичкали его снотворным? Вы что же, хотите, чтобы я проспал всю жизнь?

— Я тебя уверяю, ты еще наверстаешь то время, которое потерял, — ответила Брекки; раздумывая над этим загадочным обещанием, Джексом снова скользнул в объятия сна.

Назавтра он продолжал возмущаться запретами, которыми его окружили. Однако он на самом деле сильно ослаб, и когда Шарра с Брекки помогли ему добраться до скамейки, чтобы перестелить сбившуюся постель, то через пару минут Джексом до того изнемог, что с радостью улегся снова. Зато вечером его ждал приятный сюрприз — он был удивлен и обрадован, услышав в соседней комнате голос Н'тона.

— Ну, Джексом, ты выглядишь совсем молодцом, — сказал предводитель Форта, подойдя к его постели. — Лайтол будет несказанно рад. Но если ты еще когда-нибудь посмеешь... — в хрипловатом голосе Н'тона звучали тревожные нотки, — посмеешь идти в сражение больным, то я... я... отправлю тебя разбираться к Лессе.

— Я ведь думал, что у меня обычная простуда, — оправдывался юноша, смущенно теребя клочки сена в матрасе. — И потом, это был наш с Рутом первый боевой вылет...

— Знаю, знаю, — уже гораздо мягче сказал Н'тон. — Откуда ты мог догадаться, что у тебя начинается горячка... А тебе известно, что ты обязан жизнью Руту? Ф'нор говорит, что Рут разумнее многих людей. Половина драконов на Перне не сообразила бы, что делать, начнись у них всадников бред — сумбур в голове у больного совершенно сбил бы их с толка. Сейчас вы с Рутом на прекрасном счету в Бендене. Честное слово! Твоя единственная забота — побыстрее выздравли-

вать. А когда ты полностью восстаноишь силы, Д'рам хотел бы увидеться с тобой и показать кое-что интересное из того, что он здесь нашел.

— Так он не сердится, что мы с Рутом выследили его?

— Что ты! — Н'тона искренне удивил вопрос Джексона. — Нет, дружок, мне кажется, он не ожидал, что нам будет его недоставать и обрадовался, что нужен по-прежнему.

— Н'тон! — послышался строгий голос Брекки.

— Мне не велено тебя утомлять, — всадник встал, его сапоги шаркнули по полу. — Но я еще приду, обязательно приду. — Джексон услышал недовольный писк Триса и живо представил маленького файра, цепляющегося за плечо Н'тона.

— А как Менолли — идет на поправку? Передай Лайту, мне очень жаль, что я доставил ему столько беспокойства.

— Он все понимает, Джексон. И Менолли уже гораздо лучше. У нее горячка протекала гораздо легче, чем у тебя. Сибел сразу распознал симптомы и вызвал Олдайва. А ты не особенно спеши вставать.

Как бы Джексон не радовался посещению Н'тона, все же он вздохнул с облегчением, когда всадник вышел. На него наваливалась ватная слабость, голова снова разболелась.

— Брекки! — юноша испугался, не вернулась ли болезнь.

— Она вышла проводить Н'тона.

— Ты здесь, Шарра? Опять болит голова... — голос Джексона предательски дрогнул.

Его щеки коснулась прохладная ладонь.

— Жара нет, Джексон. Просто ты быстро устаешь, вот и все. Давай-ка поспи.

Он почувствовал, как его убаюкивают эти спокойные слова, произнесенные нежным бархатным голосом. Сам того не желая, он закрыл глаза. Сильные тонкие пальцы гладили его лоб, потом скользнули по плечам, массируя напряженные мышцы, а голос все звучал, уговаривая его уснуть. Он охотно подчинился.

На рассвете Джексона разбудил прохладный влажный бриз. Он заворочался, стараясь прикрыть голые ноги и плечи

— спал он на животе, завернувшись в легкое одеяло. Кое-как укутавшись, он снова смыкнул веки, собираясь еще поспать, но сон пропал. Джексон открыл глаза и стал бездумно глядеть в открытое окно с поднятыми занавесками. Внезапно он вскрикнул от изумления, только сейчас заметив, что глаза его больше не закрыты повязкой и зрение полностью вернулось.

— Что с тобой, Джексон?

Обернувшись, он увидел, как Шарра гибким движением поднимается с гамака, заметил, какие у нее длинные волосы — они темным водопадом ниспадали с плеч, закрывая лицо.

— Шарра!

— Как глаза, Джексон? — обеспокоенно спросила она, быстро шагнув к его постели.

— Просто отлично, Шарра, — ответил он, поймав ее за руку и притягивая девушку к себе, чтобы как следует разглядеть ее лицо в тусклом утреннем свете. — Нет, не уйдешь, — тихонько рассмеявшись, проговорил он, когда она попыталась вырваться, — я уже давно хочу на тебя посмотреть, — свободной рукой он отвел упавшие ей на лицо волосы.

— Ну и как? — с гордым вызовом сказала она, невольно выпрямившись и откидывая назад густые пряди.

Шарру нельзя было назвать прекрасной; он предчувствовал это. Слишком неправильные черты, нос чуть длинноват для ее лица, подбородок, хоть и прекрасно очерчен, однако слишком тверд, чтобы его можно было назвать красивым. Но зато яркие губы прихотливо изогнуты, уголок рта чуть подрагивает в попытке скрыть улыбку, которую выдают глубоко посаженные темные глаза. Девушка медленно приподняла бровь, столь пристальный осмотр явно забавлял ее.

— Ну и как? — повторила она.

— Конечно, ты можешь со мной не согласиться, но я считаю, что ты красавица! — она снова попыталась высвободить руку и встать, но Джексон был начеку. — И еще ты, наверное, знаешь, что у тебя просто обворожительный голос.

— Я над ним много работала, — парировала Шарра.

— И не напрасно,— он сильнее потянул ее за руку, стараясь привлечь еще ближе к себе. Почему-то ему было очень важно понять, сколько ей лет.

Девушка тихо засмеялась, стараясь высвободить пальцы из его крепкой хватки.

— А теперь пусти, Джексом, будь хорошим мальчиком!

— Я не хороший и не мальчик,— тихо, но решительно проговорил он, и сила, прозвучавшая в его голосе, согнала с ее лица выражение добродушной насмешки. Она смерила его долгим внимательным взглядом и едва заметно усмехнулась.

— Да, ты не хороший и не мальчик. Ты — мужчина, который был очень тяжело болен, и моя работа,— она подчеркнула последнее слово, и Джексом неохотно выпустил ее руку,— поставить тебя на ноги, чем раньше, тем лучше.— Джексом откинулся на подушку и лежал, с улыбкой глядя на нее. «А она, пожалуй, почти такого же роста, как я»,— подумал он. Ему почему-то понравилась мысль, что, стоя, они смогут заглянуть друг другу в глаза.

Шарра слегка озадаченно посмотрела на него и, недоумевающе пожав плечами, отвернулась. Подобрав волосы, она свернула их в аккуратный пучок и вышла из комнаты.

Потом ни один из них не вспоминал об этой утренней беседе, но Джексом вскоре обнаружил, что ему стало легче переносить тяготы выздоровления. Он без возражений ел все, что ему подавали, принимал горькие снадобья и старался побольше спать. Однако его постоянно снедала тревога; наконец, не выдержав, он робко спросил Брекки:

— Скажи, когда я лежал без сознания, я не... я хочу сказать...

Молодая женщина понимающе улыбнулась и похлопала его по руке.

— Мы никогда не придаем значения тому, что бормочут в бреду наши пациенты. Иногда они несут совершенно невероятную чушь.

И все же что-то в ее тоне насторожило Джексома. Совершенно невероятную чушь? Значит, он наболтал невесть что. Ладно, предположим, он сказал при Брекки про это несчастное яйцо. Но вдруг его бред слышала Шарра? Ведь она из

Южного холда.. Можно ли надеяться, что она не приняла всерьез его болтовню об этом проклятом яйце, чтоб ему ни скорлупы, ни осколков! Джексом не находил себе места. Мысль о том, что тайна его раскрыта, мучила его; он уснул в горестных размышлениях и пробудился, проклиная болезнь и свой длинный язык. Несмотря на это, ему пришлось изображать полнейшую беззаботность, выслушивая отчет Рута об утреннем купании с файрами.

«Летит,— вдруг заявил Рут; в голосе его слышалось удивление. — Летит вместе с Д'рамом».

— Кто летит? — не понял Джексом.

— Шарра, ты где? — крикнула Брекки из соседней комнаты. — Гости прибыли! Встреть их на берегу. — Она торопливо вошла в комнату Джексома, пригладила одеяло и бросила на юношу внимательный взгляд. — Надеюсь, лицо у тебя чистое? А руки?

— Рут, кто там прилетел? Почему такая суматоха?

«Меня он тоже рад видеть», — удивление в голосе Рута сменилось восторгом.

Это замечание насторожило Джексома, и все же появление Лайтоля застигло его врасплох. Лицо опекуна под летным шлемом казалось бледным и напряженным. Он не успел даже расстегнуть туннику, и теперь его лоб и верхнюю губу покрывали бисеринки пота. Остановившись в дверях, он впился глазами в лицо своего питомца.

Потом резко отвернулся к стене, хрюпнув откашлялся и начал стягивать шлем, перчатки и тяжелое кожаное одеяние. Когда подошла Брекки, чтобы забрать у него летнюю амуницию, он пробурчал что-то нечленораздельное. Минута постель Джексома, Брекки так выразительно взглянула на него, что юноша все понял без слов.

«Брекки говорит, что он плачет, — тихо произнес Рут. — И чтобы ты не подавал вида и не смущал его, — Рут помолчал. — Еще она говорит, что Лайтол тоже вылечился. Но разве он болел?»

Джексом не успел обдумать это странное замечание, потому что опекун уже взял себя в руки и повернулся к нему.

— Жарковато после Руата, — сказал Джексом, чтобы как-то нарушить молчание.

— Солнце тебе не повредит, мой мальчик, — одновременно с ним проговорил Лайтол.

— Мне еще не разрешают вставать.

— А гора совсем такая, как ты нарисовал.

И они снова оба заговорили одновременно, перебивая друг друга.

Джексом не выдержал и расхохотался, указав Лайтолу на край постели. Все еще смеясь, он схватил опекуна за руку и крепко сжал, словно просил извинения за то, что заставил его так поволноваться. И тут же оказался в его крепких объятиях. Отпустив Джексома, Лайтол похлопал его по плечу, и на глаза юноши навернулись слезы. Опекун всегда заботился о нем, но чем старше становился Джексом, тем чаще задавал он себе вопрос — что связывает с ним Лайтола? Любят ли его этот суровый человек или всего лишь добросовестно выполняет свой долг?

— Я уж боялся, что потеряю тебя...

— Меня, господин мой, не так-то легко потерять.

Джексом чувствовал, как по его лицу расползается глуповатая ухмылка: Лайтол улыбался! Впервые, сколько он его помнил!

— От тебя совсем ничего не осталось — одна кожа да кости, — проворчал Оберегающий Руата, осматривая своего питомца.

— Это поправимо — мне уже разрешают есть все подряд, — ответил Джексом. — Не хочешь ли чего-нибудь?

— Я прибыл сюда не есть, а повидаться с тобой. И вот что я скажу, юный лорд Джексом: не мешало бы тебе подольше поучиться черчению у Главного кузнеца — деревья, что растут вдоль берега, ты изобразил не очень точно. Хотя гора, должен признать, удалась тебе на славу.

— Я знал, что с деревьями что-то не в порядке... вот почему я решил сюда вернуться. Только потом это начисто вылетело у меня из головы.

— Так я и понял, — хрипло рассмеялся Лайтол.

— Расскажи мне, что нового у нас в Руате, — Джексому почему-то захотелось услышать о тех житейских мелочах, которые, бывало, так утомляли его.

Они беседовали как два старых друга, и с каждой минутой Джексом все больше изумлялся. Только теперь он понял, что все это время его не покидало чувство вины перед Лайтолом — с тех самых пор, как он неожиданно запечатлил Рута. Внезапно стена между ними рухнула. Стоило поболеть хотя бы ради этого, решил Джексом, взглянувшись в лицо опекуна. Великая Скорлупа, как он мечтал в детстве хоть раз увидеть его улыбку!

Вошла Брекки, виновато пряча глаза.

— Извини, лорд Лайтол, но Джексом быстро устает.

Оберегающий покорно поднялся, с беспокойством глядя на юношу.

— Брекки, неужели после того, как Лайтол проделал такой путь, нам нельзя...

— Ничего, мальчик. Я приеду еще. — Брекки увидела его улыбку и изумленно подняла брови. — Не стоит рисковать. — Брекки изумилась еще больше, когда Лайтол перед тем, как выйти из комнаты, неуклюже обнял своего подопечного.

Она вопросительно посмотрела на юношу, но тот лишь пожал плечами, сделав вид, что в поведении Лайтола нет ничего необычного. Задумчиво покачав головой, Брекки быстро вышла, чтобы проводить гостей до берега.

«Он был очень рад тебя повидать, — заметил Рут. — Он улыбается».

Джексом улегся и поерзал в постели, устраиваясь поудобнее. Потом, посмеиваясь про себя, закрыл глаза. Все-таки ему удалось вытащить сюда Лайтола, чтобы тот полюбовался на эту бесподобную гору!

Лайтол оказался не единственным, кто явился поглядеть на гору, а заодно и на Джексома. На следующий день прибыл лорд Грох и сразу же стал пыхтеть и отдуваться от жары, покрикивая на свою маленькую королеву, чтобы она не возилась в воде среди чужих файров — иначе ему придется возвращаться с мокрым рукавом.

— Я слышал, ты подхватил горячку, как и наша арфистка, — сказал Грох, вваливаясь в комнату с таким видом, словно готовился обревизовать некое ценнейшее имущество. Джексом ощущал мгновенный приступ паники.

Еще больше его утомил придиличный осмотр, учиненный ему напористым владетелем Форта. Он так долго разглядывал юношу, что Джексом решил — Грох пересчитал все его ребра и прикинул на вес оставшуюся плоть.

— Неужели, Брекки, нельзя кормить парня получше? — рявкнул он. — А я-то считал тебя первостатейным лекарем! Посмотри, он худой, как щепка! Так дело не пойдет. Одно хорошо — ты, Джексом, нашел себе дивное местечко для болезни. Нужно пойти осмотреться, раз уж я сюда выбрался. Правда, путь был недолог. Да, пожалуй, стоит все-таки осмотреться как следует, — Грох выпятил подбородок и, нахмурясь, уставился на Джексома. — А сам-то ты успел здесь полазить, пока тебя не свалила хворь?

Джексом понял, что неожиданный визит лорда Гроха преследует две цели: во-первых, убедиться, что юный владелец Руата, вопреки всем слухам, еще не отошел в мир иной. Во-вторых... При мысли о прочих намерениях повелителя Форта Джексом ощущал некоторую неловкость — ему сразу отчетливо припомнилось замечание Лессы о том, что ей нужна «только лучшая часть».

Когда Брекки мягко напомнила шумному лорду, что не следует утомлять больного, Джексом едва не запрыгал от радости.

— Не волнуйся, мальчик, я еще вернусь, — уже стоя на пороге, Грох ободряюще помахал ему рукой. — А местечко — просто прелестное, могу тебе только позавидовать.

— Неужели все на севере знают, куда меня занесло? — спросил Джексом вернувшуюся Брекки.

— Его привез Д'рам, — тяжело вздыхая и хмурясь, ответила она.

— О чём он только думал, этот Д'рам? — заметила Шарра. Она опустилась на скамейку и принялась, как веером, обмахиваться большим перистым листом, изображая облегчение,

наступившее после отъезда шумного лорда. — Грох может и здорового довести до судорог... не говоря уже о человеке, который едва оправился от болезни.

— Я думаю, Конклав лордов желает убедиться, что Джексом жив и идет на поправку, — продолжала Брекки, сделав вид, что не заметила реплики Шарры.

— Он рассматривал Джексома, как торговец скотом. Зубы он тебя, случайно, не попросил показать?

— Пусть манеры лорда Гроха не вводят тебя в заблуждение, Шарра, — сказал Джексом. — Он не менее хитер и проницателен, чем мастер Робинтон. Его привез Д'рам, а это значит, что Ф'лар с Лессой в курсе его визита. Но я не думаю, что они одобрят намерение Гроха наведаться сюда еще разок.

— Если сама Лесса позволила лорду Гроху сюда заявиться, я поговорю с ней на эту тему, можешь быть уверен, — ответила Брекки, неодобрительно поджав губы. — Для человека, который только-только начал выздоравливать, он — не самый лучший посетитель. Теперь Джексом, я уже могу сказать, что ты проболел горячкой целых шестнадцать дней...

— Как? — Джексом с ошеломленным видом сел в постели. Но ведь я...

— Для взрослых горячка очень опасна, — пояснила Шарра. — Она обменялась взглядом с Брекки, и та кивнула. — Ты чуть не умер.

— Я?! — Джексом испуганно схватился за голову. Брекки снова кивнула.

— Поэтому, если тебе покажется, что твое излечение несколько затянулось, поверь — у нас есть на это свои причины.

— Так я чуть не умер? — Джексом никак не мог освоиться с этой мыслью.

— Да. Потому-то мы и не спешим — тебе надо окончательно оправиться. А теперь самое время перекусить, — сказала Брекки, выходя из комнаты.

— Нет, я правда чуть не умер? — допытывался Джексом у Шарры.

— Боюсь, что так,— судя по голосу, его реакция скорее забавляла, чем тревожила девушку.— Но ведь ты не умер. Вот что самое главное,— она невольно отвела глаза и облегченно вздохнула. Потом слегка улыбнулась, но Джексом заметил, что ее выразительные глаза затуманились.

— У тебя кто-то умер от горячки — человек, который был тебе дорог?

— Ты его не знал, Джексом, да и я знала не очень близко. Просто... просто каждому целителю тяжело терять больного.

Больше Джексому ничего не удалось вытянуть из нее, и он прекратил расспросы, поняв, что девушка до сих пор остро переживает эту смерть.

На следующее утро Брекки и Шарра повели его на берег. Пошатываясь на неверных ногах, он ругался сквозь зубы, смущенный собственной слабостью. Увидев приятеля, Рут помчался к нему, вздымая тучи песка, от восторга забыв про осторожность. Брекки строго велела ему стоять смирно, чтобы ненароком не сбить Джексома с ног. Глаза Рута тревожно вращались, он виновато закурлыкал и с величайшей осторожностью потянулся к юноше, не решаясь даже приветственно потыкать его носом. Джексом обвил руками шею дракона. Рут напряг мышцы, принимая на себя обмякшее тело друга, и ободряюще заворчал. Из глаз юного лорда потекли слезы; он поспешил отер их о мягкую кожу, к которой прижался лицом. Милый, чудесный Рут! В голову Джексома закралась непрошенная мысль: если бы он умер от горячки, то Рут...

«Но ты не умер,— сказал Рут.— Ты выжил. Я просил тебя об этом. Теперь ты уже гораздо сильнее. И с каждым днем будешь становиться все сильнее. И мы будем купаться и лежать на солнце; и все будет хорошо».

Рут так разволновался, что Джексому пришлось успокаивать его, приговаривая что-то ласковое и поглаживая по шее, пока Брекки с Шарой не заставили его сесть; женщины боялись, что он упадет. Они прикрепили плетеную циновку к наклонному стволу дерева, которое росло на порядочном расстоянии от берега, чтобы можно было устроиться в тени.

Там Джексома и уложили. Рут прикорнула рядом, вытянув голову, чтобы быть поближе к другу; глаза его переливались тревожным лиловым светом.

К полудню, когда Джексом уже успел вздрогнуть, прибыли Ф'лар с Лессой. Юноша с удивлением обнаружил, что Лесса, обычно такая колючая, может быть очень приятным гостем — мягким и ненавязчивым.

— Пришлось допустить к тебе лорда Гроха собственной персоной. Боюсь, Джексом, что его визит не привел тебя в восторг. Но прошел слух, что ты мертв и Рут — тоже, — Лесса выразительно передернула плечами. — Не зря говорят: для дурных вестей никакой арфист не нужен.

Ф'лар кивнул и усмехнулся Джексому.

— Вот почему мы попросили Д'рама свести его к тебе. Сторожевой дракон Форт Холда слишком стар, чтобы принять ориентиры от лорда Гроха.

— У него была с собой огненная ящерица, — сказал Джексом.

— Может быть, маленькая королева лорда Гроха и очень смышлена, но вряд ли она поможет ему найти сюда дорогу, — бросила Лесса.

— Да разве об этом речь? — поморщился Ф'лар. — Все равно он уже увидел гору. И то, какие здесь просторы...

— Значит, мы должны первыми заявить свои права, — решительно проговорила Лесса. — Меня не интересует, сколько своих сыновей хочет здесь поселить Грох. Все равно право первого выбора остается за всадниками. И Джексом может нам помочь.

— Пройдет еще немало времени, прежде Джексом встанет на ноги, — заметила Брекки, и по лицу Лессы скользнула легкая тень недовольства.

— Не волнуйся, я найду способ умерить притязания Гроха, — добавил Ф'лар.

— Стоит пролезть одному, как следом за ним ринутся другие, — задумчиво проговорила Брекки, — да их и винить трудно. Эта часть Южного кажется настолько привлекательной наших северных поселений...

— Мне не терпится подобраться поближе к этой горе, — Ф'лар повернулся к югу. — Я знаю, Джексом, что ты еще нездоров, но все же попробуй выяснить, сколько файлов — из тех, что крутятся вокруг Рута, — родом из Южного?

— Они не из Южного Вейра, если тебя интересует именно это, — ответила Шарра.

— А ты откуда знаешь? — спросила Лесса.

Шарра пожала плечами.

— Их невозможно приручить. Стоит кому-нибудь приблизиться, как они сразу исчезают в Промежутке. Ведь их привлекает Рут, а не мы.

— Просто мы — не их люди, — сказал Джексом. — Но я постараюсь выяснить про них все, что можно...

— Пожалуй, нужно дать Джексому отдохнуть, — вмешалась Брекки.

Юноша пронзил ее возмущенным взглядом, но она была неумолима.

Брекки и Шарра вышли проводить гостей. Джексом тоскливо вздохнул, потом решил, что пора выбросить из головы мысли о том, что две недели назад он был на грани смерти. Это мрачное известие совсем выбило его из колеи, а жизнь, тем временем, подкидывает новые проблемы.

Их набралось уже несколько. Больше всего его по-прежнему волновал вопрос, что же он мог наболтать в бреду. Джексом пытался припомнить то время, но единственное, что он ощущал тогда — чередование холода и жара, да еще неясные кошмары.

Что же все-таки он говорил в беспамятстве? Отдельные бессвязные слова? Целые фразы? Может быть, и вовсе не о чем беспокоиться? Наконец, утомленный визитом гостей и бесплодными размышлениями, Джексом откинулся на подушку и уснул.

На следующий день ему разрешили искупаться. Брекки сказала, что плавание укрепляет мышцы, но Джексом решил, что мышц у него не осталось совсем. Он так изнемог, что, едва добравшись до постели, снова уснул.

— Что случилось, Джексом?

— Я видел страшный сон, кошмар! — он был уверен, что произошло что-то ужасное, но, оглянувшись, увидел Рута, который мирно спал, растянувшись рядом; его нос находился всего лишь на расстоянии ладони от ступни Джексома. На спине у дракона и рядом с ним, чутко вздрагивая, дремало не меньше дюжины огненных ящериц.

— Ну вот, теперь ты совсем проснулся. Что же случилось?

— Сон был такой живой... и все-таки ускользнул без следа. Мне так хотелось бы его вспомнить!

Шарра положила ему на лоб прохладную ладонь, но юноша резко сбросил ее.

— Нет у меня никакого жара, — капризно сказал он.

— Разве я говорю, что есть? А как голова? Глаза?

Он сердито и нетерпеливо отвечал, что все в порядке, потом вздохнул и виновато улыбнулся.

— Какой я зануда, правда?

— Хорошо еще, что не всегда, — улыбнувшись, девушка опустилась на песок рядом с его постелью.

— Если каждый день я буду плавать немного подольше, через сколько времени я окончательно поправлюсь?

— К чему такая спешка?

Джексом усмехнулся и кивнул головой в сторону горы.

— Хочу добраться туда раньше лорда Гроха.

— Ну, — Шарра лукаво взглянула на него, — это не так уж сложно, теперь силы будут возвращаться к тебе быстрее. Мы просто не хотим, чтобы ты слишком перенапрягался. Лучше потерять несколько дней, чем заработать осложнение и начать все сначала.

— Осложнение? А как я узнаю, если оно начнется?

— Очень просто. Снова появятся пятна перед глазами и головные боли. Так что, пожалуйста, Джексом, лучше слушайся нас.

Ее синие глаза смотрели на него почти умоляюще, и Джексому хотелось думать, что она тревожится о нем больше, чем об обычном пациенте. Не спуская с нее глаз, он медленно кивнул в знак согласия и в награду получил нежную улыбку.

К вечеру нагрянули Ф'нор с Д'рамом. Оба были в полном боевом снаряжении, драконы навьючены мешками с огненным камнем.

— Завтра ожидают падение Нитей, — сказала Шарра, поймав вопросительный взгляд юноши.

— Снова Нити?

— Они падают по всему Перну, и здесь, над бухтой, падали уже три раза, с тех пор, как ты заболел. Да, ведь это случилось на следующий день после того, как ты здесь очутился, — она улыбнулась, увидев, как он застыл с открытым ртом. — Зато нам довелось увидеть редкое зрелище — драконов в небе. Они прикрывали только наше убежище — об остальном позабочились личинки.

Девушка приветливо помахала всадникам — они ужешли по берегу, расстегивая летную амуницию. Кант и Тирот сбросили мешки с камнями на песок и, высоко подняв крылья, с блаженным курлыканьем погрузились в теплую ласковую воду. Рут, вздыхая брызги, поспешил присоединиться к ним. Большая стая файров, в восторге от такой компании, с радостными воплями носилась над головами трех драконов.

— Ты посвежел, Джексом, — произнес Ф'нор, крепко пожимая ему руку, — сегодня вид у тебя куда лучше.

Д'рам, соглашаясь, кивнул.

— Знаешь, что я тебе скажу, — снова заговорил Ф'нор, присев на корточки рядом с постелью, — редкое удовольствие видеть, как сражается твой малыш. До чего же он ловок и увертлив! Перехватил втрое больше Нитей, чем взрослые драконы. Ты здорово его натренировал!

— Навряд ли мне завтра позволят сражаться?

— Нет, даже не надейся, — решительно произнес Ф'нор. — Сейчас твой единственный долг перед холдом и Вейром — поскорее встать на ноги. Встать на ноги и хорошенько осмотреться! Я тебе завидую, Джексом, честное слово, завидую — тебе выпал такой шанс! — И правда, в усмешке Ф'нора сквозила искренняя зависть. — Ведь я так и не успел здесь полетать. С высоты видно, что леса тянутся далеко-далеко, куда ни кинешь взгляд, — он сделал широкий

жест рукой.— Да ты и сам увидишь. Хочешь в следующий раз я привезу тебе бумагу, чтобы ты мог рисовать и делать записи?

Джексом молча кивнул, горло у него сдавило.

— Спасибо тебе за все, Ф'нор,— пробормотал он.

Из-за деревьев появились Брекки и Шарра. Молодая женщина быстро подошла к супругу, но не обняла его, как ожидал Джексом, а как-то нежно, почти робко опустила руку на его плечо. Слегка смущившись, Джексом отвернулся и увидел, что Шарра тоже наблюдает за Ф'нором и Брекки. На лице ее застыло странное выражение, которое тотчас исчезло, когда девушка заметила, что Джексом смотрит на нее.

— Напитки прибыли,— оживленно сказала она, передавая Д'раму кружку. Брекки в это время угощала Ф'нора.

Вечер стоял прекрасный, и они расположились поужинать на берегу. Трои драконов зарылись в еще теплый песок повыше верхней отметки прилива, их глаза самоцветами поблескивали в темноте, быстро сгущающейся вокруг костра.

Брекки с Шаррой завели одну из песен, сочиненных Менолли; Д'рам вторил им хрипловатым басом. Вскоре Брекки заметила, что голова Джексома начинает клониться на плечо, и велела ему перебираться под крышу; он не стал спорить и скоро, повернувшись лицом к огню, погрузился в сон, убаюканный их пением.

Его разбудил взволнованный голос Рута. Джексом, еще не прия в себя, моргнул глазами, а в ушах его уже звучало — Нити! Сегодня Рут вместе с Тиротом и Кантом готовился к боевому вылету. Джексом сбросил одеяло и поспешил на берег.

Брекки и Шарра помогали всадникам навычивать на драконов мешки с огненным камнем. Рут, в окружении четырех файров, сбившихся с ног, деловито жевал камень из кучи, приготовленной на берегу. На востоке едва начинало светать. Джексом вглядывался в полумрак, силясь различить белесую дымку, предвещавшую приближение Нитей. Высоко в небе неожиданно ярко мерцали три Рассветных Сестры, затмевая все другие звезды, еще видимые на западном небосклоне. Джексом нахмурился. Он никогда не замечал, какие

они яркие и обманчиво близкие. В Руате на заре они казались тусклыми, едва заметными точками. Нужно спросить у Ф'нора, нельзя ли воспользоваться мощным дальновидящим прибором, и напомнить Лайтолу, чтобы он привез звездные карты и записи уравнений... Тут Джексом заметил, что нигде не видно южных файров, которые день и ночь осаждали Руата.

— Джексом! — его заметила Бrekки. Оба всадника помахали ему и взобрались на своих драконов.

Джексом проверил, достаточно ли камня в желудке Рута, потом приласкал его и похвалил, испытывая законную гордость. Какой из драконов Перна мог бы вылететь на битву с Нитями без всадника?

«Я помню все, чему нас учили в Форт Вейре. Ф'нор с Кантом и Д'рам с Тиротом мне всегда помогут. И Brekki все время за мной следит. Раньше я никогда не слушался женщин. Но Brekki такая добрая! Только очень грустная. Кант говорит, что ей полезно с нами разговаривать. Она знает, что мы всегда с ней».

Они повернулись лицом к востоку, где ярким красно-оранжевым светом зловеще мерцала Алая Звезда. Вот ее закрыла мутная дымка, и Ф'нор поднял руку, давая драконам сигнал к взлету. Кант и Тирот, мощно махая крыльями, круто пошли вверх. Намного опережая их, стремительно поднимался Рут. Рядом появились четыре файра, которые по сравнению с ним казались еще меньше — так же, как и он на фоне больших драконов.

— Рут, не лезь вперед один! — крикнул Джексом.

— Он не станет, — успокоила юношу Brekki, глаза ее смеялись. — Просто он еще такой юный, что непременно хочет быть первым. И при этом дает возможность старшим экономить силы. Пойдем, нам пора в укрытие.

Все трое на миг застыли на месте, чтобы в последний раз взглянуть на своих защитников, а потом поспешили под крышу.

— Все равно много не увидишь, — сказала Шарра, заметив, что Джексом остановился на пороге.

— По крайней мере, я увижу, если Нить упадет на зелень.

— Не упадет — у нас опытные всадники.

Джексом почувствовал, как по спине у него пробежал озноб, и вздрогнул всем телом.

— Только попробуй мне простудиться! — пригрозила Шарра. Взяв в комнате его тунику, она бросила ее Джексому.

— Мне совсем не холодно. Просто я подумал о Нитях, об этих лесах...

Шарра пренебрежительно фыркнула.

— Я и забыла, что ты северянин, выросший в каменном холде! Здесь Нити могут разве что срывать или дырявить листва, а потом все повреждения застают сами собой. Тут вся почва кишит личинками. Если тебя это интересует, первое, что сделали Ф'нор с Д'рамом — это проверили землю. Они хотели убедиться, что личинок здесь достаточно — и убедились.

«Мы встретили Нити, — с энтузиазмом сообщил Рут. — Пламя у меня отличное. Я должен летать зигзагами, пока Кант с Тиротом пройдут с востока на запад. Здорово у нас получается! У файров тоже хорошее пламя. Эй, Берд, ты ближе всех! Мийр, возьми правее! Талла, помоги ему! Иду, иду! Спускаюсь... Сейчас дыхну! Ну-ка, поберегитесь! Я защищаю своего друга!»

Брекки встретилась взглядом с Джексомом и улыбнулась.

— Он постоянно комментирует ход сражения, так что мы все знаем, как здорово у него получается, — взгляд ее стал рассеянным, она заморгала. — Иногда я вижу бой глазами трёх драконов сразу. Даже перестаю понимать, что происходит. Но все идет отлично!

Потом Джексом даже не смог вспомнить, что он ел и пил за завтраком. Когда Рут возобновил свой монолог, он начал с напряженным вниманием следить за словами дракона, то и дело поглядывая на Брекки. Ее лицо было сосредоточенным — ведь она одновременно выслушивала трех драконов и четырех файров! Вдруг Рут смолк на полуслове, и Джексом судорожно вздохнул.

— Все в порядке. Просто они не стали гнаться за Нитями, — пояснила Брекки. — Мы и так в полной безопасности.

Завтра вечером крылья Бендена вылетают сражаться с Нитями над Нератом. Поэтому Ф'нору с Кантом не стоит сегодня переутомляться.

Джексом так резко вскочил, что скамья с грохотом опрокинулась. Пробормотав извинение, он поднял ее и, выйдя из хижины, направился к берегу. Остановившись на пляже, юноша посмотрел на запад и увидел вдали едва различимую дымку Нитей. Его снова затрясло, даже волосы на затылке встали дыбом. Бухта, обычно такая тихая и безмятежная, кишила рыбами. Они ныряли, высакивали на поверхность и снова неловко плюхались в воду, как будто обезумели от боли.

— Что это с ними? — спросил он подошедшую Шарру.

— У рыб сегодня пир — они большие любители Нитей. Обычно они успевают съесть их подчистую к тому времени, как драконы, вернувшись, приходят сюда искупаться. А вот и наши! Уже возвращаются!

«Хорошая была битва! — с торжеством заявил Рут, потом недовольно добавил: — Жаль, что мы не погнались за Нитями. Кант с Тиротом говорят, что за большой рекой нет ничего, кроме каменистой пустыни, поэтому глупо тратить пламя впустую. Уффф!»

Шарра и Джексом рассмеялись, увидев, как белый дракон выпустил столб пламени, так что едва не обжег себе нос.

Не успели большие драконы приземлиться, как вода в бухте успокоилась. Рут хвастался напропалую — теперь ему не нужно подпитывать пламя, потому что он точно знает, сколько камня потребуется на все сражение. Кант, явно забавляясь, терпеливо выслушивал дохвальбу белого дракончика.

Тирот фыркнул и, сбросив мешок с остатками камня, вошел в воду. И сразу же, откуда ни возьмись, в воздухе закружилась целая туча ящериц и в радостном нетерпении повисла над ним. Старик бронзовый поднял голову к небу, еще раз фыркнул и, испустив громкий вздох, блаженно разлегся на мелководье. Файры тут же всей оравой набросились на него. Сначала они забросали дракона песком, а потом, пустив в ход все четыре лапки, принялись драить его гребень. Тирот

прикрыл глаза прозрачным внутренним веком, и они, как две луны, поблескивали у самой поверхности призрачной подводной радугой.

Рядом взревел Кант, и тотчас половина ящериц бросила Тирота и устремилась к нему. Увидев, что старшие его обогнали, Рут заморгал и, встряхнувшись, робко вошел в воду на почтительном расстоянии от коричневого и бронзового. Четверо файров, помеченных цветными лентами, оставили больших драконов и принялись тереть белого малыша.

— Давай, Джексом, я тебе помогу, — предложила Шарра.

Оттирая шкуру дракона от вони огненного камня в любом случае занятие не из легких, и хотя на этот раз Джексому достался всего один бок Рута, он под конец работал, стиснув зубы.

— Говорила ведь я тебе, Джексом, чтобы ты не переусердствовал, — резко сказала Шарра. Закончив тереть хвост Рута, она выпрямилась и заметила, как юноша устало привалился к плечу дракона. Девушка повелительно махнула в сторону берегу. — Ступай немедленно! Сейчас я принесу тебе поесть. Да ты белее Рута!

— Я так никогда не приду в норму, если не буду упражняться.

— Прекрати бормотать, все равно тебя еле слышно...

— Только не надо твердить, что все делается для моей же пользы...

— Значит, для моей! Мне вовсе не улыбается снова с тобой возиться, если тебе станет хуже!

Девушка наградила его таким сердитым взглядом, что Джексом выпрямился и побрел к берегу. И хотя до его импровизированного ложа под деревьями было рукой подать, он с трудом дотащился туда на отяжелевших ногах.

Когда Джексом открыл их снова, кто-то тряс его за плечо. Над ним, вопросительно глядя в его лицо, склонилась Брекки.

— Как ты себя чувствуешь?

— Мне снова что-то снилось...

— И снова что-то страшное?

— На этот раз интересное... только я опять ничего не запомнил. — Джексом потряс головой, отгоняя ночные видения, и вдруг понял, что сейчас полдень. Рядом с ним похрапывал Рут. Чуть подальше, прислонясь к передним лапам Тирота, спал Д'рам. Ни Ф'нора, ни Канта не было видно.

— Ты, наверное, проголодался, — сказала Брекки, передавая ему тарелку и кружку, которые она принесла с собой.

— Долго я спал? — Джексом был недоволен собой. Он потянулся и почувствовал, как ноют мышцы.

— Несколько часов. Но тебе это только на пользу.

— В последнее время меня постоянно одолевают сны. Это последствие горячки?

Брекки заморгала, потом задумчиво нахмурилась.

— Дай подумать. Знаешь, я тоже здесь вижу больше снов, чем раньше. Может быть, это от солнца...

В этот миг проснулся Тирот. Он взревел и стал подниматься, засыпав своего всадника песком. Брекки коротко вздохнула и вскочила на ноги, не спуская глаз со старого дракона, который отряхивался от песка и расправлял крылья.

— Брекки, нам пора! — крикнул Д'рам. — Ты слышишь?

— Да, слышу. Поторопитесь! — отвечала она, подняв руку в знак прощания.

То, что так взволновало Тирота, взбудоражило и файров, которые принялись носиться кругами, пронзительно чирикая. Рут приподнял голову и, сонно взглянув на них, снова положил ее на песок, не обращая никакого внимания на поднявшуюся суматоху. Брекки обернулась и со странным выражением взглянула на белого дракона.

— Что случилось, Брекки?

— В Исте бронзовые начали пить кровь.

— Чтоб им ни Скорлупы, ни Осколков! — первоначальное удивление Джексома сменилось острым разочарованием и досадой на собственную немощь. Он так надеялся, что ему будет позволено присутствовать при этом брачном полете. Ему хотелось подбодрить Г'денеда с Барнатом.

— Мы и так все узнаем, — мягко сказала Брекки. Там ведь будут и Кант, и Тирот. Они мне все расскажут. А ты пока поешь!

Джексом послушно сунул нос в кружку, все еще проклиная постигшую его неудачу, и внезапно заметил, что Брекки снова приглядывается к Руту.

— С Рутом что-то не так?

— С Рутом? С чего ты взял? Он, бедняжка, так гордится, что воевал с Нитями без тебя... Сейчас он слишком устал, чтобы думать о чем-то еще.

Она встала и пошла прочь. Берд и Гралл, тихонько воркуя, опустились ей на плечи, и скоро они исчезли под тенистым пологом леса.

Глава 14

*Раннее утро в мастерской арфистов, середина утра в
Вейре Иста; пятнадцатый Оборот, двадцать
восьмой день восьмого месяца.*

Сыше не начало светать, когда Робинтона разбудила Сильвина.

— Мастер Робинтон, пришла весть из Исты. Бронзовые начали пить кровь. Кайлита скоро взлетит. Вас ждут.

— Неужели? Спасибо тебе, Сильвина, — он зажмурился — свет лампы, с которой она сняла колпак, ударил ему в глаза. — А ты случайно не принесла мне... — тут арфист увидел у постели дымящуюся кружку. — Милая моя, я тебе благодарен до конца жизни!

— Ты уж скажешь, — хихикнула Сильвина, выходя из комнаты, чтобы не мешать арфисту собираться.

Робинтон торопливо оделся — предрассветный холодок пробирал до костей. Заир, тихонько попискивая, привычно угнездился у него на плече и арфист зашагал по коридору.

Сильвина с факелом в руках уже ожидала его в темном нижнем зале. Она повернула рычаг, освобождая тяжелый брус, что перекрывал ночью массивную кованую дверь. Робинтон поднажал плечом и с тревогой ощутил острый укол в боку. Сильвина вручила ему гитару, заботливо укутанную от леденящего холода Промежутка.

— Я уверена, что Кайлиту догонит Барнат, — сказала она. — Гляди-ка, вот и Дрент!

Арфист увидел, как коричневый дракон садится, гася скорость крыльями, и бросился вниз по лестнице. Дрент был явно возбужден, его глаза сверкали в темноте красно-оранжевым пламенем. Поздоровавшись со всадником, Робинтон слегка замешкался, чтобы закинуть за спину гитару, и, ухватившись за протянутую руку Д'фиона, забрался коричневому на шею.

— Как распределились ставки? — спросил он всадника.

— Значит, так. Лучший, конечно, Барнат. Он-то наверняка и догонит Кайлиту. Хотя, — тут в голосе Д'фиона послыша-

лось сомнение, — четверка бронзовых, которых допустил к испытанию Н'тон, тоже хороша, — все как один сильные молодые драконы, так и рвутся в бой. Так что вполне возможен сюрприз. Ставь на любого — не прогадаешь!

— Я бы не отказался, но мне, понимаешь ли, не к лицу...

— Если бы ты, мастер Робинтон, доверил дело мне, то, клянусь Дрентовой скорлупой, не пожалел бы.

— Так, значит, как всегда, после полета? — спросил арфист, сдаваясь необоримой страсти к игре.

— О чём речь, мастер Робинтон! — грубо отвечил Д'фио. — Ведь я все-таки всадник, а не какой-нибудь там жулик-южанин!

— А я — Главный арфист Перна, — парировал Робинтон. И, наклонившись к всаднику, сунул ему в ладонь две монеты. — Само собой, ставлю на Барната, только, смотри, чтоб ни одна живая душа не узнала!

— Как скажешь, мастер Робинтон, — с довольным видом ответил Д'фио.

Они поднялись над черной тенью утесов Форт Холда, едва различимой на фоне безлунного неба. Робинтон почувствовал, как напряглась спина всадника, и резко задержал дыхание — они вошли в Промежуток и тут же выскочили над Истой под трубный рев Дрента, спешившего сообщить свое имя сторожевому дракону.

Робинтону пришлось прикрыть глаза рукой — так ослепительно сверкало солнце, отражаясь от морской глади. Бросив взгляд вниз, он увидел выразительный силуэт утеса, приютившего Вейр Иста, — черную скалу, похожую на гигантские скрюченные пальцы, нацеленные в яркое голубое небо. Иста была самым маленьким из Вейров, и некоторым драконам приходилось сооружать себе логова в окрестном лесу, подступающем к самому подножию скалы. Сейчас все обширное плато позади конической вершины наводнили бронзовые драконы. Их всадники сгрудились вокруг золотой королевы, которая, изогнув спину, высасывала кровь из очередной жертвы. Поодаль, на безопасном расстоянии, толпились зрители. Туда и снижался Дрент в поисках места для приземления.

Заир вспорхнул с плеча арфиста, спеша присоединиться к воздушному танцу ящериц, выражавших свое нетерпение. Робинтон заметил, что они стараются держаться от драконов подальше. Все-таки файры стали снова появляться в Вейрах — и то хорошо...

Д'фио спешился вслед за Робинтоном и отослал своего дракона поплавать в теплой воде залива, пониже плато. Другие звери, не принимавшие участие в сегодняшнем полете, уже воспользовались приятной возможностью насладиться морским купанием.

Кайлита, подпрыгивая, двинулась к загону, где металась стая птиц. Козира неотступно следовала за ней, ни на миг не теряя связи со своей молодой королевой; ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы Кайлита наелась мяса — отяжелев, она не сможет подняться в брачный полет. Робинтон насчитал двадцать шесть бронзовых, тесным кольцом обступивших площадку для кормления. Шкуры их поблескивали в резком солнечном свете, глаза возбужденно вращались, сверкая красным огнем. Сжавшись, как пружина, полурастянув крылья, они были готовы рвануться ввысь по первому знаку королевы. Драконы, отвечая поставленному Ф'ларом условию, были молоды; почти все — одинаково крупные. Они нетерпеливо ждали, не сводя горящих глаз с предмета своих вожделений.

Кайлита издала низкий горловой рык и принялась высасывать кровь из очередного самца. Потом вздернула голову и обвела кольцо бронзовых презрительным взглядом.

Внезапно сторожевой дракон взревел, требуя пароля, и даже Кайлита оглянулась, чтобы посмотреть, что происходит. С юга, снижаясь над морем, подлетали двое бронзовых.

Робинтон сразу догадался, что драконы намеренно приближались на малой высоте, чтобы подобраться к Вейру назамеченными, и тут же понял: они совсем старики — морды поседели, шеи потеряли былую гибкость. Это южане. Должно быть, Т'кул с Салтом, а второй, скорее всего, Б'зон с Ранильтом. Робинтон бросился к Площадке для кормления, где стопились будущие соискатели королевы, ибо именно туда стремились двое бронзовых, прибывших с юга.

«Да, время они рассчитали отменно», — подумал Робинтон и увидел двух всадников, как и он, пробирающихся к месту посадки бронзовых. Он издали узнал плотную фигуру Д'рама и высокого худощавого Ф'лара. Т'кул и Б'зон соскочили с драконов, которые одним прыжком одолели расстояние, отделявшее их от собратьев, но те вместо приветствия яростно зашипели и зарычали. Робинтон молился про себя, чтобы никто из бронзовых всадников сгоряча не совершил опрометчивого поступка. Большинство из них были так молоды, что не могли узнать ни Т'кула, ни Б'зона. Зато Ф'лар с Д'рамом поняли все с первого взгляда.

Робинтон почувствовал, как сердце бешено колотится в груди; его пронзила такая острая, непривычная боль, что арфист был вынужден на мгновение остановиться. И оказался лицом к лицу с Б'зоном.

На лице южанина застыла странная усмешка. Он тронул Т'кула за плечо, и бывший Предводитель Плоскогорья смерил Главного арфиста быстрым взглядом. Решив, что он не представляет опасности, Т'кул обернулся, ища глазами Ф'лара и Д'рама.

Первым к нему прорвался Предводитель Исты.

— Ты не в своем уме, глупец! Этот полет для молодых драконов. Ты угробишь Салта!

— А какой еще выход вы нам оставили? — резко спросил Б'зон, в его голосе звенели истерические нотки. Ф'лар с Робинтоном заняли места по обе стороны от южан. — Наши королевы совсем одряхлели и больше не поднимаются. У нас нет даже зеленых, чтобы найти самцам хоть какую-то замену. Вы нас вынудили...

Кайлита затрубила и, отшвырнув бескровленный труп самца, подпрыгивая и помогая себе крыльями, бросилась к разбегающейся стае. Стремительно выбросив вперед лапу, она пронзила когтями новую жертву и подтащила ее к себе.

— Ведь ты, Д'рам, объявил полет открытым, не так ли? — хрипело спросил Т'кул, переводя взгляд с Д'рама на Ф'лара. Несмотря на южный загар, было видно, как исхудало его лицо.

— Действительно, так... но пойми, Т'кул, ваши бронзовые совсем старики,— он кивнул в сторону нетерпеливо сгрудившихся молодых драконов. По сравнению с ними старые бронзовые проигрывали еще больше.

— Все равно дни Салта сочтены. Позволь ему полететь, Д'рам. Я сам сделал этот выбор, когда взял его сюда,— во взгляде, который бросил Т'кул на Ф'лара, сквозила такая горечь и ненависть, что у Робинтона перехватило дыхание.— Зачем только вы забрали яйцо назад? И как вам удалось его отыскать?— Сквозь неприступную гордость и надменность Т'кула на миг прорвалось отчаяние.

— Обратись вы к нам по-хорошему, мы бы вам помогли,— миролюбиво сказал Ф'лар.

— Я бы, во всяком случае, обязательно помог,— подтвердил Д'рам, удрученный бедой своих прежних соратников.

Не удостоив Ф'лара ответом, Т'кул наградил Предводителя Исты долгим презрительным взглядом и, расправив плечи, кивнул Б'зону, приглашая его следовать за ним. На его пути к месту, где толпились другие бронзовые всадники, стоял Ф'лар. Предводитель Бендена открыл было рот, чтобы что-то сказать, но лишь сокрушенно покачал головой и отошел в сторону. Южане сделали несколько шагов вперед и как раз вовремя — Кайлита подняла окровавленную морду, ее шкура сияла золотистым светом, глаза матово светились. Внезапно она с яростным клекотом оторвалась от земли. Барнат первым из драконов ринулся за ней. К удивлению Робинтона, Т'кулов Салт отстал от него совсем не намного.

Т'кул с торжеством на лице обернулся к Ф'лару, явно желая оскорбить Предводителя Бендена. Потом медленным шагом направился к Козире. Забыв обо всем на свете, Госпожа Вейра стояла, слегка покачиваясь от усилий не потерять связь со своей королевой. Она и не заметила, как Г'денед с Т'кулом, взяв ее под руки, повели в королевский вейр, чтобы там дождаться исхода полета.

— Он погубит Салта,— с убитым видом пробормотал Д'рам.

Странная боль, вновь сдавившая грудь, помешала Робинтону успокоить встревоженного всадника.

— И Б'зон туда же! — Д'рам схватил Ф'лара за руку. — Неужели ничего нельзя сделать, чтобы остановить этих безумцев? Они потеряют двух драконов сразу!

— Что им стоило прийти к нам... — начал Ф'лар, мягко положив руку на плечо Д'рама. — Но ведь эти Древние привыкли только брать! С этого все и началось... — на его лице появилось суровое выражение.

— Они продолжают брать до сих пор, — заметил Робинсон, желая облегчить тревогу Д'рама. — Они только и делают, что берут у севера, то здесь, то там — все, что душа ни пожелает... — Молоденьких девушек, сырье, камень, руду, драгоценности. Они делают это тайком с тех самых пор, как их отправили в изгнание. У меня есть факты, я передал их Ф'лару.

— Если бы они только попросили! — Ф'лар поднял глаза к небу, устремив взгляд на стремительно удаляющиеся точки, в которые превратились летящие драконы.

— Что все это значит? — торопливо подошел к ним лорд Уорбret из холда Иста. — Ведь два последних бронзовых — совсем старики, или я ничего не понимаю в драконах!

— Брачный полет был объявлен открытым, — ответил Ф'лар, но Уорбret продолжал вглядываться в расстроенное лицо Д'рама.

— Для старых драконов? А я-то думал, что ты допустил только молодых, которым еще никогда не доставалась королева! Ты только не обижайся, Д'рам, но я не вижу смысла, если мы снова получим старого Предводителя. Холдеров вряд ли обрадует такая замена, — он посмотрел на небо. — Да и куда им тянуться с молодыми? Такие скорости им не по силам!

— Они имеют право попытаться, — сказал Ф'лар. — Не выпить ли нам вина, Д'рам? Все равно ждать еще долго.

— Да-да, конечно. Лорд Уорбret, прошу... — Д'рам наконец очнулся от тягостных размышлений и жестом пригласил лорда последовать за ними в жилые пещеры. Он позвал и других гостей, но поступь его была медленной и тяжелой.

— Не переживай ты так, Д'рам, — проговорил лорд Уорбret, ободряюще хлопнув Предводителя Исты по плечу, —

может, тот, второй дракон и скор на подъем, только я все равно верю в Гденеда с Барнатом. Отличный у тебя парень! И дракон у него просто превосходный! К тому же он уже однажды догнал Кайлиту, ведь верно? Это тоже не последнее дело — или я не прав?

Пока Робинтон тихо радовался, что лорд неправильно истолковал тревогу Д'рама, Ф'лар стал невозмутимо отвечать владельцу:

— Да, после полета с Барнатом Кайлита отложила тридцать четыре яйца. Для первого раза это, пожалуй, даже многовато, но все мальчики родились крепкими и здоровыми. Правда, ни одного королевского яйца в кладке не было, но так часто случается, когда в Вейре нет недостатка в королевах. И, несмотря на разборчивость Кайлиты, узы, завязавшиеся в первом полете, могут сыграть большую роль... Но наперед трудно загадывать.

Робинтон заметил, что истинцы, принимавшие гостей, держатся несколько напряженно. Интересно, многие ли из них узнали южан? Он надеялся, что никто из всадников не выскажет своих подозрений в присутствии лорда Уорбreta.

Должно быть, Т'кулов Салт уже десятки раз догонял свою королеву. Он, конечно, опытный боец, только весь его опыт не поможет, если он не сумеет поймать Золотую в первые же минуты полета. У него просто не хватит сил, которые так и бурлят в молодых драконах, чтобы сделать последний рывок. А соперники у него достойные. Робинтон знал, как тщательно Н'тон отбирал четверых молодых претендентов, выступающих от лица Форта. Каждый из них уже несколько Оборотов занимал пост заместителя командира крыла, каждый проявил отвагу в сражениях с Нитями, и драконы были под стать всадникам. Ф'лар тоже выставил в качестве соискателей трех всадников, способных возглавить Вейр. Оставалось надеяться, что Телгар, Айген и Плоскогорье тоже подыскали для Исты достойных претендентов.

Робинтон потягивал вино, ожидая, когда минует приступ. «Откуда взялась эта колющая боль в груди? — размышлял он? — Ничего, вино — лучшее лекарство от всех недугов». Арфист подождал, когда Д'рам повернется к нему и вновь наполнит его кружку; Ф'лар с улыбкой смотрел на них.

У стола то и дело останавливались обитатели Вейра, чтобы приветствовать Д'рама и лорда Уорбета. Д'рам заметно приободрился, видя, что все они рады встрече с ним, и скоро стал отвечать им улыбкой и дружеским словом. В нем еще ощущалась напряженность, но любой отнес бы ее на счет вполне понятной тревоги за исход полета.

Робинтон терялся в догадках: что означали горькие слова Т'кула по поводу яйца. — «Зачем только вы забрали яйцо назад? И как вам удалось его отыскать?» — Разве Т'кул не знает, что яйцо вернул кто-то из южан? Внезапно арфист замер. Значит, никто из них яйца не возвращал, иначе Т'кул уже давно обнаружил бы виновника!

Робинтон отчаянно надеялся, что ни один из старых бронзовых не погибнет, пытаясь догнать молодую королеву. В этом все Древние — испортить такой праздник! Неужели жизнь в Южном Вейре так уж невыносима, чтобы Т'кул предпочел хладнокровно послать своего дракона на смерть? Робинтон хорошо знал Южный — он был расположен на живописном плодородном плато и значительно выигрывал в сравнении с мрачным голым Плоскогорьем, прежним Вейром Т'кула. В центре мощенного камнем двора, где не смогла бы зарыться ни единая Нить, высилось огромное, хорошо спланированное здание. В окрестных лесах было полно плодов и дичи для драконов, климат на Южном материке — лучше не придумаешь, а единственная забота всадников — защищать небольшой холд на побережье.

Потом Робинтон припомнил ненависть к Ф'лару, бившуюся в глазах Т'кула. Нет, бывшим Предводителем Плоскогорья руководили только злоба, вражда и чувство мести — за то, что его принудили к ссылке, не дав права выбора. «Спору нет, их королевы действительно состарились и не годятся для брачных полетов, но ведь это случилось не так давно, — думал Робинтон. — Не может быть, чтобы бронзовы успели дойти до такого отчаянного состояния... К тому же, они ведь тоже стареют и кровь уже не так играет — они должны бы умерить свой пыл».

Имелось и еще одно соображение — ведь Т'кула никто не принуждал отправляться на Южный вместе с Т'роном, Мардрай и другими столь же упрямymi и непримиримыми Древ-

ними. Что мешало признать главенствующую роль Бендана, согласиться с тем, что за четыреста Оборотов, канувших со временем последнего Прохождения, цеха и холды заслужили право на самостоятельность, и вести себя, да и дела своего Вейра, соответственно изменившейся ситуации?

Обратись кто-нибудь из южан за помощью к любому Вейру, действуй они честно и открыто, наверняка такая помощь была бы оказана. Робинтон ничуть не сомневался в искренности Д'рама, да и сам он настаивал бы, чтобы Древним пошли навстречу — в этом он мог поклясться хоть Скорлупой, хоть ее Осколками.

Итак, рассчитывая на худшее, что может случиться с Т'кулом, если его Салт не вынесет напряжения полета? Арфист глубоко вздохнул — ему совершенно не хотелось рассматривать такую возможность, но что делать — никуда не денешься. Это означало бы... Робинтон покосился в сторону покоев Госпожи Вейра и вспомнил, что у Т'кула был за поясом нож. Само по себе это ничего не значило — многие носили ножи. Тем не менее Робинтон ощущил, как сердце его болезненно сжалось. Конечно, с его стороны это не очень тактично, но может быть, стоит все же намекнуть Д'раму, чтобы он отправил кого-нибудь в королевский вейр на случай неприятностей? Тех, кто не участвует в брачном полете. Если у человека умирает дракон, он может потерять рассудок и натворить дел... Перед глазами арфиста снова встало искаженное ненавистью лицо Т'кула. Робинтон пользовался многими привилегиями, но войти в покой Госпожи Вейра, когда ее золотая поднялась в брачный полет — такого права у него не было. И все же...

Внезапно он заметил, что Ф'лара уже нет за столом. Арфист обвел глазами пещеру, но высокой фигуры Предводителя Бендана нигде не было видно. Он поднялся и, стараясь не привлекать внимания, направился к выходу, дружелюбно кивнув Д'раму и Уорбretу. Его остановил Бальдор, арфист Вейра.

— Мастер Робинтон, Ф'лар прихватил с собой двух наших самых сильных всадников, — арфист скосил глаза в сторону покоев Госпожи Вейра. — Он боится, как бы не было беды.

Робинтон понимающе кивнул и облегченно перевел дух. Потом снова насторожился.

— Как ему это удалось? Я что-то не видел, чтобы кто-нибудь поднимался по лестнице.

Бальдор ухмыльнулся.

— В нашем Вейре полно всяких потайных ходов и лазов. Зачем же осложнять проблему? — добавил он, указывая на собравшихся в зале гостей.

— Незачем, совершенно незачем.

— Скоро узнаем, что там происходит, — сказал Бальдор, тревожно вздыхая. — Файры нам скажут.

— Ты прав. — Заир, сидевший на плече арфиста уже начал пересвистываться с коричневым Бальдором.

При вести о предпринятой предосторожности, у Робинтона слегка отлегло от сердца, и он вернулся к столу, где сразу наполнил кружки и себе, и Д'раму. Это, конечно, не бенденское, но тоже вполне приличное вино... Правда, он предпочитает не такое сладкое. Ну почему счастливые часы всегда летят стрелой, а такие дни, как сегодняшний, тянутся невыносимо медленно?

Послышался рев сторожевого дракона, зловещий и тревожный. Но все же это был не скорбный вопль! Не плач по усопшему! Робинтон почувствовал, как напряжение слегка отпустило его. Но он рано радовался — по пещере пролетел взволнованный шепот. Кто-то поспешил к выходу, глядя на голубого сторожевого дракона, который замер на скале, раскинув крылья. Заир тихонько курлыкал, но Робинтон не мог разобрать ничего определенного. Бронзовый файр просто передавал сумбурные мысли дракона.

— Должно быть, один из бронзовых вышел из игры проглотив подступивший к горлу комок, произнес Д'рам. Даже под темным загаром было видно, как посерело его лицо. Он в упор посмотрел на Робинтона.

— Быось об заклад, это кто-то из стариков, — сказал лорд Уорбрет, довольный тем, что его прогноз подтверждается.

— Скорее всего, ты прав, — с готовностью согласился Робинтон, — но коль уж полет был объявлен свободным, их пришлось допустить.

— Что-то они сегодня долго,— лорд Уорбret озабоченно поглядел на клочок неба, голубевший в конце широкого прохода.

— Разве? Мне так не показалось,— ответил Робинтон, надеясь, что его слова прозвучали непринужденно.— Сегодняшний полет имеет для Вейра такое важное значение.. Наверно, Кайлита заставит бронзовых показать, на что они способны!

— Как ты думаешь, на этот раз она отложит королевское яйцо?— с любопытством осведомился Уорбret.

— Никогда не стоит считать яйца заранее, милейший лорд,— произнес Робинтон, стараясь сохранить невозмутимый вид.

— Да-да, ты прав.. я только хотел сказать, что это здорово укрепит положение Барната, согласен? Если его королева после сегодняшнего полета отложит золотое яйцо?

— Ну, разумеется. Остается самая малость.. чтобы Барнат ее догнал!

— Догонит, мастер, непременно догонит. Где же твое чувство справедливости?

— Там же, где и всегда.. но я сильно сомневаюсь, что Кайлита сейчас способна рассуждать на эту тему.

Не успел Робинтон закончить фразу, как Заир жалобно вскрикнул, глаза его полыхнули желтым огнем ужаса. И тут же Мнемент, тревожно трубя, взвился в воздух.

Робинтон сорвался с места и бросился к выходу, ища глазами Бальдора. Арфист Исты тоже почуял опасность — вместе с четырьмя рослыми всадниками он уже мчался по направлению к вейру королевы.

— Что происходит?— спросил встревоженный Уорбret.

— Жди здесь!— крикнул ему Робинтон.

Внезапно все небо заполнили драконы. Трубя и жалобно завывая, они метались в воздухе, чудом избегая столкновений. Робинтон бежал что есть сил, крепко прижав руку к груди, чтобы хоть как-то заглушить страшную боль, разрывающую сердце. Грудь сдавило тисками, он задыхался.

Над его головой надрывно кричал Заир. Он начал передавать арфисту картины: падающий дракон, сцепившиеся в

схватке люди. На беду бронзовый файр не мог сообщить хозяину самое важное — кто устроил побоище, чей дракон гибнет.. Ф'лар, наверняка, там, иначе Мнемент не стал бы так волноваться.

Бронзовый гигант опустился на карниз королевского вейра, преграждая путь Бальдору и его людям. Они прижались к стене, стараясь спастись от бешеных ударов огромных бронзовых крыльев.

— Послушай, Мнемент! Дай нам пройти! Мы хотим помочь Ф'лару. Да слушай же ты!

Робинтон взлетел по ступенькам, протиснулся мимо Бальдора и ухватился за конец крыла. Мнемент едва не сбил его с ног — он рванул крыло и, пригнув голову, угрожающе зашипел на арфиста. Огромные желтые глаза бешено вращались, сверкая желтым огнем.

— Мнемент! Слушай меня! — взревел арфист. — Сейчас же пропусти нас!

Заир с отчаянным писком налетел на бронзового гиганта. «Я слышу. Салта больше нет. Помоги Ф'лару».

Мнемент сложил крылья и поднял голову. Робинтон с облегчением сделал знак Бальдору идти вперед. Сам он был вынужден остановиться, чтобы перевести дух.

Когда Робинтон, прижимая к боку ладонь, повернулся, чтобы войти в проход, Заир стремительно понесся вперед, ободряюще чирикал. У арфиста мелькнула мысль — наверное, малыш уверен, что это он заставил бронзового отступить. Он был благодарен Мнементу: все-таки дракон послушался его.

Войдя в королевский вейр, Робинтон услышал звуки борьбы, доносящиеся из спальни Козиры. Внезапно закрывавший вход полог упал, сорванный с карниза, и из-за него показались два сцепившихся в схватке тела. Ф'лар и Т'кул! Бальдор и двое его помощников метались вокруг, стараясь разнять дерущихся. В задней комнате остались Госпожа Вейра и остальные бронзовые всадники; они, неразрывными нитями связанные со своими драконами, переживали все перепитии брачного полета, даже не замечая разгоревшейся рядом

схватки. Кто-то лежал без чувств на полу. «Наверное, Б'зон», — подумал арфист, мгновенно охватив взглядом представшую перед ним картину.

И вдруг Робинтон с ужасом понял, что Ф'лар безоружен. Левой рукой Предводитель Бендана сжимал правое запястье Т'кула, стараясь отвести от себя его нож — не обычный короткий кинжал, а длинный охотничий клинок, конец которого почти упирался ему в ключицу. Он мертвой хваткой стиснул кисть Т'кула, пытаясь заставить противника разжать пальцы. Т'кул бешено извивался. По его воспаленным глазам, сверкающим безумным блеском, Робинтон понял, что южанин не помнит себя. «Именно к этому он и стремился», — подумал арфист.

Один из спутников Бальдора попытался передать Ф'лару нож, но Ф'лар не мог выпустить левую руку Т'кула.

— Я убью тебя, Ф'лар, — сквозь сжатые зубы прошипел Т'кул, из последних сил напрягая мышцы, чтобы всадить клинок в шею бронзового всадника. — Убью — как ты убил моего Салта! Как убил всех нас! Убью! — Его слова звучали, как заклинание; в такт им он делал бешеные рывки, черпая для них силы в глубинах своего безумия.

Ф'лар берег силы, но было видно, чего ему стоило удерживать нож на безопасном расстоянии — жилы на шее вздулись, мышцы лица одеревенели от напряжения, спина выгнулась дугой.

— Убью! Как собирался убить Т'рон! Я убью тебя, Ф'лар!

Т'кул, отрывисто выдохнув слова, целил острием кинжала в горло бенденца.

Ф'лар резко выбросил вперед левую ногу и, зацепив лодыжку Т'кула, сильно рванул на себя. Южанин с воплем пошатнулся и чуть не упал на него; вождь Бендана тем временем освободил правую руку, левой продолжая крепко сжимать запястье безумца. Южанин нанес ему сильный удар в живот. Задохнувшись, бронзовый всадник согнулся пополам, но так и не выпустил руку противника, сжимавшую клинок. Второй удар Т'кула сбил его с ног. Он рухнул на пол; Т'кул вырвал нож, уже собираясь наброситься на лежащего противника, но Ф'лар стремительно перекатился к сте-

не и вскочил на ноги, опередив атаку южанина. Т'кул рванулся к нему, но Бальдор уже успел вложить в руку Ф'лара нож.

Противники сошлись лицом к лицу. Увидев мрачную решимость, застывшую на лице Ф'лара, Робинтон понял: теперь, когда дракон южанина все равно мертв, ничто не помешает бенденцу прикончить врага. Если позволят силы.

Робинтон не сомневался в боевой выучке Ф'лара, но Т'кул не был обычным противником. Южанину придавало силы безумие, овладевшее им после гибели Салта. Хотя он и был на добрых двадцать Оборотов старше, но мало в чем уступал Ф'лару; к тому же, длина клинка давала ему несомненное преимущество. Ф'лару придется долго избегать разящих ударов его кинжала, пока истощится безумная энергия, переполнявшая Древнего.

Из покоев Госпожи Вейра донесся восторженный крик, за которым последовал ее пронзительный вопль. Т'кул вздрогнул и оглянулся. Казалось, Ф'лар только этого и ждал. Опустив нож, он молнией метнулся к Т'кулу, и не успел южанин уклониться или отвести удар, как Ф'лар направил клинок вверх и вонзил его прямо в сердце противника. Древний замертво рухнул у его ног, глаза его закатились.

Прерывисто дыша, Ф'лар тяжело опустился на колено. Он устало провел тыльной стороной ладони по лбу, и Робинтон понял — его угнетает не усталость, а исход поединка.

— У тебя не было другого выхода, Ф'лар, — тихо произнес арфист. Он хотел подойти к Предводителю, но не смог даже пошевелиться.

Из покоев Госпожи Вейра стали выходить потерпевшие неудачу соперники. Они двигались, как во сне, еще не оправившись после истощившего силы брачного полета. Они шли плотной группой, и Робинтон не мог понять, кто же остался с Козирой — кто стал новым Предводителем Исты.

Внезапно арфиста одолела необъяснимая слабость. Он никак не мог отдохнуть, не мог найти в себе сил успокоить Заира, который пронзительно верещал, вне себя от страха. Боль заливала грудь, тяжелым камнем давила на сердце.

— Бальдор!

— Я здесь, мастер Робинтон! — арфист Исты бросился к нему, на лице его читались тревога и страх. Он бережно довел Робинтона до ближайшей скамьи. — У тебя лицо стало серым... А губы — губы посинели! Что с тобой?

— Что-то меня всерьез прихватило. Вина! Вино должно мне помочь! — Арфист почувствовал, как на него надвигаются, падают стены. Он не мог вздохнуть. Он слышал вокруг взъерошенные голоса, ощущал нараставшую панику, но впервые не мог вымолвить ни слова. Чьи-то руки потянули его вниз, бережно укладывая на скамью. Дышать стало еще трудней. Он из последних сил сопротивлялся, пытаясь сесть.

— Отпустите его... Так ему будет легче дышать.

Робинтон узнал голос Лессы. Как она здесь оказалась? Кто-то приподнял его, и он, наконец, смог вздохнуть. Ему вдруг захотелось уснуть, забыться...

— Ну-ка, выйдите все из вейра, — распоряжалась Лесса.

«Арфист, арфист, послушай нас... Слушай, арфист, не засыпай... Оставайся с нами. Ты нам нужен. Мы тебя любим. Слушай нас, арфист...»

Что за незнакомые голоса звучат у него в голове? Хоть бы они поскорее замолчали, позволили ему сосредоточиться на боли, сжимавшей тисками грудь, на сне, который сулит покой...

«Арфист, ты не должен уходить... Останься, арфист, мы тебя любим...»

Эти голоса не давали ему покоя. Он не узнавал их. Они не принадлежали ни Лессе, ни Ф'лару, но звучали явственно и настойчиво. Он слышал их не ушами — они раздавались в мозгу, и он никак не мог от них избавиться. Ему хотелось, чтобы они, наконец, оставили его в покое, позволили уснуть. До чего же он устал... Т'кул был слишком стар, чтобы победить в этом полете. А ведь он еще старше Т'кула, который уснул навек. Если бы только эти голоса дали заснуть и ему — ведь он так утомился...

«Тебе нельзя спать, арфист. Мы с тобой. Не оставляй нас, арфист. Ты должен жить! Мы тебя любим!».

Жить? Разумеется, он будет жить. Что за глупые голоса! Он просто очень устал. Ему нужно только выпасть...

«Арфист, арфист! Не покидай нас. Мы тебя любим, арфист. Не уходи».

Голоса звучали негромко, но неотступно. Они цепко удерживали разум, не позволяя ему скользнуть в мрак беспамятства.

Кто-то поднес к его губам питье.

— Мастер Робинтон, попробуй проглотить лекарство. Ты должен постараться. Он него тебе сразу станет легче, — он узнал голос Лессы, в нем звучала тревога.

Не удивительно — ведь Ф'лару сегодня пришлось убить всадника... да еще все эти переживания, связанные с кражей яйца...

«Слушайся Лессу, арфист. Ты должен ее слушаться, понимаешь? Открой рот и постараися проглотить».

Он еще мог ослушаться Лессу, слабо отталкивая поднесенную к губам кружку, выплюнуть горькую пилюлю, тающую на языке, но не мог избавиться от этих настойчиво звучащих голосов. Уловив запах вина, он сделал глоток и запил лекарство. Хорошо, хоть догадались дать ему вино, а не воду... Главному арфисту Перна не подобает пить воду... Он никогда не смог бы проглотить даже каплю воды при такой боли в груди... вино — другое дело... Вдруг внутри у него словно что-то щелкнуло. И сразу боль стала отступать, как будто с этим щелчком лопнул тугой обруч, сжимавший сердце.

Робинтон облегченно вздохнул. «Почему мы все так мало ценим, когда у нас ничего не болит?» — подумал он.

— Выпей еще вина, мастер Робинтон, — он почувствовал, как край кружки снова коснулся его губ.

Вино — это как раз то, что ему нужно, оно вылечит его. Вино всегда прибавляло ему сил. Только по-прежнему хочется спать. Все-таки он ужасно устал.

«Потом поспиши. А сейчас ты должен слушать нас, быть с нами. Слушай, арфист! Мы тебя очень любим. Ты должен оставаться с нами».

Робинтону начинала надоедать их настойчивость.

— Скоро он, наконец, приедет? — это Лесса, только голос ее звучит как никогда яростно. И еще в нем почему-то слышатся слезы. Чтобы Лесса плакала?

«Лесса плачет из-за тебя. Ведь ты же не хочешь, чтобы она плакала? Ты не должен уходить. Мы не позволим тебе уйти. Нельзя, чтобы Лесса плакала».

Что ж, они правы. Нельзя, чтобы Лесса плакала. Робинтон вообще не мог поверить, что с ней может случиться такое. Он заставил себя открыть глаза и увидел склонившуюся над ним Госпожу Бендена. Он не ошибся — она плакала! Слезы стекали с ее лица и капали на его раскрытые ладони.

— Почему ты плачешь, Лесса? Я не хочу, чтобы ты плакала... — Великая Скорлупа, что с ним? Его голос так предательски дрожит... Робинтон откашлялся. Нет, это совсем никуда не годится.

— Не надо разговаривать, Робинтон, — глотая слезы, попросила Лесса. — Просто лежи и отдыхай. Тебе нужно отдохнуть. Сейчас прибудет Олдайв. Я велела, чтобы его привезли. А ты пока отдыхай. Еще вина?

— Разве я когда нибудь отказывался от вина? — почему его голос еле-еле слышен?

— Никогда, — ответила Лесса, смеясь и плача.

— Кто это все время пристает ко мне с разговорами? Они меня совсем замучили. Скажи им, Лесса, чтобы они оставили меня в покое. Я смертельно устал.

— Мастер Робинтон, миленький, ну пожалуйста!

— Что значит «пожалуйста»?

«Оставайся с нами, арфист. А то Лесса снова будет плакать».

— Мастер Олдайв! Наконец-то! — Лесса поднялась с колен и хотела отойти от него.

Робинтон потянулся за ней.

— Тебе нельзя напрягаться! — она наклонилась, удерживая его на месте. И больше не отходила. Милая Лесса! Он всегда любил ее, даже когда бывал на нее сердит. Может быть, как раз поэтому он любил ее еще больше — гнев так красил ее, а гневалась она часто.

— А вот и я, мастер Робинтон, — услышав успокаивающий голос врачевателя, Робинтон открыл глаза. — Снова боли в груди? Не надо отвечать, просто кивни. Пока тебе лучше не тратить силы на разговоры.

— Рамота говорит, что его мучают сильные боли и что он очень устал.

— Неужели? Как удобно иметь под рукой дракона, который может поставить диагноз.

Мастер Олдайв принялся прикладывать к его груди и рукам холодные инструменты. Робинтон с трудом удержался, чтобы не оттолкнуть их.

— Дорогой мой арфист, я знаю, что они холодные, но без них никак не обойтись. А теперь послушай меня. Ты перетрудил сердце, этим и объясняется боль в груди. Лесса дала тебе лекарство, которое временно облегчило боль. Сейчас особой опасности нет. Я хочу, чтобы ты попытался уснуть. Тебе, мой друг, нужен долгий отдых. Очень долгий отдых.

— Тогда скажи им, чтобы они замолчали и не мешали мне спать.

— Кто должен замолчать? — голос Олдайва звучал успокаивающе, но Робинтон ощущал смутное раздражение, подозревая, что Олдайв не верит, будто он слышит голоса, не дающие ему уснуть. — Вот, прими еще одну пилюлю и запей ее глотком вина. Я-то знаю, от вина ты никогда не откажешься.

Робинтон слабо улыбнулся. Как хорошо они его изучили — Олдайв и Лесса.

— Это Рамота с Мнементом с ним разговаривают, мастер Олдайв. Они сказали, что он едва нас не покинул... — голос Лессы оборвался.

— Я — едва не покинул? Так, значит, вот что чувствует человек на пороге смерти — невыносимую усталость...

«Теперь, арфист, ты останешься с нами. Мы больше не будем мешать тебе спать. Но мы будем с тобой — ведь мы тебя любим».

«Так это драконы со мной разговаривали? Драконы не давали мне умереть? Как это предусмотрительно с их стороны — ведь я пока не намерен умирать. Нужно еще так много сделать. Решить столько проблем. Мне самому не дает покоя один вопрос... он тоже имеет отношение к драконам...»

— Кто же догнал Кайлиту?

Неужели он умудрился произнести свой вопрос вслух — он ведь даже не услышал собственного голоса.

— Ты слышал, Олдайв, что он спросил?

— Кажется, что-то про Кайлиту.

— Он даже в такое время не перестает волноваться об исходе полета. — Наконец-то в голосе Лессы звучат знакомые колючие нотки! — Барнат догнал Кайлиту, Барнат! Слышишь, Робинтон? Может быть, теперь ты успокоишься и уснешь?

«Спи, арфист. Мы с тобой».

Робинтон глубоко вздохнул и с облегчением смыгнул веки.

Глава 15

*Вечер в Джексомовой бухте, ночь в Вейре Иста;
пятнадцатый Оборот, двадцать восьмой день
восьмого месяца.*

IIIарра показывала Брекки и Джексому правила игры с камешками и палочками, которой развлекались дети в Южном, когда Рут, дремавший рядом с ними, в компании файров, внезапно проснулся. Он медленно сел, вытянул шею и издал протяжный скорбный вопль, означавший у драконов плач по ушедшему собрату.

— Не может быть! — на миг опередив Джексома, откликнулась Брекки. — Салт погиб!

— Салт? — удивился Джексом, услышав незнакомое имя.

— Салт! — от лица Шарры отхлынула кровь. — Спроси Рута, как это случилось!

— Кант говорит, что он пытался догнать Кайлиту, но сердце не выдержало, — при этих словах плечи Брекки пошли — весть о несчастье с новой силой пробудила в ней воспоминания о пережитой трагедии. — Глупец! Неужели он не понимал, что молодые драконы окажутся быстрее и сильнее бедного старины Салта?!

— И поделом Т'кулу! Только не надо меня воспитывать, Брекки! — сверкнув глазами, выпалила Шарра, видя, что Брекки собирается ее отчитать. — Не забывай, что мне приходилось иметь дело с Т'кулом и прочими Древними. Они совсем не похожи на ваших северных вадников. Они.. они просто невыносимы! Я могла бы тебе многое порассказать, да боюсь, твои нежные уши не выдержат! И если Т'кул оказался настолько глуп, что заставил своего дракона лететь вдогонку за молодой королевой, то он получил по заслугам. Не сердитесь. Вижу, что и тебе, и Джексому мои слова кажутся злыми, но я-то знаю, что за птицы эти Древние...

— Я всегда предчувствовала... из-за того, что их выслали сюда, когда-нибудь случится большая беда, — медленно произнесла Брекки. — Но...

— Судя по тому, что я слышал,— сказал Джексом, которому так хотелось, чтобы с ее лица исчезло выражение тоски,— иначе с ними поступить было просто нельзя. Они не выполняли свой долг по отношению к людям, которых были обязаны защищать. Алчность их не знала границ... И еще,— заявил он, используя свой самый веский довод,— я слышал как Лайтол критиковал их всадников!

— Я знаю, Джексом. Я все это знаю, но в свое время они пришли к нам из прошлого, чтобы спасти Перн...— Джексом увидел, как она, сама того не сознавая, стиснула руки так, что костяшки пальцев побелели.

— Ну да, сначала они спасли Перн, а потом стали требовать, чтобы мы вспоминали об этом каждый раз, когда нам доводилось попадаться им на глаза,— продолжал Джексом, отчетливо припоминая надменный и презрительный тон, которым Т'рон всегда обращался к Лайтолу.

— Мы вообще стараемся не замечать их,— дернув плечом, заявила Шарра.— Занимаемся своими делами, очищаем холд от зелени, загоняем скот в укрытие, когда падают Нити. Мы только быстро прочесываем местность с огнеметами, чтобы убедиться, что личинки сделали свое дело.

— Разве они не вылетают бороться с Нитями?— удивленно спросила Брекки.

— Так, время от времени. Если хотят поразмаяться или если драконы заскучают...— в голосе Шарры явно звучали презрительные нотки. Заметив смятение на лицах слушателей, девочка добавила: — В том, что у нас творится, виноваты не драконы. Может быть, даже не всадники. Я думаю, что им следует хотя бы попытаться вести себя сообразно своему званию. Ведь всем известно, что большинство Древних остались на севере. Лишь горстка, осевшая в Южном, позорит род Парящих На Драконах. И все же... Сделай они хоть шаг навстречу, мы бы, наверное, им помогли.

— Мне, пожалуй, пора,— поднявшись, сказала Брекки и повернулась лицом к западу.— Т'кула теперь можно только наполовину назвать человеком. Мне известно, что значит пережить такое...— голос ее прервался, лицо побледнело.

Она неотрывно смотрела на запад, глаза ее раскрывались все шире, и вдруг с губ сорвался крик ужаса. Она прижала руки к груди, как будто хотела защититься от удара.

— Что случилось, Брекки? — Шарра вскочила на ноги и обняла подругу за плечи.

Рут, поскучивая, ткнулся Джексому в грудь, как будто искал утешения.

«Она очень боится. С ней говорит Кант. Он расстроен. Все так ужасно. Второй дракон очень слаб. С ним Кант. Теперь говорит Мнемент. Т'кул напал на Ф'лара», — Джексом ухватился за Рута, чтобы не упасть.

Возбуждение дракона передалось файрам; они начали стремительными зигзагами носиться взад-вперед, оглашая воздух резкими криками. Джексом замахал на них руками, требуя, чтобы они угомонились.

— Какой ужас, Джексом! — воскликнула Брекки. — Мне нужно спешить. Неужели они не понимают, что Т'кул не отвечает за свои поступки? Неужели они не могут его одолеть? Должен же во всей Исте найтись хоть один человек с головой! О чем думает Д'рам? Я пошла за вещами! — она бросилась к хижине.

— Послушай, Джексом! — Шарра повернулась к нему, глаза ее словно молили о помощи. — Т'кул ненавидит Ф'лара! Я сама слышала, как он обвинял его во всем, что с ними случилось. Вместе с драконом Т'кул наверняка потерял и рассудок. Он убьет Ф'лара!

Джексом привлек девушку к себе, не зная, кому из них двоих сейчас больше требуется утешение. Т'кул пытается убить Ф'лара? Он велел Руту слушать как можно внимательнее.

«Ничего не слышу. Кант в Промежутке. Слышу только, что дело плохо. Рамота летит...»

— Сюда?

«Нет, туда где они все! — глаза Рута потемнели и засветились тревожным багровым огнем. — Мне все это не нравится».

— Что именно, Рут?

— Джексом, Джексом, что он говорит? Мне страшно!

— Ему тоже страшно. Да и мне самому...

Брекки вышла из-за деревьев. В одной руке она несла летное снаряжение, в другой — небольшую шкатулку с лекарствами, которая была наполовину открыта, так что содержимое грозило высыпаться наружу. Не доходя до полосы песка, она остановилась; ее озабоченное лицо выражало нетерпение и досаду.

— Мне туда не добраться! Кант вынужден оставаться с Б'зоновым Ранильтом. Мы не можем потерять сразу двух бронзовых! — взгляд ее блуждал по берегу, как будто ответ на вопрос скрывался где-то здесь. Она прикусила губу и в отчаянии воскликнула:

— Но я во что бы то ни стало должна туда попасть!

Рут испуганно затрубил, и Джексом с Шаррой вздрогнули как от удара.

— Робинсон! — Брекки пошатнулась и, если бы Джексом не вскочил, чтобы ее поддержать, упала бы на песок. — Нет, только не Робинсон! Как же так?

«Главный арфист!».

— Умер? — вырвалось у Шарры.

«Главный арфист очень болен. Но они не дадут ему уйти. Он должен остаться. Ведь ты же остался!».

— Я отвезу тебя, Брекки! На Руте. Только возьму летное снаряжение.

Обе женщины бросились его отговаривать.

— Тебе еще нельзя, Джексом... Нельзя летать в Промежутке. — Теперь страх в глазах Брекки относился к нему.

— Тебе правда нельзя, слышишь, Джексом? — качая головой, сказала Шарра, в глазах ее стояла мольба. — Холод Промежутка... нет, нет ты еще не достаточно окреп. Прошу тебя!

«Они боятся за тебя, — в смятении объяснил Рут. — Я не знаю, что плохого, если мы с тобой полетим, только они очень боятся».

— Он прав, Джексом, это очень опасно, — поникнув от безысходности, произнесла Брекки. Она устало подняла руку и снянула с головы бесполезный теперь шлем. — Ты не

должен летать в Промежутке, по крайней мере, месяц, а то и недель шесть. Иначе всю жизнь тебя будут мучить головные боли... к тому же, можно ослепнуть...

— А ты откуда знаешь? — требовательно спросил Джексом. В нем боролись гнев и отчаяние — ведь он ничем не может помочь ни Брекки, ни Робинтону!

— Я тоже это знаю, — глядя Джексому прямо в глаза, заявила Шарра. — Один из всадников в Южном подхватил горячку. Мы тогда еще не понимали, как опасно при этой болезни летать в Промежутке. Сначала он ослеп. Потом сошел с ума от невыносимой головной боли и... умер. А вслед за ним — его дракон, — при воспоминании об этой трагедии голос ее прервался; глаза затуманились слезами.

— Почему же вы мне раньше не говорили?

— Что бы это изменило? — не сводя с него глаз, ответила Шарра. — С каждым днем твои силы восстанавливаются. А к тому времени, когда ты узнал бы о существовании этого запрета, уже отпала бы необходимость предупреждать тебя.

— Через месяц-полтора? — с трудом выговорил Джексом, скав зубы. Он едва сдерживал гнев.

Шарра медленно кивнула, лицо ее было бесстрастно.

Джексом глубоко вздохнул, стараясь справиться с собой.

— Неудачно получилось — ведь сейчас нам так нужен всадник, — он взглянул на Брекки. Она стояла, обратив лицо к западу. Джексом чувствовал ее боль и тоску — ведь она не могла попасть туда, где в ней так нуждались, не могла вызвать Канта, который был нужен там... — вдруг юноша издал победный клич.

— Есть всадник! — ликующе завопил он. — Рут, отвезешь Брекки в Исту без меня?

«Брекки — куда угодно!» — белый дракон поднял голову и сделал шаг в сторону молодой женщины; глаза его ускорили вращение.

С лица Брекки как по волшебству исчезли печаль и безысходность.

— Неужели, Джексом, ты позволишь..?

Этот вопрос, произнесенный задыхающимся от волнения и благодарности голосом, был Джексому дороже всякой награды.

Он взял ее за руку и подвел к белому дракону.

— Тебе нужно спешить, если мастер Робинтон... — юноша не смог договорить — от одной мысли об этом горло его судорожно сжалось.

— Спасибо тебе, Джексом. Спасибо, Рут, — Брекки возилась с пряжкой шлема, потом, не попадая в рукава, торопливо натянула тунику и застегнула ремень. Наконец, она была готова. Рут подставил ей плечо и оглянулся, желая удостовериться, что она надежно уселилась.

— Я сразу же отправлю Рута назад. Нет-нет, только не позволяйте ему уходить, не давайте заснуть! — эти слова были адресованы далеким драконам.

«Мы не позволим ему уйти», — заявил Рут. Он быстрым движением ткнулся другу в плечо и взвился в воздух, засыпав Джексома и Шарру сухим песком. Едва оторвавшись от земли, он исчез из вида.

— Джексом! — голос Шарры так дрожал, что юноша тревожно повернулся к ней. — Что могло случиться? Ведь не мог же Т'кул настолько обезуметь, чтобы наброситься на мастера Робинтона?

— Насколько я знаю Главного арфиста, он сам вполне мог влезть в схватку, чтобы попытаться ее остановить. А ты сама-то знакома с ним?

— Больше понастышике, — закусив губу, ответила девушка. Судорожно вздохнув, она вздрогнула всем телом, борясь с одолевающими ее страхами. — Мне о нем много рассказывали Пьемур и Менолли. Конечно, я видела его в нашем холде и слышала, как он поет. Что за удивительный человек! Ох, Джексом, эти Древние просто спятали! Они сами не ведают, что творят — пропащие люди, — погрузившись в свои тревоги, она склонила голову ему на плечо. Юноша нежно привлек ее к себе.

«Он жив!» — услышал Джексом слабый, но уверенный голос Рута.

— Шарра, Рут говорит, что он жив.

— Он должен жить, Джексом. Просто обязан! Понимаешь — обязан! — Как бы подтверждая свою мысль, она после каждой фразы ударяла кулаками по его груди.

Джексом поймал ее руки и улыбнулся, глядя в распахнутые сияющие глаза.

— Он будет жить, будет, я просто уверен, и пусть наша уверенность ему поможет!

В этот совершенно неподходящий миг Джексом остро ощутил трепет прижавшегося к нему гибкого тела Шарры. Сквозь тонкую ткань сорочки он чувствовал ее тепло, ощущал стройное бедро рядом, прижавшееся к его коленям, вдыхал аромат ее волос, пахнущих солнцем и цветами, которые она заткнула за ухо.

Смятение, мелькнувшее на лице девушки, подсказало ему, что она тоже осознает эту внезапную близость — и, пожалуй, впервые с тех пор, как он ее узнал, испытывает смущение.

Он разжал руки, готовый по первой же просьбе отпустить ее. Ведь она не Корана, не простушка из холда, готовая выполнить любую прихоть своего лорда. Он не мог относиться к Шарре, как к случайной возлюбленной, с которой можно удовлетворить мимолетную страсть. Она слишком дорога ему, чтобы подвергать риску их и без того непрочные отношения. Джексом прекрасно понимал — скорее всего, Шарра считает, что его чувства объясняются благодарностью больного за уход и заботу. Он и сам не исключал такую возможность; однако, хорошенько все обдумав, понял, что дело куда серьезнее. Слишком многое в этой девушке привлекало его — от волнующих звуков дивного голоса до уверенного прикосновения рук. Как он мечтал, чтобы эти руки ласкали его! За последние дни он узнал о ней довольно много, но ему страстно хотелось знать о ней гораздо больше... Знать все! Его поразило ее отношение к Древним — да и вообще она его постоянно удивляла. Наверное, это тоже составляло часть ее очарования — Джексом никогда не мог с уверенностью сказать, что она произнесет или сделает.

Он выпустил Шарру из объятий и, бережно взяв за плечи, повел к навесу, где они еще совсем недавно с такой беспечно-

стью предавались детской забаве. Нежно, но настойчиво на-
жав ей на плечи, он заставил девушку опуститься на цинов-
ку.

— Кто ведает, Шарра, сколько нам с тобой придется ожи-
дать вести, что мастер Робинтон вне опасности...

— Скорее бы узнать, что там случилось! Если только наш
арфист пострадал от руки Т'кула...

— А если бы от руки Т'кула пострадал Ф'лар?

— Ф'лара я мало знаю... Конечно, мне было бы жаль, если
б с ним что-то случилось,— она поджала под себя ноги, и
Джексом сел рядом, почти касаясь ее плечом.

— Всем нам грозит беда, если Предводитель Бендена бу-
дет убит,— промолвил Джексом.— Ведь он — это Перн!

— Ты так думаешь? — Шарра как будто ждала, чтобы ее
уговорили.— Я никогда его не видела...

«Здесь много драконов и много-много людей,— сообщил
Рут, голос его звучал по-прежнему слабо, но отчетливо.—
Скоро прилетит Сибел, а Менолли не может».

— Это Рут с тобой говорит? — подавшись вперед и схватив
Джексома за руку, взволнованно спросила Шарра. Он на-
крыл ладонью ее пальцы, призывая девушку к молчанию.
Закусив губу, она впилась взглядом в его лицо. А он продол-
жал слушать Рута, то и дело кивая, чтобы успокоить Шарру.

«Здесь ее файры. Арфист уснул. С ним мастер Олдайв. Они
ждут в другой комнате. Мы не позволим ему уйти. Мне вер-
нуться к тебе?»

— Кто — они? — спросил Джексом, уже догадываясь, что
услышит в ответ.

«Лесса и Ф'лар. Тот человек, который напал на Ф'лара,
мертв».

— Так, значит, Т'кул мертв, а Ф'лар невредим?

«Да».

— Спроси его, что случилось с Главным арфистом,— раз-
дался над ухом горячий шепот Шарры.

Джексом тоже хотел бы это выяснить, но в ответ на его
вопрос последовало долгое молчание, а потом Рут неуверенно
произнес:

«Мнемент и Рамота говорят, что у него болела грудь и он все время хотел уснуть. Вино ему помогло. Мнемент и Рамота знали, что ему нельзя спать, иначе он ушел бы. Можно мне вернуться к тебе?»

— А Брекки ты больше не нужен?

«Здесь и без меня полно драконов».

— Тогда, дружок, возвращайся сюда!

«Уже иду!»

— У него болела грудь? — повторила Шарра, когда Джексом пересказал ей все, что услышал от Рут. Девушка нахмурилась. — Скорее всего, это сердце. Наш арфист уже немолод, а он такой неугомонный! — она огляделась, ища глазами своих файров. — Можно послать туда Мийра...

— Рут говорит, что в Исте и так собралось великое множество народа и драконов. Думаю, нам лучше подождать.

— Понимаю... — Шарра протяжно вздохнула. Набрав пригоршню песка, она стала рассеянно смотреть, как он струится между пальцев. Потом печально улыбнулась Джексому. — Я умею ждать, но, говоря по правде, не очень люблю.

— Ведь мы знаем, что он жив и Ф'лар тоже... — юноша бросил на нее лукавый взгляд.

— Я вовсе не хотела оскорбить вашего Предводителя Вейра, заруби себе на носу...

Джексом расхохотался — все-таки ему удалось ее раздразнить! Девушка возмущенно вскрикнула и бросила в него горсть песку, но Джексом пригнулся, и песок, перелетев через его плечо, дождем осыпал легкие волны, бьющиеся о берег.

Набежала новая волна, и на воде не осталось никаких следов. «Значит, любимая аналогия арфиста не всегда точна», — подумал Джексом и сам удивился неуместности этой мысли.

Внезапно Мийр и Талла резко вскрикнули, повернув головки к западной оконечности бухты. Они присели и, расправив крылья, приготовились вззвиться в воздух.

— Что это с ними?

Но файры так же неожиданно успокоились. Мийр принялась чистить коготками крыло, как будто это вовсе не она секунду назад была так встревожена.

— Что, кто-то летит? — спросила Шарра, удивленно глядя на Джексома.

Юноша вскочил на ноги и уставился в небо.

— Навряд ли они стали бы так беспокоиться, будь это Рут.

— Должно быть, кто-то знакомый! — такая возможность и Шарре, и Джексому показалась совершенно невероятной. — И он вовсе не летит!

Теперь они оба услышали шум — кто-то тяжело пробирался через лес. Судя по приглушенным проклятиям, гость был представителем человеческого племени. Однако голова, высунувшаяся из-за полога густой листвы, несомненно, принадлежала животному. Вслед за головой показалось и туловище — это был верховой скакун, причем таких маленьких Джексом в жизни не встречал.

Невнятные проклятия перешли в различимую речь:

— Да перестань же ты, наконец, царапать ветками мне лицо! Ты, рыжий, косолапый, носорогий, косматый драконий ужин! Так вот, Шарра, куда ты забралась! Мне говорили, но я уже начала сомневаться. Я слышал, Джексом, тебя здорово скрутило? А на вид и не скажешь!

— Пьемур?! — хотя появление молодого арфиста было совершенно невероятным событием, никаких сомнений не оставалось — это он, собственной персоной, самодовольно ухмыляясь, вразвалочку поспешал к ним по берегу. — И правда, Пьемур! Что ты здесь делаешь?

— Вас ищу, что же еще? А знаете ли вы, сколько на этом краю света бухточек, как две капли воды похожих на ту, которую мне описал мастер Робинтон?

* * *

— Ну вот, все уже готово, — тихо сказал Лессе Ф'лар, входя в переднюю комнату вейра, который его обитатели спешно освободили, чтобы разместить больного арфиста. Мастер Олдайв не позволил перевезти его даже в холд Иста. Главный целитель и Брекки ни на шаг не отходили от своего

пациента; даже теперь, когда он спал, полусидя на постели, они были с ним. Рядом примостился Заир; его сверкающие глаза ни на секунду не отрывались от лица хозяина.

Лесса протянула руку и прикоснулась к плечу супруга. Он подвинул ей стул, и, быстро поцеловав ее, налил себе вина.

— Д'рам все прекрасно устроил. Он послал бронзовых, чтобы они помогли Ф'нору с Кантом перенести сюда Ранильта. Бедный старик — ему осталось жить несколько Оборотов... если, конечно, выживет Б'зон.

— Нет, только не сегодня!

Ф'лар покачал головой.

— Не бойся, сейчас он спит мертвым сном — как и остальные неудачники... мы влили в каждого по кувшину вина. Ну, а Г'денед с Козирой... им сейчас не до нас.

— Так оно всегда бывает, — лучезарно улыбнувшись, ответила Лесса.

Ф'лар погладил ее по щеке и улыбнулся в ответ.

— Когда же, сердце мое, Рамота снова собирается взлететь?

— Я тебе непременно сообщу! — увидев, что Ф'лар бросил взгляд в направлении комнаты, где лежал Робинтон, она добавила:

— С ним все обойдется.

— А Олдайв случайно не морочит нам голову, когда говорит о полном выздоровлении?

— Ну что ты! Ведь за арфистом следят все драконы Перна! И знаешь, что меня поразило? — добавила она задумчиво. — Я знала, что драконы и раньше называли Робинтона по имени, но вот то, что они с ним говорят...

— Я получил еще более невероятное известие — Брекки прилетела на Руте! Одна!

— А что здесь, собственно, такого? — язвительно осведомилась Лесса. — Ведь она была всадницей. И потом, после гибели Вирент, все время общалась с драконами...

— Не очень-то мне верится, чтобы ты при подобных обстоятельствах предложила ей прокатиться на Рамоте! И не надо, милая, так грозно на меня смотреть! Джексом поступил в высшей степени благородно. Брекки мне все рассказала. Он

даже не подозревал, что ему пока нельзя летать в Промежутке. Полагаю, мальчик не так-то легко перенес удар — и после этого он смог проявить такую отзывчивость... У него добрая душа!

— Да, конечно... И очень хорошо, что Брекки здесь, — Лесса обратила глаза к пологу, закрывающему вход, и вздохнула. — Знаешь, после того, что сегодня случилось, я уже почти готова полюбить этих ящериц.

— Неужели? И чем же вызвана такая перемена? — Ф'лар был вне себя от удивления.

— Я же не говорю, что полюбила их, однако... Знаешь, я видела, как Берд и Гралл бросились к Брекки... и этот бронзовый малыш Робинтона... Он свернулся рядом и так жалобно курлыкал, заглядывая ему в лицо, — я уж стала бояться, как бы он не умер от горя. Я и сама-то чувствую себя немногим лучше — как только подумаю... — Лесса замолчала, на ее глазах выступили слезы.

— Не надо терзать себя, милая, — Ф'лар сжал ее руку, — ведь самого страшного не случилось.

— Когда Мнемент меня вызвал, я выскоцила из вейра, как сумасшедшая... свалилась с карниза прямо Рамоте на спину. Я так спешила сюда, пока Т'кул тебя не прикончил... а тут еще Робинтон... Если бы ты убил Т'рона тогда, в Телгаре...

— Лесса! — Ф'лар с такой силой стиснул ее пальцы, что она поморщилась. — Ведь тогда, в Телгаре, его Фидрант был жив — как, впрочем, и теперь! Разве мог я обречь его на смерть — пусть даже Т'рон нанес мне тяжкое оскорблениe? А вот Т'кула я убил без сожалений. Хотя, должен признать, он чуть меня не достал... — Ф'лар тяжело вздохнул. — Так что не один наш Главный арфист стареет...

— Ну, ты куда моложе тех Древних, которые еще остались в Южном. Ну, и что мы теперь будем с ними делать?

— Я переберусь на юг и позабочусь о Вейре, — предложил Д'рам. Он незаметно вошел, пока они разговаривали, лицо его посерело от усталости. — В конце концов, я ведь тоже из Древних... — он глубоко вздохнул. — От меня они примут то, что от тебя, Ф'лар, ни за что не перепели бы.

Предводитель Бендена колебался, хотя предложение Д'рама звучало соблазнительно.

— Я понимаю твое желание, Д'рам, но если это хоть как-то нарушает твои планы...

Д'рам поднял руку, показывая Ф'лару, что он может не продолжать.

— Я гораздо крепче, чем казалось мне самому. Спокойные дни, проведенные в бухте, сотворили чудо. Но мне понадобится помочь.

— Я сделаю все, ты только скажи...

— Ловлю тебя на слове. Мне нужны несколько зеленых, лучше всего от Р'марта Телгарского или Г'нериша из Айгена — у нас здесь сейчас нет ни одной лишней. Если они окажутся тоже нашей, древней породы, для южан будет проще. Еще мне нужна пара молодых бронзовых и столько коричневых и голубых, чтобы хватило на два боевых крыла.

— Вот уже несколько Оборотов, как южане не вылетают против Нитей, — бросил Ф'лар.

— Знаю. Но когда-то и они летали. Это даст оставшимся драконам цель и силы. А их всадникам — надежду и занятие, — лицо Д'рама помрачнело. — Сегодня я узнал от Б'зона много такого, что очень меня опечалило. Каким же я был слепцом!

— Твоей вины здесь нет, Д'рам; это я решил отослать их в Южный.

— И я тогда согласился с твоим решением, потому что оно было единственно правильным. А когда... когда умерла Фанна... — скороговоркой пробормотал он, — мне нужно было сразу отправиться в Южный Вейр. Ведь это не было бы предательством по отношению к тебе, зато я мог...

— Очень сомневаюсь! — сердито выпалила Лесса, недовольная тем, что Д'рам хочет взять вину на себя. — Если уж Т'кул решился украсть королевское яйцо... — от возмущения она только рукой махнула.

— А если бы он пришел с просьбой к тебе...

Но Лессу было не так-то легко смягчить.

— Сомневаюсь, чтобы Т'кул мог прийти, — с расстановкой произнесла она. На ее подвижном лице мелькнула непрязнь,

она возмущенно фыркнула и снова взглянула на Д'рама, теперь уже с легким раскаянием.— Скорее всего, я дала бы ему от ворот поворот. А вот ты,— она указала пальцем на Д'рама,— нет. Думаю, Ф'лар тоже проявил бы больше терпимости,— она с усмешкой посмотрела на супруга.— Но Т'кул не из тех, кто просит,— добавила она уже более спокойно.— И вообще, прощать — не в моих принципах! Никогда не прощу южан за то, что они похитили яйцо Рамоты! Стоит вспомнить, до чего они меня довели — ведь я едва не послала на них драконов, чуть не начала войну! Этого я им никогда не прощу!

Д'рам поднялся.

— Так ты, госпожа моя, возражаешь против того, чтобы я отправился на юг?

— Нет, клянусь Первым Яйцом! — она ошеломленно покачала головой.— Нет, Д'рам, я считаю, что ты поступаешь мудро и благородно... я бы так никогда не смогла. Только подумать, ведь этот идиот Т'кул мог сегодня убить Ф'лара! Нет, конечно же, твое место там. И ты совершенно прав: тебя они примут. Наверное, я никогда не отдавала себе отчет в том, что происходит на юге. Да и не хотела! — добавила она, честно признавая свою ошибку.

— Тогда я могу пригласить кого-то из всадников последовать за мной? — Д'рам вопросительно посмотрел сначала на нее, потом на Ф'лара.

— Можешь брать кого захочешь, кроме Ф'нора — было бы несправедливо заставлять Брекки вернуться в Южный.

Д'рам кивнул.

— Думаю, другие Предводители тоже не откажут. Ведь здесь затронута честь всех всадников. И потом... — Ф'лар помолчал и откашлялся, — мы же не хотим, чтобы лорды захватили Южный в свои руки на том основании, что мы не способны поддержать порядок в Вейре!

— Да они в жизни не посмеют... — негодующе начал Д'рам.

— Еще как посмеют, — парировал Ф'лар. — И у них есть на это свои причины. Я знаю, — он сделал паузу, чтобы подчеркнуть свою уверенность, — что при Т'куле и Т'роне южане не позволили бы лордам расширить свои владения даже на

драконий хвост. Последние Обороты поселение Торика постоянно расширяется — время от времени он принимает северян — по несколько человек, чтобы не насторожить Древних — ремесленников, недовольных жизнью на севере, младших сыновей лордов, потерявших надежду получить землю здесь, — Ф'лар встал и беспокойно заходил взад-вперед. — Об этом мало кто знает...

— Я слышал, что торговцы курсируют с севера на юг и обратно, — заметил Д'рам.

— Да, и это тоже часть проблемы. Торговцы любят поговорить, вот и просочились слухи, что на юге полно земли. Может быть, они несколько преувеличены, но у меня есть все основания полагать, что Южный материк ничуть не меньше нашего. К тому же личинки надежно защищают его от Нитетей, — он снова помолчал, рассеянно потирая подбородок. — На этот раз, Д'рам, право первого выбора будет принадлежать всадникам. Я не желаю, чтобы в следующий Интервал они зависели от милостей холдов или цехов. У нас будут земли, принадлежащие только нам одним. Что до меня, то я не намерен ни у кого просить ни хлеба, ни мяса, ни вина!

Д'рам слушал, и удивление в его усталых глазах постепенно сменялось радостным блеском. Расправив плечи, он коротко кивнул, глядя прямо на Предводителя Бендана.

— Если, Ф'лар, ты для этого хочешь обосноваться на юге, то на меня всегда можешь рассчитывать. Великая цель! Клянусь Скорлупой, отлично задумано — превратить этот прекрасный край в страну всадников!

Ф'лар пожал руку Д'рама, скрепляя их уговор. На лице его заиграла лукавая усмешка.

— А знаешь, Д'рам, не вызовись ты сам перебраться на Южный, я бы все равно тебе это предложил! Ты — единственный, кто может справиться с этой ситуацией. И я тебе не завидую!

Услышав это признание, Д'рам вздохнул и ответил предводителю Бендана крепким рукопожатием. Лицо его прояснилось.

— Я оплакал свою супругу, как и подобает всаднику, но жизнь продолжается. Мне было хорошо в той бухточке, но чего-то все же не хватало. И я был рад, Ф'лар, когда ты

отыскал меня и нашел мне дело. Я понял, что не годится отказываться от того единственного, что делал всю свою жизнь. Когда падают Нити, всадники должны летать... — он снова вздохнул, почтительно поклонился Лессе и, резко повернувшись на каблуках, твердым шагом вышел из вейра.

— Думаешь, Ф'лар, он справится?

— Он единственный, кто способен это вытянуть... ну, может быть, за исключением Ф'нора. Но я не могу обратиться к нему с такой просьбой. Да и к Брекки тоже.

— Этого еще не хватало! — резко ответила Лесса и вдруг, негромко вскрикнув, подбежала к Ф'лару и бросилась ему на шею. Он обнял ее и стал рассеянно гладить по голове.

«Сколько у него появилось морщин, — подумала Лесса, — а я и не замечала...» Ф'лар смотрел вслед Д'раму. В глазах его застыла печаль, губы тревожно сжались. Но тело всадника все еще было могучим и гибким. Ему хватило ловкости и силы, чтобы отразить удары обезумевшего Т'кула. В жизни Ф'лар лишь однажды испугался своей слабости — это было после поединка в Телгаре, когда его рана все никак не заживала и он страдал от лихорадки — следствия безрассудного полета через Промежуток. Он извлек урок из того случая и стал перекладывать кое-какие из своих обременительных обязанностей на Ф'нора и Т'геллана в Бендене, на Н'тона и Р'марта в других Вейрах — да и на Лессу тоже! Они не отказывали... Как он дорог, как необходим ей! Внезапно осознав это, Лесса стремительно обняла Ф'лара.

Он улыбнулся при этом неожиданном проявлении нежности, и морщинки на его лице разгладились.

— Не волнуйся, моя девочка, я с тобой! — и он крепко поцеловал Лессу, чтобы у нее не оставалось никаких сомнений в том, что он жив и здоров.

В коридоре послышался звук приближавшихся шагов, и они быстро отодвинулись друг от друга. В комнату ворвался Сибел, лицо его раскраснелось от бега. Лесса жестом велела ему не шуметь.

— Как он?

— Сейчас спит, но ты сам можешь посмотреть, — ответила Лесса, знаком указывая на скрытую за пологом спальню.

Сибел нетерпеливо переминался с ноги на ногу, ему хотелось хоть одним глазком взглянуть на Робинтона, и в то же время он боялся нарушить его покой.

— Ступай, ступай, — ободряюще махнул ему рукой Ф'лар, — только не шуми.

В комнату впорхнули две ящерицы, но увидев Лессу, испуганно вскрикнули и исчезли.

— Я и не знала, что у тебя две королевы.

— У меня одна, — Сибел оглянулся, чтобы посмотреть, куда они скрылись, — вторая — Менолли. Ей самой не разрешили сюда прилететь, — его красноречивая гримаса яснее всяких слов показала собеседникам, как восприняла этот запрет Менолли.

— Вели им вернуться — ведь я не ем файров! — сказала Лесса, сдерживая гнев. Она не знала, что раздражало ее больше — сами файры или то, как окружающие начинают перед ней заискивать, когда речь заходит о них. — А бронзовый малыш Робинтона сегодня продемонстрировал похвальное здравомыслие. Так что вели королевам вернуться — ведь если файры увидят что-то своими глазами, они обязательно поверят!

Улыбнувшись с явным облегчением, Сибел поднял руку. Обе золотых ящерицы влетели в вейр, от волнения глаза их бешено вращались. Одна из них — Лесса не поняла, чья именно, потому что ей они все казались одинаковыми — чиркнула, как будто хотела поблагодарить за любезность. Сибел, стараясь ничем не побеспокоить своих подопечных, чтобы они не начали верещать, с преувеличенней осторожностью двинулся к комнате, где лежал арфист.

— Сибел может возглавить цех арфистов?

— Он вполне справится.

— Нашему милому Робинтону уже давно пора перекладывать свои дела на Сибела...

— Здесь есть и часть моей вины, Лесса, — Бенден слишком много требовал от Цеха Арфистов, — Ф'лар налил себе вина и, взглядом спросив у Лессы согласия, плеснул во вторую кружку. — Бенденское! — произнес он вместо тоста. Вино, которое сохранило ему жизнь!

— Разве мог бы он когда-нибудь отказаться от кружки вина? — Лесса торопливо выпила, чтобы проглотить подступивший к горлу комок.

— Он еще опустошит не один бурдюк, — послышался тихий голос мастера Олдайва. Врач бочком подошел к столу. С первого взгляда он производил странное впечатление — казалось, руки и ноги явно великоваты для его тела, и только взгляд со спины позволял заметить, что он горбат. Его лицо с четкими, красивыми чертами было спокойно. Олдайв налил себе вина, полюбовался его глубоким пурпурным цветом и выпил. — Ты правильно сказал — вино сохранило ему жизнь. Редчайший случай — чтобы порок способствовал продлению жизни!

— Мастер Робинтон поправится?

— Да — при условии заботливого ухода и полного покоя. Он держится молодцом. Пульс ровный, хоть и слабоват. Ему совершенно противопоказано волнение. Сколько раз я его предупреждал, чтобы он умерил прыть! Так он меня и послушал! Сибел, Менолли и Сильвина старались, как могли, чтобы облегчить его заботы, но случилось так, что Менолли заболела... А ведь в Цехе арфистов, да и на всем Перне столько дел! — лицо Олдайва осветилось дружелюбной улыбкой, он взял руку Лессы и вложил ее в ладонь Ф'лара. — А вам, уважаемые Предводители, здесь больше делать нечего. Сибел подождет, пока не проснется наш Главный арфист, чтобы доложить: в его цехе все в полном порядке. А мы с Брекки уж как-нибудь его выходим, да и здешние славные люди нам помогут. Вам самим тоже нужен отдых. Возвращайтесь в свой Вейр. Сегодняшний день всем дался нелегко. Ступайте! — он легонько подтолкнул их к выходу. — Ступайте же! — Олдайв говорил с ними как с детьми, но Лесса слишком устала, чтобы спорить, хоть и видела упрямый огонек, вспыхнувший в глазах Ф'лара.

«Мы не оставим арфиста одного, — сказала Рамота, когда Ф'лар подсаживал Лессу на ее шею. — Мы с ним».

«Мы все с ним», — добавил Мнемент, глаза его светились спокойной уверенностью.

Гла́за 16

*В бухте Джексона; пятнадцатый Оборот, с
двадцать восьмого дня восьмого месяца по седьмой день
девятого.*

После того, как Джексон с Шаррой выложили Пьемуру все, что знали о последних событиях в Вейре Иста, в том числе и о внезапной болезни мастера Робинтона, юный арфист пустился красочно описывать многочисленные недостатки, причуды, глупые слабости и наивные мечтания своего наставника, чем немало ошеломил слушателей, пока они не увидели, что по щекам Пьемура текут слезы.

Но тут вернулся Рут, насмерть перепугав Пьемурова скакуна, который поспешил скрыться в лесу, и арфисту пришлось долго выманивать обратно своего приятеля, носившего забавную кличку Дуралей.

— Вообще-то, он не такой уж дуралей, — сказал Пьемур, утирая с лица слезы, смешанные с потом. — Он прекрасно соображает, что этот парень, — он скосил глаза на Рута, — не прочь им закусить, — привязав Дуралея к дереву, он подергал узел веревки, проверяя его на прочность.

«Не стану я его есть, — заявил Рут, — он маленький и слишком тощий». Рассмеявшись, Джексон передал Пьемуру слова дракона, и арфист в знак благодарности отвесил Руту шутливый поклон.

— Как бы объяснить это Дуралею, чтобы он понял, — со вздохом произнес Пьемур, — а то ему трудно уловить разницу между дружелюбно настроенным драконом и его голодным собратом. Кстати говоря, эта его привычка — прятаться в ближайшие заросли, почуяв приближение дракона, — не раз спасала мне шкуру. Видите ли, мне вовсе не положено делать то, чем я здесь занимаюсь. И посему главное, чтобы меня за этим занятием никто не застукал, — Пьемур замолчал, желая оценить впечатление, которое произвела на слушателей его загадочная реплика.

— Не тяни, — усмехнулся Джексом, — ведь ты не стал бы говорить об этом, если бы не собирался поведать нам все до конца. И потом, разве ты не сказал, что разыскивал здесь нас?

Пьемур довольно ухмыльнулся.

— И вас тоже, — он растянулся на песке и долго возился, устраиваясь поудобнее. Потом взял кружку фруктового со-ка, которую подала ему Шарра, залпом выпил ее и протянул, чтобы она наполнила ее снова.

Джексом терпеливо наблюдал за этим представлением. Он привык к выходкам Пьемура еще в те времена, когда они вместе занимались у мастера Фандарела и в Цехе арфистов.

— А ты никогда не задумывался, Джексом, почему я забросил учебу?

— Менолли сказала, что тебя куда-то отправили.

— Не куда-то, а как раз сюда, — Пьемур обвел рукой окрестности, выразительно нацепив пальцем на юг. — Спорю на что угодно: я познакомился с нашей планетой получше любого ее обитателя... включая даже драконов! — Он важно кивнул, тем самым намекая слушателям, что им следует проявить восторг и изумление. — Правда, я еще не полностью... — он снова сделал паузу, чтобы подчеркнуть важность следующих слов, — обошел Южный материк, но зато места, где я побывал, знаю как свои пять пальцев! — он продемонстрировал стоптанные сапоги. — А ведь каких-нибудь четыре недели назад, когда я отправлялся на восток, они были новехонькие! О, сколько историй могли бы рассказать эти сапоги! — он скользнул по лицу Джексома задумчивым взглядом. — Одно дело, дражайший лорд Джексом, безмятежно парить над землей, взирая на мир с заоблачных высот, и совсем другое, смею тебя заверить, пробираться по земле, под землей, сквозь землю, вокруг земли — и все на своих двоих. Однако только так можно по-настоящему понять, что к чему.

— А Ф'лар знает?

— Более или менее, — хитро прищурившись, ответил Пьемур. — Но, бьюсь об заклад, скорее менее, чем более. Видишь ли, около трех Оборотов назад Торик начал торговать с севером, поставляя туда железную, медную и оловянную руды

превосходного качества — как раз то, чего, как ты знаешь, так недостает нашему Фандарелу. Вот Робинтон и решил, что было бы небесполезно разведать, где Торик их берет. Наш мастер оказался настолько дальновидным, что остановил свой выбор на мне... Так ты уверен, что с ним все в порядке? Вы от меня ничего не скрываете? — несмотря на бесшабашные манеры Пьемура, было видно, что он искренне встревожен.

— Мы сказали тебе все, что знаем сами, и все, что знает Рут, — Джексом замолчал, спрашивая дракона о последних новостях. Видишь, Рут говорит, что мастер спит. Еще он говорит, что драконы не позволяют ему покинуть нас.

— Вот оно что — драконы не позволяют ему уйти? Ну и дела! — Пьемур покачал головой. — Хотя, должен признаться, меня это вовсе не удивляет, — продолжал он с обычной непосредственностью. — Драконы знают, кто их друг. Так вот, как я уже сказал, мастер Робинтон задумался о том, что было бы вполне разумно с нашей стороны побольше разузнать о Южном — тем более, что Ф'лар сам имеет на него виды.

— Откуда ты так хорошо осведомлен о намерениях Робинтона и Ф'лара? — поинтересовалась Шарра.

Пьемур фыркнул и погрозил ей пальцем.

— Я-то знаю, откуда, а вот вы — догадайтесь! Но ведь я прав, не так ли, Джексом?

— Про замыслы Ф'лара ничего не могу сказать, но, держу пари, не он один интересуется Южным.

— Твоя правда! Но, полагаю, ты понимаешь, что решающее слово принадлежит ему?

— А вот я, например, так не считаю, — заявила Шарра. Мой брат — властелин холда... Да, это так, — горячо восхлинула она, видя, что Пьемур собирается возразить. — Или, во всяком случае, будет им, если его холд признают северные лорды. Он рискнул поселиться здесь вместе с Ф'нором, когда тот отправился на десять Оборотов назад. Тогда больше никто не отважился последовать его примеру. Он терпеливо сносил все выходки Древних и теперь у него прекрасный обширный холд, к тому же личинки надежно защищают его от Нитей. И никто не может оспорить его право владеть тем, что у него есть...

— Разве я против? — поспешил согласиться Пьемур. — Но, несмотря на то, что Торик принял уже много народу, перебравшегося сюда с севера, он не сможет безгранично расширять свои владения! Ему бы суметь обработать и защитить то, что у него есть. А ведь на Южном столько земель, что никто даже не может себе представить — ну, кроме меня, разумеется! Клянусь Скорлупой, я прошагал по этому материку путь, никак не меньший, чем расстояние от верховьев Тиллека до оконечности Нерата у нас на севере! — насмешка в его голосе неожиданно сменилась восхищением. — Как вспомню тот залив, до которого мне удалось добраться... Это нечто потрясающее! Противоположный берег не разглядеть в знойном мареве, хоть мы с Дуралеем два дня тащились через непроходимые пески. Воды осталось только-только на обратный путь — ведь я был уверен, что песок скоро сменится нормальной землей... Я послал Фарли вперед — сначала к другому берегу, потом к устью реки, на в картинах, которые она передавала, один сплошной песок. И тут я вижу: дело дрянь — придется возвращаться. Но, — он повернулся к слушателям, — вы, конечно, понимаете, что за тем заливом может быть еще столько же земель, сколько я пересек, прошагав до него от холда Торика. А ведь я так и не обошел материк по кругу! Торику не справиться и с половиной того, что я облазил. А это, заметьте, только западная сторона. Теперь восточная... Чтобы добраться от Торика до вас, у меня ушло целых три недели, причем, часть пути нам пришлось проделать вплавь. Кстати, мой Дуралей — отличный пловец! Всегда свеж, как весенний рассвет, и никогда не жалуется. Как вспомню, каким отборным зерном кормил своих скакунов мой папаша и чем приходится довольствоваться бедняге Дуралею — и это при двойной-то нагрузке! — Пьемур замолчал и сокрушенno покачал головой при мысли о подобной несправедливости.

— Так вот, — он поспешил вернуться к своему рассказу, — как мне было велено, я проводил разведку и при этом двигался в вашу сторону. Правда, я рассчитывал попасть сюда гораздо раньше! Кто бы знал, до чего я устал — и ведь никому не ведомо, сколько мне еще предстоит скитаться, пока я не доберусь до цели.

— А я-то думал, ты искал нас!

— Так-то оно так, но мне придется продолжить путь... раньше или позже,— он приподнял левую ногу, ту, которую он все время поглаживал, и изобразил на лице гримасу боли.— Клянусь Скорлупой, больше не смогу сделать ни шага! Нога стоптана почти до колена — ведь так, Шарра?

С поднятой ногой он подполз по песку к целительнице, которая озабоченно смотрела на него. Она ловко размотала лохмотья, которые, скорее всего, некогда были куском Пьемурова плаща, обнажив длинный, недавно заживший шрам.

— Нет, ты скажи, Шарра — разве можно ходить с такой ногой?

— По-моему, нельзя, Пьемур,— сказал Джексон, критически оглядев едва затянувшуюся рану.— Как ты считаешь, Шарра?

Девушка переводила взгляд с одного на другого, глаза ее смеялись.

— Совершенно определенно — нет! Твою ногу нужно должно отмачивать в теплой соленой воде, потом выдержать на солнце, и то вряд ли это поможет. Потому что ты, Пьемур, — ужасный негодяй, а вовсе никакой не арфист, посланный с ответственным поручением. Любой добропорядочный холдер пришел бы от тебя в ужас!

— Ты вел записи во время путешествия? — спросил заинтересованный Джексон; он несколько завидовал свободе, которой пользовался Пьемур.

— Вел ли я записи? Я? — Пьемур насмешливо фыркнул.— Да почти вся Дуралеева поклажа — это и есть записи! Как ты думаешь, почему я хожу таким оборванцем? Просто у меня нет места для лицензий одежды, — понизив голос, он нагнулся к Джексону.— А нет ли у тебя здесь случайно пары листочек бумаги? У меня есть кое-какие идеи...

— Есть, и притом полным-полно. И чертежные инструменты тоже. Пойдем!

Джексон поднялся. Пьемур ни на шаг не отставал и, лишь едва заметно прихрамывая, двинулся за ним. Джексон вовсе не собирался показывать Пьемуру свои неуклюжие попытки

составить карту ближайших окрестностей. Но он забыл, что от проницательного взгляда арфиста ничего не скроешь. Пьемур сразу обнаружил рулон аккуратно склеенных листков и, даже не думая спрашивать разрешения, развернул его. Скоро он уже кивал головой и что-то бормотал себе под нос.

— Я смотрю, ты тут даром время не терял! — ухмыльнулся молодой арфист, и Джексон понял, что его работа получила одобрение. — Вижу, в качестве единицы длины ты использовал Рута? Вполне здраво. А я научил Фарли, свою королеву, отмерять расстояние. Я считаю секунды и наблюдаю за ней, а она в конце каждого отрезка делает нырок. Я замечаю количество секунд, а потом, составляя карту вычитываю расстояние. Н'тон, когда работал вместе со мной, дважды перепроверял мою меру, так что я уверен — она довольно точна. А если еще принять в расчет скорость и направление ветра... — взгляд его упал на высокую стопку чистых листов, и он восхищенно присвистнул. — Они мне очень пригодятся, чтобы запечатлеть те места, где мы с Дуралеем уже побывали. Так что, с твоего позволения...

— А как же больная нога? — с непроницаемым лицом спросил Джексон.

Пьемур с непонимающим видом уставился на него, потом они оба дружно расхохотались, да так, что Шарра прибежала узнать, что их так развеселило.

Следующие несколько дней пролетели вполне безмятежно. Они начинались с доклада Рута о состоянии здоровья Главного арфиста. В первое же утро Пьемур заметил, что Дуралей объел всю окрестную зелень и спросил, нет ли где поблизости подходящих лужаек. Прихватив с собой Пьемура, Джексон с Рутом слетали на пышные луга, раскинувшись в пойме реки, к югу от их убежища, путь до которых занял у них добрый час. Рут с готовностью помогал собирать охапки высоких сочных трав, лениво колыхавшихся на ветру. Пьемур объявил, что на таких отличных кормах даже бедняга Дуралей может слегка нагулять тело. Рут добавил — специально для Джексона — что в жизни не видел скакуна, у которого был бы такой голодный вид.

— Мы не собираемся откармливать его для тебя, — посмеиваясь, сказал Джексон.

«Ведь он — друг Пьемура. А Пьемур — мой друг. Я никогда не ем друзей моих друзей!».

Джексом не удержался и передал это рассуждение Пьемуру, который так и покатился со смеху, хлопнув дракона по крупу с такой же грубоватой лаской, с какой он обычно обращался со своим Дуралеем.

Они навьючили на Рута с полдюжины тяжелых спонов травы и полетели в обратный путь. И тут Пьемур спросил, видел ли Джексом гору вблизи.

— Мне еще нельзя в Промежуток, — ответил Джексом, не скрывая от арфиста своего разочарования.

— Ты прав — куда уж тебе, после горячки-то!

Джексом даже удивился, услышав от него столь явное подтверждение запрета, наложенного целительницами.

— Ну, ты не переживай! Ждать тебе осталось не так уж долго, — прикрыв глаза от солнца, Пьемур бросил взгляд на симметричную вершину. — До нее не меньше четырех, а то и пяти дней пути, кажется, совсем рукой подать. Да и дорога не из легких, как видно сверху. Но ты, — тут он ткнул Джексома под ребро, так что у того дух перехватило, — должен сначала поднакопить силенок, а то я слышал, как ты пыхтел, когда мы возились с травой. Так-то!

— Послушай, а не лучше ли привести Дуралея сюда, пусть пасется. Вокруг нет ни единого дракона, разве что Рут. А он обещал не есть Дуралея.

— Нюхнув вольной жизни, он уже не вернется. Он слишком большой дуралей, чтобы понимать, что со мной ему гораздо спокойнее... Вот, скажем, дракон приносит ему пищу, вместо того, чтобы использовать в качестве пище его самого.

Дуралею прибавка к обычному меню пришлась весьма по вкусу, и он, посвистывая от удовольствия, принялся уминать привезенную траву.

— А насколько он смышен, твой Дуралей? — спросила Шарра, поглаживая бурую косматую шею животного.

— Он, конечно, не так умен, как Фарли, но, между нами, вовсе не такой уж дуралей — правильнее назвать его ограниченным. Но в пределах своих границ он соображает как надо.

— Например? — поинтересовался Джексом, который никогда не задумывался об умственных способностях скакунов.

— Вот тебе и пример. Я могу послать Фарли, наказав ей летать столько-то часов в указанном направлении и принести что-нибудь, взятое с земли. Как правило, она приносит траву или веточки, а иногда — камешки или песок. Я могу отправить ее на поиски воды. Это как раз и сбило меня с толку у Большого залива. Она действительно нашла воду, вот мы с Дуралеем и потащились за ней. Только я забыл сказать, что вода должна быть пресной, — Пьемур пожал плечами и рассмеялся. — Нам же с Дуралеем приходится шагать по земле, и он прекрасно в ней разбирается. Он не раз выручал меня, обходя стороной топи и зыбучие пески. Он мастер найти самый безопасный путь в горах. И воду он чует издалека... я имею в виду питьевую. Так что зря я его не послушал, когда он артачился и ни за что не желал лезть в те треклятые пески, что лежали на пути к Большому заливу. Он знал, что там нет подходящей воды, хотя Фарли настаивала, что ее полно. В тот раз я поверил Фарли. Вообще говоря, из них двоих получается один хороший надежный проводник. А все трое — Дуралей, Фарли и я — просто непобедимая команда.

— К слову сказать, я нашел кладку огненной ящерицы, да еще королевскую, в пятой... — Фарли отчаянно зачирикала, — ну ладно, ладно, в шестой или седьмой бухточке, считая отсюда. Я-то сам вряд ли найду туда дорогу, но Фарли запомнила место... Я на тот случай, если кому-то из вас они понадобятся. Знаете, не будь зеленые файры так глупы, их расплодилось бы видимо-невидимо. Только они совершенно никчемные создания.

Шарра засмеялась:

— Помню день, когда мне впервые удалось найти кладку. Тогда я не знала разницы между гнездами золотых и зеленых. Как я тогда ее караулила... не отходила целыми днями. Ни одной живой душе не проговорилась — хотела Запечатлеть всех разом...

— Сколько дней ты там просидела? Четыре или пять? — покатываясь со смеху, спросил Пьемур.

— Даже шесть. Только я не учла, что змейка-песчанка, подобравшись снизу, уже сделала свое дело задолго до того, как я нашла кладку.

— Почему же змеи не портят яиц королев? — спросил Джексом.

— Они никогда не отходят от гнезда, — ответила Шарра. — Королева мгновенно замечает змеиную нору и тут же убивает змею, — она передернулась. — Змей я ненавижу еще больше, чем Нити!

— А они, между прочим, во многом похожи, верно? — спросил Пьемур, — только направление удара у них разное, — он показал руками, как один враг нападает на воображаемую жертву снизу, а другой сверху.

Когда становилось жарко, Джексом вместе с Шаррой и Пьемуром занимались тем, что превращали записи, замеры и грубые наброски арфиста в подробные карты материка. Пьемуру хотелось как можно скорее отправить их Сибелу, Робинтону или Ф'лару.

На следующий день все трое с Рутом во главе, захватив с собой Дуралея в качестве выночного животного, отправились по утренней прохладе разыскивать королевскую кладку, о которой рассказывал Пьемур. В гнезде оказалось двадцать одно яйцо, все уже совсем твердые — от Рождения их отделял лишь день-другой. Завидев людей, дикая ящерка метнулась прочь, так что они беспрепятственно выкопали яйца и осторожно упаковали их в корзинку, которую навынучили Дуралею на спину. Джексом велел Руту предупредить Канта, что у них есть яйца файров.

«Кант говорит, что они в любом случае собирались к нам завтра, — ответил Рут. — Арфист хорошо поел».

Рут часто передавал им разные мелочи, касающиеся самочувствия мастера Робинтона. По меткому выражению Пьемура, это было все равно, что находиться рядом с больным, не слыша, однако, его докучливых жалоб.

Обратно они пошли через лес, заодно набрав фруктов. Деревья у берега были уже обобраны подчистую, а если приедут Ф'лар с Лессой, им, конечно, захочется свежих плодов.

— Ты покажешься Ф'лару, когда он будет здесь? — спросил Джексом юного арфиста.

— А почему бы и нет? Он знает, чем я занимаюсь, — Пьемур поднял к небу лицо и глубоко вздохнул. — Знаешь, Джексом, когда видишь, как прекрасен этот материк, начинаешь задумываться — с чего это наши перебрались на север?

— Может быть, Южный, пока его не заселили личинками, был слишком велик, чтобы защищать его от нападения Нитей? — предположила Шарра.

— Скажешь тоже! — Пьемур насмешливо фыркнул. — Эти древние Летописи никуда не годятся — в них выпущено самое важное. Помните, фермерам на севере предписывалось наблюдать за личинками, а зачем — ни слова! Или написано, что южный материк был заброшен, а почему — никому не известно. Правда, если в те времена здесь было столько же землетрясений, сколько сейчас, я не могу упрекнуть предков в отсутствии здравого смысла. По пути к Большому заливу я едва не отправился на тот свет от жуткого подземного толчка. Чуть не потерял Дуралея — так он обезумел от страха! Если бы Фарли за ним не проследила, я никогда не отыскал бы эту безмозглую скотину!

— Землетрясения бывают и на севере, — возразил Джексом, — в Кроме и на Плоскогорье, а порой и в Айгене, и на Телгарской равнине.

— Только не такие, в котором я побывал, — сказал Пьемур, тряся головой при одном воспоминании о пережитом. — Не такие, когда перед тобой земля проваливается в бездну, а позади вздымается над твоей головой на половину высоты дракона.

— Когда это случилось — три или четыре месяца назад?

— Именно тогда!

— В Южном холде земля только содрогнулась, но и от этого душа у меня ушла в пятки!

— А вы когда-нибудь видели, чтобы из моря вынырнул вулкан, плюющийся золой и раскаленными камнями? — спросил Пьемур.

— Нет, но я подозреваю, что сам ты тоже ничего подобного не видел, — недоверчиво глядя на него, проговорила Шарра.

— Очень даже видел... к тому же, со мной был Н'тон, а он-то не даст сорвать!

— Только не надейся, что я его не спрошу!

— А где это было, Пьемур? — спросил Джексом, завороженный нарисованной арфистом картиной.

— Я потом покажу тебе на карте. Н'тон до сих пор наблюдает за этим районом. Когда мы виделись в последний раз, он сказал, что вулкан уже перестал дымить, и вокруг него образовался остров в форме почти правильного круга...

— И все же я предпочла бы увидеть его собственными глазами, — не желая уступать, заявила Шарра.

— Я тебе это устрою, — добродушно пообещал арфист. — А вот и подходящее дерево! — добавил он и, подпрыгнув, ухватился за нижнюю ветку, а потом проворно забрался наверх. Срываая побеги, усыпанные красными плодами, он опускал их прямо в протянутые руки Шарры и Джексома.

Путь вдоль берега занял у них всего два часа. Зато обратно по узкой тропинке, вьющейся через густой подлесок, они добирались раза в три дольше. Джексом начал понимать тяготы Пьемуровых странствий, когда ему пришлось героически прорызаться сквозь густой кустарник с липучим со-ком. К тому времени, как они вышли к берегу, он в кровь исколол себе пальцы и колени. Джексом совершенно не понимал, куда они идут, но Пьемур ориентировался отлично и вместе с Рутом и файрами не давал им уклоняться от цели.

Когда они, наконец, добрались до дома, только гордость не позволила Джексому сразу рухнуть от изнеможения и заснуть мертвым сном. Но Пьемур только и мечтал о том, чтобы искупаться, а Шарра собиралась готовить на ужин жаренную рыбу, так что Джексом заставил себя превозмочь усталость.

Позже он подумал — вероятно, потому ночью ему и снились такие яркие сны. Главным в них была дымящаяся гора, выплевывавшая золу и докрасна раскаленную лаву, у подножья которой метались толпы людей. Самое неприятное, что Джексом тоже был среди этих людей и ему все время

казалось, что он бежит слишком медленно. Светящаяся красно-оранжевая река, изливавшаяся из кратера вулкана, грозила поглотить его, а он никак не мог заставить себя передвигать ноги побыстрее.

— Джексом! — Пьемур тряс его за плечо. — Ты так кричишь во сне — Шарру разбудишь! — Пьемур замолчал, и тут в предрассветном сумраке они отчетливо услышали стон Шарры. — Пожалуй, ее тоже не мешает разбудить... видно, и ей снятся кошмары.

Но едва Пьемур начал выбираться из-под одеяла, как девушка глубоко вздохнула, а потом задышала ровно и спокойно.

— Это все мои рассказы о вулкане — мне и самому сегодня приснилось извержение, — проворчал Пьемур. — Да еще умять на ночь столько рыбы и фруктов! Я все наверстывал пропущенный обед, — он вздохнул и снова улегся.

— Спасибо тебе, Пьемур.

— За что? — протяжно зевая, поинтересовался арфист.

Джексом перевернулся на другой бок, устроился поудобнее и скоро погрузился в спокойный сон без всяких сновидений.

Утром всех троих разбудил трубный вопль Рута.

— Это Ф'нор! — сказал Джексом, услышав сигнал дракона.

«Ф'нор не один», — добавил Рут.

Джексом, Шарра и Пьемур уже подходили к берегу, когда над ними появились четыре дракона. По сравнению с коричневым Кантом, остальные трое казались мелкими. Вскрикнув от удивления, файры, уgnездившиеся на спине у Рута, стремительно исчезли — остались только Мийр, Талла и Фарли.

Джексом услышал, как Рут сообщил Канту: «У нас Пьемур», — и тут же Ф'нор принял бешено размахивать руками, а потом вскинул их над головой в победном жесте всадников.

Кант спустил своего седока на прибрежный песок и, рявкнув какую-то команду остальным драконам, с довольным видом зашлепал к воде. Рут с готовностью присоединился к нему.

— П'емур — какая встреча! — радостно крикнул Ф'нор, расстегивая на ходу летный костюм. — Я уж начал побаиваться, что ты совсем сгинул!

— Сгинул? — П'емур изобразил оскорбленный вид. — Прямо беда с вами, всадниками! Никакого уважения к тем, кто ходит по земле. Слишком уж вам легко вседается. Прыг вверх — и исчезли! Не успеете моргнуть глазом — и уже на месте! И никаких тебе усилий, — он возмущенно крякнул. — В отличие от вас, я знаю пройденный путь как свои пять пальцев — каждый паршивый пригорок и овражек!

Но Ф'нор только ухмыльнулся и с такой силой хлопнул юного арфиста по спине, что Джексон даже удивился, когда тот устоял.

— Значит, ты как следует позабавишь мастера Робинтона подробным и изрядно приукрашенным рассказом о своих путешествиях!

— Так ты приехал, чтобы отвезти меня к Мастеру Робинтону?

— Не совсем. Он сам направляется к вам! — Ф'нор обвел рукой бухту.

— Что-что?

Порывшись в висящей на поясе сумке, Ф'нор извлек сложенный лист бумаги.

— Вот из-за чего я сегодня добрался к вам! И не забудьте, что обещали мне яйца файров — договорились?

— Что это? — Джексон, Шарра и П'емур обступили коричневого всадника; тот нарочито медленно развертывал сложенный лист.

— Это... холд, который предстоит построить для мастера Робинтона здесь, в бухте.

— Здесь?! — хором воскликнули все трое.

— А как он сюда доберется? — осведомился Джексом. — Ведь ему наверняка не позволят лететь через Промежуток, — он не смог скрыть досады, и Ф'нор, вскинув бровь, понимающе взглянул на него.

— Мастер Идаролай отдал в распоряжение Главного Арфиста свое самое большое и быстроходное судно. Его сопровождают Менолли и Брекки. Морское путешествие никак не может повредить ему.

— Он подвержен морской болезни, — напомнил Джексом.

— Только не на таком большом корабле. — Ф'нор обвел их на редкость серьезным взглядом. — А теперь — за работу. Я привез инструменты и рабочие руки, — он кивнул в сторону дожидавшихся поодаль юных всадников. — Мы расширим вашу хижину и превратим ее в настоящий маленький холд, — сказал он, заглядывая в листок. — Прежде всего, надо вырубить весь тот лесок...

— И тогда наш Главный арфист изжарится на солнце, — вставила Шарра. — Разве ты этого хочешь?

— Не понял...

Шарра взяла у него из рук план и, взглянув на него, неодобрительно нахмурилась. — Маленький холд? — переспросила она. — Да ведь это ваш дурацкий северный замок! Для Южного это просто никуда не годится, — она опустилась на песок и, подобрав осколок раковины, принялась набрасывать чертеж. — Во первых, я не стала бы строить на месте нашего домика, — слишком близко к воде, а здесь бывают довольно сильные шторма. Вот там, подальше, — она показала на восток, — есть небольшой пригород, затененный высокими плодовыми деревьями.

— Высокими деревьями? Да это же пища для Нитей!

— Ох уж эти всадники! Ведь ты на юге, а не на севере! Тут вся земля кишит личинками! Нити прожигают в листьях дырки почти каждую неделю, но растения сами залечивают раны. Зато климат здесь жаркий и нужно, чтобы вокруг было как можно больше зелени — она дает прохладу. Строить лучше на столбах, чтобы здание было поднято над землей — для этого здесь полно камня. Нужно сделать большие окна, а не такие узкие щелки, чтобы по комнатам гулял ветерок. Если уж вам так хочется, можно при необходимости

закрывать их ставнями, но я почти всю жизнь прожила на юге и знаю, какие дома здесь нужны. В них должно быть много окон и сквозные коридоры, чтобы здание хорошо проплывалось... — в такт словам Шарра проводила четкие глубокие линии, хорошо видные даже на сухом песке. — А еще понадобится печь на открытом воздухе. Мы с Брекки занимались стряпней вон в тех выложенных камнем ямках, — она махнула рукой в сторону мыса. — И потом, зачем в доме купальня, если море всего в двух шагах?

— Но против водяных труб ты, надеюсь, не будешь возражать?

— Нет, это, конечно, удобнее, чем таскать воду из ручья. Но кран нужно сделать не только в доме, но и там, где будет кухня. Стоит подумать о баке рядом с очагом — нам может понадобиться горячая вода...

— Ну, ничего не забыто, Главный строитель? — в голосе Ф'нора прозвучало скорее уважение, чем насмешка.

— Если мне придет в голову еще что-нибудь, я тебе сразу же сообщу, — с достоинством ответила девушка.

Усмехнувшись, Ф'нор перевел взгляд на ее набросок.

— Я не совсем уверен, что нашему арфисту придется по душе такое обилие зелени, — озабоченно хмурясь, сказал он. — Вы-то, я знаю, привыкли встречать Нити под открытым небом.

— И мастер Робинтон, кстати, тоже, — заметил Пье-мур. — Знаешь, Шарра права насчет климата и в том, что лучше строить под деревьями. Лес всегда можно вырубить, Ф'нор, да только вырастить его снова не так — то просто!

— Ладно, уговорили! А теперь вы, трое — Б'рефли, К'вам и М'ток, отпустите своих драконов — пусть они поплавают вместе с Рутом и Кантом. Они нам не понадобятся, пока мы не срубим деревья. К'вам, дай-ка мне свой мешок! Ведь топоры, вроде, у тебя? — Ф'нор раздал инструменты, не обращая внимания на ворчание Пье-мура — к чему он месяцами продирался сквозь лес, чтобы теперь его рубить! — Ну-ка Шарра, веди нас к площадке, которую ты выбрала для холда. Мы срубим лишние деревья и используем их как балки.

— Они достаточно толстые, — согласилась девушка, подводя их к облюбованному месту.

И она не ошиблась. Ф'нор обвел контур, где предполагалось возвести здание, и пометил деревья, которые придется свалить. Но одно дело — сказать, и совсем другое — сделать. Топоры не желали вонзаться в древесину, упрямо отскакивая от стволов. Ф'нор слегка растерялся. Пробормотав что-то о тупых топорах, он достал точило. Добившись достаточно острого лезвия ценою порезанного пальца, он предпринял следующую попытку, но, увы, результат был немногим лучше.

— Ничего не понимаю! — заявил он, разглядывая следы топора на стволе. — Почему эта древесина такая твердая? Ведь это всего-навсего плодовое дерево, а не северный строевой лес! Как хотите, ребята, только сегодня мы должны расчистить площадку.

К полудню единственным, кто не стер руки в кровь, оказался Пьемур, который за время своих странствий привык махать топором. Но больше всего их обескуражил смехотворный результат — удалось свалить всего шесть деревьев.

— Ну что, наработались? — спросил, наконец, Ф'нор, отирая пот со лба. — Давайте-ка взглянем, что там приготовила Шарра — пахнет очень соблазнительно!

Пока Шарра заканчивала приготовления к обеду, они успели искупаться. Соленая вода разъедала ссадины, которые девушка смазала холодящим бальзамом. Когда парни прикончили жареную рыбу с тушенными кореньями, Ф'нор отправил их снова точить топоры. До самого вечера обрубали сучья, а потом велели драконам сложить бревна в сторонке. Шарра очистила площадку от травы и кустов, а Рут по ее просьбе притащил с берега черных камней, чтобы отметить опоры будущего здания.

Как только Ф'нор вместе с юными добровольцами отбыли на ночь в свой Вейр, Джексон с Пьемуром рухнули на песок и поднялись только когда Шарра позвала их ужинать.

— Уж лучше обойти кругом весь Большой залив, — ворчал Пьемур, осторожно двигая руками то так, то эдак, и морщась от боли.

— Думай о том, что работаешь для мастера Робинтона, —
посоветовала Шарра.

Джексом задумчиво разглядывал свои ссадины.

— По тому, как у нас продвигаются дела, ему не стоит спешить.

Сжалившись над их страданиями, Шарра растерла одеревеневшие мышцы юношей ароматной мазью, которая почищивала и приятно согревала кожу. Джексому показалось, что его спину она массировала дольше, чем лопатки Пьемура. К счастью, юный арфист не интересовался ничем, кроме совершенно завороживших его записей и карт; но Джексом был бы еще больше доволен, если бы гость добрался до них через денек-другой. Теперь, когда рядом с ним и Шаррой постоянно был третий лишний, Джексом никак не мог упрочить едва завязавшуюся связь с девушки.

На следующее утро возможностей для этого оказалось еще меньше. Шарра разбудила их, сообщив, что прибыл Ф'нор, а с ним — новые помощники.

Джексом должен был бы насторожиться, услышав ее вкрадчивый голос и крики доносившиеся снаружи. И все же он оказался совершенно неподготовленным к зрелищу, которое предстало перед его глазами, когда они с Пьемуром, прихрамывая, вышли из хижины.

Бухта, поляна, небо — все так и кишело людьми и драконами! Как только одного дракона разгружали, он сразу же взлетал, чтобы дать место следующему. Вода в бухте ходила ходуном; огромные тела и крылья зверей гнали волны на берег. Рут застыл на восточном мысу бухточки, задрав голову к небу, то и дело приветственно трубя. На крыше домика собралась целая стая файров, и все они трещали без перерыва.

— О, Великая Скорлупа, — ты видывал что-нибудь подобное? — воскликнул Пьемур. Потом хохотнул и, потирая руки, добавил: — Одно ясно, как день — валить деревья нам сегодня больше не придется!

— Джексом! Пьемур! — услышав энергичный голос Ф'нора, юноши обернулись. Коричневый всадник торопливо шел

к ним. От него не отставали Главный кузнец Фандарел, лесной мастер Бендарек, Н'тон и командир одного из бенденских крыльев — кажется, это был Т'геллан.

— Джексом, не тебе ли я вчера оставил два чертежа? Никак не могу их найти... А, вот они! — Ф'нор взял со стола два наброска — первоначальный, принадлежавший Брекки, и второй, который предложила Шарра, и стал показывать их Главным мастерам. — Вот, взгляни, Фандарел, и ты, Бендарек, какая у нас возникла идея.

Мастера забрали наброски из рук Ф'нора и внимательно изучили их — сначала один, потом другой. Оба при этом медленно и неодобрительно покачивали головами.

— Замысел неплох, Ф'нор, но толку пока маловато, — вынес, наконец, общий приговор огромный кузнец.

— Предводитель Телгара Р'март выделил мне достаточно всадников, чтобы привезти сюда хорошо высушенные бревна для каркаса, — сказал кузнецу Бендарек.

— А у меня есть трубы для воды, металл, чтобы соорудить настоящий очаг и прочую кухонную утварь, петли для окон и дверей и всякие хозяйствственные мелочи...

— Лорд Асгенар настоял, чтобы я взял его каменщиков — нужно как следует выложить фундамент и где надо сделать облицовку...

— Но первым делом, мастер Бендарек, нужно исправить чертеж.

— Вполне согласен. Это очень миленький домик, но для Главного арфиста Перна можно придумать что-нибудь более достойное.

И оба Главных мастера с таким увлечением взялись исправлять набросок, что вовсе перестали замечать окружающих. Они перешли к столу, который Джексом отвел для своих карт, и Пьемур, метнувшись к ним, едва успел спасти свои зарисовки и обмеры. Бендарек, не обратив никакого внимания на его вмешательство, взял первый попавшийся листок и, вытащив из кармана палочку для письма, стал четкими уверенными линиями набрасывать свой замысел. Главный кузнец тоже схватил листок и принялся чертить свое.

— Сказать по правде, Джексом, — лукаво прищурив глаза, проговорил Ф'нор, — я ведь только спросил Ф'лара с Лессой, можно ли мне взять еще несколько помощников. Лесса окинула меня суровым взглядом, а Ф'лар позволил взять столько свободных всадников, сколько мне потребуется. И что ты думаешь? На рассвете вокруг Вейра собралась толпа драконов и половина Главных мастеров Перна! Должно быть, Лесса переговорила с Рамотой, а та — со всем Перном...

— Они все только и ждали предлога, Ф'нор — и ты его дал! — произнес Пьемур, наблюдая суматоху, воцарившуюся на некогда тихом берегу. Повсюду суетились толпы всадников и ремесленников, деловито перетаскивавших по песку все новые гру́зы.

— Понимаю, только я никак не ожидал такого единодушного отклика. Ну как я мог им запретить приехать сюда?

— Я думаю, — сказала подошедшая к ним Шарра, — что они таким образом выражают любовь и уважение к Главному арфисту. — Но Джексом поймал ее взгляд и понял, что девушка разделяет его чувства по поводу этого нашествия на их мирную, уединенную бухточку, где они еще так недавно были вдвоем.

Тут Джексом заметил, что на него смотрит Ф'нор, и изобразил на лице бледное подобие улыбки.

— Зато теперь наши вчерашние волдыри заживут — правда, Пьемур? — пробормотал он.

Пьемур кивнул. Молодой арфист наблюдал лихорадочную деятельность, разворачивающуюся на берегу, и на скулах у него ходили желваки.

— Пойду-ка я поищу Дуралея. От этой суматохи бедолага, верно, забился куда-нибудь в чащу. Фарли! — он протянул руку, и с крыши слетела его огненная ящерица. — Ищи Дуралея, Фарли! Веди меня к нему!

Оглянувшись через левое плечо, ящерица чирикнула, и Пьемур, ни на кого не глядя, удалился в указанном направлении.

— От долгого одиночества парень совсем одичал! — засмеялся Ф'нор.

— И не мудрено.

— Так ты тоже понимаешь, что он чувствует? — рассмеялся Ф'нор, услышав скромный ответ Джексома. — Я бы, Джексом, на твоем месте, не поддавался подобным чувствам, — сказал коричневый всадник, хлопнув юношу по плечу. — С такими-то помощниками ты и оглянуться не успеешь, как холд будет готов. И снова вокруг воцарится милый твоему сердцу покой...

— Ну что за глупцы! — внезапно воскликнула Шарра.

Стараясь не замечать недоуменного взгляда Ф'нора, Джексом посмотрел на девушку. Она прислушивалась к беседе, которую вели между собой два Главных мастера.

— Теперь придется доказывать им! — сердито сжав кулачки, Шарра решительно зашагала туда, где совещались Фандарел с Бендареком.

— Уважаемые мастера, я хочу напомнить вам о том, что вы совершенно не учли. У нас жаркий климат. А вы оба привыкли к морозным зимам и моросящим дождям. Если вы построите холд вот так, — она ткнула пальцем в их наброски, — то его обитатели в летний зной задохнутся от жары, а лето, между прочим, уже на носу. У нас дома, в Южном холде, строят так: стены возводят толстые, чтобы дом не нагревался от солнца и внутри было прохладно. Дома ставят на столбах, чтобы под полом гулял ветер, и делают много окон, причем больших, — ведь ты, мастер Фандарел, привез сюда столько металлических ставен, что хватит на целую дюжину холдов! Нет, я вовсе не забыла про Нити, но они, в отличие от жары, бывают все же не каждый день. И еще...

Ф'нор прищелкнул языком:

— Послушаешь — вылитая Брекки! Сейчас войдет в раж, а посему я бы предпочел куда-нибудь удалиться, — он ткнул Джексома в грудь. — Вот ты и покажешь нам, где здесь можно поохотиться. Мы навезли еды с собой, но раз уж ты, по сути дела, здешний лорд, то тебе придется угощать нас жареным мясом.

— Сейчас, только возьму летное снаряжение, — с таким облегчением воскликнул Джексом, что все трое всадников расхохотались.

Джексом быстро натянул длинные кожаные штаны, набросил на плечи тунику и присоединился к всадникам, ожидавшим его на пороге.

— Думаю, можно взлететь с мыска, что на левой стороне бухты — там, где сейчас Рут, — предложил Ф'нор.

Что-то просвистело у Джексома над самым ухом, и, невольно пригнувшись, он увидел позади себя Мийр. Она висела в воздухе, сжимая в лапках обломок черного прибрежного камня. Джексом услышал, как Шарра поблагодарила ящерицу за быстрое возвращение.

Он поспешил скрыться, пока ему не нашли какое-нибудь занятие. Ф'нор прихватил веревочные арканы, которые они тщательно проверили и, смотав, повесили через плечо. Когда они пробирались меж штабелей разнокалиберных бревен, груд железных ставен и кип тюков с неизвестным содержимым, встречные окликали всадников и спрашивали Джексома о здоровье.

Пока дошли до окончности бухты, Джексом успел встретить всадников из всех Вейров, кроме Телгара — там сегодня ожидали нашествие Нитей — и представителей всех цехов, причем, рангом не ниже помощника мастера. Он так долго был отрезан от мира, что даже не подозревал, насколько во всех Вейрах, Цехах и холдах озабочены здоровьем лорда руатанского. Юноша был смущен и, одновременно, ему льстило это внимание; однако он никак не мог смириться, что неожиданное вторжение — пусть даже вызванное самыми благородными побуждениями — нарушило тишину и уединение мирной бухточки.

Как назвал его Ф'нор? Здешний лорд? Он встряхнулся — рядом с ним, роняя брызги, неслышно опустился насквозь промокший Рут.

«Сколько народа! Сколько драконов! До чего же весело!» — его выпуклые глаза сверкали радостью и волнением.

Белый дракончик, который рядом с двумя огромными бронзовыми и почти столь же громадным коричневым казался особенно маленьким, был в таком восторге от всего происходящего, что Джексом не мог оставаться безучастным.

Рассмеявшись, он ласково потрепал Рута по плечу и прыгнул ему на шею. Остальные всадники уже оседлали своих

драконов, и Джексом, подняв сжатую в кулак руку, потряс ее в воздухе, давая команду на взлет. Продолжая смеяться, он покрепче ухватился за складку на шее Рута, и тот взмыл вертикально вверх. Белый был уже высоко, когда его более тяжелые спутники, наконец, оторвались от земли. Рут училико сделал круг над бухтой, ожидая, когда все поднимутся, а потом, повернув на юго-восток, возглавил строй.

Он направлялся в сторону самого дальнего из прибрежных лугов, которые отыскивали они с Шаррой. Обычно птицы и скакуны пробирались туда по утрам поваляться в воде и прохладном иле. Там хватало места, чтобы большие драконы могли развернуться, предоставив своим всадникам возможность сделать точный бросок.

Как они и ожидали, на влажных речных лугах, там, где берег пологими уступами спускался от окраины леса к реке, в изобилии паслись стада животных и стаи птиц. Из-за постоянных затяжных дождей деревья не могли укорениться на прибрежном косогоре, зато травы вырастали по пояс: сейчас они пышно зеленели, но уже скоро безжалостный летний зной спалит их, превратив в сухое сено.

«Охотиться будем поодиночке. Ф'нор велит нам добыть птицу, да покрупнее. Каждый должен постараться поймать самца — на сегодня этого хватит».

— А если и не хватит, — ответил Джексом, — всегда можно будет наловить побольше рыбы.

Юноше не терпелось испытать свои силы. Он еще никогда не охотился с арканом... Вот он выследил птицу — отличного крупного самца. Он горделиво покачивал хвостовым гребнем, величаво выступая вслед за самками. Покрепче сжав ногами шею Рута, Джексом взял в руку конец веревки, к которому были прикреплены крючья. Потом показал предполагаемую добычу Руту и тот круто нырнул вниз, отвел крылья, чтобы Джексому было удобнее бросать аркан. Поджатые лапы дракона едва не коснулись высокой травы; юноша свесился вбок и ловко метнул аркан, обвив петлей большую уродливую голову самца. Птица попятилась, еще больше затягивая веревку. Джексом нажал каблуками, и дракон послушно взмыл вверх. Ловкий рывок — и птичья шея хрустнула, как сухая ветка.

Птица оказалась такой тяжелой, что Джексом чуть не вывихнул плечо. Рут пришел ему на помощь, подхватив веревку передними лапами.

«Ф'нор нас похвалил. Говорит, что надеется управиться не хуже».

Джексом направил Рута к дальнему краю луга. Опустив ношу на землю, Рут сел, и Джексом принялся обвязывать веревку вокруг его шеи. Затем они поднялись, чтобы посмотреть, как Т'геллан доблестно преследует улепетывающую жертву — крупного самца, которого он не сумел поймать с первого раза. Ф'нор и Н'тон же закончили охоту — под шеями их драконов свисали жирные туши. Ф'нор торжествующе потряс кулаком, и они с Н'тоном, развернувшись, отправились в обратный путь. Поворачивая вслед за ними, Джексом увидел, что со вторым броском Т'геллану повезло больше, но всадник слегка замешкался, так что пришлось взять круто вверх, чтобы не задеть за вершины деревьев. И все же охота удалась на славу. Они так быстро управились, что дичь не успела даже как следует испугаться. К завтрашнему дню, когда планировался очередной набег, стая совсем успокоится.

До бухты добрались без приключений; правда, обратная дорога заняла немного больше времени, поскольку они возвращались с добычей. За время их отсутствия на краю леса появилась обширная поляна.

«Непонятно, как даже при таком количестве народа им удалось повалить столько деревьев», — удивился про себя Джексом, и тут же увидел, как дракон с корнями вырвал ствол из земли и понес на берег соседней бухты, где уже высился целый штабель бревен. На поляне уже были готовы столбы из черного прибрежного камня, на них опирались балки из высушенной, хорошо обработанной твердой древесины, которые доставил сюда мастер Бендарек. К дому, плавно изгибаясь, вела широкая дорожка, посыпанная золотистым песком, который драконы наносили с берега в мешках из-под огненного камня. По краям поляны многочисленные ремесленники трудились не покладая рук — пилили, стро-

гали, приколачивали, подгоняли; от мыса на краю бухты к поляне протянулась длинная цепочка людей — они таскали куски черного камня и складывали в кучи.

Джексом заметил, что на восточном краю бухты уже выкопаны ямы для жаровен, а над ними установлены металлические вертелы; в ямах пыпал огонь. В тени стоят шеренги столов, на которых груды красных, золотистых, зеленых плодов.

Спланировав над бухтой, Рут мягко приземлился. Увидев, что Джексом начал отвязывать добычу, двое мужчин, возвившихся у ям, бросились ему на помощь. Избавившись от груза, Рут сразу же улетел купаться, освободив место большим драконам. Стягивая летное обмундирование, Ф'нор не спеша прошел к Джексому. Всадник, прикрыв глаза ладонью от ослепительного сверкающего солнца, наблюдал за кипучей деятельностью, которая разворачивалась на берегу некогда пустынной бухты. Глубоко вздохнув, он вдруг кивнул головой, словно увидел нечто, вызвавшее у него искреннюю радость.

— Теперь я вижу, что все прекрасно образуется, — сказал он, обращаясь скорее к себе самому, нежели к Джексому. Потом обернулся к юноше и, обхватив его за плечи, добавил: — Да, переезд не составит для них проблемы.

— Переезд?

Ф'нор явно имел в виду не строительную лихорадку, связанную с прибытием Главного арфиста.

— Я говорю о всадниках, которые вернутся к земле, к хозяйству. Много ли тебе удалось здесь разведать?

— Прибрежные бухты — до тех лугов, где мы были сегодня. Да еще ближайшие окрестности — позавчера мы с Пьемуром сделали пешую вылазку.

Они оба, не сговариваясь, повернулись к вершине вулкана, которая правильным конусом выделялась на фоне облаков.

— Так и притягивает взгляд, да? — ухмыльнулся Ф'нор. — Ты, Джексом, первым достигнешь ее. И вообще, я хотел бы, чтобы вы с Пьемуром начали серьезные исследования в том районе. Ты ведь не станешь возражать, верно? Вам

с Пьемуром это пойдет только на пользу. А теперь, пока я не забыл, где та кладка огненной ящерицы, о которой ты говорил?

— Там двадцать одно яйцо, и я хотел бы, если можно, взять пять себе...

— Что за вопрос!

— Забросишь их в Руат?

— Сегодня же вечером!

— А знаешь, вот что любопытно... — Джексон пристально огляделся по сторонам.

— Что именно?

— Обычно здесь бывает куда больше файлов. А сейчас я едва насчитал полдюжины. И все они помечены.

Глава 17

*Форт холд, Вейр Бенден, бухта Джексона, борт
«Рассветной Сестры»; пятнадцатый Оборот,
первый и второй дни десятого месяца.*

С улыбками наблюдая, как их файры обмениваются приветствиями, трое мужчин удобно расположились вокруг стола. Встреча проходила в малом зале Форт холда, где лорд Грох проводил конфиденциальные беседы. Сибел часто бывал здесь, но еще никогда не выступал в роли представителя Цеха арфистов — да еще в присутствии Предводителя Вейра; последнее означало, что лорд Грох придает их встрече особое значение.

— Прямо не знаю, с чего начать, — произнес хозяин, разливая вино: Сибел решил, что начало вовсе неплохое, тем более, что лорд Грох удостоил их бенденским. — Ну, да я человек прямой. Дело вот в чем.. В свое время я поддержал Ф'лара, когда он победил Трона, — Грох кивнул своему Предводителю Вейра, — потому что был уверен — правда на стороне Бендена. Он правильно сделал, что сослал этих бездельников туда, где от них меньше вреда. Пока древние сидели у себя в Южном, можно было оставить их в покое, раз они не беспокоили нас — по большей части, так оно и было. — Лорд Грох оглядел из-под нависших бровей сначала Н'тона, потом Сибела.

Поскольку оба его собеседника знали, что время от времени в Форт холде случались пропажи, винить в которых можно было только отколовшихся Древних, они согласно кивнули. Лорд Грох откашлялся и сложил руки на толстом животе.

— Суть в том, что они уже почти вымерли или скоро вымрут. И тогда конец нашим бедам. Д'рам уже собирает всадников из других Вейров, чтобы возродить Южный, восстановить там былые порядки, биться с Нитями и все такое. Что ж, я только за! — Он наградил и арфиста, и всадника долгим красноречивым взглядом. — Г-ммм. Ведь все это — к лучшему, разве не так? Южный получит дополнительную

защиту от Нитей, его землям ничто не будет угрожать. Я знаю, что там возник холд. Стараниями молодого Торика. Я не собираюсь подвергать сомнению его права — ни в коей мере! Он их заслужил. Но Вейр полного состава может защитить куда больше земель — ведь верно? — он бросил пронзительный взгляд на Н'тона, но Предводитель молчал, сохранив на лице выражение вежливой заинтересованности, и тем самым вынуждая лорда Гроха продолжать свой монолог.

— Г-ммм.. Вся беда в том, что на шее у меня целая орава юнцов, которых нужно научить управлять холдом. Да они сами только об этом и мечтают! А пока от безделья знай грызутся да тузят друг друга. А отдашь их на воспитание — приходится брать чужих сыновей, которые тоже только и знают, что грызться да тузить, чтоб им пусто было! Каждому нужен свой собственный холд, — лорд Грох стукнул кулаком по столу, чтобы его заявление лучше дошло до слушателей. — Но я ведь не могу больше дробить свою землю — и так уже каждый мало-мальски пригодный участок давно распахан. И не могу согнать с земли людей, чьи отцы, деды и прадеды были нашими подданными. Разве истинный лорд может так поступить? И я не сделаю этого даже ради своих детей — ни за что на свете!

— Я никогда не предложил бы то, что собираюсь предложить, будь обстановка на юге такой, как при Древних. Но ведь они больше не у дел. Теперь все решает Д'рам, а он, как известно, человек Ф'лара. При нем в Вейре наступит порядок и процветание, так почему бы не основать там новые холды?

Лорд Грох переводил взгляд с арфиста на Предводителя Форта, видимо, ожидая возражений..

— Ведь на Южном полно свободных земель, разве я не прав? Никто даже толком не знает, сколько их там. Но я слышал, как мастер Идаролан говорил, что один из его кораблей много дней плыл вдоль побережья. Как вам это понравится?

— Много дней! — он захихикал, смех перешел в хохот, колыхавший тучное тело властителя холда. Он не мог вымолвить ни слова — только бессильно тыкал толстым пальцем

то в одного собеседника, то в другого, пытаясь заменить жестами слова, которые никак не мог выговорить из-за смеха.

Тем временем Н'тон и Сибел обменивались недоуменными взглядами и только пожимали плечами, не в силах понять, что так развеселило престарелого лорда и что он пытается им поведать. Наконец, раскаты смеха, сотрясавшие Гроха, постепенно стихли, и он, ослабев от хохота, принялся утихать слезы.

— Спелись! Вот что я вам скажу, дорогие мои, — вы отлично спелись! — с трудом вымолвил он, борясь с одышкой. Потом долго кашлял и хлопал себя по груди, чтобы остановить приступ. И вдруг, так же внезапно, как развеселился, обрел полнейшую серьезность. — Но я не могу вас винить. И не стану. Секреты Вейра — дело святое. Я все понимаю. И прошу вас только об одной услуге — поговорите с Ф'ларом. Напомните ему, что нападение всегда лучше обороны. Я не хочу сказать, что он этого не понимает. Только я считаю, — лорд Грох ткнул себя пальцем в грудь, что ему лучше быть начеку... Беда в том, что весь Перт уже знает — Главный арфист отправляется для поправки здоровья на Южный. Конечно, каждый готов пожелать нашему славному арфисту скорейшего выздоровления. И в то же время люди смекнули, что Южный перестал быть закрытым материком.

— Южный так велик, что невозможно целиком защитить его от Нитей, а ведь они и там все еще падают, — объяснил Н'тон.

Лорд Грох закивал и пробормотал, что это ему известно.

— Только люди-то знают, что можно пережить падение Нитей даже не имея холда! — он прищурился и в упор взглянул на Сибела. — Твоей-то подружке Менолли это удавалось! Я сам слышал, как она рассказывала, что Древние не очень-то помогали Торику разбираться с Нитями.

— Скажи, лорд Грох, — спокойно осведомился Сибел, — а ты-то сам когда-нибудь бывал под открытым небом во время Падения?

Лорд грох невольно вздрогнул.

— Случилось однажды... Я понимаю твой вопрос, арфист. И все же это единственный способ отделить юнцов от зрелых

мужчин! — он победоносно кивнул. — Да, именно в этом состоит моя идея — отделить юнцов от мужчин! — он взглянул на Н'тона и, хотя лицо его было непроницаемо, в глазах играла хитрая усмешка. — А Вейры разве не хотели бы отделить своих мальчишек?

К удивлению лорда, Н'тон весело рассмеялся.

— Похоже, что пришло время отделяться нам, а не мальчишкам, лорд Грох.

— Это как же?

— Мы сегодня же передадим твое предложение Ф'лару, — как бы скрепляя свое обещание, Предводитель Вейра поднял кружку с вином.

— На большее я и не рассчитывал! А теперь скажи, Сибел, есть ли какие-нибудь новости о мастере Робинтоне?

Глаза Сибела весело блеснули.

— Вот уже четыре дня, как он отбыл из Исты. Наслаждается морским путешествием.

— Ха! — всем видом лорд Грох изобразил недоверие.

— Мне, во всяком случае, сказали, что он наслаждается, — уточнил Сибел. — А какого он сам об этом мнения...

— Уж не в то ли дивное местечко он направляется, где держат юного Джексома?

— Держат? — Сибел в притворном ужасе воззрился на лорда Гроха.

— Его никто там не держит, просто пока парню нельзя летать в Промежутке.

— Был я в той бухточке. Красота! Где она, кстати, находится?

— На юге, — ответил Сибел.

— Так... Значит, не скажешь? Не скажешь! Что ж, я тебя не виню. А место, действительно, прекрасное. Теперь ступайте-ка вы оба и не забудьте передать Ф'лару, что я вам сказал. Не думаю, что я буду последним, но лучше бы мне быть в числе первых. Лучше для него. И для меня тоже. А то мои мерзопакостные сынки доведут меня до могилы, — лорд Грох поднялся, а вслед за ним и его гости. — Когда увидишь своего мастера, Сибел, передай, что я о немправлялся.

— Непременно, мой господин.

Когда все трое двинулись к выходу, Мерга, маленькая королева Гроха, что-то весело прощебетала Сибеловой Кими и Н'тонову Трису, из чего арфист сделал вывод, что Грох остался вполне доволен беседой.

Ни Сибел, ни Н'тон не проронили ни слова, пока не спустились с широкого пандуса, который вел от просторного двора Форт холда к мощеной булыжником главной дороге.

Вдруг Н'тон услышал тихий довольный смешок арфиста.

— Сработало, Н'тон! Ты видишь — сработало!

— Что сработало?

— А то, что лорд просит разрешения Предводителей Вейров отправиться на Южный!

— А что здесь, собственно, такого? — с недоумением осведомился Н'тон.

Ухмыльнувшись во весь рот, Сибел торжествующе взглянула на приятеля.

— Клянусь Скорлупой! Оказывается, и с тобой тоже сработало! Забросишь меня в Вейр Бенден? Грох прав. Возможно, он будет первым... хотя зная прыть лорда Кормана, я в этом сомневаюсь. Но последним он не будет — уж это точно!

— Послушай, Сибел! А со мной-то что сработало?

Арфист ухмыльнулся еще шире, его карие глаза смеялись.

— Мой друг, секреты Цеха — дело святое!

Возмущенно фыркнув, Н'тон остановился посреди пыльной дороги.

— Или ты мне скажешь, или я не тронусь с места! — нетерпеливо потребовал он. — Будешь добираться в Бенден пешком!

— Ох, Н'тон, неужели тебе самому не ясно? Пораскинь мозгами, пока мы будем лететь до Бендена! А если так и не додумаешься, я тебе там объясню. Мне все равно придется сообщить Ф'лару о том, что произошло.

* * *

— Так, значит, и лорд Грох туда же? — Ф'лар окинул молодых людей задумчивым взглядом.

Он только что вернулся с равнин Керуна, куда вылетал отражать атаку Нитей. После боя состоялась неожиданная беседа с лордом Корманом, протекавшая под беспрестанное хлюпанье длинного, вечно мокрого носа лорда.

— Так сегодня Нити падали над Керуном? — поинтересовался Сибел, и когда Ф'лар скрчил недовольную гримасу, молодой мастер с усмешкой повернулся к Н'тону. — Вот видишь — лорд Грох все-таки не первый!

Ф'лар дал выход накопившемуся раздражению, звучно шлепнув по столу летними перчатками.

— Прошу извинить за вторжение, мой господин, — сказал Сибел. — Тебе, наверное, не терпится отдохнуть, но если лорду Гроху не дают покоя пустующие земли Южного, другие наверняка тоже о них подумывают. Он считает, что тебя следует об этом предупредить.

— Предупредить — вот как? — Ф'лар отбросил со лба темную прядь и мрачно налил себе вина. Потом, вспомнив о гостеприимстве, налил и Н'тону с Сибелом.

— Мой господин, все не так уж плохо.

— Своры безземельного сброда вот-вот хлынут на Южный, а ты говоришь, что все не так плохо?

— Им сначала придется попросить разрешения Бендана!

Ф'лар, который только что отхлебнул вина, чуть не поперхнулся от неожиданности.

— Попросить разрешения? У Бендана? Это еще почему?

— Спроси у мастера Робинтона! — ухмыляясь во весь рот, ответил Н'тон.

— Извини, но что-то я тебя не понимаю, — признался Ф'лар, усаживаясь и вытирая с губ капли вина. — Какое отношение имеет мастер Робинтон, который, как я надеюсь, благополучно направляется к берегам Южного, к притязаниям Гроха, Кормана и еще невесть кого, кто желает сплавить туда своих многочисленных отпрысков?

— Ты ведь занешь, что Главный арфист часто посыпал меня то на север, но на юг. В последнее время, кроме своих основных обязанностей, я выполнял два очень важных поручения. Во-первых, я должен был выяснить, что думают в малых холдах о своих обязательствах по отношению к Вейру

и своему главному холду. И, во-вторых, — укрепить в людях уверенность, что весь Перн обязан ориентироваться на Вейр Бенден!

Ф'лар зажмурился и потряс головой, как будто хотел получше освоиться с этой мыслью. Потом склонился к Сибелу.

— Продолжай, это весьма интересно.

— Только Бенден смог по достоинству оценить перемены, произошедшие в холдах и цехах за долгий Интервал, потому что и сам Вейр менялся с течением времени. Это вы, Предводитель Бендена, спасли Перн от нашествия Нитей, когда никто даже не предполагал, что они могут появиться вновь. Это вы защитили Перн от притязаний Древних, которые не смогли смириться с теми переменами, которые произошли в холдах и цехах. Вы отстояли права холда и мастерской перед всадниками и отправили в изгнание тех, кто не хотел согласиться с главенствующей ролью Бендена.

— Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь так ловко это сформулировал, — признался Ф'лар.

Н'тон с удовольствием отметил, что Предводитель Бендена явно не в своей тарелке — несмотря на некоторое смущение, он был польщен услышанным.

— И поэтому Южный оказался практически закрыт.

— Ну, не совсем закрыт, — возразил Ф'лар. — Людям Торика всегда удавалось проскользнуть незаметно, — он нахмурился, вспомнив о результатах, к которым привело это послабление.

— Ты прав, они выбирались на север, но торговцы, да и все прочие, отправлялись на юг только с позволения Бендена.

— Что-то не припоминаю, чтобы я говорил об этом в Телгаре, когда случился наш поединок с Т'роном, — Ф'лар с усилием вспомнил, что же еще происходило в тот роковой день, кроме свадьбы, поединка, и падения Нитей.

— Ну, может быть, об этом не говорилось так уж прямо, но ты тогда попросил поддержки и получил ее — на твою сторону встали три Предводителя Вейров, все правители холдов и цеховые мастера...

— И мастер Робинтон отсюда сделал вывод, что всеми делами Южного распоряжается Бенден?

— Что-то в этом роде, — предпочел не уточнять арфист.

— Но не так прямо, а, Сибел? — спросил Ф'лар, уже в который раз дивясь изобретательности Главного арфиста Перона.

— Да, мой господин. Он счел правильным, учитывая твоё желание предоставить часть Южного всадникам, чтобы они могли перебраться туда во время следующего Интервала.

— Я не мог даже предположить, что мастер Робинтон принял мое случайное замечание так близко к сердцу.

— Мастер Робинтон всегда заботится прежде всего об интересах Вейра.

Ф'лар с раскаянием вспомнил тягостное отчуждение, возникшее между ними после резкого выступления Главного арфиста в тот день, когда было похищено яйцо. Но и в тот раз, даже если это было не совсем ясно, Робинтон действовал прежде всего в интересах Вейра. Ведь стоило Лессе напустить северных драконов на несчастных стариков с Южного...

— Мы многим обязаны Главному арфисту.

— Но ведь без Вейров... — Сибел широко развел руками, показывая, что другого выхода у Робинтона не было.

— Не все холды согласятся с этим, — с горечью проговорил Ф'лар. — Кое-кто и поныне считает: Вейры, мол, только потому не захотели выжечь Алую Звезду, что исчезновение Нитей положило бы конец их господству на Перне. Или мастеру Робинтону удалось изменить и это мнение?

— В этом не было необходимости, — усмехнулся Сибел, — во всяком случае, — после того, как Ф'нор с Кантом попытались добраться до Алой Звезды. Теперь люди считают: когда Нити в небе, всадники должны летать, — он почти пропел строфы древней баллады.

— Разве не известно, — Ф'лар старался, чтобы в его голосе не прозвучало презрение, — Древние весьма редко удосуживались вылетать против Нитей на защиту Южного?

— Об этом мало кто знает. Но, думаю, ты согласишься со мной: одно дело размышлять — каково это оказаться во время Падения под открытым небом, и совсем другое — перенести это на своей шкуре!

— Тебе это доводилось?

— Не раз, — хмуро ответил Сибел. — И тогда я больше всего на свете мечтал оказаться под крышей, — он пожал плечами. — Я, конечно, знаю, что дело тут в привычке, укоренившейся с самого детства... Однако я предпочел бы, чтобы во время атаки Нитей над моей головой висела пара боевых крыльев!

— В итоге выходит, что проблема Южного передо мной встает снова?

— И какая же у нас проблема с Южным? — незаметно войдя в вейр, осведомилась Лесса. — Я полагала, что всем уже давно ясно: право на Южный в первую очередь принадлежит нам!

— Похоже, по этому вопросу разногласий нет, — ухмыльнулся Ф'лар, — благодаря нашему добруму мастеру Робинтону.

— Тогда в чем же проблема? — кивком поздоровавшись с Н'тоном и Сибелом, Госпожа Вейра устремила строгий взгляд на супруга.

— Только в том, какую часть Южного мы откроем для младших сыновей лордов, пока они сами не превратились в проблему. После Падения у меня состоялся разговор с Корманом.

— Я наблюдала за вашей беседой. Честно говоря, с тех пор, как нам снова приходится разбираться с Древними, я все время ждала, когда же всплынет этот вопрос, — Лесса расстегнула пояс туники и тяжело вздохнула. — Ну, и что же дальше? Как там Джексом — с пользой проводит время в своей бухте?

Сибел извлек из кармана объемистый сверток.

— Да, и не он один. Может быть, это, Лесса, поможет тебе отвлечься от неприятных мыслей, — с явным торжеством Сибел развернул тщательно склеенные листы большой карты. Кое-где на ней оставались белые пятна, но полоса вдоль четко обозначенной береговой линии пестрела разными цветами и пометками. На полях стояли даты и имена тех, кто запечатлел отдельные фрагменты. Вытянутый мыс, выдающийся в сторону оконечности Нерата, был целиком заполнен, на нем были видны знакомые Предводителям Южный Вейр и холд. По обе стороны от этого ориентира расстила-

лись бескрайние просторы континента, с запада ограниченные обширной песчаной пустыней, которая протянулась по берегам огромного залива. К востоку, на еще большем удалении от Южного мыса, изрезанная береговая линия круто изгибалась к югу; на самом краю была видна высокая симметрическая гора и маленькая бухточка, помеченная звездой.

— Вот все, что нам пока известно о Южном материке, — сказал Сибел после паузы, во время которой всадники изучали карту. — Как видите, нам даже не удалось изобразить полностью побережье, не говоря уже о внутренних районах. Но на то, чтобы незаметно собрать эти сведения, ушло три полных Оборота.

— Кто же все это сделал? — с живейшим интересом спросила Лесса.

— Очень многие, в том числе и я, Н'тон, Торик и его холдеры, но основную работу проделал молодой арфист по имени Пьеумур.

— Так вот, оказывается, чем он занимался, когда у него начал ломаться голос, — удивленно проговорила Лесса.

— Судя по масштабу этой карты, — с расстановкой произнес Ф'лар, — весь Северный Перн может легко уместиться на западной половине Большого залива.

Сибел поместил большой палец на выступ Южного мыса и, веером растопырив остальные, направил их на запад, прикрыв часть карты.

— Эту площадь вполне можно было бы отдать правителям холдов, — услышав, порывистый вздох Лессы, он положил правую ладонь на восточную часть материка. — Но Пьеумур клянется, что лучшая часть Южного — здесь!

— Рядом с горой? — спросила Лесса.

— Рядом с горой!

* * *

Пьеумур вышел из леса, когда над бухтой уже сгущалась тьма. В поводу он вел Дуралея, над головой у него кружилась Фарли. Подойдя к хижине, он бросил к ногам Шарры связку зрелых плодов.

— Вот! Это за то, что мы смылись сегодня утром, — выжидательно улыбаясь, сказал он и присел на корточки. — Как видишь, не один Дуралей пришел в ужас от сегодняшнего столпотворения, — он сделал вид, что вытирает со лба испарину. — Я не лицезрел такого нашествия с тех пор, как в последний раз побывал на собрании в Южном Болле. А это было два Оборота назад! Я уж испугался, что они останутся здесь навсегда! Завтра, небось, снова вернутся?

Услышав жалобные нотки в его голосе, Джексом рассмеялся и кивнул головой.

— Я переношу все это ничуть не лучше тебя. Мне удалось улизнуть под предлогом охоты. Потом я нашел место, где полно рыбы, и весь вечер провозился с сетью, — он махнул рукой в сторону соседней бухты.

Пьемур понимающе кивнул.

Странное это чувство — не хочется, чтобы вокруг были люди, и все тут! Мне даже показалось, что на всех не хватает воздуха. Глупо получается... — он обвел взглядом темнеющие горы грузов, сваленных по краю бухты. — Ведь мы не в душном холде, где приходится обмахиваться веерами! — он покачал головой. — И чтобы такое случилось со мной, арфистом, общительным парнем — чтобы я бегом бежал от людей... быстрее Дуралея! — он насмешливо фыркнул.

— Если вас это хоть как-то утешит, мне тоже было немногого не по себе — призналась Шарра. — Спасибо за фрукты, Пьемур. Эта... эта орда смела все, что у нас было. Осталось разве что немножко жареной птицы да пара рыбешек.

— Я бы съел даже Дуралея, но боюсь, он слишком жесткий, — Пьемур облегченно вздохнул и опустился на песок.

Шарра рассмеялась и пошла принести ему что-нибудь поесть.

— Даже не хочется думать, что завтра сюда снова хлынут толпы народа, — проговорил Джексом.

— Вполне тебя понимаю, — юный арфист ухмыльнулся. — А ты знаешь, Джексом, что я бывал в таких местах, где вообще не ступала нога человека? Я видел места, которые пугали меня до холодного пота, и такие, с которыми мне было никак не расстаться — до того они меня околдовали, —

Пьемур сокрушенно вздохнул.— Вот туда я бы с удовольствием добрался!— он сел и уставился в небо.— Вот, наконец, и они. Жаль, у меня нет дальновидящего прибора!

— Кто они?— Джексом обернулся в ту сторону, куда указывал Пьемур, ожидая увидеть драконов:

— Так называемые Рассветные Сестры. Здесь их можно увидеть только в сумерках и на заре, да и то очень высоко. Смотри — видишь вон там три яркие точки? Сколько раз в пути я использовал их как ориентиры!

Джексом сразу нашел три звезды, сиявшие почти немигающим светом, и удивился — как это он не замечал их раньше?

— Скоро они погаснут,— продолжал Пьемур,— если только не зайдет одна из лун. Потом их можно будет увидеть незадолго до рассвета. Нужно будет не забыть спросить о них Вансора. Они ведут себя совсем не так, как положено обычным звездам. Ты случайно не знаешь, наш звездных дел мастер не включен в команду, которая занята постройкой холда для Главного арфиста?

— Пожалуй, он единственный, о ком забыли,— отозвался Джексом.— Соберись с духом, Пьемур. Судя по тому, как кипела сегодня работа, они скоро закруглятся. А что ты хочешь спросить про Рассветных Сестер?

— Они ведут себя не как все звезды. Разве ты сам не замечал?

— Нет... ведь по вечерам, а особенно перед рассветом, я обычно бываю под крышей.

Пьемур погрозил Рассветным Сестрам пальцем.

— Все звезды меняют положение, а эти — никогда!

— Не может быть! В Руате они находятся над самым горизонтом, так что их почти не видно.

Пьемур покачал головой.

— Они стоят на одном месте — вот что я имел в виду. В любое время года, когда бы я здесь ни оказался, они всегда на том же самом месте.

— Но это просто невозможно! Невероятно! Вансор говорит, что у каждой звезды есть свой небесный путь — совсем как...

— Они неподвижны, все время стоят на одном месте.

— Говорю тебе, это невозможно!

— Что невозможно? Кончайте препираться, — велела Шарра, которая вернулась с подносом, уставленным едой, и винным бурдюком, переброшенным через плечо. Поставив перед Пьемуром тарелку, она налила всем вина.

Пьемур с урчанием набросился на жареную рыбу.

— И все же я пошлю записку Вансору, — промычал он. — Не пристало звездам так странно себя вести!

* * *

Ветер стих, и это разбудило Главного арфиста. Заир, свернувшись на подушке у самого его уха, тихонько чирикнул. Над головой у Робинтона был натянут навес от солнца, но проснулся он от удушливой жары.

Как ни странно, рядом с ним никого не оказалось; такое отсутствие надзора приятно удивило его. Арфиста трогала забота окружающих, но иногда их неусыпная опека начинала ему докучать. Он как мог старался скрыть свое раздражение — ведь выбора у него все равно не было. Он слишком ослаб и устал, чтобы сопротивляться. Сегодня он получил очередной знак, что дело идет на лад — его оставили в покое. Робинтон наслаждался одиночеством. Перед ним лениво полоскался кливер. За спиной он слышал хлопанье обвисшего грота — нет, это бизань, — поправил он сам себя. Казалось, лишь слабые толчки волн подгоняют корабль вперед. Равномерно набегающие валы, увенчанные завитками пен, оказывали на арфиста гипнотическое действие, ему даже пришлось резко встрихнуть головой, чтобы сбросить с себя их чары. Он поднял глаза, но не увидел ничего, кроме водной глади — она была везде, со всех четырех сторон. Он знал, что еще долго им не суждено увидеть земли, хотя мастер Идаролан уверял, что теперь, когда их увлекает за собой Великое южное течение они идут с хорошей скоростью.

Главный мастер рыболовов, как и все члены экипажа, получал от плавания несказанное удовольствие. Робинтон даже подивился про себя — похоже, что все окружающие только выиграли от его болезни.

«Полно,— упрекнул он себя,— нечего брюзжать. Зачем же ты тогда столько времени учил Сибела, как не для того, чтобы в нужную минуту передать ему свои обязанности? Другое дело, ты не верил, что это когда-нибудь случится. Интересно, насколько полно Менолли передает мне ежедневные сообщения Сибела? Они с Брекки вполне могут скрыть от меня самое важное, чтобы не причинить лишнее беспокойство».

Заир потерся мягкой головкой о щеку арфиста. Заир — лучшая отдушина, какая может быть у человека. Инстинктом, намного превосходящим ощущение настроения, которое у него тоже было достаточно развито, файр всегда неизменно улавливал душевное состояние друга.

Робинтону хотелось сбросить одолевавшую его вялость и с толком использовать свободное время — заняться наконец, делами Цеха, песнями, которые он уже давно собирался написать, другими проектами, которые он так долго откладывал, что навряд ли до них когда-нибудь дойдет черед. Но он не мог себя пересилить — ему так нравилось лежать на палубе быстроходного корабля мастера Идаролана и предаваться безделью. «Рассветная Сестра» — вот какое имя выбрал для него Идаролан. Что ж, красивое название. Оно навело его на мысль — надо будет сегодня же вечером позаимствовать у Главного рыбака его дальновидящий прибор. Есть все-таки что-то странное в этих Рассветных Сестрах! И в сумерках и на рассвете они стоят в небе гораздо выше, чем полагалось бы. К сожалению, ему не позволяли встречать рассвет на палубе, дабы самому убедиться в этом, но на закате они почти всегда видны. Негоже звездам вести себя подобным образом! Надо не забыть черкнуть Вансору пару строчек.

Он почувствовал, как Заир встрепенулся и приветливо чирикнул. Даже не слыша мягких шагов за спиной, Робинтон уже знал: это Менолли — Заир передал ему знакомый образ.

— Нечего ко мне подкрадываться, — резче, чем ему хотелось бы, произнес Робинтон.

— Я думала, что ты спишь!

— Я и так спал. Чем мне еще заниматься весь день напролет? — он улыбнулся, чтобы смягчить впечатление.

И, что удивительно, девушка улыбнулась в ответ и предложила ему кружку фруктового сока, слегка приправленного вином: теперь они знают, что с чистым соком к нему лучше даже не подступаться!

— Сегодня и голос у тебя пободрее!

— Пободрее? Да я брюзглив, как старый дед! Тебе, наверное, до смерти надоело мое ворчание!

Менолли присела рядом и взяла его за руку.

— Я так рада, что ты можешь поворчать вволю, — сказала девушка и Робинтон с изумлением увидел, что в глазах у нее блестят слезы.

— Дорогая моя девочка, — начал он, накрыв ладонью ее руку.

Но она только спрятала лицо, прижавшись к краю его низкой постели. Заир испуганно вскрикнул, глаза его вращались все быстрее. Красотка кружилась над головой Менолли, огорченно кудахтая. Робинтон отставил кружку и, опираясь на локоть, озабоченно склонился над девушкой.

— Менолли, со мной все в порядке, Брекки говорит, что мне со дня на день позволят встать, — арфист осторожно погладил ее по голове. — Не плачь... ну, пожалуйста...

— Я и сама знаю, что это глупо. Ведь ты скоро поправишься, а мы уж проследим, чтобы ты больше никогда не надорвался... — Менолли вытерла слезы ладошкой и шмыгнула носом.

Это получилось у нее так мило, так по-детски, залитое слезами лицо девушки показалось Робинтону таким беззащитным, что сердце его тревожно сжалось. Ласково улыбнувшись, он отвел от ее лица завитки волос. Потом взял за подбородок и поцеловал в щеку. И вдруг почувствовал, как судорожно сжались пальцы, лежащие на его руке, как вся она открылась навстречу его поцелую — с таким пылом, что оба файра тревожно заверещали.

То ли реакция ящериц так подействовала на Менолли, то ли она ощутила, что Робинтон замер от неожиданности, но только она резко отпрянула.

— Прости,— прошептала она, понурившись, уронив голову на грудь.

— И ты прости меня, милая девочка,— как можно ласковее проговорил арфист. В этот миг он с сожалением подумал о своем возрасте, о ее юности, о том, как он ее любит, о невозможности этой любви и о том, что он с этим смирился. Менолли взглянула на него исподлобья, в глазах ее светился напряженный вопрос.

Робинтон поднял руку и увидел страдание, мелькнувшее в ее глазах — его дрогнувшие пальцы сказали ей: он уже знает все, что она могла бы ему сказать. Он вздохнул и опустил веки, чтобы не видеть боль в ее любящих глазах. Внезапно на него навалилась страшная усталость — казалось, все силы ушли на этот обмен взглядами, который занял всего несколько мгновений. «Не больше, чем Запечатление,— подумал он,— и так же надолго». Теперь ему казалось, что он всегда сознавал, сколь двойственным было его чувство к этой девочке из Морского холда, чей талант он открыл. До чего же нелепо, что, по слабости своей, он обнаружил это для себя, да и для нее тоже, в такой неподходящий момент. Каким же он был глупцом, что раньше не понял всю силу и глубину чувства, которое испытывает к нему Менолли. Да, но ему всегда казалось, что она вполне довольна обществом Сибела. Несомненно, их связывает тесная дружба, да и физическое влечение тоже. И Робинтон делал все, что мог, дабы укрепить их связь — ведь Сибел был ему вместо сына. Пусть уж лучше он...

— Но Сибел... — выговорил он и замолчал, почувствовав, как ее пальцы умоляюще сжали его запястье.

— Тебя я полюбила раньше.

— Ты всегда была для меня любимым ребенком,— сказал Робинтон, искренне желая сам поверить своим словам. Он быстро сжал ее пальцы и сразу же отпустил. Потом, откинувшись на подушки, снова взял кружку, которую раньше отставил, и принялся жадно пить.

Только после этого он снова смог ей улыбнуться, несмотря на то, что сердце стиснула острые тоска о несбывшемся. Девушка ответила вымученной улыбкой.

Под навес стремительно влетел Заир, хотя Робинтон не мог взять в толк, почему появление Главного рыбака так встревожило файра.

— Ага, проснулся! Как отдыхается, дорогой друг? — спросил Идаролан.

— Как раз ты-то мне и нужен! Скажи, мастер Идаролан, ты не обращал внимания, как выглядят в сумерках Рассветные Сестры? Или глаза, как и тело, стали меня подводить?

— О, мой добрый Робинтон, я смотрю, твое зрение ничуть не притупилось! Я уже отправил весточку мастеру Вансору. Должен признаться, что до сих пор я еще не заплывал так далеко на юг, так что это явление для меня в новинку. Но в положении трех звезд действительно есть что-то странное.

— А не мог бы я воспользоваться твоим дальновидящим прибором, если, конечно, мне будет позволено задержаться на палубе попозже? — спросил арфист, выразительно глядя на Менолли.

— Что за вопрос, мастер Робинтон! Мне и самому будет интересно узнать результаты твоих наблюдений. Я ведь знаю, у тебя было гораздо больше возможностей изучить уравнения мастера Вансора. Может быть, нам вместе удастся выяснить их секрет.

— Ничего бы так не желал. А пока давай-ка закончим партию, которую мы начали сегодня утром. Менолли, где там наша доска?

Глава 18

Бухта Джексона в день прибытия мастера Робинтона; пятнадцатый оборот, четырнадцатый день десятого месяца.

Бухте собралось столько искусных мастеров и добровольных помощников, что постройка Прибрежного холда заняла всего одиннадцать дней; каменщики, правда, покачивали головами — по их мнению, фундамент стоило бы выдержать подольше. Еще три дня ушло на внутреннее обустройство. После долгих обсуждений, сопровождавшихся перестановками мебели, Лесса, Манора, Сильвина и Шарра пришли к общему согласию. Женщины сумели впихнуть в дом — именно впихнуть, а не расставить, с ироничной усмешкой, подчеркнула Шарра, — нескончаемые дары, которые рекой стекались в бухту из каждого холда, цеха и предместья.

В усталом голосе Шарры сквозила гордость. Она целый день только и занималась тем, что наводила порядок.

— А ты где лазил? — напустилась она на Пьемура, увидев на его руках и лице свежие царапины.

— Он, как всегда, блуждал непроторенными путями, — ответил за арфиста Джексон; его лоб и плечи тоже украшали ссадины.

На строительстве холда трудилось столько народу, что Н'тон, Ф'нор, а иногда и Ф'лар, если ему удавалось выкроить свободное время, присоединялись к Джексону с Пьемуром, совершая экспедиции по ближайшим окрестностям.

Пьемур довольно заносчиво заявил Ф'лару, что драконам не под силу исследовать Южный. Чтобы попасть в какое-то место через Промежуток, зверь должен предварительно там побывать, либо получить его образ от человека или другого дракона. А значит, первым в новых краях всегда движется он, Пьемур, — на своих двоих и четырех Дуралеевых. Всадники не обратили внимания на самоуверенные рассуждения арфиста, но Джексону они уже начинали надоедать.

Пока же всадники заблаговременно приступили к сооружению временных лагерей, на расстоянии дневного перелета от Прибрежного холда. Они располагались по широкой дуге с центром в бухте; в каждом лагере были выстроены крытые черепицей навесы и каменный склад для запчастей и спальных принадлежностей. Затем они совершили двухдневный перелет в сторону конического вулкана и построили еще один лагерь.

С Джексом уже скоро должны были снять запрет на путешествия в Промежутке; Ф'лар сказал, что все решит заключительный осмотр мастера Олдайва. А поскольку лекарь собирался со дня на день появиться в Прибрежном холде, чтобы понаблюдать за выздоровлением Робинтона, ждать Джексом оставалось совсем немного.

— А если мне разрешат летать в Промежутке, — заметил он, — то Менолли и подавно.

— Почему это тебя беспокоит Менолли? — с подозрением спросила Шарра; странные нотки, прозвучавшие в ее голосе, Джексом предпочел истолковать как признак ревности.

— Ты ведь знаешь, что они с мастером Робинтоном первыми открыли бухту, — в этот момент, однако, Джексом смотрел не на бухту, а в сторону царившей над ней горы.

— Да, когда плыли по морю, — с явным отвращением к такому способу передвижения подтвердил Пьемур.

Шарра смерила арфиста долгим взглядом.

— Готова признать, — сказала она, — что человек пользуется ногами дольше, чем колесом или парусом, но он придумал и другие способы попасть из одного места в другое. И нет ничего дурного в том, чтобы ими пользоваться.

Резко повернувшись, девушка удалилась, оставив Пьемура в полном замешательстве. Похоже, ее отповедь разрядила обстановку, и Джексом с облегчением убедился, что Пьемур перестал отпускать ехидные замечания по поводу всадников и пешеходов.

Карты, составленные Пьемуром, оказались весьма точны. Когда судно мистера Идаролана достигло той точки, где Великое южное течение, изгибаясь, приближалось к берегу, мореход сумел определить положение «Рассветной Сестры»

по очертаниям побережья и рассчитать время прибытия в Прибрежный холд. Миновало уже двадцать два дня с тех пор, как путешественники отплыли от берегов Исты, и вот, наконец, ясным солнечным утром их корабль обогнул западный мыс бухты. На берегу гостей уже ожидала небольшая группа встречающих.

Олдайв и Брекки были решительно против пышных торжеств; суeta и утомительное застолье свели бы на нет умножающее воздействие морского путешествия. В результате мастер Фандарел представлял сотни ремесленников, сотворивших восхитительный Прибрежный холд; Лесса олицетворяла собой все Вейры, чьи драконы перевозили грузы и помощников; а Джексом, вполне естественно, выступал от лица лордов, которые внесли свой вклад, послав людей и материалы.

Последние минуты, когда изящное трехмачтовое судно, разрезая водную гладь бухты, скользило по направлению к низкому каменному причалу, показались встречающим самыми долгими. Джексом не сводил глаз с корабля; вот, наконец, уже можно разглядеть фигуру Главного арфиста — он стоял на носу и приветственно махал рукой. Джексом испустил радостный вопль, от которого файры ошеломленно взвизгнули и закружились над кораблем в затейливом воздушном танце.

— Смотрите, как он почернел от солнца! — воскликнула Лесса, в волнении схватив Джексома за руку.

— Не беспокойтесь, ему предстоит прекрасный долгий отдых, — лучась улыбкой, промолвил Фандарел. Он предвкушал изумление и восторг, которые испытает Робинтон, ознакомившись со своим новым жилищем — с пристани холда не было видно.

Мастер Идаролан переложил руль, и корабль, описав плавную дугу, скользнул бортом к причалу. Матросы соскочили на берег; миг — и причальные канаты были наброшены на кнехты. Джексом ринулся вперед, горя желанием чем-нибудь помочь. Корабль поскрипывал, словно сопротивляясь столь резкой остановке; плетеные валики, тянувшиеся вдоль борта, коснулись каменного причала. Наконец, с борта спустили деревянный трап.

— Госпожа Бендена, мастер Фандарел, лорд Руатанский, вот я доставил нашего гостя в целости и сохранности,— загремел голос мастера Идаролана.

Из горла Джексома вырвался приветственный клич, которому вторили рев Фандарела и радостный возглас Лессы. Встав по обе стороны пружинящего настила, Джексом с Фандарелом подхватили Робинтона под руки, так что он, как пушинка, слетел на берег.

В воздухе, оглушительно трубя, парили Рамота и Рут, и от их кликов файры выделявали еще более замысловатые фигуры. Приподнявшись на цыпочках, Лесса повисла на шее у Главного арфиста, а потом, притянув к себе его голову, крепко расцеловала Робинтона в обе щеки. По лицу ее текли слезы, и Джексом, к своему удивлению, обнаружил, что у него тоже глаза на мокром месте. Он вежливо держался поодаль, пока Фандарел своей могучей ручищкой не похлопал ласково друга по плечу — так, что тот едва устоял на ногах. Потом юноша помог Брекки и Менолли спуститься по раскачивающемуся трапу. И тут все заговорили разом. Брекки озабоченно переводила взгляд с Робинтона на Джексома, то строго спрашивая, не тревожат ли юношу головные боли, то настаивая, чтобы арфист немедленно ушел с солнцепека — как будто он не жарился на солнце на протяжении всего плавания.

Все с готовностью стали разбирать тюки, которые мореходы сгружали на берег — все, кроме Робинтона, которому не позволили нести ничего, кроме гитары.

Брекки направилась было к их старому домику, но Фандарел, торжествующе хохоча во все горло, положил свои лапищи ей на плечи и легонько подтолкнул в сторону посыпанной песком дорожки, что вела к Прибрежному холду. Молодая женщина хотела что-то возразить, но Лесса знаком велела ей помолчать и, взяв за руку, решительно повлекла за собой.

— Но я уверена, что дом в той стороне...

— Был, — засмеялся мастер Фандарел, вышагивая рядом с Робинтоном. — Но мы подыскали местечко получше, к тому же, более подходящее для нашего Главного арфиста.

— И более представительное, мой друг? — посмеиваясь, спросил Робинтон, хлопнув кузнеца по могучему плечу.

— Куда как более представительное! — едва не задохнулся от хохота Фандарел.

Брекки дошла до места, где тропинка делала изгиб, и застыла на месте, недоверчиво глядя на новый холд.

— Я просто глазам своим не верю! — она с недоумением перевела взгляд с Лессы на кузнеца, потом на Джексома. — Неужели вы сотворили это? Как? Когда?

Робинтон с Фэндарелом подошли к женщинам. Кузнец широко ухмылялся, глаза его превратились в узкие щелочки.

— Но ведь Брекки, кажется, говорила, что домик совсем маленький, — сказал Робинтон, оглядывая здание и нерешительно улыбаясь. — Если бы я знал...

Не в силах больше терпеть, Лесса с Фандарелом подхватили арфиста под руки и потащили к широким ступеням крыльца.

— Подожди, ты еще не видел, что там внутри, — довольно посмеиваясь, приговаривала Лесса.

— Нам помогал весь Перн — кто материалами, кто рабочими руками, — вторил ей Джексом. Взяв разом притихшую Брекки за руку, он повел ее к входу, кивком приглашая Менолли последовать за ними.

Девушка медлила, оглядываясь по сторонам, но видела она только уютную бухточку, тщательно разровненный песок, деревья и цветущий кустарник — все это выглядело таким же нетронутым, как и в тот день, когда они с Джексомом впервые прилетели сюда. Только высившееся в глубине здание холда да круговая дорожка, посыпанная песком и окаймленная ракушками, говорили о произошедших переменах.

— Просто не могу поверить! — выдохнула юная арфистка. — Понимаю. Они так старались, чтобы все было красиво.

— Подожди, что ты скажешь, когда увидишь Прибрежный холд внутри!

— Так у него уже есть имя? — похоже, девушке это не очень понравилось, но Джексом не мог понять, почему.

— Ведь холд расположен на берегу... вот и получается — Прибрежный!

Они подошли к ступенькам, сложенным из черного камня. Швы между плитами были заделаны белым раствором, что придавало лестнице нарядный и в тоже время, внушительный вид. Над террасой, которая тянулась вокруг всего дома, почти вплотную подступая к цветущим деревьям, наполнявшим воздух терпким ароматом, нависала золотисто-оранжевая черепичная крыша. Металлические ставни были открыты, словно приглашая заглянуть в необычно большие окна и полюбоваться внутренним убранством. Арфист уже расхаживал по главному залу, и голос его звенел восторгом и изумлением. Когда Джексом, пропустив вперед Брекки с Менолли, вошел в холд, Робинтон застыл на пороге комнаты, отведенной под его кабинет. В просторном помещении были заботливо расставлены и разложены его вещи, которые Сильвина переправила сюда из Цеха арфистов. Смятение Робинтона передалось Зайру; он громко и взволнованно чиркаль, сидя на поперечной балке. К нему присоединились Красотка с Бердом, а вслед за ними Мийр, Талла, и Фарли.

«Как будто поют по нотам!» — подумалось Джексому.

— А вот и Фарли! Мне кажется, я слышал, что Пьемур тоже здесь. Почему же я его не вижу? — удивленно и чуть обиженно спросил Робинтон.

— Он вместе с Шаррой — присматривает за жарким, — ответил Джексом.

— Просто мы не хотели, чтобы вокруг толпилось слишком много народу... Это было бы для тебя утомительно... — добавила Лесса, чтобы успокоить арфиста.

— Утомительно? Для меня — утомительно?! Да я просто мечтаю, чтобы меня кто-нибудь утомил! ПЬЕМУР!!!

Если, глядя на загорелое, посвежевшее лицо Робинтона, кто-то еще мог усомниться в его исцелении, то рев, который он испустил — такой же мощный и оглушительный, как бывало — не оставлял никаких сомнений: Главный арфист Перна жив и здоров!

И сразу же издалека раздался тревожный отклик:

— Я здесь, учитель!

— ЖДУ ТВОЕГО ДОКЛАДА!

— Какое счастье, что мы додумались отправить его в морское путешествие, — улыбнувшись Лессе, шепнула Брекки. — Представляешь, что он вытворял бы на суще?

— Вы обе даже не в состоянии понять, насколько моя мимолетная хворь задержала некоторые чрезвычайно срочные...

— Мимолетная хворь? — Фандарел даже глаза вытаращил от изумления.

— Мой добрый Робинтон...

— А это ты видел, мастер Робинтон? — Менолли достала из тесно заставленного шкафчика бокал — изящный стеклянный кубок. Основание его переливалось темно-синими цветами арфистов, а сбоку были выгравированы имя мастера и арфа. Глаза девушки округлились от восхищения.

— Клянусь Скорлупой, да это же цвет нашего Цеха! — Робинтон взял бокал в руки, любуясь искусством работы.

— Это тебе от моей мастерской, — сияя, сказал Фандарел. — Мермал хотел сделать синим весь бокал, но я помню, как тебе по душе любоваться чистым цветом бенденского вина...

В глазах Робинтона светились признательность и благодарность. Вдруг его длинное лицо приняло печальное выражение.

— Только он почему-то пустой, — жалобно произнес арфист.

В этот миг в дальнем углу холда что-то загрохотало, закрывавший дверь занавес резко отлетел в сторону и, чуть не сбив с ног Брекки, в комнату ворвался Пьемур.

— Я здесь, Учитель! — задыхаясь, пролепетал он.

— Вот что, Пьемур... — протянул арфист, разглядывая своего юного помощника с таким видом, словно совершенно забыл, зачем его звал. Оба они не отрываясь глядели друг на друга, при этом Робинтон озадаченно хмурился, а Пьемур часто и тяжело дышал, смаргивая капельки пота.

— Ты болтаешься здесь уже достаточно долго, чтобы разузнать, где они хранят вино... Мне подарили такой дивный бокал — и он пуст!

Пьемур сосредоточенно заморгал, потом медленно покачал головой и, обращаясь ко всем собравшимся, торжественно изрек:

— Теперь вижу — с ним все в порядке! А вот если жаркое подгорит!.. — наградив арфиста возмущенным взглядом, он повернулся на каблуках, отдернул занавес и с топотом удалился.

Джексом и Менолли понимающие переглянулись. Тех, кто хорошо изучил Пьемура, не смогли обмануть его грубоватые манеры и ворчливый тон. И точно — он уже снова входил в зал, таща на плече бурдюк, с которого свисала печать Бендена.

— Только не тряси, мой мальчик! — вскричал арфист, протягивая руки, дабы не допустить столь кощунственного обращения. Он отобрал у Пьемура бурдюк и рассмотрел печать. — Гм! Одна из лучших марок! Эх, Пьемур, видно, мало я тебя учил, как надлежит обращаться с вином! — озабоченно хмурясь, он осторожно сломал печать и, убедившись, что затычка в полном порядке, с облегчением вздохнул. Потом поднес ее к носу и тщательно обнюхал. — О! Какой упоительный аромат! И, похоже, долгое путешествие не повредило ему... Ну-ка, Пьемур, будь умницей, налей нам всем. Я уже вижу, что в этом холде нет недостатка в посуде.

Джексом с Менолли расставили кружки, и Пьемур со сноровкой, достойной доброго бенденского вина, начал разливать. Робинтон, подняв полный бокал, наблюдал за юным арфистом со все растущим нетерпением.

— Твое здоровье, мой друг! — провозгласил тост Фандарел, и к нему с жаром присоединились все присутствующие.

— Я просто ошеломлен, — признался арфист и, чтобы никто не мог усомниться в его словах, отхлебнул лишь крошечный глоточек превосходного вина. Покачивая головой, он обвел глазами своих друзей. — Совершенно ошеломлен!

— Ты еще не все видел, Робинтон, — сказала Лесса и взяла его за руку. — Иди сюда... Брекки, ты тоже должна посмотреть. Пьемур, Джексом, принесите-ка тюки!

— Не торопись, Лесса. Я могу разлить вино! — Но она уже тянула его за собой, и Робинтону оставалось только с тоской оглянуться на оставленный бокал.

Через раздвижную перегородку его провели в небольшой коридорчик, отделявший главный зал от спальной половины. Брекки шла следом, в глазах ее светились любопытство и живейший интерес.

Самая просторная спальня предназначалась Робинтону. Четыре остальных были обставлены так, чтобы в каждой могло разместиться по двое гостей. Но, как заметила Лесса, на широкой террасе можно уложить еще дюжину. Только пусть Робинтон не думает, что ему позволят принимать такие орды! Арфист восхищался при виде купальни, поражался размерам огромной кухни и, наконец, покорно отправился взглянуть на второй очаг, устроенный под открытым небом. В воздухе витали ароматы жареного мяса. Арфист чутко принюхался.

— Могу ли я спросить, откуда такие запахи?

— На берегу есть специальные жаровни, чтобы можно было стряпать, если случится нашествие гостей.

— Нашествие — это отлично сказано! — рассмеялся Робинтон.

— А теперь испробуй новое кресло, — предложил Фандарел, когда они снова вернулись в главный зал. Он стал поворачивать его, чтобы арфист по достоинству оценил подарок. — Бендарек лично изготовил его по твоей мерке! Ну-ка, присядь. Бендареку захочется узнать, угодил ли он тебе.

Арфист не спеша разглядывал кресло с высокой спинкой, отделанное изящной резьбой. Сидение покрывала мягкая кожа, выкрашенная в темно-синий цвет Цеха арфистов. Потом уселся и положил руки на подлокотники — они в точности соответствовали длине его рук.

— Я просто в восторге, так и передай мастеру Бендареку. Даже вставать не хочется. Как это мило с его стороны! Я в восторге от его подарка и от всего остального в этом холде — тоже. Это... это... великолепно! Я не могу найти другого слова. И вообще, я потерял дар речи... Даже в самых смелых мечтах я не мог бы себе представить такой роскоши в столь девственном уголке, такой красоты, такой продуманности, такого комфорта...

— Ты, кажется, потерял дар речи — откуда же столько слов? — послышался чей-то насмешливый бас. Обернувшись,

все увидели в открытых дверях незаметно вошедшего мастера Идаролана. Его со смехом пригласили войти и налили ему вина.

— Мастер Идаролан, ты вместе с командой должен с нами отобедать, — сказала Лесса.

— С удовольствием. Только, между нами, я предпочел бы мясо, а не птицу.

— Только взгляни, мастер Робинтон! — изумленно воскликнула Менолли. Она сунула нос в один из шкафчиков, что заполняли оконные проемы. — Могу поклясться, это рука Оементли! Все до единой старинные песни и баллады переписаны на листы и переплетены в синюю кожу! Помнишь, ты все хотел, чтобы Арнор сделал это для тебя? — У арфиста вырвался удивленный возглас, и он не успокоился, пока не перелистал все тома, восхищаясь искусством работы. Потом принялся исследовать содержимое остальных шкафов и буфетов Прибрежного холда и занимался этим до тех пор, пока полуденный зной не заставил всех отправиться на берег, чтобы отдохнуть в тени и искупаться. Бреекки попыталась уложить Робинтона в гамак, но он уже вместе со всеми резвился в воде.

— Теперь ему гораздо полезнее вот такой отдых! Оставь его в покое, придет ночь — еще належится, — махнул рукой Фандарел.

Когда солнце начало клониться к западу, поднялся легкий ветерок. На берег вынесли ковры, плетеные циновки и скамейки, чтобы все гости могли удобно расположиться. К вечеру прибыли Ф'лар с Ф'нором. Арфист радостно приветствовал их, сгорая от желания продемонстрировать новым гостям свой прекрасный холд, и был немало разочарован, когда выяснилось, что они здесь далеко не в первый раз.

— Ты забываешь, Робинтон, сколько народа помогало его строить, — оправдывался Ф'лар. — Твой холд, пожалуй, самый знаменитый на всем Перне.

Скоро Шарра и судовой кок — необычайно тощий человек, который объяснял свою худобу тем, что никто другой не смог бы уместиться в крохотной клетушке, служившей на

«Рассветной сестре» камбузом, — объявили, что угощение готово. Проголодавшиеся гости с такой прытью устремились к столам, что едва не опрокинули их.

Когда никто уже был не в силах проглотить ни крошки, и даже Робинтон посасывал вино крохотными глотками, гости разбились на группы: в одной были Джексон, Пьемур, Менолли и Шарра, в самой большой — моряки, и в третьей — всадники и мастера.

— По-моему, они что-то затевают, — недовольно проворчал Пьемур, поглядывая на Ф'лара и Ф'нора, о чём-то совещавшихся с главами Цехов.

— Я думаю, все то же самое, — засмеялась Менолли. — На корабле Робинтон так усердно изучал твои карты и записи, что едва не проглядел их до дыр, — девушка подтянула колени к подбородку, в глазах ее засветилась лукавая усмешка. — Завтра прилетает Н'тон вместе с Сибелом и мастером Олдайвом, — сказала она и быстро продолжала, пока ее не прервали, — насколько я понимаю, Сибел, Н'тон и Ф'лар дали поручение людям Торика и ораве сыновей лордов, прибывших с севера, составить карту западной части... а границей будет та горная река, о которой ты, Пьемур, столько рассказывал!

Пьемур застонал и картино рухнул на песок.

— Проклятое место! Чтоб мне больше в жизни его не видать! — он поднял сжатый кулак к небу, словно призывая его в свидетели. — Сколько дней я потратил на то, чтобы найти щель в скалах на противоположном берегу, через которую можно было бы пролезть... А потом нам с Дуралеем пришлось нырять со скалы в воду и переправляться вплавь... Чуть не угодили рыбам на ужин!

— А мы, — продолжала Менолли, — во главе с Ф'нором и мастером Робинтоном, будем исследовать эту сторону.

— Я надеюсь, вглубь? — язвительно осведомился Пьемур. Девушка кивнула.

— Насколько я понимаю, — она оглянулась в сторону Предводителей Вейров и Главных мастеров, — мастер Идадорлан может плыть вдоль берега...

— Ну, и счастливого ему плаванья! Я уже достаточно находился...

— Да ладно тебе, Пьемур. Как будто тебя кто-то заставил!

— А ты как думала?

— Хватит, Пьемур, — нетерпеливо прервал его Джексом. — Значит, мы пойдем вглубь материка?

Менолли кивнула.

Не сговариваясь, они поглядели на гору, хотя с того места, где они сидели, вершина была не видна.

Джексом довольно улыбнулся.

— Завтра здесь будет мастер Олдайв — значит, я снова смогу летать в Промежуток!

— Счастье-то какое! — фыркнул Пьемур. — Все равно для начала тебе придется добираться прямым путем.

— Меня это ничуть не огорчает.

На дереве заверещал файр, взбудоражив всех остальных. Их гомон отвлек Пьемура, который — Джексом в этом не сомневался — собирался завести свою обычную песню. На фоне темно-зеленой листвы выделялись два золотистых пятна.

— Снова Красотка с Фарли что-то не поделили! — воскликнула Менолли и с любопытством огляделась по сторонам. — А ведь здесь только наши файры, Джексом. Неужели вся эта суматоха распугала южных?

— Сомневаюсь. Они то появляются, то снова исчезают. Подозреваю, что и сейчас кое-кто из них прячется в листве, не осмеливаясь приблизиться к драконам.

— Удалось тебе что-нибудь выяснить про их людей?

К стыду своему, Джексом был вынужден признаться, что он даже не пытался.

— Слишком много всего случилось за это время, — с раскаянием сказал он.

— Так я изнала, что ты все забросишь! — сердито заявила Менолли.

— Что? Чтобы я лишил тебя такого удовольствия? — Джексом изобразил изумление и обиду. — Мне даже не снилось... — юноша осекся на полуслове, внезапно припомнив

удивительные сны, которые он видел как бы одновременно сотнями глаз. И еще он вспомнил то, что сказала ему Брекки, когда Рут летал сражаться с Нитями: «Трудно видеть одно и то же тремя парами глаз сразу». Могло ли случиться, что он видел в своих снах картины, представшие глазам сотен огненных ящериц?

— Что с тобой, Джексом?

— Похоже, мне и правда кое-что снилось, — с нерешительным смешком сказал он. — Знаешь, Менолли, если тебе сегодня тоже что-нибудь привидится, постарайся запомнить, ладно?

— Привидится? А при чем тут сны? — с недоумением покачала головой Шарра.

— А тебе самой разве ничего не снилось? — обернувшись к ней, спросил Джексом. Шарра сидела в своей излюбленной позе, скрестив ноги, что явно удивляло и смущало Менолли.

— Отчего же, снилось. Только... я, как и ты, почти ничего не запомнила — пожалуй, кроме того, что картины были какие-то нечеткие. Словно все расплывалось перед моими сонными глазами.

— Отлично сказано — все расплывалось перед сонными глазами, — засмеялась Менолли, вытаскивая из сумки на поясе листок бумаги.

Пьемур снова застонал и стукнул кулаком по песку.

— Ну, сейчас последует очередная песня!

— Да успокойся ты, наконец! — Менолли смерила его нетерпеливым взглядом. — Знаешь, Пьемур, долгие странствия тебя очень изменили, и я эти перемены решительно не одобряю.

— Как будто кто-то тебя просит! — огрызнулся Пьемур и, резко поднявшись, удалился в лес, сердито пиная ногами кусты.

— И давно он стал таким обидчивым? — спросила Менолли.

— С тех самых пор, как объявился здесь, — пожав плечами, ответил Джексом, всем своим видом показывая, что они ничего не смогли с ним поделать.

— Не забывайте, что он очень переживал из-за мастера Робинтона, — отрезала Менолли, — только это еще не причина для того, чтобы кидаться на людей.

Повисло неловкое молчание. Потом Шарра подогнула ноги и быстро встала.

— Боюсь, что никто не удосужился покормить Дуралея! — и она пошла в лес, правда, не совсем в том направлении, что Пьемур.

Менолли долго смотрела ей вслед. Когда она снова повернулась к Джексому, он увидел, что ее глаза тревожно потемнели; но вот девушка лукаво улыбнулась, и они снова обрели обычный зеленовато-голубой цвет.

— Пока нас никто не слышит, — она огляделась по сторонам, желая убедиться, что сзади никого нет, — я хотела бы сказать тебе, Джексом, что теперь уже ясно, как день: никто из Южного Вейра не возвращал яйца Рамоты.

— Как?

— А вот так!

Она поднялась и, держа в руке кружки, подошла к свисавшему с дерева бурдюку с вином.

Что это — предупреждение? Хотя, какая, собственно, разница? В свое время его приключение сыграло свою роль. А теперь, когда Южный вновь занял законное место в ряду других Вейров, и вовсе ни к чему, чтобы кто-то знал о его, Джексома, участии в этой истории.

Менолли неспешно направилась к столу за своей гитарой, а потом, присев на край скамьи, стала что-то тихонько напевать. «Наверное, она уже сложила новую песню — про солнечные глаза», — подумал Джексом. Потом перевел взгляд в ту сторону, куда ушла Шарра. Придумать бы какой-нибудь правдоподобный повод, чтобы пойти за ней... Юноша вздохнул. Он любил Пьемура, несмотря на острый язык молодого арфиста. И всегда был рад его обществу, благодарен за помощь и понимание. Жаль только, что он не появился в бухте на денек позже... ну, хотя бы на полдня! С его прибытием Джексому совсем не удавалось побывать с Шаррой наедине.

Может быть, она его избегает? Или виной тому суматоха с постройкой холда? Он должен найти способ поговорить с ней.. Иначе придется снова наведаться к Коране!

Глава 19

*Утро в Прибрежном холде, наблюдения за звездами
поздним вечером; следующее утро, находка в горах;
пятнадцатый Оборот, пятнадцатый —
шестнадцатый дни десятого месяца.*

Когда на следующее утро Джексом с Пьемуром нехотя вылезли из-под спальных покрывал, Шарра сообщила им, что Главный арфист поднялся с первым лучом солнца, искупался для бодрости, сам подготовил себе завтрак и уже давно сидит в кабинете над картами, что-то бормоча и делая пометки. А теперь он хотел бы побеседовать с Джексомом и Пьемуром, если они, конечно, не возражают.

Мастер Робинтон приветствовал юношей *сочувственной улыбкой* — от него не укрылись их неуверенные движения, следствие затянувшегося вчера застолья. Он принялся расспрашивать их о последних дополнениях, внесенных в главную карту. Удостоверив свою любознательность по этому вопросу, Робинтон пожелал узнать, как они пришли к подобным выводам. Выслушав их ответы, он откинулся на спинку кресла, вертя в пальцах палочку для письма, причем лицо его сохраняло такое непроницаемое выражение, что Джексом начал беспокоиться — что там затевает Главный арфист?

— Не заметил ли кто-то из вас случайно три звезды, которые мы называем — совершенно ошибочно, смею заметить, — *Рассветными Сестрами*?

Джексом и Пьемур переглянулись.

— А у тебя есть с собой дальновидящий прибор, мой господин? — спросил Джексом.

Арфист кивнул.

— Есть — у мастера Идаролана на корабле. Полагаю, твой вопрос означает, что вы тоже обратили на них внимание?

— Да, они появляются, когда луна светит достаточно ярко... — вставил Пьемур.

— И всегда на одном и том же месте!

— Вижу, вы не зря ходили на занятия,— одобрительно заметил арфист, одарив обоих улыбкой.— Я попросил мастера Фандарела, чтобы он уговорил Вансора погостить у нас несколько дней. Могу ли я узнать, почему вы оба ухмыляетесь, как будто умели все пончики на ярмарке?

При упоминании о его проделках во время ученичества ухмылка Пьемура стала еще шире.

— Не думаю, чтобы на Перне нашелся человек, который откажется приехать сюда, если получит хотя бы намек на приглашение,— ответил он.

— А что, Вансор уже закончил свой новый дальновидящий прибор?— спросил Джексом.

— Во всяком случае, я очень на это надеюсь.

— Мастер Робинтон... — в дверях показалась Брекки, выражение ее лица было каким-то странным.

— Брекки, — арфист умоляюще поднял руки, — если ты явилась напомнить, что мне пора отдохнуть или принять очередное снадобье твоего изготовления, то, заклинаю, девочка, повремени! У меня полно дел!

— Я всего-навсего принесла письмо, которое Кими только что доставила от Сибела, — молодая женщина протянула арфисту свернутый в трубочку листок.

— Ага!

— А что до твоего отдыха, мне достаточно поглядеть на Заира, чтобы узнать, что тебе пора прилечь, — выходя из кабинета, Брекки оглянулась и выразительно посмотрела на юношей; Джексом понял — им с Пьемуром строго-настрого велено не переутомлять арфиста.

Робинтон стал читать записку, и брови его удивленно поползли вверх.

— Ну и дела! Вчера вечером на Торика свалился целый корабль лордовых сыновей, — он хохотнули, увидев вытянувшиеся лица собеседников, добавил, — боюсь, все прошло не так гладко, как ожидали мальчуганы из холдов!

Пьемур презрительно фыркнул — за долгие Обороты странствий он слишком хорошо узнал Торика и сомнительные удобства его холда.

— Как только тебе, Джексом, позволят снова лететь в Промежутке, — продолжал Робинтон, — мы сможем заметно ускорить наши исследования. Я думаю отправить вас обоих вместе с девушкиами вглубь материка, разбив на две команды.

— Арфистов и холдеров? — подсказал Джексом, ухватившись за такую многообещающую возможность.

— Арфистов и холдеров? Что ж, пожалуй. Я знаю, Пьюмер, вы с Менолли уже давно сработались. Ну, а Шарру мы отдадим Джексому. Да, вот еще что, — продолжал Робинтон, не замечая красноречивого взгляда, которым его молодой коллега наградил руатанского лорда. — С воздуха все выглядит совсем иначе, чем с земли. Ну, и наоборот, разумеется. Так что в наших исследованиях должны использоваться оба метода наблюдения. Джексом, Пьюмеру известно, что именно меня интересует...

— Что же, мой господин?

— Следы древнего населения этого материка. Я никак не могу понять, почему наши предки предпочли столь прекрасный, изобильный край куда более суровому и скучному северу, но не сомневаюсь, что у них были на то веские причины. Самые древние летописи гласят: появившись на Перне, человек заложил на юге добрый холд. Вот мы и привыкли думать, — с виноватой улыбкой сказал арфист, — что речь идет о Форт холде — ведь он расположен на юге северного материка. Но дальше в том же самом документе есть туманная запись: однако был вынужден перебраться на север, дабы не погибнуть. Это место всегда оставалось загадкой... правда многие из древних летописей претерпели такие искажения при расшифровке, что зачастую утратили всякий смысл.

— Недавно Торик открыл рудное месторождение, которое разрабатывалось открытым способом. Но мы с Н'тоном разглядели на склоне горы какие-то образования явно искусственного характера — когда мы туда добрались, выяснилось, что это — выходные отверстия шахт. Так вот, наши далекие предки прожили на Южном столь длительное время, что успели разведать руду и начать ее добывать. Значит, где-то здесь непременно должны сохраниться и другие их следы.

— При такой жаре, да еще во влажном климате мало что могло уцелеть, — возразил Джексон. — Д'рам построил здесь хижину всего двадцать пять Оборотов назад, а что от нее осталось? Другое дело — подземелья, которые мы с Ф'лессаном обнаружили в Бендене; они были надежно защищены от непогоды.

— И все же на крепях, которые мы нашли в шахтах, — заявил Пьемур, — не было ни единой царапины, вмятины или выбоины! К тому же, я не знаю инструмента, который мог бы резать твердую скалу, как сыр — а вот наши предки знали!

— Да, кое-какие следы мы нашли. Но должны быть и другие.

Джексон никогда не слышал, чтобы мастер арфист утверждал что-либо с такой несокрушимой уверенностью; взглянув на огромную карту, юноша невольно вздохнул.

— Я согласен, Джексон, масштаб предстоящих поисков несколько обескураживает, зато подумай, какой триумф нас ждет, если мы обнаружим нужное место! Может быть, даже не одно! — глаза Робинтона горели воодушевлением. — Итак, — решительно продолжал он, — как только Джексону разрешат летать в Промежутке, мы двинемся на юг, используя в качестве ориентира коническую вершину. Есть возражения? — не дожидался ответа, он принялся уточнять диспозицию. — Пьемур отправится пешком вместе с Дуралеем. Его будет сопровождать Менолли — если, конечно, пожелает. Или она может подождать Джексона, чтобы он отвез ее вместе с Шаррой в самый дальний лагерь. Пока девушки будут обследовать ближайшие окрестности — насколько я понимаю, они еще не изучены — ты, Джексон, можешь лететь дальше и разбить следующий лагерь, а назавтра перебросить туда всех остальных через Промежуток. Далее — в том же духе.

Арфист изучающе уставился на Джексона и изрек:

— Надеюсь, в Форт Вейре тебя достаточно натаскали, чтобы ты сумел с воздуха различить на земле искусственные сооружения? На всякий случай напомню — хоть вам и предстоит работать вместе, все же, Джексон, учти, что Пьемур гораздо опытнее. Если случится нечто непредвиденное, обра-

шайся к нему. И не забывай каждый вечер посыпать мне отчеты. А теперь ступайте оба! Готовьте снаряжение, продовольствие и... своих спутниц!

На то, чтобы объяснить задачу девушкам и собрать вещи ушло не так уж много времени, однако в тот день разведчикам не удалось отправиться в путь.

Вместе с Н'тоном на Листе прибыл мастер Олдайв. Его бурно приветствовал Робинтон, более спокойно — Брекки с Шаррой, и с некоторой опаской — Джексом. Робинтон сразу потащил Главного врачевателя осматривать холд; его собственный бренный остов — как он выразился — может и подождать.

— Все равно мастера Олдайва не проведешь, — шепнула Джексому на ухо Шарра, пока лекарь выражал приличествующий случаю восторг. — Это еще никому не удавалось!

— Вот счастье-то, — откликнулся Джексом, — ведь иначе арфист отправился бы с нами.

— Ну что ты! Через Промежуток — как можно?

— Тогда он поехал бы верхом на Дуралее!

Шарра рассмеялась, но ее веселье сменилось тревогой, когда они увидели, что мастер Олдайв решительно увел Робинтона в спальню и прикрыл за собой дверь.

— Нет, — покачивая головой, печально проговорила Шарра, — бедному Робинтону так и не удалось провести Главного врачевателя!

Когда настал черед Джексома предстать перед мастером Олдайвом, юноша был очень рад, что ему не надо даже предпринимать попыток провести лекаря. Для него осмотр оказался кратким — задав несколько вопросов, мастер Олдайв заглянул ему в глаза, выстукал грудь, послушал сердце — и довольная улыбка, озарившая подвижное лицо врачевателя, лучше всяких слов показала Джексому, что приговор вполне благоприятный.

— Скажи, мастер Олдайв, ведь наш арфист тоже скоро поправится? — не удержавшись, спросил Джексом.

Когда Робинтон вышел из своей комнаты, он был как-то странно тих и задумчив, да и походка его утратила былую резвость. Менолли налила ему бокал вина, который он принял с печальной улыбкой и глубоким вздохом.

— Ну, конечно, поправится, — отвечал мастер Олдайв. — Ему уже гораздо лучше. Но, — лекарь поднял длинный палец, — он должен научиться контролировать свой пыл, бречь силы и соизмерять нагрузку со своими возможностями, иначе может случиться новый приступ. А вы, молодые, должны ему помочь, но так, чтобы у него не создавалось впечатления, будто он останется таким до конца дней своих.

— Мы все сделаем. Вернее, уже начали!

— Вот и отлично. Продолжайте в том же духе, и тогда он скоро будет совершенно здоров. Если, конечно, усвоит урок, который преподнесла ему болезнь, — склонив голову к плечу, мастер Олдайв поглядел в окно. — Прекрасная идея — перевезти его в этот чудный уголок, — он одарил Джексома лукавой улыбкой. — Днем нашего арфиста от жары одолевает сонливость, и ему приходится прилечь. Прелестные виды радуют глаз, а аромат цветов ласкает обоняние. Я просто завидую тебе, лорд Джексом, что ты проводишь время в таком местечке!

Видимо, Главный арфист тоже не остался равнодушен к очарованию Прибрежного холда — не успели еще мастер Фандарел и мастер Вансор прибыть из Телгара, как к нему вернулось бодрое настроение. Восторг его удвоился, когда Фандарел с Вансором гордо продемонстрировали новый дальновидящий прибор, над которым звездных дел мастер колдовал вот уже полоборота. Инструмент представлял собой трубку длиной с Фандарелову руку и такую толстую, что кузнец едва мог обхватить ее обеими ладонями. Она была тщательно упакована в кожаный чехол, а глазок почему-то находился не на конце, как ожидал Джексом, а сбоку.

Мастер Робинтон тоже заметил эту странность, но Вансор забормотал что-то об отражении и преломлении, окулярах и объективах, и пояснил, что такое расположение глазка лучше подходит для наблюдений за удаленными объектами.

— Конечно, это не относится к делу, но мы все равно очень рады испытать новый прибор в Прибрежном холде, — про-

пыхтел Вансор, утирая лоб — он так увлекся демонстрацией своего детища, что забыл снять толстую летнюю тунику и сапоги.

Мастер Робинтон перемигнулся с Менолли и Шаррой, и девушки избавили звездных дел мастера от лишней одежды. Вансор, кажется, даже не заметил этого и продолжал говорить о своем путешествии на Южный и о том, что он слышал о непонятном поведении трех звезд, именуемых Рассветными Сестрами. До самых последних пор он относил все аномалии на счет неопытности наблюдателей. Но теперь, когда сам мастер Робинтон заметил что-то странное, Вансор счел просто необходимым привезти свой драгоценный инструмент на Южный и самолично выяснить, в чем тут загвоздка. Звезды не могут висеть в небе неподвижно. Все его уравнения, не говоря уже о результатах, которые он получил от таких опытных наблюдателей, как Н'тон и лорд Ларад, подтверждают эту аксиому. К тому же в Летописях, унаследованных от далеких предков, хоть они порой и находятся в ужасающем состоянии, тоже упоминается, что звезды неизменно следуют по своим орбитам. Движение звезд подчиняется определенным законам. Если же поведение Рассветных Сестер противоречит незыблемым законам природы, этому должны быть объяснения. И он надеется их найти не позднее, чем сегодня вечером.

После долгих дискуссий была выбрана площадка для наблюдений — небольшое возвышение на каменистом восточном мысу бухты, пониже того места, где находились жаровни. Мастер Фандарел позвал Джексома с Пьемуром, чтобы они помогли ему соорудить подставку, на которой предстояло укрепить на шарнирах новый дальновидящий прибор. Конечно же, Вансор неотступно наблюдал за каждым их шагом и в конце концов до того надоел кузнецу, что тот усадил его на краю мыса, чтобы звездных дел мастер мог все беспрепятственно видеть и, в то же время, не путался под ногами. К тому времени, когда подставка была готова, мастер Вансор мирно похрапывал, уронив голову на руки.

Приложив палец к губам, чтобы кто-нибудь паче чаяния не разбудил Вансора, Фандарел увел молодых людей на берег, где они искупались, а потом вместе с остальными распо-

ложились отдохнуть. Опасаясь пропустить хоть единый миг явления Рассветных Сестер, ужинать решили прямо на мысу. Мастер Идаролан принес с корабля свой прибор, и кузнец быстро соорудил второй треножник.

Обычно всем казалось, что на Южном темнеет слишком быстро. Теперь же время тянулось невыносимо медленно. Даже драконы, которые до того времени играли в воде, теперь неподвижно растянулись на берегу; файры, свернувшись, дремали вокруг Рута или, присмирев, сидели у него на спине.

Наконец солнце зашло, окрасив горизонт яркими закатными цветами. Как только на востоке стало темнеть, Вансор приложил глаз к своему инструменту и тут же, изумленно вскрикнув, чуть не свалился со скамейки.

— Не может быть! С точки зрения логики это просто необъяснимо... — он выпрямился и снова заглянул в глазок, стараясь настроить прибор поточнее.

Мастер Идаролан приник к своему инструменту. — Я, например, вижу только троицу Рассветных Сестер... и расположены они как обычно.

— Но это невозможно! Они находятся слишком близко друг к другу! Звезды не могут сходиться так тесно. Их всегда разделяет большое расстояние.

— Ну-ка, приятель, дай мне взглянуть, — кузнец даже приплясывал от нетерпения, так ему хотелось поскорее заглянуть в глазок. Вансор неохотно уступил ему место у прибора, не переставая твердить о невероятности представшего перед ним зрелища.

— Н'тон, у тебя глаза помоложе! — главный рыбак предложил свой прибор бронзовому всаднику, который, не медля, занял его место.

— Вижу три круглых предмета! — громогласно объявил Фандарел. — Три круглых металлических предмета. Сделанных руками человека. Это никакие не звезды, Вансор, — произнес он, обращаясь к вконец обескураженному звездных дел мастеру, — это искусственные тела!

Робинтон, едва не уронив могучего кузнеца, протиснулся к прибору и, затаив дыхание, заглянул в глазок.

— Они круглые... и блестят, как металл, совсем не так, как звезды...

— Ясно одно, — заявил Пьемур, непочтительно нарушив благоговейное молчание. — Наконец-то, мастер Робинтон, мы нашли следы наших предков! Правда, не на Южном, а в небесах над ним.

— Ты прав, как никогда, — проговорил арфист сдавленным голосом, — но это не все, что я имел в виду. И ты, парень, это отлично знаешь!

Потом каждому позволили заглянуть в Вансоров прибор, поскольку инструмент мастера Идаролана оказался недостаточно сильным. И все единодушно согласились с выводом Фандарела: так называемые Рассветные Сестры — вовсе не звезды. Никаких сомнений не вызывал тот факт, что они являются собой круглые металлические тела, по-видимому, занимающие на небе неизменное положение, тогда как даже луны, обращаясь вокруг Перна, поворачиваются к нему то одной, то другой стороной.

Срочно вызвали Ф'лара с Лессой и Ф'нора, чтобы и они успели взглянуть на Рассветных Сестер, пока те не ушли с небосклона. Недовольство, которое Лесса не преминула выразить по поводу неурочного часа, как рукой сняло, стоило ей узнать о загадочном явлении. Всадники завладели инструментом и не отходили от него то недолгое время, пока странные объекты оставались на быстро темнеющем небе.

Увидев, что Вансор пытается писать уравнения прямо на песке, Джексом с Пьемуром сбежали за чертежными инструментами. Несколько минут учений писал с бешеною скоростью, потом принялся изучать результаты с таким видом, будто столкнулся с еще более неразрешимой загадкой. Так и не справившись с ней, он попросил Фандарела и Н'тона проверить, не вкрадась ли в его вычисления ошибка.

— А если ошибки нет, тогда что ты скажешь, мастер Вансор? — спросил Ф'лар.

— Эти... эти предметы действительно неподвижны. Они висят над Перном в одном и том же положении. Как будто сопровождают планету!

— А это доказывает, что они — творение рук человеческих, не так ли? — уточнил Робинтон.

— Я такого же мнения, — озадаченно согласился Вансор. — Они будто так и задуманы, чтобы оставаться на одном месте.

— Жаль, мы не можем до них добраться, — сокрушенно пробормотал Ф'нор.

— Даже и думать об этом не смей! — воскликнула Брекки так сердито, что арфист фыркнул.

— Пусть они задуманы, чтобы оставаться в небесах, — сказал Пьемур, — но ведь не могли их сделать здесь, на Перне? Что ты скажешь, мастер Фандарел?

— Сомневаюсь... Летописи содержат много намеков на разные чудеса, сотворенные руками наших предков, но я не встречал в них никаких упоминаний о неподвижных звездах...

— Но ведь в Летописи сказано, что человек прибыл на Перн... — Пьемур взглянул на арфиста, ища у него поддержки. — А вдруг они использовали эти штуки, чтобы добраться сюда из других миров? К нам, на Перн!

— И ты думаешь, что имея перед собой все просторы Вселенной, — заметила Брекки, нарушив ошеломленную тишину, — они не нашли ничего лучше Перн?

— Если бы вы прошагали по нему столько, сколько довелось мне, — заявил Пьемур, снова оседлав своего любимого конька, — вы бы поняли, что Перн не такое уж и плохое место... если не обращать внимание на Нити!

— Некоторым это никак не удается, — сухо заметил Ф'лар.

Менолли ткнула Пьемура в бок, но Ф'лар только рассмеялся, заметив, что до юного арфиста с опозданием дошла вся бестактность его заявления.

— Какое невероятное открытие, — произнес Робинтон, устремив взгляд в небо, как будто ожидая разгадки новых тайн, — видеть те самые корабли, что доставили на эту планету наших далеких предков!

— Неплохая тема, чтобы спокойно поразмышлять над ней на досуге, — не так ли, мастер Робинтон? — лукаво улыбаясь, осведомился Олдайв, сделав ударение на слове «спокойно».

Но арфист только нетерпеливо отмахнулся.

— Все равно, тебе вряд ли удастся туда попасть, — заметил лекарь.

— Верно, мне это не удастся, — согласился Робинтон. И вдруг, к изумлению окружающих, выбросил правую руку вверх, в направлении Рассветных Сестер. — Заир, видишь вон те круглые предметы в небе? Сможешь добраться туда?

Джексон затаил дыхание. Он чувствовал, как окаменела стоявшая рядом Менолли и знал, что она тоже боится вздохнуть. Слышал приглушенный возглас Брекки. Все взгляды были прикованы к Заиру.

Бронзовый файр повернул головку к Робинтону и чирикнул — тихо и неуверенно.

— Заир! Рассветные Сестры! — повторил Робинтон. — Полетишь туда?

Заир склонил головку к плечу. Он явно не понимал, чего от него добиваются.

— Заир! Алая Звезда!

Эффект последовал незамедлительно. Негодующе вскрикнув, файр исчез. Вся стая, угнездившаяся вокруг Рута, мгновенно проснулась и последовала за ним.

— Вот вам и ответ сразу на оба вопроса, — заметил Ф'лар.

— А что говорит Рут? — шепотом спросила Менолли.

— О Рассветных Сестрах или о Заире?

— Обо всем.

— Он спал, — произнес Джексон, услышав ответ белого дракона.

— Тогда с ним все ясно!

— Неужели? А что передала Красотка перед тем, как исчезнуть?

— Ничего!

Остаток вечера прошел в спорах и дискуссиях, но толком так ничего и не решили. Робинтон с Вансором, наверное, проговорили бы всю ночь, не подмешай Олдайв какое-то снадобье в вино арфиста. Никто, правда, не видел, как он это сделал; тем не менее, мастер Робинтон, только что ожесточенно споривший с Вансором, вдруг уронил голову на стол и захрапел.

«Разговоры — разговорами, а здоровьем пренебрегать не годится», — заметил мастер Олдайв и дал знак всадникам, чтобы они отнесли арфиста в постель.

На этом все и закончилось. Всадники вернулись в свои Вейры, Олдайв и Фандарел — каждый в свой Цех. Остался только Вансор. Даже целое крыло всадников не могло бы теперь вытащить его из Прибрежного холда.

Было решено, что пока не стоит обнародовать известие об истинном происхождении Рассветных Сестер, — по крайней мере, до тех пор, пока Вансор с помощниками не изучат этот феномен и не придут к более определенным выводам.

— Незачем зря будоражить людей. В последнее время и так было достаточно потрясений, — заметил Ф'лар. — Ведь кое-кто может вообразить, что эти безобидные объекты не менее опасны, чем Алая Звезда.

— Опасны? — воскликнул Фандарел. — Да представляй, они хоть какую-то опасность, мы бы убедились в этом на своей шкуре уже много Оборотов назад!

Ф'лар с готовностью согласился, но напомнил — все так привыкли к тому, что опасность исходит с небес, что лучше пока сохранять открытие в тайне. Еще он предложил прислать всадников из Бендана для разведки материка. Видимо, он чувствовал, что сейчас это самая важная задача.

Укладываясь спать, Джексон постарался выбросить из головы неприятную мысль о том, что как раз сейчас, когда он надеялся хоть ненадолго остаться наедине с Шаррой, на Прибрежный холд обрушится новое нацествие.

Не избегает ли она его? Или просто им постоянно мешают обстоятельства, вроде некстати свалившегося на них Пьемура? Потом тревога о состоянии мастера Робинтона, экспедиции по окрестностям, после которых они так уставали, что едва добирались до постели, прибытие половины населения Перна для строительства холда Главного арфиста, потом встреча с ним — а теперь еще и это! Нет, непохоже, чтобы Шарра его избегала. Она кажется такой... близкой. Низкий чарующий голос, на тон пониже, чем у Менолли, милое лицо, так часто скрытое прядями непокорных волос, которые так и норовят выбиться из-под гребней и заколок...

Ему страстно захотелось, чтобы Прибрежный холд больше не подвергался никаким набегам — совершенно безнадежное желание, если учесть, что он никак не мог повлиять на грядущие события. Ведь он лорд Руата, а не Прибрежного. Если кто-то и имеет право на это место, то скорее — мастер Робинтон с Менолли; ведь это их занесло сюда штормом.

Джексом вздохнул, ощущив укол совести. Теперь, когда мастер Олдайв объявил, что он окончательно излечился от последствий горячки, он вполне может летать в Промежутке и вместе с Рутом вернуться домой, в Руат. Он прямо-таки обязан вернуться в Руат. Однако ему совершенно не хочется туда возвращаться. И не только из-за Шарры.

Если подумать, он там вовсе не нужен. Лайтол, как и раньше, прекрасно справляется с делами... а от Рута никто не требует, чтобы он летал биться с Нитями — ни в Руате, ни в Форт Вейре. Правда, в Бендене сквозь пальцы смотрят на их шалости, но Ф'лар дал ясно понять, что ни белый дракон, ни его всадник, юный лорд Руатанский не должны подвергать себя опасности.

С другой стороны, никто не запрещал ему заниматься поисками. Джексома внезапно осенило, что никто, к тому же, не требует, чтобы он немедленно возвращался в Руат.

Эта мысль слегка утешила юношу, но на смену ей сразу же пришла другая: с завтрашнего дня Ф'лар начнет слать сюда все новых всадников — всадников, чьи драконы летают куда быстрее и дальше Рута. Всадников, которые смогут добраться до горы раньше него. Всадников, которым наверняка удастся обнаружить те следы, что, по мнению Робинтона, могли сохраниться в глубине материка. Всадников, которые не преминут разглядеть в Шарре красотку, нежность и душевное тепло, что так привлекали к ней самого Джексома.

Джексом ворочался на своем набитом сеном матрасе, тщетно стараясь найти удобное положение и уснуть. Вот если бы план Робинтона, предусматривающий работу для него самого, Шарры, Менолли и Пьемура, не претерпел никаких изменений... Как повторяет Пьемур, драконы хороши для дальних перелетов, но для того, чтобы как следует изучать местность, нужно облазить ее пешком вдоль и поперек. Мо-

жет быть, Ф'лар с Робинтоном решат, что лучше рассредоточить всадников по всей территории, максимально расширив район поисков, а их четверка будет продвигаться к горе?

Внезапно Джексом понял — если не считать Шарры, он ничего так страстно не желает, как добраться до горы первым. Этот торжественно-симметричный конус привлек его сюда, в бухту, он грезился ему в горячечном бреду, не давая покоя днем, а по ночам кошмарными видениями вторгаясь в его сны. Пусть это неразумно, но Джексом хотел во что бы то ни стало добраться до него первым!

Где-то посреди этих размышлений он незаметно уснул. И снова в его снах, сменяя друг друга, разворачивались устраивающие события: снова гора взрывалась, извергая пылающие красно-оранжевым пламенем каменные глыбы и потоки расплавленной лавы. Снова Джексом был одновременно на смерть перепуганным беглецом и бесстрастным наблюдателем. И вдруг пылающая стена начала обрушиваться за его спиной — так близко, что он почувствовал спиной ее обжигающее дыхание...

И проснулся! Лучи восходящего солнца, пробиваясь сквозь листву деревьев, ласкали его плечи. Вот и утро!

Джексом мысленно обратился к Руту. Дракон все еще дремал на поляне, оставшейся на месте старого убежища, где для него выкопали в песке уютную ямку.

Юноша поискал глазами Пьемура — тот спал, свернувшись калачиком, подложив ладони под щеку. Выскользнув из постели, Джексом бесшумно открыл двери и, неся в руках сандалии, на цыпочках прошел через кухню. Рут шевельнулся, вспугнув пару ящериц, удобно расположившихся у него на спине, и Джексом замер, пораженный неожиданной догадкой. Он посмотрел на Рута, потом на файров. Ни один из тех, кто прикорнул рядом с драконом, не был помечен. Нужно спросить Рута, когда он проснется, всегда ли файры с Южного спят рядом с ним. Если так, то, возможно, сны, которые видит Джексом, — это сны огненных ящериц, их воспоминания, пробудившиеся при встрече с людьми! Но гора... Странно, с этой стороны она выглядит правильным конусом, на котором не видно никаких следов разрушительного извержения.

Выйдя на берег, Джексом поиском в небе Рассветных Сестер. Но, к сожалению, было уже слишком поздно; он проспал их утреннее явление.

Оба дальновидящих прибора — и Вансоров, заботливо укрытый от утренней росы мягкой кожей, и Идароланов, в плотном чехле, все еще стояли на своих подставках. Внутренне посмеиваясь над собой, поскольку он был заранее уверен в тщетности своей попытки, Джексом все-таки не удержался, раскрыл прибор Вансора и взглянул на небо. Потом снова заботливо укутал инструмент и постоял, глядя на юго-восток, в сторону горы.

В его снах конус всегда взрывался, но ведь отсюда видна только одна сторона... Внезапно приняв решение, он вынул инструмент Идаролана из футляра. Хотя Вансоров прибор значительно сильнее, ему не хотелось менять его тщательно выверенную настройку. К тому же, труба Идаролана тоже вполне подходит для его целей. Не для того, конечно, чтобы показать разрушения, которые Джексом надеялся увидеть. Он задумчиво опустил инструмент. Теперь он может летать в Промежутке. Более того, мастер Робинтон лично поручил ему заняться исследованием территории к югу от бухты. И, что еще важнее, он должен оказаться у горы первым!

Юноша рассмеялся. Этот его замысел куда менее опасен, чем возвращение королевского яйца. Можно слетать к горе через Промежуток и вернуться раньше, чем обитатели холда сядут завтракать. Джексом снял трубу с подставки. Она ему пригодится. Когда они с Рутом будут в воздухе, стоит как следует приглядеться к горе — ведь нужно подыскать запоминающиеся ориентиры.

Он резко повернулся и чуть не упал от изумления. Перед ним рядом выстроились Пьемур, Шарра и Менолли. Все трое не спускали с него глаз.

— Отвечай, лорд Джексом, что ты там рассматривал в Идароланов прибор — не иначе, как гору? — осведомился Пьемур, скаля зубы в самодовольной ухмылке.

Красотка, сидевшая на плече у Менолли вопросительно чирикнула.

— Ну, и достаточно он нагляделся? — спросила Менолли, демонстративно игнорируя Джексома.

— Я уверен, что вполне!

— Ведь не настолько он бессовестный, чтобы собраться туда без нас? — поинтересовалась Шарра.

Они насмешливо уставились на него.

— Рут не снесет четверых.

«Почему же не снесу? Вы все не особенно толстые».

Шарра прыснула, прикрыв рот рукой, и указала пальцем на Джексома.

— Ставлю все, что угодно — Рут сказал, что справится! — сообщила она своим спутникам.

— Держу пари, ты права! — Менолли не спускала с Джексома глаз.

— Я думаю, Джексом, будет гораздо лучше, если в этой авантюре ты не останешься без помощи.

— В этой авантюре? — переспросил Пьемур, как всегда чутко улавливающий все оттенки речи.

Стиснув зубы, Джексом наградил арфистку красноречивым взглядом.

— Так ты уверен, что снесешь четверых? — спросил он Рута.

Дракон появился на берегу. Глаза его взволнованно сверкали.

«Мне уже много раз приходилось летать очень далеко. Так что теперь я стал очень сильным. Все не тяжелые. Расстояние не большое. Мы полетим осматривать гору?»

— Ясно, что Рут согласен, — сказала Менолли, — но если мы не вылетим немедленно... — она кивнула в сторону Прибрежного холда. — Пошли, Шарра, нужно захватить летное снаряжение.

— Придется сделать страховочные петли для всех четверых.

— Вот и займитесь! — Девушки побежали к холду.

Лучше всего для этой цели подходили веревочные арканы, и Джексом с Пьемуром быстро приладили их на место. Джексом взял Идароланов дальновидящий прибор, мысленно пообещав вернуться как можно скорее, чтобы рыбак не заметил пропажи.

Руту пришлось поднатужиться, чтобы оторваться от земли, но когда они, наконец, взлетели, он заверил Джексома, что ему ничуть не тяжело. Он взял курс на юго-восток, и Джексом навел инструмент на далекую вершину. Но даже с такой высоты он не смог разглядеть никаких характерных особенностей рельефа. Он стал постепенно опускать трубу, пока ясно и отчетливо не увидел на фоне горы невысокий хребет.

Джексом передал его изображение Руту и, убедившись, что дракон тоже ясно видит цель, послал его в Промежуток. Мгновение — и вот они уже парят над хребтом. У всех четверых захватило дух — и от лютого холода, который после месяцев, проведенных под палящими лучами знойного тропического солнца, показался им еще нестерпимее, и от величественной панорамы, развернувшейся внизу.

Как и предсказывал Пьеумур, расстояние оказалось обманчивым.

Гора вырастала из высокого плато, которое само по себе уже находилось на высоте сотен длин дракона над уровнем моря. Далеко внизу высокие хребты прорезал широкий сверкающий залив, глубоко вдававшийся в сушу. Ближний к ним берег зарос непроходимым лесом, дальний, уходящий к горе, зеленел травой. К югу, как граница между востоком и западом, вытянулась горная гряда; ее сугревые вершины таяли вдали в туманной дымке.

И над всем этим великолепием царила коническая гора; отсюда до нее было еще довольно далеко.

— Смотрите! — Шарра указала налево, в сторону моря. — Там тоже вулканы. Некоторые даже дымятся!

Длинная цепь горных вершин, изгибаясь к северо-востоку, уходила в море. Некоторые стояли на островах, другие выдавались прямо из воды.

— Одолжи-ка мне прибор, Джексом, — Пьеумур припал к окуляру трубы. — Да, — подтвердил он после длительного наблюдения, — парочка из них вполне активна. Но опасности нет — они далеко. — Потом он направил трубу на горную цепь и, бегло взглянув на нее, покачал головой.

— Похоже, это тот самый хребет, который я видел на западе, — неуверенно проговорил он. — Сколько месяцев я до

него добирался! А холодина там... — он повел трубой влево. — Весьма полезная штука! Смотрите, как глубоко залив врезается в сушу. Мастер Идаролан мог бы сюда заплыть, — он отдал Джексому трубу и стал разглядывать вулкан.

— Какая красота! — порывисто вздохнув, произнесла Шарра.

— Должно быть, рухнула другая сторона, — сказал Джексом, обращаясь больше к самому себе, чем к спутникам.

— Другая сторона? — в один голос воскликнули Менолли и Шарра. Джексом спиной почувствовал, как напрягся сидящий за ним Пьемур.

— Так вы тоже видели извержение во сне? — спросил он.

— А что же еще, спрашивается, могло нас разбудить? И как раз вовремя — ты только выполз из постели, — язвительно заметила Менолли.

— Почему бы нам тогда не взглянуть и на другую сторону? — предложил Пьемур так небрежно, как будто приглашал друзей искупаться.

— Действительно, почему? — так же беззаботно откликнулась Шарра.

«Я тоже хотел бы посмотреть на место, которое все время вижу во сне», — сказал Рут и без всяких предупреждений ринулся вниз.

Джексом услышал, как Менолли с Шаррой вскрикнули от неожиданности и порадовался, что не забыл про страховочную упряжь. Рут рассыпался в извинениях, но Джексом не успел передать их своим спутникам — белый дракон, подхваченный восходящим потоком теплого воздуха, уже нес их над широкой гладью залива. Когда он выровнял полет, Джексом, нацелив трубу на северный склон горы, нашел внизу характерное нагромождение скал. Он передал изображение Руту.

Мгновенный полет через Промежуток — и вот они уже парят над скалами, а гора, кажется, угрожающе кренится в их сторону. Рут снова набрал скорость и устремился еще дальше к северу, чтобы по широкой дуге обогнуть вулкан с востока.

На мгновение всех ослепили сверкающие лучи восходящего солнца, которое до сих пор было скрыто за громадой горы. Рут стал понемногу поворачивать к югу. И тут перед ним открылся такой бескрайний простор, каких Джексом еще не видывал — он расстипался вширь и вдаль, намного превышая размахом равнину Тиллека и пустыни Айгена. Захваченный величием панорамы, Джексом с трудом оторвал от нее взор и взглянул на гору.

Представший перед ним вид казался мучительно знакомым, сколько-то тревожных ночей преследовал он Джексома в полузабытых снах! С востока вершина была срезана; гигантское жерло вулкана зияло, как оскаленная пасть. Джексом перевел взгляд ниже, и на юго-восточном склоне обнаружил еще три жерла, поменьше, похожие на злобных отпрысков великана. Повсюду виднелись потоки застывшей лавы, когда-то извергавшейся на юг, по направлению к холмистым равнинам.

Рут, инстинктом чуя опасность, старался держаться от чудовищной горы подальше, плавно скользя в сторону более гостеприимной долины.

Да и Джексом, так долго любовавшийся видом вулкана с севера, теперь невольно отвел взгляд от свирепого оскала, открывшегося ему с востока, со стороны его кошмарных ночных видений.

Теперь юношу ничуть не удивили слова Рута: «Это место мне знакомо. Файры говорят, что именно здесь были их люди».

Откуда не возьмись вынырнули стаи файров, и закружились в воздухе, сопровождая Рута. Красотка, Мийр, Талла и Фрли, всю дорогу спокойно сидевшие на плечах у своих друзей, вспорхнули и присоединились к оживленному хороводу.

— Джексом, Джексом, ты только взгляни! — заорал ему прямо в ухо Пьемур. Одновременно он колотил Джексома по плечу и бешено махал рукой, указывая куда-то вниз. Юноша пригляделся. В лучах утреннего солнца все очертания выступали очень рельефно. Вот какие-то холмы, протянувшиеся друг за другом... их ряды, пересекаясь, образуют странно правильные квадраты, прямоугольники...

— То, что ищет мастер Робинсон! — оглянувшись через плечо, он улыбнулся Пьемуру, но его спутник уже отвернулся к девушкам, чтобы привлечь их внимание к находке.

Вдруг Джексом, задохнувшись, сжал шею Рута ногами, поворачивая его на северо-восток. По тому, как Пьемур вцепился ему в плечи, Джексом понял — арфист увидел то же, что и он. Там, вдали, дымка, повисшая над курившимся в море вулканами, сливалась с серой дымкой, опускающейся с небес, Нити!

— Нити!

«Нити!» — не успел Джексом дать Руту команду, как тот сам перенес их в Промежуток. В следующее мгновение они уже парили над бухтой, на берегу которой расположились пять драконов. Матросы сновали с берега на корабль, покрывая деревянные палубы плитами сланца, чтобы уберечь судно от Нитей.

«Кант спрашивает, где мы были. Мне нужно срочно начинать жевать камень. Файры должны защищать корабль. Все на нас сердятся. Только почему?»

Джексом велел Руту приземлиться на берегу, рядом с кучей огненного камня, и приступать к делу.

— Нужно поскорее отыскать Дуралея! — Пьемур спрыгнул на песок и бросился в лес.

— Дай-ка мне трубу мастера Идаролана, — сказала Джексому Менолли. — Я уже вижу, какое у него лицо. Правда, может быть, он зол не только из-за прибора...

— Ничего, как-нибудь переживем эту бурю, — улыбнувшись Джексому, вымоля Шарра и ободряюще сжала его руку. — Да не расстраивайся ты так! Я бы ни за что на свете не согласилась пропустить нашу утреннюю прогулку. Пусть даже сама Лесса устроит мне выволочку.

«Но ведь мы исследовали Южный по распоряжению Главного арфиста! — неожиданно заявил Рут. Он поднял голову и посмотрел туда, где собирались остальные драконы. — И мы вернулись как раз вовремя, к самому началу сражения с Нитями. Так что мы не сделали ничего плохого».

Джексома удивила непреклонная уверенность, прозвучавшая в тоне Рута; он не сомневался, что белый дракон обращается к Канту, поскольку коричневый, вращая глазами, глядел в их сторону.

«Все понятно, я буду летать поперек вашего движения — так же, как и в прошлый раз, — сказал Рут, снова отвечая на слова, которые Джексом не мог слышать. — Камня у меня вполне достаточно. Нити уже совсем близко».

Дракон выгнулся, и Джексом вскочил на него верхом, ощущая прилив облегчения — неотвратимое объяснение с Ф'нором или Н'тоном можно отложить до конца битвы. Хотя, надо сказать, он совершенно не чувствовал себя виноватым.

«Мы делали только то, что велел Главный арфист, — сказал Рут, взвиваясь в небо. — Ведь никто не запрещал нам сегодня летать к горе? Я рад, что мы там побывали. Теперь, когда я увидел это место, меня больше не будут тревожить сны, — помолчав, он добавил с некоторой долей удивления, — Брекки сомневается, что нам стоит участвовать в битве с Нитями, потому что тебе только сегодня позволили летать в Промежуток. Ты мне скажи, если устанешь!»

После этих слов уже ничто на свете не заставило бы Джексома признаться, что он устал, доведись ему даже выдержать четырехчасовое сражение. Они встретили Нити над третьей бухтой, считая к востоку. Встретили и уничтожили. Рут с Джексомом стрелой носились то выше, то ниже остальных пяти драконов, то между ними, а те, сомкнув треугольный строй, утюжили небо с запада на восток и обратно. Джексом горячо надеялся, что Пьемур успел изловить Дуралея и отвести его в безопасное место. Рут мгновенно доложил: Фарли сообщает, что скакуна завели на террасу Прибрежного холда, а сама она готова сжечь каждую Нить, которая попробует напасть на холд.

Делая разворот над бухтой, Джексом заметил, что с высоких мачт «Рассветной Сестры» срываются языки пламени. Пораженный, он протер глаза, но затем понял — это же огненные ящерицы! Должно быть, их там немало. Может быть, на выручку отважным маленьким защитникам корабля пришли их собратья с Южного? Может быть, они решили помочь людям?

Но Джексону не пришлось долго размышлять — они снова закружились в пылающем вихре схватки. К тому времени, когда серебристый дождь утих, и Кант протрубил сигнал к возвращению, Джексон вконец изматался. Рут сделал разворот на восток, и он увидел, как Ф'нор подал знак: «Молодцы!» Все легли на обратный курс.

Рут сел на западной стороне бухты, где полоса песка была поуже, чтобы дать больше места огромным драконам. Соскользнув с его плеча, Джексон потрепал влажную от пота шею и чихнул, вдохнув едкий запах огненного камня. Рут деликатно кашлянул.

«Я с каждым разом жую все лучше. Пламени совсем не остается, — он поднял голову и взглянул в сторону Канта, который только что приземлился рядом. — Почему Ф'нор недоволен? Мы слетали отлично. Ни одна Нить не скрылась от нас, — Рут выгнулся, заглядывая своему всаднику в лицо. Глаза его ускорили вращение, в них замелькали тревожные желтые искры. — Не понимаю», — добавил он и отрывисто фыркнул, так что Джексон снова вдохнул пары огненного камня и закашлялся.

— Джексон! Ты мне нужен на пару слов! — Ф'нор уже шагал к нему по песку: по тому, как резко он расстегивал тунику и стаскивал шлем, было видно, что всадник не в духе.

— Я слушаю!

— Где это вы пропадали целое утро? Почему исчезли, никого не предупредив? Вы что же, забыли, что сегодня ожидалось Падение?

Джексон молча глядел на Ф'нора. Лицо коричневого всадника омрачили гнев и усталость. Юноша внезапно ощутил прилив той же холодной ярости, которая привела его к взрыву тогда, в Руате. Теперь кажется, это было так давно... Он выпрямился и вздернул подбородок. Выяснилось, что они с Ф'нором одного роста, а он раньше и не замечал. Нет, сегодня он ни за что не потеряет голову, как в прошлый раз!

— Мы успели как раз к тому времени, когда началось Падение, не так ли, коричневый всадник? — холодно ответил он. — Мой долг — защита Прибрежного холда. И я его исполнил. К тому же, мне выпала честь и удовольствие участвовать в вылете вместе с Бенденом, — он сделал легкий

поклон и с удовлетворением увидел, как гнев на лице Ф'нора сменился изумлением.— Я уверен, что мои спутники уже доложили мастеру Робинтону о том, что мы обнаружили нынче утром. А теперь, Рут, ступай скорее в воду. Я с радостью отвечу на все твои вопросы, Ф'нор, но только после того, как отмою Рута,— он еще раз поклонился Ф'нору, который, не скрывая изумления, глазел на него, сбросил на песок пропотевшую тунику и ринулся в море.

Ф'нор остался стоять не берегу, глядя ему вслед; Джексом, нырнув, выплыл рядом с покачивающимся на волнах белым драконом.

Рут перевернулся и, выдохнув, взметнул над головой фонтан воды. Его глаза, прикрытые тонким внутренним веком, мягко поблескивали зеленым светом у самой поверхности.

«Кнат говорит, Ф'нор смущен. Что ты сказал ему? Что могло смутить коричневого всадника?»

— То, что он никак не ожидал услышать от белого всадника. Послушай, как я могу тебя мыть, если ты все время вертишься!

«Почему ты злишься? Ты мне всю шкуру сдерешь, если ты будешь так тереть!».

— Я действительно зол, но вовсе не на тебя.

«Тогда, может быть, слетаем на наше озеро?» — нерешительно спросил Рут, тревожно оглянувшись на своего всадника.

— Зачем нам покрытое льдом озеро, если в нашем расположении весь теплый океан? Просто я сердит на Ф'нора. Ведь я не больной и не мальчик, которому нужен опекун. Я уже не раз сражался с Нитями — и с тобой, и без тебя. И если я достаточно взрослый для такого занятия, то, значит, не обязан ни перед кем отчитываться за каждый свой шаг.

«А знаешь, я совсем забыл про сегодняшнее Падение...».

Услышав робкое признание Рута, Джексом расхохотался.

— Я тоже. Только никому не говори.

Ему на помощь слетелись ящерицы. Судя по запаху, исходившему от мокрых файров, им самим не мешало бы хорошенько почиститься. Когда Рут погружался слишком глубоко в воду, так что маленькие помощники не могли как сле-

дует его потерять, они бралили белого куда более свирепо, чем Джексом. В стае были Мийр, Талла и Фарли. Джексом заставил себя довести дело до конца. Он смертельно устал, но решил во что бы то ни стало вымыть Рута. Тогда весь остаток дня он сможет отдыхать.

Но не тут-то было. Правда, ему не пришлось заканчивать работу в одиночестве — кроме файров, на помощь пришла Шарра.

— Хочешь, я, как в прошлый раз, потру другой бок? — спросила девушка, шлепая к ним по воде.

— Был бы тебе бесконечно благодарен, — с улыбкой ответил Джексом, и облегченно вздохнул.

Она бросила ему щетку с рукояткой.

— Вот, возьми — Брекки привезла с собой. Говорит, ими удобно чистить драконов — щетина жесткая и прочная. Ну как, Рут — нравится?

Девушка зачерпнула со дна пригоршню песку и, размазав его по мокрой шее дракона, энергично заработала щеткой. Рут только присвистнул от удовольствия.

— Что вы тут поделывали, пока я сражался с Нитями? — спросил Джексом, перемещаясь к хвосту, и энергично работая щеткой.

— Менолли отвечала на вопросы, — с озорной улыбкой сказала Шарра, выглянув из-за распростертого тела Рута, — она тараторила так быстро, что мастер Робинтон не мог вставить ни слова. Когда я отправилась к тебе, она все еще продолжала рассказывать. Я и не представляла, что кто-нибудь сумеет заговорить зубы нашему Главному арфисту. Во всяком случае, он очень быстро перестал кипятиться. А тебе уже досталось от Ф'нора?

— Мы... обменялись мнениями.

— Глядя на Брекки, я была уверена, что этого не избежать — хотя и постаралась внушить ей, что ты окончательно поправился. Она представляет дело так, будто ты восстал со смертного одра, чтобы принять участие в сражении! — Шарра насмешливо фыркнула.

Прислонившись к спине Рута, Джексом с улыбкой залюбовался девушкой. До чего же хороша! Глаза лукаво смеют-

ся, на лице поблескивают капельки воды, волосы разметались по плечам... Поймав его взгляд, она вопросительно вскинула бровь.

— Как ты думаешь, Шарра, нам не пригрезилось то, что мы видели сегодня утром?

— Конечно же, нет! — она строго взглянула на Джексома, наставив на него свою щетку. — И тебе здорово повезло, что мы трое можем подтвердить твои слова — одному тебе вряд ли поверили бы, — девушка помолчала, и в глазах ее снова вспыхнул лукавый огонек. — Правда, я все равно очень сомневаюсь, что они поверят даже всей нашей компании.

— Кто это нам не поверит?

— Мастер Робинсон, мастер Вансор и Брекки. Ты что, меня не слушал?

— Нет, — усмехнулся он. — Я на тебя смотрел.

— Ну, знаешь, Джексом!

Он рассмеялся, увидев, как темный румянец, пропустивший под загаром, заливает ее лицо шею.

— Вот видишь? — воскликнула Шарра, шлепнув его по руке щеткой. — Ты самым возмутительным образом пренебрегаешь своими обязанностями!

— А ты откуда знаешь, что Рут со мной говорит?

— По твоему лицу сразу заметно.

— Куда это направляется «Рассветная Сестра»? — спросил Джексом, увидев, как корабль на развернутых ветром парусах выходит в открытое море.

— Рыбачить, куда же еще? После Падения всегда собираются целые косяки рыбы. А благодаря нашей находке, сюда нагрянут целые толпы народа. Так что рыба пригодится — нужно будет всех кормить.

Закрыв глаза, Джексом застонал от ужаса.

— Вот тебе и наказание за прогулку без спроса! — сказала Шарра.

Неожиданно Рут нырнул и окатил их обоих с головой.

— Рут!

«Мои друзья летят!» — Белый дракон радостно затрубил, и Джексом, сквозь пелену воды, заставившую глаза, увидел в небе чуть ли не половину боевого крыла.

«Рамота с Мнементом, Тирот, Гъямат, Брант, Орт...»

— Смотри-ка, Шарра, — все Предводители Вейров!

Девушка продолжала кашлять и отплевываться — она наглоталась морской воды.

— Здорово! — наконец, сказала Шарра, но, судя по тону, особого счастья она не испытывала — А где же моя щетка? — она принялась щарить по дну.

«И еще Пат, Голант, Дрент... а вот и Лайтол на нашем сторожевом драконе!»

— Значит, и Лайтол здесь! Да не вертись ты, Рут! Мы еще не закончили с твоим хвостом.

«Должен же я как положено поприветствовать своих друзей», — возразил Рут и, вырвав у Джексома кончик хвоста, уселся на задние лапы и издал радостный вопль, обращенный ко второй группе всадников, которая только что появилась над бухтой.

— Может быть, он и не совсем чистый, — насмешливо произнесла Шарра, отжимая длинные волосы, — но я — уж точно!

«Я тоже совсем чистый. Мои друзья захотят поплавать».

— Не рассчитывай, Рут, что тебе удастся поплавать вместе с ними — нам предстоит нелегкий денек!

— Слушай, Джексом, а ты сегодня ел? — спросила Шарра. Он отрицательно покачал головой, и девушка решительно схватила его за руку. — Пойдем через заднюю дверь, пока нас кто-нибудь не перехватил!

Джексому пришлось задержаться на берегу, чтобы сбрать летное снаряжение; потом оба бросились бегом по старой тропке, что вела к кухонной двери Прибрежного холда. Увидев, что внутри никого нет, Шарра издала преувеличенно громкий вздох облегчения. Велев Джексому посидеть, она принесла ему кружку кла, а из горшка, стоявшего на плите, положила еще теплой каши, к которой добавила ломтик свежих фруктов.

Из дома до них доносились возгласы прибывших, которые время от времени перекрывал мощный баритон Главного арфиста.

Торопливо глотая еду, Джексом уже было приподнялся, но Шарра толкнула его в грудь, и он снова сел.

— Они сами скоро найдут тебя, а пока ешь!

— Рут на берегу, — послышался вдруг голос Лайтола, — а вот Джексома что-то нигде не видно...

— По-моему, он... — начал Робинтон.

Тут в кухню впорхнула бронзовая стрела и, весело чирикнув, метнулась прочь.

— Оказывается, Лайтол, он на кухне, вон за той дверью, — со смехом проговорил Робинтон.

— Я готов согласиться с Лессой, — ворчливо пробормотал Джексом, — что... — тут он набрал полную ложку каши, отправил ее в рот и встал, вытирая губы, — в кухню уже входил Лайтол.

— Извини, мой господин, — промычал юноша с набитым ртом. — Я не успел позавтракать.

Лайтол так пристально разглядывал его, что Джексом смущенно поежился. Неужели опекуну уже доложили о его утренней прогулке?

— А ты, мой мальчик, выглядишь гораздо лучше, чем в прошлый раз. Добрый день, Шарра, — рассеянно бросил он девушке, направляясь к Джексому, чтобы крепко пожать ему руку. Затем Лайтол отступил на шаг, и губы его растянулись в улыбке. — Ты загорел и выглядишь окрепшим. Ну, что за безобразие ты тут сотворил?

— Я? Да что ты! — Джексом не мог сдержать улыбку. Лайтол вовсе не сердился, совсем наоборот! — Эта гора уже давным-давно стоит здесь, так что ее сотворил вовсе не я. Но мне действительно позарез хотелось первым увидеть ее вблизи!

— Джексом! — призывный рык арфиста было невозможно оставить без ответа.

— Я здесь, учитель!

— Иди-ка сюда!

Потом Джексом не раз с благодарностью вспомнил Шарру — надо же, догадалась накормить его завтраком. У него не было ни единой свободной минутки. Как только он ступил на порог главного зала, собравшиеся Предводители Вейров и

Главные мастера забросали его вопросами. Во время Падения Пьемур даром время не терял — мастер Робинтон уже закончил набросок, изображавший вид на гору с юго-востока, который теперь продемонстрировал пораженным зрителям вместе с маленькой приблизительной картой этой части Южного. Судя по тому, как складно, почти напевно Менолли описывала их утренний полет, Джексом понял, что она делает это уже не в первый раз.

Больше всего из того обсуждения ему запомнилось острое чувство жалости — какая досада, что мастер Робинтон не может увидеть гору своими глазами! Но ведь он, Джексом, все-таки дождался, что мастер Олдайв разрешил ему летать в Промежутке...

— Знаю, Джексом, ты только что вернулся после сражения с Нитями, но если бы ты мог дать Мнементу хотя бы намек... — заговорил Ф'лар.

Но Н'тон с хохотом показал на Джексома.

— Видел бы ты свое лицо, братец! Ф'лар, ему же невтерпеж самому повести нас! Доставь парню такое удовольствие!

В итоге Джексом снова натянул не успевший просохнуть летный костюм и призвал Рута, который безмятежно грелся на солнышке. Рут был весьма доволен собой — ему выпала честь возглавить полет первых бронзовых Перна; сам же Джексом едва скрывал за внешней невозмутимостью свой неистовый восторг. Он, Джексом, и его белый дракон поведут за собой лучших всадников планеты!

Он мог бы велеть Руту сразу перенестись к юго-восточному склону Двуликого великана — так он называл про себя огромную гору. Но юноше хотелось, чтобы его спутники тоже ощутили разительный контраст двух обликов горы — прекрасного и безобразного.

По лицам всадников, когда они повисли над скалистым хребтом, Джексом увидел, что вполне достиг ожидаемого эффекта. Он дал им время осмотреть Пограничный хребет, его зазубренные снеговые вершины, сверкающие вдали. Потом махнул рукой на северо-восток — теперь ни утренний туман, ни завеса Нитей не мешали зрителям разглядеть гряду вулканов, змеей убегавшую в море; там, почти у самого горизонта курился прозрачный дымок.

Повинуясь его приказу, Рут, как и в прошлый раз, перехватнул через водный простор залива и поднялся высоко вверх, прежде чем дать ориентир для следующего прыжка через Промежуток. Они выскочили как раз напротив юго-восточного склона Двуликого — выразительнее зрелища просто не придумаешь...

Внезапно Мнемент вырвался вперед и сообщил Руту, что всем велено приземлиться. Рут с Джексомом учтиво сделали круг, ожидал, пока бронзовый гигант опустится у пересечения двух рядов холмов, на безопасном расстоянии от кратеров малых вулканов. Бронзовые начали один за другим садиться на заросший высокой травой луг, а их всадники и пассажиры, путаясь в жестких стеблях, поспешили присоединиться к Ф'лару. Бенденец, вынув из-за пояса кинжал, торопливо ковырял землю на склоне ближайшего кургана.

— За долгие Обороты тут скопилось полно пыли и остатков травы, — недовольно произнес он, прерывая свое занятие.

— К тому же, вулканы имеют обыкновение выбрасывать целые тучи пепла, — сказал Т'бор, Предводитель Плоскогорья. Ему хорошо были знакомы их повадки; в Тиллеке, который прикрывал его Вейр, сохранилось несколько старых вулканов. — Если все эти горы когда-то извергались разом, придется снять толстый слой пепла, прежде чем мы до чего-нибудь докопаемся.

На какой-то миг Джексому показалось, что сейчас на них тоже обрушится туча пепла — солнце померкло, и вниз ринулась клубящаяся, гудящая туча. Почти коснувшись головы Мнемента, сотни файров снова взмыли ввысь.

Сквозь возгласы испуга и удивления до юноши донеслись слова Рута:

«Они счастливы — люди вернулись к ним!»

— Спроси их про три горы, Рут! Не помнят ли они, как горы взорвались?

Они помнили — в этом не было никакого сомнения! В единый миг в воздухе не осталось ни одного не помеченного файра.

«Они помнят горы, — ответил Рут. — Помнят огонь в небе и огонь, ползущий по земле. Они боятся гор. Люди их тоже боялись».

К Джексому подбежала Менолли, на лице ее читалась тревога.

— Что, Рут спросил файров про вулканы? Красотка и все остальные просто вне себя от ужаса!

Подошел Ф'лар.

— Менолли, что за суматоху устроили файры? Я не заметил среди них помеченных. Это все здешние?

— Ну, разумеется, здесь были люди, — продолжал он, выслушав ответ арфистки. — Файры не сообщили нам ничего такого, о чем бы нам не было известно. Что значит — они помнят? — Ф'лар презрительно поморщился. — Я еще могу допустить, что ты, Джексом, нашел Д'рама в бухте с их помощью... но там шла речь всего о каких-то двадцати пяти Оборотах. А здесь... — он указал на потухшие вулканы и занесенные пеплом следы древнего поселения.

— Я могу на это сказать две вещи, Ф'лар, — смело заявила Менолли. — В наше время ни один файр ничего не знает об Алой Звезде, и, тем не менее, все они ее боятся. И еще... — арфистка замялась, и Джексом уже решил, что она собирается выложить историю с яйцом. Он решительно вмешался в разговор.

— Думаю, Ф'лар, что огненные ящерицы действительно способны запоминать. С тех пор, как я оказался в бухте, меня постоянно донимают сны. Я думал, что это последствия горячки, пока не выяснилось, что Пьемур с Шаррой видят очень похожие кошмары... И мы все видели гору! Причем, именно эту ее сторону, а не ту, которая обращена к бухте.

— А все дело в том, — Менолли снова перехватила инициативу, — что по ночам Рут всегда спит в окружении файров. Похоже, что он передает их сны Джексому! А наши файры — нам!

Ф'лар нехотя кивнул, признавая, что такая возможность существует.

— И прошлой ночью ваши сны были ярче, чем обычно?

— Да, мой господин!

Ф'лар затрясся от смеха, переводя взгляд с Менолли на Джексома.

— И поэтому утром вы решили проверить, есть ли в этих снах доля истины?

— Вот именно.

— Ну ладно, Джексом, — Ф'лар добродушно хлопнул юношу по спине, — я тебя не виню. На твоем месте я и сам, наверное, поступил бы так же. Ну а теперь, как ты думаешь... ты и твои драгоценные файры... что нам делать дальше?

— Я не файр, но я бы стал копать, — заявил подошедший Главный кузнец. Лицо его блестело от пота, руки были перепачканы в земле. — Нужно снять травяной покров и слой почвы. Мы должны выяснить, почему они строили жилища в холмах — если это, конечно, жилища. Копать — больше нам ничего не остается! — он не спеша огляделся по сторонам, обозревая беспорядочные следы раскопок, предпринятых кое-кем из всадников. — Красота. Просто красотища! — насмешливо ухмыльнулся он. — С вашего позволения я попрошу мастера Никата, чтобы он направил сюда своих умельцев. Нам нужны опытные землекопы. Ну, а я обещал Робинтону, что сразу вернусь и доложу ему обо всем, что видел собственными глазами.

— Я бы тоже хотела вернуться, Ф'лар, — сказала Менолли. — Мастер Робинтон сгорает от нетерпения. Заир уже дважды появлялся здесь.

— Я отвезу их обоих, — вызвался Джексом. Внезапно им овладело необъяснимое желание вернуться, не менее сильное, чем утреннее стремление попасть сюда.

Но Ф'лар не позволил Руту взять пассажиров, помня об их утренней экскурсии и участии в сражении с Нитями. Он отправил мастера Фандарела и Менолли в Прибрежный на Ф'лессановом Голанте, велев юному бронзовому всаднику отвезти потом Главного кузнеца куда тот пожелает. Если Предводитель Бендена и удивился, услышав, что Джексом хочет вернуться, то вида не подал.

Не успели еще Фандарел с Менолли усесться на Голанта, как Рута и след простыл. Они вернулись в бухту, которая была удивительно, восхитительно пустынной. После сухой и прохладной атмосферы плато, теплый влажный воздух

Прибрежного окутал Джексома плотным, чуть душным покрывалом, навевая нокой и истому. Воспользовавшись тем, что их появления никто не заметил, юноша велел сесть Руту на поляне, где было не так жарко. Дракон разлегся в тени, и Джексом свернулся клубочком меж его передних лап.

Едва закрыв глаза, он провалился в сон.

Разбудило его чье-то прикосновение. Летная туника сползла с плеч, и он слегка озяб.

— Я же говорила тебе, Миррим, что мы его разбудим, — услышал Джексом недовольный голос Шарры.

— Подумаешь! Эй, Джексом, я принесла тебе кружку кла! Мастер Робинтон хочет с тобой поговорить. Ты проспал целий день. Мы никак не могли понять, куда ты подевался.

Джексом что-то промычал себе под нос, искренне желая Миррим провалиться сквозь землю. Ей-то что до того, что он решил вздрогнуть?

— Вставай, Джексом! Я же вижу, что ты не спишь!

— А вот и нет. Я еще наполовину сплю, — не открывая глаз, Джексом широко зевнул. — Ступай, Миррим. Скажи мастеру Робинтону, что я сейчас буду.

— Ты нужен ему срочно!

— Он увидит меня куда раньше, если ты пойдешь и передашь ему, что я уже иду. Я сказал тебе — ступай!

Наградив юношу долгим красноречивым взглядом, Миррим, едва на сбив с ног Шарру, метнулась прочь и, протопав по ступенькам, исчезла в кухне.

— Шарра, ты настоящий друг, — простонал Джексом. — До чего эта Миррим меня раздражает — просто ничего не могу с собой поделать... Менолли говорила, что как только Пат взлетит, ее будет не узнать. Что-то я пока не замечаю никаких перемен.

Девушка пристально смотрела на Рута, который так крепко спал, что даже веки не трепетали.

— Знаю, о чём ты хочешь спросить... — усмехнувшись, проговорил Джексом, кивнув в сторону дракона. — Нет, больше ни единого сна.

— И у файров — тоже, — улыбаясь, сказала девушка, покачивая головой. — Ты правильно сделал, что пришел сю-

да отдохнуть. В холде ничего особенного не происходит. Наша файры шныряют туда-сюда, на плато и обратно. Они близки к истерике. Никто не может разобрать, о чем они хотят сообщить и что им говорят южные. Но, похоже, все файры материка уже знают, что мы здесь..

— И мастер Робинтон считает, что Рут может во всем этом разобраться?

— Почему бы и нет? — она задумчиво взглянула на спящего белого дракона. — Бедный малыш, совсем изнемог от сегодняшних хлопот! — ее мелодичный голос звучал так нежно, что Джексому захотелось, чтобы эти ласковые слова относились к нему. Поймав его взгляд, Шарра едва заметно покраснела.

— Я так рада, что мы всех опередили!

— И я!

— Джексом!

Услышав крик Миррим, юноша попятился.

— Чтоб ей ни Скорлупы, ни Осколков!

Схватив Шарру за руку, он повлек ее к холду и не отпустил даже после того, как они вошли в главный зал.

— Похоже, я проспал не пару часов, а целый день, — тихонько сказал Джексом, увидев массу карт, схем и набросков. Они были пришпилены к стенам, разбросаны по столу.

Главный арфист стоял спиной к ним, склонившись над длинным обеденным столом. Находившийся тут же Пьемур что-то сосредоточенно чертил. Взгляд Менолли был прикован к тому, что так заинтересовало Робинтона. Поодаль с надутым видом торчала Миррим. Сверху, с поперечных балок, таращились файры. То и дело кто-то из них стрелой вылетал в раскрытое окно, и тут же его место занимал другой, прилетевший на смену. С моря дул прохладный ветерок, приносящий запахи жареной рыбы.

— Чувствую, нам достанется от Брекки! — сказал Шарре Джексом.

— Достанется? За что? Мы всего лишь стараемся занять его посильной работой!

— Не бубни, Шарра! А ты, Джексом, подойди ко мне и добавь свои наблюдения к тому, что мне уже рассказали остальные,— Робинтон повернулся к вошедшим и строго поглядел на них.

— Но, мой господин, Пьемур с Менолли и Шаррой успели заметить куда больше меня...

— Согласен... Однако у них нет Рута, который, к тому же, общается с файрами. Может, он сумеет разобраться в этих путанных, противоречивых картинах, которые они передают?

— Я рад бы помочь, мастер Робинтон,— сказал Джексом,— но, по-моему, ты слишком многочего хочешь от Рута и файров.

Главный арфист выпрямился, как пружина.

— Что ты имеешь в виду?

— Допустим, файры действительно способны помнить о сильных совместных переживаниях, вроде...— Джексом махнул рукой в направлении Алой Звезды.— Допустим, они сохранили какие-то воспоминания об этой горе. Но все это — яркие, мимолетные образы, а не... не повседневная канитель.

— Но ведь ты отыскал Д'рама здесь, в бухте,— напомнил Робинтон.

— Мне просто повезло. Спроси я сначала про людей, мы так никогда и не добились бы ответа,— с усмешкой ответил Джексом.

— Зато в твоем первом приключении наверняка были кое-какие интересные подробности.

— Не понял, учитель...— Джексом обалдело уставился на арфиста.

Вопрос был задан обманчиво мягким голосом с едва заметным ударением на слове «первом», однако смысл его не оставлял никаких сомнений: Робинтону было известно, что яйцо вернул Джексом. Юноша укоризненно взглянул на Менолли, но на ее лице тоже застыло озадаченное выражение, как будто намек Главного мастера и для нее был полной неожиданностью.

— Кстати, ведь я тогда получил от Заира очень похожие сведения,— как ни в чем не бывало, заметил мастер Робинтон,— только не додумался истолковать их так удачно, как

ты. Так что, прими мои поздравления... правда, изрядно за-поздавшие,— он слегка склонил голову и продолжал мимоходом, словно речь шла о самом заурядном деле, — с тем, как ловко ты все устроил. И если бы вы с Рутом сумели приложить свои таланты к сегодняшним проблемам, то помогли бы нам избежать долгих напрасных усилий. Видишь ли, Джексом, время, как и раньше, работает против нас. Находка на этом плато,— Робинтон постучал пальцами по лежащим перед ним наброскам,— недолго останутся тайной. Она принадлежит всему Перну...

— Но ведь оно лежит на востоке, мастер Робинтон,— с изрядной долей вызова перебила его Миррим,— а это — будущие владения всадников!

— Ну, разумеется, детка,— успокоил ее арфист.— И если бы Руту удалось, пустив в ход все чары, уговорить файров, чтобы они как следует сосредоточились на своих воспоминаниях...

— Ну, конечно, мастер Робинтон. Я постараюсь,— сказал Джексом в ответ на выжидательный взгляд Главного арфиста.— Но ты же сам знаешь, что с ними,— он указал на небо,— бывает непросто... И когда речь заходит об извержении, понять почти ничего невозможно.

— Как выразилась Шарра, сонные глаза разбегаются,— сказала Менолли, улыбаясь подруге.

— У меня точно такое же впечатление!— воскликнул арфист, хлопнув ладонью по столу.— И если бы Джексому с помощью Рута удалось заставить их сосредоточиться, то через своих файров мы, возможно, получили бы от них четкие и осмысленные образы вместо обычной неразберихи.

— Но зачем?— с недоумением поинтересовался Джексом.— Ведь мы и так знаем — гора взорвалась, наши предки бросили свои жилища и ушли на север.

— Но разве это все, что мы хотим знать? Возможно, нам и удастся найти кое-какое оборудование, которое они оставили... вроде того увеличительного прибора, что сохранился в заброшенной комнате Вейра Бенден. Только подумай — насколько этот прибор расширил наши знания об окружаю-

щем мире и небесной сфере! А вдруг нам повезет, и мы найдем те чудесные машины, о которых говорится в Летописях! — Робинтон разложил на столе зарисовки.

— Смотри, сколько курганов — большие и маленькие, длинные и короткие! В одних могли размещаться спальни, в других — кладовые, жилые комнаты, а в некоторых, возможно, и мастерские...

— Откуда мы знаем, что у тогдашних людей все было, как у нас? — хмуро спросила Миррим. — Кладовые, мастерские и все остальное?

— Оттуда, дитя мое, что ни природа человека, ни его потребности ничуть не изменились со времени самых древних Летописей.

— Но это вовсе не значит, что, покидая плато, они что-то оставили в этих курганах, — не скрывая сомнения, заявила Миррим.

— Во всех снах повторялись одинаковые подробности, — терпеливо — даже слишком терпеливо, по мнению Джексона, пояснил Робинтон, — Огнедышащий вулкан, раскаленные камни, потоки лавы. Бегущие люди... — он замолчал, выжидательно глядя на собеседников.

— Да, люди были охвачены паникой! — подхватила Шарпа. — Они не успели ничего взять с собой. Или захватили лишь самое необходимое!

— Но они могли вернуться после того, как извержение закончилось, — сказала Менолли. — Помните, в тот раз в западном Тиллеке...

— Это я и имел в виду, — одобрительно кивая, согласился арфист.

— Но как же, мастер, — растерянно продолжала Менолли, — ведь из того вулкана пепел летел еще не одну неделю. Он засыпал всю долину, — она провела рукой в воздухе горизонтальную черту. — Из-за него было совершенно невозможно разглядеть, что там было раньше.

— Преобладающее направление ветра на плато — юго-восточное, — заметил Пьемур, — причем, ветры там довольно

сильные, — он взмахнул рукой, как бы сметая невидимую пыль. — Разве вы сами не обратили внимания, как там ветрено?

— Именно поэтому там кое-что и осталось на поверхности, — сказал арфист. — То, что вы заметили с воздуха. — Я знаю, Джексом, шанс ничтожный, но мне почему-то кажется, что извержение застигло людей врасплох. А вот почему — не могу понять! Ведь люди, которые сумели неподвижно подвесить в небе Рассветных Сестер, должны были легко распознать действующий вулкан. И все же я предполагаю, что извержение случилось совершенно неожиданно. Оно застало людей за их повседневными делами — дома, в мастерских. И если тебе, Джексом, удастся правильно ориентироваться мечущиеся мысли файров, то, быть может, мы сумеем определить, какие курганы самые важные. Сам я, увы, пока не могу добраться до плато и заняться раскопками, но ничто не мешает мне шевелить мозгами и прикидывать, что бы я сделал в первую очередь, будь я там, с вами.

— Мы будем твоими ногами и руками, — воскликнул Джексом.

— А они — глазами, — добавил Менолли, указывая на файров, посматривающих с балки.

— Я так и думал, что вы меня поддержите, — сказал Робинтон, обводя своих юных друзей ласковым взглядом.

— Когда начнем? — спросил Джексом.

— Завтра, по-твоему, не слишком рано? — жалобно осведомился арфист.

— По мне, так в самый раз. Пьемур, Менолли, Шарра, мне понадобитесь вы сами и ваши ящерицы!

— Я тоже могу прилететь, — вызвалась Миррим.

Заметив замкнутое выражение, появившееся на лице Шарры, Джексом понял, что для нее присутствие Миррим было бы столь же нежелательно, как и для него самого.

— По-моему, Миррим, это лишнее. Твоя Пат только распутает здешних файров...

— Но это просто смешно! У меня три файра, притом, самые вышколенные на всем Перне...

— Я вынужден согласиться с Джексомом,— виновато улыбнувшись бенденской всаднице, промолвил Робинтон.— И хоть я признаю, что твои файры, Миррим, несомненно, самые вышколенные на всем Перне, все же мы не можем ждать, пока здешние ящерицы привыкнут к Пат.

— Им вовсе не обязательно видеть Пат...

— Миррим, все уже решено,— отрезал Робинтон; теперь на его лице не было и следа улыбки.

— Что ж, мне все понятно! Раз я здесь никому не нужна...— Миррим выскочила из зала.

Джексом заметил, что арфист пристально смотрит ей вслед. Юноше стало неудобно за выходку, которую она себе позволила. Он видел, что Менолли тоже расстроена.

— Уж не собирается ли ее Пат загулять?— спокойно осведомился Робинтон.

— Ну, не сегодня же,— отозвалась Менолли.

Заир, примостившийся у арфиста на плече, тревожно чиркнул, и на лице Робинтона появилось выражение досады.

— Брекки вернулась. Мне уже давно пора отдохнуть!

Он почти бегом ринулся из зала, резко обернулся на пороге, чтобы приложить палец к губам, и шмыгнул в свою комнату. Пьемур с непроницаемым лицом сделал шаг в сторону и занял освободившееся место. В комнату впорхнули файры. Джексом узнал Берда Гралл.

— Мастеру Робинтону непременно нужно отдохнуть,— сказала Менолли, машинально перебирая разложенные на столе наброски.

— Но он ничуть не утомился,— заметил Пьемур.— Такая работа для него необходима, как воздух. Пока тебя здесь не было, он просто изнывал от тоски и безделья... а тут еще Брекки со своей нудной опекой!.. Ведь это все-таки не раскопки на плато...

— Ведь я говорил, Брекки,— донесся с крыльца голос Ф'нора,— что ты волнишься совершенно зря.

— Скажи, Менолли, давно ли мастер Робинтон отправился отдохнуть?— спросила Брекки, подходя прямо к столу.

— Пожалуй, с тех пор убыло полбурдюка, — ухмыльнулся Пьемур и показал на мех, перекинутый через спинку стула. — И он совсем не возражал.

Брекки устремила на юного арфиста долгий проницательный взгляд.

— Я тебе ни капельки не верю, арфист Пьемур! — вынесла она приговор и обратилась к Джексому. — Ты тоже все это время был здесь?

— Я? Вовсе нет. Мы с Рутом спали, пока нас не разбудила Миррим.

— А где же она? — оглядываясь по сторонам, спросил Ф'нор.

— Наверное, где-то на берегу, — так равнодушно ответила Менолли, что Брекки с недоумением взглянула на нее.

— Неужели Миррим опять... — губы Брекки недовольно сжались в тонкую линию. — Вот проклятущая девчонка! — она повернулась к Берду, и тот стрелой выпорхнул из зала.

А Ф'нор уже склонился над картами, недоверчиво показывая головой при виде проделанной работы.

— Я смотрю, каждый из вас потрудился за пятерых, — усмехнулся он.

— Я-то, во всяком случае, точно, — сказал Пьемур, потягиваясь так, что хрустнули суставы. — Пора искупаться, смыть пот с чела и чернила с пальцев. Кто со мной?

Джексом откликнулся с такой же готовностью, как и обе девушки, и, не дослушав шутливую жалобу Ф'нора на то, что все его покидают, устремился к берегу. Убедившись, что Шарра с Пьемуром скрылись за поворотом, юноша схватил Менолли за руку.

— Ну-ка, отвечай, откуда мастер Робинтон узнал?

Смех замер на губах Менолли, глаза ее потемнели.

— Честно, Джексом, я ему ничего не говорила... Да и зачем? Он сам все узнал — или вычислил. Ведь все в этой истории указывало на тебя.

— Это еще почему?

Менолли принялась объяснять, поочередно загибая пальцы.

— Начнем с того, что яйцо должен был вернуть дракон — другого варианта нет. Дальше, дракон, до мелочей знакомый с устройством бенденской Площадки Рождений. Его всадник должен был гореть желанием вернуть яйцо и к тому же суметь его найти! — Джексом был вынужден признать, что последнее условие, пожалуй, самое важное. — И теперь многие поймут, что это сделал ты.

— Почему именно теперь?

— Да потому, что никто из Южного Вейра не возвращал. — Менолли улыбнулась Джексому и ласково потрепала его по щеке. — Знаешь, Джексом, я так гордилась потому, что ты не стал трезвонить о своем подвиге. Ведь тогда было необычайно важно, чтобы в Бендене поверили, что кто-то из Древних одумался и вернул яйцо Рамоты...

Их доверительную беседу нарушил вопль Пьемура:

— Эй, Джексом, Менолли, куда вы там подевались?

— Ну, кто быстрее! — крикнула Менолли и помчалась к берегу.

Но поплавать вволю они так и не успели. Вдали появился корабль мастера Идаролана, на фок-мачте развернулся голубой вымпел — свидетельство богатого улова. Брекки позвала молодежь чистить рыбу для ужина. Она не могла точно сказать, сколько народу вернется с плато в Прибрежный, но в ответ на негодящие протесты возразила, что рыба все равно понадобится завтра в качестве начинки для пирожков. Миррим она отправила с запасом провизии для Вансора и Н'тона, которые собирались посвятить весь вечер наблюдению за тремя звездами, или, как непочтительно назвал их Пьемур, Закатно-рассветными полуночницами.

— Хотите пари? — предложил Пьемур, ехидно улыбаясь. — Спорим, что Миррим приложит все усилия, чтобы остаться здесь на ночь — ей ведь охота проверить, правда ли ее Пат распугала южных файров!

— Зато ее собственные файры действительно выше всякой критики, — вставила Менолли.

— То-то они набрасываются на всех так же сварливо, как она сама! — расхохотался Пьемур.

— Вы к ней несправедливы, — сказала Менолли. — В конце концов, она моя хорошая подруга...

— Значит ты, как лучшая подруга, должна ей объяснить — не стоит пытаться командовать всем Перном!

Менолли уже собиралась обидеться, но тут из воздуха стали один за другим появляться драконы, и их трубные кличи положили конец спору.

В тот вечер веселились не только драконы — всеми овладело чувство радостного предвкушения.

Джексом был доволен, что вздремнул днем — иначе он ни за что не досидел бы до конца, а вечер стоил того. В Прибрежном собрались Предводители всех Вейров, включая Д'рама, прибывшие, чтобы сообщить Ф'лару какие-то секретные новости о делах в Южном, и Н'тона, который, правда, задержался ненадолго, поскольку ему предстояло заняться наблюдениями вместе с Вансором. Были здесь и Главный горняк Никат, и Фандарел с Идароланом, и мастер Робинтон, и Лайтол, Оберегающий Руата.

Джексом был немало удивлен, что предводители древних Вейров — Г'нериш из Айгена, Р'март Телгарский и Д'рам — гораздо меньше интересуются находками на Южном, чем Н'тон, Т'бор, Г'денед и Ф'лар. Древние куда охотнее занялись бы разведкой новых земель, чем раскопками своего прошлого.

— Что прошло, то прошло, — выразил общее мнение Р'март. — Прошло, сгинуло и быльем поросло. Нужно жить настоящим — не забывай, Ф'лар, что ты сам научил нас этому, — он широко улыбнулся, чтобы слова его не прозвучали упреком. — Разве не ты уверял нас, что бесполезно ломать головы, раздумывая о том, как поступили наши предки... что лучше самим строить жизнь сообразно изменившемуся времени?

Ф'лар усмехнулся, словно его позабавили собственные слова в устах Древнего.

— Я надеюсь, что удастся найти уцелевшие Летописи, которые позволят заполнить пробелы в наших знаниях. А если повезет, то и что-нибудь полезное, вроде увеличительного прибора, который мы разыскали в Бендене.

— Велика важность! — расхохотался Р'март.

— Действующие приборы могут оказать нам неоценимую пользу! — веско заявил Фандарел.

— Попробуем что-нибудь для тебя отыскать, мастер Робинтон, — задумчиво проговорил Никат. — Похоже, только одна часть поселения серьезно пострадала. — Все взоры обратились к Главному горняку. — Вот, взгляните, — он набросал схематический план района поисков. — Потоки лавы изливались в южном направлении. Здесь, здесь и здесь в поверхности горы образовались провалы, и лава растеклась по склону, минуя большую часть поселения. А ветер отнес тучи пепла в сторону. Сегодня я немножко покопался там и обнаружил, что слой вулканических отложений совсем тонкий.

— Неужели это единственное поселение? — недоверчиво спросил Р'март. — Ведь в их распоряжении была вся планета!

— Завтра мы отыщем и другие — правда, Джексом? — заверил всадника Робинтон.

— Если серьезно, Р'март, — подавшись вперед, произнес Ф'лар, — возможно, ты и прав. Откуда мы знаем, что после извержения наши предки навсегда покинули плато?

— И мы ничего не знаем, пока не проникнем в один из этих курганов и не увидим, что осталось после них... если, конечно, что-нибудь уцелело, — заявил Н'тон.

— Только не забывай об осторожности, Предводитель, — обратился к Н'тону мастер Никат, но слова его явно относились и ко всем остальным. — А еще лучше, если я пришлю сюда мастера, а с ним — нескольких умелых помощников, чтобы они руководили раскопками.

— Правильно, мастер Никат, — одобрительно произнес Р'март, — пусть раскроют нам премудрости вашего ремесла. Надо же и нам в нем разбираться, верно я говорю?

— Что? Всадники станут горняками? — на лице мастера Никата мелькнуло изумление, уступившее место такому искреннему возмущению, что Джексом с трудом удержался от смеха.

— А что тут такого? — осведомился Ф'лар. — Нити перестанут нам угрожать, наступит следующий Интервал... И вот что я вам обещаю: теперь, когда перед нами открыты просторы Южного, всадники больше никогда и ни от кого не будут зависеть во время Интервалов!

— Что ж, Предводитель, идея здравая, даже весьма здравая, — на всякий случай согласился мастер Никат, хотя всем было ясно, что ему понадобится не один день, чтобы переварить столь непривычную мысль.

С берега послышался рев драконов — они кого-то приветствовали. Н'тон резко поднялся с места. — Мне пора разделить с Вансором его бдения. Наверное, вернулись Пат с Мирим. Ну, до утра!

— Я тебе посвечу, Н'тон, — вызвался Джексом и, схватив пару ламп, зажег фитильки.

Они уже отошли на порядочное расстояние, когда Н'тон обернулся к юноше.

— Полагаю, Джексом, путешествия тебе больше по душе, чем полеты с королевским крылом?

Джексом рассмеялся.

— Да ведь я не нарочно! Правда, Н'тон! Мне так захотелось первому увидеть гору вблизи.

— Неужели на этот раз обошлось без всяких предчувствий?

— Каких предчувствий?

Н'тон, посмеиваясь, дружески обнял юношу за плечи.

— По-моему, ты часто доверяешь снам, которые видят файры.

— Об извержении?

Предводитель Форта слегка встряхнул Джексома.

— Ну, ты молодец!

Они увидели темный силуэт дракона и два сверкающих глаза — Лиот, повернув голову, смотрел на приближавшихся всадников.

— Ночью белый дракон гораздо заметнее, — произнес Н'тон, указывая на светлое пятно, маячившее рядом с темной громадой бронзового.

«Как хорошо, что ты пришел. У меня чешется спина, а самому никак не достать».

— Руту нужна моя помощь.

— Тогда оставь мне светильники — я передам их Миррим, чтобы она смогла отыскать дорогу назад.

Они разошлись в разные стороны. Джексом отправился к Руту. Юноша слышал, как Н'тон поздоровался с Миррим — их голоса отчетливо доносились до него в ночной тишине.

— Разумеется, с Вансором все в порядке, — капризно говорила Миррим. — Он так приkleился к своей трубе, что его просто не оторвать. Он даже не заметил, как я пришла, не стал есть то, что я ему принесла, и не обратил внимания, что я ухожу. И еще я тебе хочу сказать, — набрав побольше воздуха, заявила она, — что Пат вовсе не распугает здешних файлов!

— А почему, собственно, она должна была их распугать?

— Но ведь именно из-за этого мне запретили показываться на плато, когда Джексом вместе с другими попытается добиться от них какого-нибудь толка!

— Толка? А, ты имеешь в виду, что Рут попробует собрать воедино множество образов, которые передают файлы? На твоем месте, Миррим, я не стал бы из-за этого переживать. Что, у тебя мало своих дел?

— По крайней мере, мой дракон — не какой-нибудь бесполый недоросток, который только и может, что увиваться вокруг файлов!

— Миррим! — ледяным тоном произнес бронзовый всадник, и Джексома как будто обдало ледяным ветром. В ушах его снова и снова отдавались оскорбительные слова Миррим.

— Ты же сам знаешь, Н'тон, что я права...

«В этом вся Миррим, — подумал Джексом, — так занята собой, что даже не слышит угрозы в голосе Предводителя».

— Уж кому об этом знать, как не тебе, — недовольным тоном продолжала она. — Разве не ты сам сказал Ф'нору с Брекки, что Рут навряд ли когда-нибудь созреет для спаривания? Куда же ты, Н'тон? Я думала...

— Что-то я не заметил, чтобы ты думала!

— В чем дело, Н'тон? — внезапная паника в голосе Миррим послужила Джексому слабым утешением.

«Почему ты остановился? — спросил его Рут. — У меня все еще чешется».

— Джексом! — негромко позвал Н'тон, словно надеялся, что юноша не услышит его, но Джексом тотчас же откликнулся.

— Джексом! — вскрикнула Миррим. — Нет, не может быть... — послышался топот, сдавленный всхлип — и она скрылась в темноте.

Ну что за девчонка — сначала ляпнет, а потом целыми днями будет распускать нюни! Теперь она начнет каяться, бегать за ним следом, пока не загонит его в Промежуток своими бесконечными сожалениями и извинениями.

— Джексом! — в голосе Н'тона прозвучало беспокойство.

— Я здесь, Н'тон, — Джексом продолжал старательно скрести хребет своего дракона, не переставая удивляться, почему насмешки Миррим не возымели на него особого действия. Бесполый недоросток! Глядя на идущего к ним Н'тона, юноша ощущал в душе странное чувство облегчения, обида отпустила его. В памяти мелькнула виденная в Форте картина: всадники, с нетерпением ожидающие, когда взлетит зеленая. Тогда он был рад, что Руту до нее нет дела. Конечно, можно пожалеть о том, что Рут никогда не испытает таких переживаний, но зато какое облегчение знать, что и самому не придется участвовать в подобном сбоях!

— Ты, наверное, все слышал? — в голосе Н'тона звучала слабая надежда.

— Да, слышал. У воды звук разносится далеко.

— Чтоб ей ни Скорлупы, ни Осколков, этой девчонке! Мы все собирались с тобой поговорить... потом ты заболел, а теперь вот это... Так и не представилось случая... — сбивчиво оправдывался Н'тон.

— Ничего страшного. Как и у Миррим, у меня найдутся другие дела.

Н'тон громко застонал.

— Послушай, Джексом! — он крепко сжал плечо юноши, стараясь выразить свое бесконечное сожаление.

— Ты ни в чем не виноват, Н'тон.

— Рут понимает, о чем идет речь?

— Рут понимает, что у него чешется спина, — сказав это, Джексом с удивлением ощутил, что Рут ни капельки не расстроен.

«Вот-вот, как раз здесь! Теперь три покрепче!»

Джексом нащупал на мягкой гладкой шкуре небольшое шелушащееся пятно.

— Знаешь, Н'тон, — продолжал он, — пожалуй, последний раз в Форт Вейре я начал догадываться — что-то тут не так... К'небел ожидал, что Рут полетит вдогонку за зеленою. Я подумал тогда, что, Рут, наверное, повзрослеет позже других драконов; ведь он родился таким маленьким...

— Он не повзрослеет, Джексом.

Юношу тронуло искреннее сочувствие, прозвучавшее в голосе бронзового всадника.

— Ну так что же? Он мой дракон, а я его всадник! Мы — единое целое.

— Он — единственный в своем роде! — горячо повторил Н'тон, ласково и в то же время уважительно поглаживая Рута по шее. — Как и ты, мой юный друг! — он снова сжал плечо Джексома, вложив в этот жест все, что осталось невысказанным. Из темноты донеслось дружелюбное ворчание Лиота и Рута, повернув голову туда, где лежал бронзовый, учтиво прокурлыкал в ответ.

«Лиот — отличный дракон. А его всадник — такой добрый! Они оба — наши настоящие друзья!»

— Знай, мы ваши друзья, что бы ни случилось, — сказал Н'тон, в последний раз почти до боли стиснув плечо Джексома. — Мне пора к Вансору. Ты, правда, в полном порядке?

— Лети, Н'тон. Мне еще нужно почесать Рута.

Предводитель Форта помедлил еще мгновение, потом повернулся и стремительно шагнул к бронзовому.

— Пожалуй, Рут, нужно смазать это Местечко маслом, — сказал Джексом. — Что-то я в последнее время совсем тебя забросил.

Рут повернулся голову, в темноте голубое сверкание его глазказалось еще ярче.

«Ты никогда меня не забрасывал».

— Если бы не забрасывал, ты не начал бы шелушиться.

«Просто ты был очень занят».

— Потерпи еще чуть-чуть. Я сбегаю на кухню — там есть свежее масло.

Глаза Джексома уже привыкли к черноте тропической ночи, и он беспрепятственно пробрался на кухню, отыскал банку с маслом и припустил обратно. Он чувствовал, что устал — и душой, и телом. Все-таки, что за несносный человек эта Миррим! С другой стороны, если бы он позволил ей и Пат присоединиться к ним... Ну да ладно, все равно раньше или позже он узнал бы вынесенный Руту приговор. Но почему сам Рут ничуть не огорчен? Возможно, если бы он, Джексом, настойчиво желал, чтобы его дракон проявил себя с этой стороны, Рут бы в конце концов все-таки созрел? Джексом снова печально подумал, что им так и не дали стать настоящим драконом и настоящим всадником: воспитывали в холде, а не в Вейре, где спаривающиеся драконы — обычное дело, факт, который все понимают и принимают. Однако он не мог сказать, что Руту были вовсе чужды любовные переживания; белый всегда разделял с Джексомом его сексуальный опыт.

«Я люблю тебя и люблю вместе с тобой. Вот только спина ужасно чешется».

«Тут уж ничего не убавишь и не прибавишь», — подумал Джексом, поспешая через лес к своему дракону.

Рядом с Рутом кто-то был. Если только это снова Миррим... Джексом сердито ускорил шаги.

«Со мной Шарра», — спокойно произнес Рут.

— Шарра? — справившись с неожиданно накатившим на него гневом, Джексом разглядел очертания ее фигурки. — Я принес масло. У Рута спина шелушится — я его совсем забросил.

— Ты никогда не забрасывал Рута, — с такой горячностью возразила девушка, что Джексом даже рассмеялся от неожиданности.

— Миррим случайно не... — начал он, протянув банку, чтобы она смогла окунуть в нее руку.

— Как же, пришла в слезах и, можешь мне поверить, ни у кого из нас не нашла ни капли сочувствия,— разгневанная Шарра принялась так сильно тереть Руту спину, что он робко пожаловался.— Извини, Рут. Так вот, Миррим отпрали обратно в Бенден!

Джексом взглянул на берег, туда, где он недавно видел зеленого дракона,— Пат, и правда, исчезла.

— А тебя отправили ко мне?— насмешливо спросил Джексом, хотя в душе он не имел ничего против присутствия Шарры. Даже наоборот, он был рад, что она пришла.

— Вовсе не отправили...— Шарра замялась.— Меня... позвали!— выпалила она.

— Позвали?— Джексом оторвался от своего занятия и взглянул на девушку. Ее лицо бледным пятном выделялось в темноте.

— Вот именно, позвали. Меня позвал Рут. Он сказал, что Миррим...

— Он сказал?— перебил ее Джексом, до которого, наконец, дошел смысл ее слов.— Так ты слышишь Рута?

— «Ей приходилось слушать меня, когда ты болел»,— пояснил Рут, и в тот же миг Шарра произнесла вслух:

— Я слышу его с тех пор, как ты заболел.

— Признавайся, Рут, зачем ты позвал Шарру?

«Она тебе подходит. И она тебе нужна. Из-за того, что сказала Миррим, ты закрылся... Я почти не слышу тебя и это мне не нравится. Шарра поможет... поможет и тебе, и мне».

— Ты поможешь нам, Шарра?

На этот раз Джексом не колебался. Он взял скользкие от масла руки девушки в свои ладони и привлек ее к себе. Как все-таки здорово, что они почти одного роста, что ее губы так близко! Ему оставалось лишь слегка наклонить голову.

— Я все для тебя сделаю, Джексом,— для тебя и для Рута!— ее губы шевелились, подрагивали рядом с его губами, пока он не заглушил ее слова поцелуем.

По телу начало разливаться тепло, растапливая ледяную корку, что так угнетала и его самого, и дракона,— тепло, которое рождало в нем прикосновение гибкого тела Шарры, аромат ее длинных густых волос, ощущение ее ладоней на

спине. Эти сильные тонкие руки, ласкающие его плечи, больше не были руками целительницы — то были руки пылкой возлюбленной...

Они любили друг друга в теплой, мягкой тьме, и когда настал момент высочайшего блаженства, оба почувствовали, что Рут любил вместе с ними.

Глава 20

*Вулкан в бухте Джексома и холд Рут;
пятнадцатый Оборот, восемнадцатый — двадцатый
дни десятого месяца.*

Почему-то Джексому не понравился вид восточного склона горы, и он пересел к нему спиной, потянув за собой Шарпу. Остальные путники устроились полукругом около Рута. На его спине расположились сейчас семнадцать файров — в последний момент Сибел и Брекки попросили включить их в поисковую группу. Что ж, решил Робинтон, чем больше прошедших вычуку огненных ящериц будет их сопровождать, тем лучше — и взял с собой Заира.

Известие о том, что на плато южного материка найдены древние поселения, пронеслось по Перну с поразившей арфиста быстротой. Всем хотелось увидеть это место, и Ф'лар настоятельно посоветовал разведчикам поторопиться. Если Джексом с Рутом собирались использовать какие-либо сведения, полученные от файров, это надо было делать немедленно.

Как только Рут растянулся на траве, над ним стали возникать предводительствуемые королевами стайки файров. По совету Джексома, Рут приветствовал их с максимальной любезностью.

«Они рады видеть меня, — сообщил он юноше, — и счастливы, что люди опять пришли сюда».

— Спроси, когда они впервые увидели людей.

Джексом поймал мгновенный образ, переданный Рутом — группа драконов несется в небе над горным хребтом.

— Нет, не это... Я имел в виду тех, древних людей.

«Я-то понимаю, — с сожалением ответил Рут. — Я спрошу еще раз. Про людей, которые жили здесь давно... до того, как взорвалась гора».

Дракон сосредоточился. Внезапно файры вспорхнули с его спины и заметались в воздухе в дикой пляске, возбужденно щебеча. Джексом обернулся и увидел, как Брекки предостерегающим движением подняла руку; лицо ее внезапно при-

няло отрешенное выражение. Что же она видит? Он расслабился, прислонившись к теплому боку Рута. Неподалеку сидела Менолли, и он видел ее остановившиеся зрачки — словно взгляд девушки пронизывал тьму веков. На ее плече в скованной позе застыла Красотка, глаза которой неистово вращались. Вверху продолжали свой бесконечный хоровод местные ящерки.

«Они видят гору в огне,— сказал Рут.— Они видят бегущих людей... огонь преследует их по пятам... Они боятся... как боялись тогда... давным-давно».

— Ты видишь, что было на месте тех курганов — до того, как они появились здесь? — вслух спросил Джексом.

«Я вижу только бегущих людей. Они мчатся в разные стороны... Нет, не так! Они бегут вперед... прямо на нас!» — Рут вздернул голову и дрогнул — словно от испуга, что толпа растопчет его.

— Бегут на нас — а потом куда?

«К воде? — неуверенно предположил Рут и обернулся к далекому, невидимому отсюда морю. Он посмотрел вверх на пляску огненных ящериц. — Они боятся... они несчастны... Им не нравится вспоминать о страшном».

— Так же, как и об Алой Звезде, — опрометчиво сказал Джексом. Все ящерицы, включая их собственных, исчезли с негодящим писком.

— Ты напугал их, Джексом, — воскликнул Пьемур. — Нельзя упоминать при файрах про эту проклятую Алую Звезду! Огненные горы они еще могут вынести — но не алые звезды!

— Кажется, мы узнали достаточно, — глубоким спокойным голосом произнес Сибел. Он кивнул в сторону огромного конуса вулкана. — Здесь было извержение...

— Надо учитывать, что их видение отличается от нашего, — перебила молодого арфиста Менолли. — Я думаю... похоже, извергалась не большая гора, а та, что поменьше, — она повернулась и вытянула руку в сторону самой низкой из трех вершин.

— Нет, взорвался большой вулкан, — Пьемур упрямо покачал головой. — Я же видел! Он прямо нависал над бегущими!

— Ошибаешься, Пьемур, — тихо и уверенно сказала Брекки. — Это была самая маленькая гора... в моих видениях она расположена слева... и не так высока, как главный пик.

— Правильно! — возбужденно подтвердила Менолли. — Тут важно учесть угол зрения. Для крошечных ящерок и эта гора казалась гигантской, — девушка поднялась, ее лицо горело от возбуждения. — Смотрите, люди бежали оттуда, от маленького вулкана... значит, их поселение было на месте вон тех холмов!

— Да, — согласилась Брекки, — мне тоже так показалось. Быть может, курганы скрывают их дома? Надо проверить...

* * *

— Так откуда же мы начнем? — спросил Ф'лар на следующее утро, окидывая взглядом гряду больших и малых холмов. Рядом с ним, обозревая молчаливые курганы, стояла Лесса; сзади столпились Фандарел, Никат, мастер горняков, и Ф'нор с Н'тоном. Молодежь скромно держалась поодаль. — Итак, где копать? Начнем с самого большого?

— Мы можем рыться здесь до конца Прохождения, — уныло сказала Лесса, похлопывая по бедру кожаными летными перчатками. Ее глаза скользнули по многочисленным буграм, холмикам и холмам — их число казалось бесконечным.

— Обширная территория, — пробасил сзади кузнец, — очень обширная. Большое поселение... пожалуй, побольше, чем Форт и Телгар вместе взятые, — он поднял голову и поглядел вверх, на сияющее созвездие Рассветных Сестер. — Неужели они все пришли оттуда? Вид у него был задумчивый и ошеломленный.

Внезапно в небе протрубил бронзовый.

— Кажется, весь Перн к полудню будет здесь, — недовольно сказала Лесса, пытаясь рассмотреть незванных гостей. — А! Это Тирот Д'рама! И с ними Торик!

— Сомневаюсь, что нам удастся отделаться от них,— с улыбкой заметил Ф'лар.— Я бы, во всяком случае, счел бы такую попытку неразумной.

Лесса усмехнулась в свой черед.— Да, ты прав... Торик умеет проявить настойчивость... Но мне он нравится.

— Нравиться он тоже умеет,— шепнула Шарра на ухо Джексому, и ее глаза загадочно сверкнули. Она медленно покачала головой.— Не доверяй ему. Мой брат — человек с большими амбициями.

— Он решил осмотреться как следует,— заметил Н'тон, наблюдая за ленивым кружением дракона в сияющем утреннем небе. По широкой плавной спирали Тирот неторопливо приближался к земле.

— Что, Торик прилетел?— спросил мастер Никат.— Хорошо, если он останется с нами. В свое время он посыпал за мной — когда обнаружил древние штольни в скалах Западного хребта.

— Значит, он уже имеет опыт раскопок?— не без язвительности заметил Ф'нор.

— Он имеет много опытных людей, которые могут помочь нам,— с улыбкой уточнил Н'тон.

Когда Д'рам и Торик спешились, Тирот улетел вниз, на заросшую травой равнину, где другие драконы отдыхали на прогретом солнцем выступе скалы. Торик и пожилой всадник направились к Ф'лару, и Джексом, памятуя слова Шарры, принял разглядывать южанина. Он был крупным мужчиной — почти таким же, как мастер Фандарел; его выжженные солнцем волосы контрастировали с темной кожей цвета старой меди. Лицо Торика казалось добродушным, но за широкой улыбкой явно скрывалась немалая доля самоуверенности и независимой гордости. «Интересно, как воспримут такое поведение вожди Бендена?» — подумал Джексом.

— Ну, Ф'лар, ты действительно открыл этот континент,— произнес Торик, сжимая руку бенденца. Он почтительно поклонился Лессе, затем приветствовал всадников и мастеров, бросив мимолетный и небрежный взгляд на группу молодежи. Когда глаза владельца Южного на миг задержались на

лице Джексома, юноша понял, что тот узнал его. Он внутренне сжался; пренебрежение Торика неприятно резануло сердце. Тонкие пальцы Шарры скользнули по его локти.

— Иногда он нарочно раздражает людей, — в голосе девушки звучал смех. — И надо сказать, это ему отлично удаётся!

— К сожалению, — продолжал Торик, — предки немногие оставили после себя. Они увозили все, что могло пригодиться... Бережливые люди, как я погляжу!

— Да? Откуда ты знаешь? — с интересом спросил Ф'лар.

— Мы были в заброшенных шахтах, — пожав плечами, объяснил южанин. — Там одни голые стены! Они сняли рельсы, по которым катились тележки с рудой, выдрали крюки для подвески фонарей... Около шахтного ствола мы нашли укрытие... примерно такого же размера, — он кивнул на ближний курган. — То же самое... ободрано все! В полу находились отверстия для болтов — наверно, ими крепилось какое-то оборудование. Но они и болты забрали с собой!

— Если это поселение эвакуировано с такой же тщательностью, то лишь в тех больших курганах мы можем что-нибудь найти, — Фандарел указал на ряд холмов рядом с застывшим лавовым потоком. — Там был сильный жар и вряд ли люди рискнули вернуться в свои жилища.

— Но почему ты считаешь, что при такой температуре там могло хоть что-то сохраниться? — с легкой насмешкой спросил Торик. — Скорее всего, дома сгорели или рухнули...

— Однако курганы-то стоят, — объяснил кузнец с таким видом, словно утешал ребенка.

Торик пристально посмотрел на него, затем хлопнул мастера по плечу, не замечая настороженного взгляда Фандарела — тот не привык к подобному обращению.

— Ты прав, кузнец! У тебя острый глаз, и я готов копать, где ты скажешь!

— Меня больше интересуют маленькие курганы, — покачала головой Лесса. — Их так много... Возможно, под ними жилища... люди могли забыть что-нибудь в спешке...

— Что ж, у нас достаточно и рук, и инструмента, — Торик сделал два длинных шага и оказался около сваленных в

кучу кирок и лопат. — Каждый может копать, где пожелает, — он взял лопату с длинной ручкой и бросил ее мастеру кузнецов; великан поймал ее, не сводя с южанина задумчивого взгляда. Перекинув через плечо другую лопату и волоча по земле две кирки, Торик зашагал к холмам, выбранным Фандарелом.

— Если наш мастер прав, стоит ли распылять силы и копать тут? — спросил свою подругу Ф'лар, кивнув на небольшой курган.

— Я чувствую, что под ним есть что-то интересное... — пробормотала Лесса с горящими от любопытства глазами. — Мне так хочется посмотреть, что там внутри, — она с такой решимостью шагнула к холмикам, что Ф'лар расхохотался.

— Я — в твоем распоряжении, сердце мое. — Он прикинул размеры кургана и обошел его. — Если под ним действительно что-то сохранилось, то сооружение должно быть внушительным... не меньше вейра для пары драконов... Интересно, для чего они его использовали?

— Мы поможем тебе, Лесса, — сказала Шарра, подтолкнув Джексома к куче инструмента.

— А Менолли и я будем копать с другой стороны, вместе с Ф'ларом, — решил Ф'нор. — Ты не против? — спросил он арфистку. Девушка кивнула.

Н'тон прикинул в руке кирку и повернулся к мастеру горняков.

— Что выберешь ты, Никат?

Горняк огляделся вокруг, взгляд его скользнул по большим холмам, к которым направились Торик с Фандарелом, потом он повернулся в сторону моря.

— Думаю, нам надо распределить усилия... Давай-ка попробуем вон там, — он показал на шесть небольших холмиков, расположенных по кругу.

Работа была непривычной для всех — даже для Никата, начинавшего в молодости учеником на шахтах, и Фандарела, который до сих пор частенько стоял у наковальни. Вскоре лицо и тело Джексома покрылись потом, но он трудился изо всех сил, смутно чувствуя, что за ним следят. Правда, в минуты краткого отдыха, когда он выпрямлял спину, опираясь

на ручку лопаты, юноша не мог заметить, чтобы кто-нибудь уделял ему пристальное внимание. Тем не менее, ощущение взгляда на спине не покидало его.

«Большой человек следит за тобой», — неожиданно предупредил Рут.

Джексом искоса бросил взгляд в сторону большого кургана, где трудились Торик и мастер Фандарел; южанин, действительно, смотрел на него. Лесса, ковырявшая рядом землю, внезапно застонала, воткнула лопату в неподатливую почву, пронизанную жесткими корнями травы и, чуть не плача, посмотрела на покрасневшие, покрытые волдырями руки.

— Давно мне не приходилось трудиться так тяжело, — со вздохом сказала она, посмотрела на другие группы и устало опустилась на траву. — Как бы нам не хотелось сохранить в тайне эту находку, боюсь, придется набрать землекопов со спинами покрепче моей, — она подняла комок шевелящихся личинок и отбросила его в сторону, наблюдая, как белесые червячки начали быстро зарываться в сероватую почву. Лесса просеяла меж пальцев сухую мелкую пыль. — Похоже на пепел... никогда бы не подумала, что мне снова придется иметь с ним дело... — она повернула к Джексому осунувшееся лицо. — Рассказывала ли я тебе, что когда твоя мать приехала в Руат, я чистила очаг?

— Нет, — ответил Джексом; ее неожиданная откровенность удивила его. — Видишь ли, очень немногие люди говорили со мной о родителях...

Глаза Лессы посуворели.

— Теперь я сама удивляюсь, как сумела расправиться с Фэксом... Он был очень честолюбив... как твой брат, — сказала она Шарре, бросив взгляд в сторону Торика. Но, кроме того, он еще совершил ошибки...

— Например, захватив Руат? — произнес Джексом, уставившись в землю; щеки его пылали.

Лесса внимательно посмотрела на него.

— Это была его сама большая ошибка, но я исправила ее, — с удовлетворением произнесла она. Джексом вонзил лопату в землю, и она простонала: — О, Джексом, останов-

вись! Мне не под силу угнаться за тобой! Да, тут нужны спины покрече — хотя бы для раскопок моего кургана... — она бросила любовный взгляд на поросший травой холм, потом нахмурилась. — Кто знает, какова глубина верхнего слоя... Мы можем копать, копать — а в конце концов найдем пустую нору песчаной змей...

Джексом, чувствуя на спине взгляд Торика, продолжал орудовать лопатой, хотя плечи ломило от усталости, а ладони жгло как после удара Нити. Внезапно два файра Шарры взвились в воздух, пронзительно щебеча, словно удивленные упорством людей. Они опустились там, куда девушка только что вонзила лопату, и с поразительной энергией начали рыть землю; их сильные передние лапки с острыми когтями впивались в почву, задние отбрасывали в сторону сухие комья. Пока Лесса, Шарра и Джексом в изумлении смотрели на них, зверьки вырыли яму в руку глубиной.

— Рут! Не поможешь ли ты нам? — крикнул Джексом.

Белый дракон взмыл с теплой от солнечных лучей каменной плиты и через минуту опустился рядом с приятелем; в глазах у него сверкало любопытство.

— Ты можешь вырыть яму, Рут?

«Где? Здесь?» — Рут ткнулся носом в траву рядом с файрами, трудившимися с прежним старанием.

— Где угодно. Нам надо раскопать этот холм... мы хотим посмотреть, что там, под травой.

Другие всадники, заметив, как Рут принялся за дело, позвали своих драконов. Даже Рамота согласилась помочь, поддавшись на уговоры Лессы.

— Невероятно! — шепнула Шарра Джексому. — Драконы роют землю!

— Даже гордая Лесса не погнулась такой работой...

— Но мы же — люди, а они — драконы!

Ее вид, исполненный изумления, рассмешил Джексома.

— Ты видела только ленивых стариков Древних... Боюсь, у тебя сложилось предвзятое отношение к драконам! — он обнял девушку за талию и прижал к себе, но она, бросив

опасливый взгляд в сторону Торика, попыталась отсторониться.— Твой брат не смотрит сюда, если это тебя беспокоит.

— Он-то не смотрит, но его файры не спускают с нас глаз...

Три огненные ящерки — королева и два бронзовых — лениво кружили над ними.

— Ну и что? Я попрошу Робинтона, чтобы он переговорил с твоим братом.

— У Торика иные планы на мой счет...

— И я в них не вписываюсь? — с горечью спросил Джексом, почувствовав внезапное раздражение.

— Ты сам знаешь ответ... И поэтому... — голос ее прервался.— Что ж, мы любили друг друга, пока могли... я, пожалуй, не желала бы себе иной судьбы...

— Но зачем ему вмешиваться? Разве мое положение... — он схватил девушку за руки — несмотря на безуспешные попытки вырваться. — Шарра, ты станешь госпожой в моем доме? Если я попрошу Лайтоля и Робинтона, чтобы они... ну, ты понимаешь...

— Джексом, милый, повторяю — я не желала бы иной судьбы. Но...

— Джексом! Шарра! — возбужденный вскрик Лессы прервал девушку на полуслове. Не выпуская ее из объятий, Джексом повернулся к госпоже Бендена. — Подойдите сюда! Рамота наткнулась на что-то твердое! И это не камень.

Не выпуская руки Шарры, Джексом спустился вместе с ней по пологому склону к Лессе. Рамота, присев на задних лапах, с интересом вглядывалась из-за спины своей всадницы в прорытую ею траншею. Спрыгнув вниз, юноша постучал краем лопаты по выступавшему из земли темному монолиту.

— Что-то массивное... но на камень, действительно, не похоже... — он стукнул еще раз, посильнее, и монолит отозвался гулким эхом.

— Ф'лар, подойди! Мы что-то нашли!

— И мы тоже! — донеслось в ответ.

Со всех сторон сбегались остальные землекопы — потные, засыпанные пылью. Осмотр обеих вырытых драконами траншей позволил установить, что монолиты сделаны из одина-

кового материала, но панель в раскопе Ф'лара отливалася янтарным цветом. После жаркого обсуждения находки кузнец поднял руку, требуя тишины.

— Надо вначале расчистить это сооружение... — Как всегда, Фандарел был немногословен.

— Пусть так, — резко заявил Торик, — но считаю, что это нерациональная трата времени и сил!

— Этот курган самый маленький. Закончим с ним — и разроем холм мастера Никата. Потом примемся за тот... — кузнец кивнул в сторону холма, на котором трудились они с Ториком.

— Как? И все — в один день? — в тоне южанина послышалась насмешка.

Фандарел окинул его холодным взглядом. — Сделаем, сколько сможем. За работу!

Джексом отметил, как мастер кузнецов спокойно говорит с Ториком — словно не замечая его шпилек. Воистину достойный для подражания пример! Он отвернулся, скрывая усмешку.

У кургана Лессы могли поместиться только два зверя — его размеры были чуть больше длины дракона. Рамота с Рутом вновь принялись копать; бронзовых Ф'лара и Н'тона послали на курган Никата. К середине дня склоны холма были почти полностью разрыты, обнажив загадочное сооружение. Шесть янтарных панелей, некогда прозрачных и, видимо, игравших роль окон, манили нетерпеливых исследователей. Однако их поверхность была так исцарапана, что разглядеть помещение внутри оказалось невозможным. Двери обнаружить не удалось, но драконы, не проявляя признаков усталости, продолжали работать, очищая последнюю стену. Вскоре обнажился дверной проем.

Дверь, сделанная из такого же материала, что и окна, откатывалась в сторону по направляющим рельсам. Забитые землей пазы были очищены и смазаны маслом, которым натирали шкуры драконов. Лесса рванулась к дверям, но кузнец придержал ее.

— Подожди! Внутри наверняка плохой воздух. Надо впустить свежий...

Фандарел, Торик и Н'тон налегли на дверь; она поддалась, ролики с визгом и скрежетом проехали по направляющим. От гнилостного, затхлого воздуха, которым пахнуло изнутри, Лесса закашлялась, отшатнувшись в сторону. Тусклые квадраты золотистого цвета легли на пыльный пол, на стены, покрытые пятнами и потеками сырости. Лесса и Ф'лар перешагнули порог небольшого здания; остальные с невольной робостью последовали за ними, вздывая сапогами облачка пыли.

— Что это? — спросила Лесса, повернувшись к остаткам широкой деревянной рамы в дальнем углу.

Торик бросил взгляд на странное сооружение и пожал плечами:

— Наверно, на этом спали, — он осмотрел другой угол и внезапно нагнулся — так резко, что Лесса вскрикнула, — поднял какой-то предмет и с картинным поклоном протянул ей. — Вот, моя госпожа... Сокровище из прошлого!

— Это ложка! — Лесса подняла ее для всеобщего обозрения, потом погладила пальцем и поднесла ближе к глазам. — Да, ложка... Но из чего она сделана? Никогда не видела такого металла... Если это металл... Похоже на субстанцию, из которой изготовлены пластины в окнах... Какая крепкая! — она попыталась согнуть ложку.

Кузнец протянул руку и в свою очередь осмотрел находку.

— Материал, действительно, похож... Ложка и окна... Хмм...

Преодолев благовение и робость, они начали осматривать древнее сооружение. Когда-то на стенах были развешаны полки и шкафчики, их контуры ясно выделялись на окрашенных поверхностях. Несомненно, обширное помещение раньше разделялось на секции перегородками — в полу, стенах и на потолке остались желобки. В одном углу Фандарел обнаружил ряд круглых отверстий; вероятно, здесь проходили трубы — они пронизывали стену и исчезали в земле. Одна предназначалась для воды, но остальные четыре? Больше исследователям не удалось обнаружить ничего, и они покинули мрачный сырой склеп.

— Они не могут быть все пустыми! — задумчиво произнесла Лесса, разглядывая ряды холмиков, скрывавших, несом-

ненно, множество подобных сооружений. В голосе ее звучало разочарование, которое, как показалось Джексому, испытывали все.

— По-видимому, — сказал Фандарел, — это жилище древних людей. И они, конечно, забрали с собой все вещи... Бережливые предки! — он ухмыльнулся Торику. — Думаю, нам надо теперь проверить курганы других размеров — и те, что побольше, и совсем маленькие.

Не ожидая согласия, кузнец решительно двинулся к холму, который начинали раскапывать Н'тон и мастер Никат. Бронзовые уже очистили крышу квадратного здания, и теперь усилия людей и драконов сосредоточились на стенах. Уже наступала тропическая ночь, когда им удалось докопаться до дверей; створку заело, и ее удалось только чуть-чуть сдвинуть в сторону. В тусклом вечернем свете изнуренные исследователи едва разглядели какие-то узоры на стенах.

Прислонившись к полуоткрытой двери, Лесса с грустной улыбкой осмотрела свой перепачканный землей костюм.

— Рамота говорит, что она совсем устала и не прочь выкупаться.

— Не только она, — кивнул Ф'лар, пытаясь закрыть дверь; они никак не поддавалась. — Ладно! Полагаю, за ночь тут ничего не случится. Возвращаемся в бухту!

— Ты с нами, Торик? — спросила Лесса, подняв глаза на рослого южанина.

— Нет, моя госпожа, у меня еще много дел в холде. К сожалению, я не всегда могу выделить время для подобных развлечений... — он бросил многозначительный взгляд на Джексома. — Но завтра я обязательно вернусь. Быть может, наш с Фандарелом курган окажется поинтересней... Захватить ли мне с собой людей, чтобы поберечь силы драконов?

— Поберечь драконов? — изумилась Лесса. — Да они в неописуемом восторге от этого приключения! А вот мои силы действительно стоит поберечь! Ну, как ты считаешь, Ф'лар, — согласимся с предложением Торика или наберем землекопов среди бенденских всадников?

— Было бы разумней не привлекать никого, — заметил Торик, не отрывая глаз от Ф'лара.

— Ну, если драконам понравилось рыться в земле... — предводитель Бендена пожал плечами.

— Я хотел бы завтра прихватить с собой Бенелека, — буркнул мастер кузнецов, стряхивая с одежды комочки земли и пыль. — И еще двух-трех толковых парней...

— Да, толковые парни нам понадобятся, чтобы объяснить древние чудеса... если, конечно, мы на них наткнемся, — сказал Торик с чуть заметным презрением. — Ты готов, Д'рам?

По какой-то причине в голосе Торика, когда он обратился к старому всаднику, звучало больше почтения, чем в разговорах с остальными компаниями по раскопкам — так, во всяком случае, уловили чувствительные уши Джексома. У него все кипело внутри после намека южанина, что он-де бросил свой холд ради развлечений на этом плато. Собственно, так оно и было. «Но неужели он считает, — подумал Джексом, — что я покорно возвращусь в Руат, процветающий под мудрым правлением Лайтоля, и пропущу самое интересное?» Он почувствовал, как рука Шарры скользнула в его ладонь, и вздохнул.

* * *

Когда драконы вынырнули из Промежутка над бухтой, их всадники и пассажиры увидели высокую фигуру Робинтона у самого уреза воды. Видимо, арфист с нетерпением ожидал отчета об экспедиции; взволнованные ящерки носились в воздухе, выписывая круги над его головой.

Через час, после продолжительного купания в теплых водах залива, путешественники расселись вокруг костра.

— Судя по вашим рассказам, — заметил Робинтон, — мы можем перекопать сотни курганов и не найти ровным счетом ничего ценного.

Лесса, смеясь, подняла ложку.

— Наверно, она не имеет никакой ценности... Но когда я держу в руках предмет, которым пользовались мои предки в сотом колене, меня охватывает трепет.

— Прекрасная работа,— сказал Фандарел, протягивая руку. — Позволь, моя госпожа... Какой удивительный материал! — он склонился к огню, рассматривая находку. — Нука, попробуем... — он потянулся к ножу.

— Ни в коем случае, Фандарел! — воскликнула Лесса, отнимая свою драгоценность. — Я захватила осколки одной из оконных панелей... экспериментируй с ними.

— Неужели от всех знаний предков нам достались одни осколки?

— Напомню тебе, Ф'лар, — сказал кузнец, — что даже эти осколки сослужили нам великую службу. К тому же, все, что однажды открыл человек, может быть открыто заново... Дай только время!

— Мы только начали, друзья мои, — мастер Никат, казалось, был по-прежнему полон энтузиазма. — И почтенный Фандарел прав, утверждая, что даже осколки могут научить многому... С твоего разрешения, Предводитель, — он склонил голову в сторону Ф'лара, — я хотел бы привезти сюда опытных людей и произвести систематические раскопки.

— Ты считаешь, что Торик не прав, предполагая, что они забрали все?

— Такое предположение лишено смысла. Оставили же они кровать... и эту ложку. Они знали, что везде найдут древесину для мебели, а сделать ложку и того проще... Наверняка в поселении окажутся и другие предметы — ненужные для них, но очень ценные для нас... — внезапно Никат заговорщицки прищурился и подмигнул собеседникам: — Вы представляете, какое количество груза им пришлось вывозить? Нет, друзья мои, мы обязательно что-нибудь да найдем...

— Да, после извержения им пришлось тащить с собой множество вещей, — задумчиво пробормотал Фандарел. — И куда они отвезли все это — свои вещи, машины, оборудование? Не думаю, чтобы они тут же перебрались в Форт холд.

— Да, куда же они отправились? — озадаченно спросил Ф'лар.

— Судя по тому, что показывают файры, они шли к морю,— Джексом махнул рукой в сторону пляжа.

— Море — небезопасное место,— заметила Менолли.

— Море — да,— согласился Ф'лар,— но между морем и нашим плато лежит много земель...— он бросил взгляд на Джексома.— Пусть Рут узнает у своих приятелей, куда направились люди.

— Так могу ли я вести раскопки?— с некоторым раздражением напомнил о себе Никат.

— Почему бы и нет, если у тебя есть свободные люди.

— Есть,— мрачно отозвался горняк.— Три шахты выработаны полностью, и людям нечем заняться.

— Я считал, что ты начал работы в копях, найденных Ториком на склонах Западного хребта.

— Мы провели разведку, но мой Цех не пришел к согласию с Ториком о правах на добычу,

— С Ториком? Разве он владеет этими землями? Ведь они лежат на юго-востоке, далеко от границ Южного холда.

— Древние штолни были обнаружены разведывательным отрядом Торика,— сказал Никат; его взгляд скользнул от предводителя Бендена к кузнецу, затем — к арфисту.

— Я говорила — мой брат честолюбив,— Джексом едва расслышал шепот Шарры.

— Разведывательный отряд?— Ф'лар казался удивленным.— Это не значит, что холд имеет права на шахты — все равно они попадают под твою руку, мастер Никат. Завтра я переговорю с Ториком.

Он поднялся и протянул руку Лессе.

— Уж не собирается ли твой брат прибрать к рукам весь юго-запад материка?— спросил Джексом у Шарры, когда все разошлись.

— Если не весь, то хотя бы изрядный кусок,— со смешком ответила девушка.— Надеюсь, ты сам не посягаешь на южные земли? Или это не так?

Джексом задумался.

— Нет,— сказал он, наконец.— Даже эту бухту, как бы она мне не нравилась, я не хочу. Я готов отдать все это,— он кивнул в сторону тихо плескавшихся у пляжа морских

волн, — за один порыв холодного ветерка с высот Руата... Нет, мне не нужны южные земли, Шарра. Я родился в Руате, вырос в Руате, и останусь лордом Руата. Но теперь мне придется вести себя так, как того требует мое положение, — он встал и протянул руку Шарре.

— Джексом, — подозрительно спросила она, — что ты собираешься делать?

Он сжал ее пальцы и посмотрел в глаза.

— Мне надо управлять холдом — как напомнит твой брат...

— Но ты должен оставаться здесь с Рутом! Только он понимает местных файров...

— Мы с ним успеем сделать все — вот увидишь! — Он притянул ее ближе, чтобы поцеловать, но девушка высвободилась из объятий Джексома, взглядом показав за его плечо. В глазах Шарры мелькнули боль и гнев. — В чем дело? Я сделал что-то не так, милая?

Она кивнула на дерево, из-под кроны которого за ними наблюдали две огненные ящерки.

— Файры Торика! Он следит за мной! За нами!

— Отлично! Пусть он не сомневается в моих намерениях! — Джексом поцеловал девушку; ее губы были мягкими, податливыми, горячими. — Хотел бы я показать ему кое-что еще, но мне пора отправляться в Руат, — он снова поцеловал ее и шагнул к Руту. — Я вернусь до рассвета, Шарра! Передай остальным.

Его внезапный порыв наведаться в Руат, чтобы начать долгую процедуру формального подтверждения его прав на холд, был вызван исключительно насмешливыми репликами Торика. Но пока он сидел у костра, у него промелькнула мысль, что Лайтол, с его энергией и опытом, мог бы обрести в исследовании тайн древнего плато новый смысл жизни — и передать ему управление Руатом. Теперь его возвращение в родной холд обретало такую же неизбежную предопределенность, как и то путешествие на Южный, когда он спасал яйцо.

Они появились в небе над Руатом, и резкий колючий холод Промежутка мгновенно сменился сырой влажной прохладой. Легкий пушистый снег падал уже довольно давно, ветер наметал сугробы в юго-восточном углу внутреннего двора.

«Мне всегда нравился снег», — заявил Рут, словно хотел подбодриться перед возвращением в зимний Руат.

— Мы не останемся здесь надолго, мой друг, — заверил Джексом дракона, поеживаясь от промозглой сырости, проникшей даже через теплую тунику. Как же он позабыл о времени года?

Рут приземлился во дворе. Наружная дверь холда распахнулась, и навстречу выбежали Лайтол, Бранд и Файндер.

— Что-нибудь случилось, Джексом? — закричал Оберегающий.

— Ничего, Лайтол, ничего. Растопите камин в моих покоях. Я совсем забыл, что здесь уже зима.

— Да, да, — кивнул Бранд, устремляясь бегом через двор к кухне; Джексом слышал, как он приказывает слугам нести жаровни с углами. Рут покорно последовал за дворецким в свой вейр; Джексом, вместе с Лайтолом и арфистом, направился к лестнице.

— Из лета прямо в зиму... не простудиться бы тебе, — пробормотал Лайтол. — Почему ты не сообщил мне? Что-то заставило тебя вернуться?

— А разве не подошло время для возвращения? — спросил Джексом, направляясь к камину. Он снял перчатки, поднес озябшие руки к огню и рассмеялся. — Да, у камина, у этого самого камина!

— Что? У этого камина? — недоуменно переспросил Лайтол, наливая вино.

— Утром, на плато у вулкана, когда мы раскапывали первый курган, Лесса рассказала мне, как она чистила этот камин — в день, когда лорд Фэкс, мой отец, привез мою мать, леди Гемму, в Руат! — он поднял кружку вина в память матери, которую никогда не видел.

— И это напомнило тебе, что теперь ты — лорд Руата? — спросил Лайтол. Уголок его рта чуть приподнялся; глаза, которые казались Джексому тусклыми в полумраке большого зала, внезапно сверкнули в отблесках пламени.

— Да... и заодно подсказало, где лучше всего использовать человека с таким опытом и талантом, как у тебя, мой господин.

— Ну-ка, расскажи поподробнее, — с интересом произнес Лайтол, указывая на массивное резное кресло вблизи огня.

— Я не стану занимать твоё место, — вежливо сказал Джексом, заметив, что подушки еще хранили очертание тела опекуна.

— Подозреваю, ты претендуешь больше, чем на кресло, лорд Джексом.

— Только при соблюдении необходимых приличий, — ухмыльнулся Джексом и поставил около кресла маленькую скамеечку для ног. Реакция Лайтола обрадовала его. — Итак, решение принято. Как ты полагаешь, мой господин, готов ли я сейчас стать лордом Руата?

— Ты имеешь в виду свой опыт?

— И это тоже. Но прежде всего — те обстоятельства, при которых когда-то управление Руатом было передано в твои руки.

— Да.

Джексом внимательно вглядывался в Лайтола, выискивая малейшую напряженность или фальшь в его ответе.

— За последнюю половину Оборота эти обстоятельства изменились, — Лайтол усмехнулся, — причем во многом — благодаря тебе самому.

— Вот как? Значит, теперь нет никаких препятствий, чтобы утвердить меня правителем Руата?

— Никаких.

Джексом услышал, как глубоко вздохнул арфист; он не сводил глаз с Лайтола.

— Могу ли я узнать причину такой спешки? — Невероятно! Лайтол улыбнулся во второй раз! — Наверняка, она не связана с делами тут, на севере... Я подозреваю некую прекрасную девушку... кажется, ее зовут Шарра?

Джексом засмеялся.

— Как всегда, проницательность не изменила тебе, — признался он и краем глаза заметил усмешку Файндера.

— Сестра Торика из Южного холда, кажется? — Лайтол продолжал изучать ситуацию, оценивая возможность подобного брака.

— Да. Скажи мне, Лайтол, не собирается ли Конклайн утвердить Торика в звании лорда Южного?

— Нет. Не было даже слухов, что он просил титул, — Лайтол нахмурился, обдумывая этот вариант.

— Каково же твое мнение о Торике?

— Почему ты спрашиваешь? Разумеется, брак возможен, хотя его положение нельзя сравнить с твоим.

— Торику не нужны титулы; ему достаточно своего честолюбия, — зло сказал Джексом, и его опекун удивленно переглянулся с арфистом.

— С тех пор, как Д'рам взял Южный Вейр под свою руку, — заметил Файндер, — я слышал, не было отказано ни одному переселенцу.

— Обещал ли им Торик право владения землей, которую они смогут поднять? — спросил Джексом, быстро обернувшись к арфисту.

— Не уверен...

— Двое сыновей лорда Гроха ушли, — сказал Лайтол, задумчиво теребя нижнюю губу. — Как я понял с его слов, парни собираются основать свои холды. Разумеется, они сохранят титул, полученный при рождении... Бранд, а что обещали Дорсу? — спросил он у возвратившегося дворецкого.

— Дорсу? Он отправился на юг в поисках владения? — Джексом был удивлен и обрадован.

— Я не видел причин отказывать ему, — спокойно ответил Лайтол. — И не мог представить, чтобы ты возражал. Ну, Бранд, так что же ему обещали?

— Что он сможет получить столько земли, сколько захочет. Но не думаю, что речь шла о холде... Правда, предложение было сделано торговцами с юга, а не самим Ториком.

— Если тебе предложили землю, ты будешь благодарен человеку, который это сделал,— сказал Джексом.— И в любой ситуации ты станешь поддерживать его.

— Да, лучшим выражением благодарности является лояльность,— кивнул Лайтол.— И не важно, получит ли Торик титул. Если люди признают его власть, он — лорд.

Джексом встал, допивая остатки вина.

— Мой господин, я возвращаюсь сегодня на юг. Можешь ли ты отправиться вслед за мной? Конечно, если Бранд в наше отсутствие справится с делами.

— Удивительно,— сказал Лайтол с задумчивым видом,— в это время года я буду снова приветствовать солнце.

Бранд заверил, что с делами он справится.

Когда они с Рутом вернулись в бухту, с восторгом окунувшись в пряное тепло звездной ночи, Джексом подумал, что перемена климата, по крайней мере, не отравит жизнь его опекуну. Рут кругами заходил на посадку, и Джексом почувствовал, как напряжение отпускает его. В Руате он был слишком скован, однако у него хватило здравого смысла не давить на Лайтоля; и вот — желаемое достигнуто. Однако Джексома встревожили разговоры о хитрых махинациях Торика.

Он соскользнул на мягкий песок, на то же место, где так недавно целовался с Шаррой. Подождав, пока Рут свернется на песке, Джексом зашагал к убежищу. Перешагнув порог, он с удивлением заметил, что даже в комнате Робинтона не горит свет; в этом уголке мира, должно быть, ночь наступала раньше, чем в прочих.

Джексом забрался в постель, услышав, как во сне что-то пробормотал Пьемур Фарли, его ящерица, чуть приоткрыла золотистый глаз. Джексом укрылся тонким покрывалом и, подумав о снегах Руатá, уснул.

Он пробудился внезапно, как будто кто-то произнес его имя. Пьемур мирно похрапывал в предрассветных сумерках. Джексом лежал не двигаясь, ожидая повторения зова, но ничего не слышал. Что-то с Робинтоном? Вряд ли. Менолли

просыпалась при первом же слове арфиста. Джексом приснулся к сонному сознанию Рута и понял, что дракон вот-вот проснется.

Тело у него ломило, плечи и руки онемели после вчерашних подвигов с лопатой. Может быть, поэтому он и проснулся? Вставать еще рано, но боль в мышцах вместе с сожженной на солнце спиной не давали уснуть. Джексом тихо встал, чтобы не разбудить Пьемура, и направился к пляжу. Купание — лучшее лекарство в таких случаях; вода охладит пылающую кожу и расслабит мускулы.

Рассветные Сестры гасли в лучах восходящего солнца. Джексом пристально глядел на мерцающие звезды, размытые, куда могли направиться его предки после извержения. Как им удалось спастись?

Джексом нырнул в загадочно темневшую глубину вод — солнце еще не осветило бухту, его лучи только начали скользить по вершинам далеких гор. Задохнувшись, он выскочил на поверхность, жадно глотая воздух. Кажется, он догадался! Между поселением на плато и берегом моря было еще одно убежище — и, без сомнения, его можно разыскать.

Ему не терпелось проверить свою гипотезу. Выскочив из воды, Джексом собрал летную амуницию, прихватил на кухне ломть мяса с хлебом и позвал Рута. Когда взошло солнце, они были уже в воздухе. Безоблачное небо над ними переливалось алым и золотым, вершины гор пламенели багрянцем.

Через Промежуток Рут перенес юношу к плато. Они неторопливо облетели его по периметру: Джексом увидел два новых кургана, которые насыпали вчера драконы, раскапывая древние здания. Он велел Руту сменить курс — теперь они направлялись в сторону моря, до которого пешим ходом пришлось бы добираться половину дня: Пока Джексом не хотел звать на помощь файров, справедливо полагая, что не добьется ничего, кроме картин извержения. Нет, сначала надо найти место, где укрывались спасшиеся от извержения люди; там, возможно, файры покажут какие-то новые образы. В конце концов, у поселенцев, обитавших на плато, были подсобные службы.. конюшни или амбары, в которых после катастрофы могли укрыться сотни людей.

Рут медленно планировал к морю, повторяя путь исхода беженцев. Кончились луга, за ними потянулись заросли кустарника, постепенно переходившие в лес. Джексом понял, что только при большом везении им удастся что-нибудь разглядеть в густой зеленой листве. Он уже собирался развернуть Рута назад, когда заметил прогалину в джунглях; она тянулась на сотни длин дракона и густо заросла травой. В дальнем конце сверкнули ленточки воды — похоже, там были мелкие, связанные друг с другом водоемы.

Солнце поднялось над краем плато, и Джексом заметил три длинные тени, протянувшиеся поперек прогалины. С за-мирающим сердцем он направил Рута туда; они кружили до тех пор, пока ему не удалось разглядеть три холма явно искусственного происхождения — правда, по форме они отличались от курганов на плоскогорье. В из расположении чувствовалось что-то неестественное — один как бы выдавался вперед, словно наконечник стрелы; расстояние между ними было не больше десяти длин дракона.

Он заставил Рута спуститься пониже и разглядел еще одну странную особенность — один склон каждого из холмов резко обрывался вниз, другой был более затянутым и пологим.

Рут, возбужденный не меньше своего всадника, приземлился между двумя курганами. С земли они выглядели не так странно, однако любой наблюдатель отметил бы их необычную форму.

Внезапно воздух взорвался разноцветными искрами, и над головой Джексома послышалось радостное чириканье файров.

— Что они говорят, Рут? Попытайся их утихомирить — я ничего не понимаю.

«Слишком много всего, — Рут поднял голову и что-то нежно просвистел. — Они рады видеть тебя. Счастливы, что ты, наконец, вернулся... Прошло так много времени...»

— Когда же я был здесь? Спроси у них, — Джексом понимал, что речь идет совсем о других людях, но решил не сбивать ящерок с толку временами, поколениями и прочими недоступными их пониманию подробностями.

«Когда ты и другие спустились с небес на длинных серых гладких скалах», — казалось, Рут сам был ошеломлен этим ответом.

— Покажи!

Ослепительные и противоречивые образы оглушили Джексома; сначала они были расплывчатыми, затем — по мере того, как Рут отбирал основное из сонма видений, — становились все более четкими.

Цилиндры действительно были сероватого цвета, с короткими крыльями — неуклюжей имитацией летательных пеперонок драконов. Они лежали на боку; с одного их конца выходило множество коротких труб, другой заканчивался тупым конусом. Неожиданно в цилиндрах появились отверстия — нечто похожее на двери, на одной трети их длины, считая от носа; поползли лестницы, на них появились люди — мужчины и женщины. В сознании Джексома стремительно промелькнула галерея образов — люди спускаются вниз, бегут, подпрыгивают, обнимаются... Затем изображение раздробилось и исчезло в хаосе видений — словно каждая огненная ящерица последовала за одним человеком и теперь пыталась передавать Руту свои индивидуальные воспоминания.

Теперь Джексом не сомневался, что именно здесь, на месте первой посадки, нашли убежище те, кто спасся после катастрофы на плоскогорье. Конечно, эти серые цилиндры — корабли, которые доставили их из созвездия Рассветных Сестер на Перн; по какой-то причине они не смогли вернуться обратно и навеки успокоились под этими странными курганами.

Кажется, двери открывались на расстоянии трети длины от носа? Джексом широко зашагал по траве вдоль вытянутого холма, отмеряя нужное место; файры в восторге крутились над его головой.

«Они говорят, что ты нашел нужное место», — сообщил Рут. Глаза дракона полыхали фиолетовым пламенем. Словно подтверждая его слова, десятки файров опустились на склон кургана и начали выдирать траву.

— Надо вернуться на берег и предупредить остальных, — нерешительно пробормотал Джексон.

«Они спят. Спят веадники и арфисты. Мы — единственные, кто бодрствует в этот час».

Что ж, весьма вероятно, согласился Джексом.

«Я копал вчера. Я могу копать сегодня. Мы с тобой будем копать, пока они не проснутся и не придут нам на помощь».

— У тебя есть когти, а у меня нет. Давай слетаем на плато за инструментами.

В оба конца они летели в сопровождении тучи возбужденных и счастливых файров. Джексом наметил лопатой примерные контуры площадки, центр которой, по его расчетам, приходился против входа в корабль. Теперь ему оставалось только присматривать за Рутом и файрами. Дракон когтями содрал дерн, и файры по частям утащили его подальше от раскопа. Видимо, слой земли, нанесенный ветром за многие тысячи Оборотов, был не слишком толстым, но дожди уплотнили почву.

Вскоре когти Рута заскребли по гладкой поверхности.

— Это не камень! — с криком Джексом подбежал к яме и всадил лопату в разрыхленный грунт. Металл звякнул о что-то твердое, и счастливый исследователь завопил так, что файры в ужасе взмыли в воздух.

Он разгреб руками остатки земли и впился в находку зачарованным взглядом. Не металл... и на вещество, из которого были сделаны здания на плато, также не похоже... скорее — невероятный факт! — это напоминало матовое стекло. Но разве стекло может обладать такой прочностью?

— Рут, Кант проснулся?

«Нет. Но Менолли и Пьемур уже встали. Интересуются, где мы».

— Пожалуй, пора вернуться и все рассказать им, — с триумфом заявил Джексом.

Они ожидали с нетерпением — все трое, Робинтон, Менолли и Пьемур. После шквала вопросов относительно его ночного вояжа в Руат, Джексом попытался сообщить о своей находке. Однако лишь Робинтон смог утихомирить своих арфистов, издав громоподобный рык. Добившись тишины, он глубоко вздохнул.

— Разве можно что-нибудь сообразить в таком гаме? Менолли, неси еду! Пьемур, тащи бумагу и письменные палочки! Заир, мой маленький плут, ты отправишься с донесением в Бенден. Укуси Мнемента в нос, если потребуется разбудить его... Да, я знаю, ты достаточно храбр, чтобы сразиться с самым большим драконом... Но прошу тебя — не надо крови! Постарайся только разбудить его. Самое время этим лентяям из Бендена прорвать глаза!

Робинтон был в прекрасном расположении духа — глаза сверкают, голова высоко поднята, голос гремит как боевой горн.

— Джексом, мой мальчик, благослови тебя Скорлупа и ее Осколки... Ты принес надежду! Я валялся в постели, готовясь к новым разочарованиям, и вдруг — такая новость!

— Но корабли могут оказаться пустыми...

— Ты говорил, что ящерки передавали картины посадки? Они запомнили, как из этих цилиндров выходили люди?.. Пусть они пусты, словно обещания скупого лорда, но на них все же стоит взглянуть! Только подумайте — корабли, что доставили наших предков сюда с планет одной из Рассветных Сестер!

— Скоро ты увидишь их сам, мастер Робинтон, — произнес Джексом, оглядываясь в поисках Шарры. Наверняка она уже встала... Он поискал ее файров в пестрой стайке ящерок, вертевшейся над ними. — Где Шарра? — спросил он Менолли, тащившую поднос с тарелками.

— Поздно вечером за ней прилетел всадник из Южного — там какая-то болезнь, — ответил вместо девушки арфист. — Я хотел разбудить тебя, но Шарра сказала, что ты в Руате, — брови Робинтона вопросительно поднялись вверх.

— Мне давно надо было наведаться в мой холл, мастер Робинтон, — признался Джексом; в голосе его звучало раскаяние. — В Руате шел снег... мы долго говорили с Лайтолом...

— Вот как? — К своему изумлению Джексом заметил, что арфист посмеивается. — Значит, конец спорам: кто ты такой — всадник или лорд? Ну, и как же отреагировал Лайтол?

— Он не был удивлен, — сказал Джексом, с облегчением вздохнув. — И я подумал, что если мастер Никат начнет раскопки на плато, то Лайтол, с его умением руководить людьми...

— Прекрасная идея, мой мальчик, — Робинтон похлопал его по плечу. — Я тоже думал об этом... Копаться в прошлом — самое подходящее занятие для двух стариков...

— О, мастер! — протестующе вскричал Джексом. — Ты никогда не будешь стариком! И Лайтол — тоже!

— Приятно слышать, что ты так считаешь, юный Джексом... но я уже получил предупреждение... — он поднял голову к небу. — Так, вот и дракон... Кант, если глаза не обманывают меня.

Лицо Ф'нора, шагавшего навстречу им по сырому песку, носило отпечаток некоего раздражения. Заир передал какие-то сумбурные образы, возбудившие Берда, Гралл и всех прочих файров в Бендене; они устроили такой переполох, что Лесса велела Рамоте прогнать всех ящерок. В подтверждение этого небо над бухтой внезапно наполнилось сотнями файлов, которые метались над водой, создавая невообразимый шум.

— Рут, утихомирь их, — попросил Джексом дракона. — Мы не слышим сами себя!

Белый испустил мощный рев. Наступила тишина, изредка прерываемая робким посвистом. Небо снова засияло утренней голубизной; файры расселились по деревьям на опушке.

«Они меня послушались!» — с удивлением сообщил довольный Рут.

Кажется, эта демонстрация дисциплины улучшила настроение Ф'нора.

— Ну, теперь ты расскажешь, Джексом, чем занимался утром? — спросил коричневый всадник, ослабляя стягивающий туннику ремень и сняв шлем. — Похоже, Бендену не справиться без помощи Руата.

Джексом удивленно посмотрел на него — в словах всадника ощущался странный подтекст. Имел ли он в виду историю с яйцом? Что рассказала ему Брекки о тех видениях и снах, что мучали Джексома во время болезни?

Он постарался, чтобы его ответ прозвучал спокойно.

— Почему бы и нет, Ф'нор? У Бендена и Руата крепкие связи — и кровное родство.

Хмурое лицо всадника внезапно осветилось улыбкой. Он сжал плечо Джексома и встряхнул его — так, что юноша еле устоял на ногах.

— Прекрасно сказано, мой лорд, прекрасно! Так что же ты обнаружил сегодня?

Джексом не без гордости поведал о своих утренних трудах, наблюдая, как глаза всадника все шире и шире раскрываются от изумления.

— Говоришь, корабли, на которых они приземлились? — он затянул ремень и торопливо надел шлем. — Летим! Завтра в Бендене ожидается Падение... но если дело обстоит так, как ты говоришь...

— Я полечу тоже, — объявил арфист.

Ни одна, даже самая отчаянная ящерка, не осмелилась пискнуть в наступившей после этого тишине.

— Я полечу тоже, — твердо повторил Робинтон, взмахом руки словно отмечая возможные протесты. — Я пропустил многое. Ожидание губительно для меня! — торжественным жестом он приложил ладонь к груди. — Мое сердце бьется все сильней и сильней с каждой томительной минутой неизвестности! — он скосил глаз в сторону Менолли и торопливо заявил: — Я не буду копать землю... я собираюсь только смотреть! И заверяю вас, что неудовлетворенное желание опасней для моего сердца, чем холод Промежутка и тропическая жара... Что, если я умру из-за этого, когда никого из вас не будет рядом?

— Мастер Робинтон, если Брекки узнает... — слабо запротестовала Менолли.

При этом напоминании Ф'нор вытер вспотевший лоб и покачал головой, явно осуждая незамысловатую тактику арфиста.

— Дай этому человеку палец, он тебе всю руку отхватит, — пробормотал всадник и погрозил пальцем Робинтону: — Если ты хоть пошевелишь рукой или коснешься щепотки земли... я... я...

— Я послежу за ним,— многозначительно закончила фразу Менолли, бросая на своего мастера свирепый взгляд. Арфист отвел глаза.

— Принеси мою полетную тунику, милая Менолли.

Глава 21

Прибрежный холд, плато у вулкана и Площадка Рождений Южного Вейра; пятнадцатый Оборот, двадцать первый день десятого месяца.

Я помню, что было обещано Торику, — говорил своим гостям Робинтон на следующий день. Вместе с предводителями Бендана он наслаждался свежим кла на тенистой террасе своего холда.

— Все земли, что он сможет поднять к тому моменту, как Древние покинут Южный Вейр, — Ф'лар поднял глаза к небу. — Конечно, Вейр еще не опустел, не все старики отправились в Промежуток... Так что, с формальной точки зрения, Торик еще имеет право расширять холд.

— Или любыми средствами добиваться поддержки своих людей, не так ли? — заметил Робинтон.

Лесса посмотрела на арфиста, размышая над этими словами.

— Потому-то он и принимал с охотой безземельных, — резко сказала она, потом рассмеялась. — Придется в будущем приглядывать за ним. Я не думала, что Торик окажется таким честолюбивым.

— И дальновидным, — сухо добавил арфист. — Он много-го добивается, эксплуатируя людскую благодарность.

— Благодарность — не тот товар, который можно хранить долгие Обороты, — Ф'лар отхлебнул из кружки.

— Он не так глуп, чтобы ставить только на это... — Лесса с озадаченным видом огляделась вокруг. — Кстати, а где же Шарра?

Робинтон сокрушенно помотал головой.

— Нет ничего проще, чем провести старого глупца... Вчера за ней прибыл всадник — болезнь, или что-то в этом роде... И я не усомнился! — глаза арфиста сверкнули. — Да, он использует и Шарру, и остальных сестер... У него подрастают дочери... Многие южные холдеры будут связаны с ним узами родства! Ну, а Шарра... Надеюсь, Джексон разберется с этим делом.

— Я тоже надеюсь, — голос Лессы был суров. — Я одобряю этот брак... если только мальчик не спутал любовь с благородностью за то, что она его вылечила.

Госпожа Бендена бросила быстрый взгляд на своего супруга — похоже, она разделяла его мнение о людской благородности. Робинтон расхохотался.

— И Брекки, и Менолли клянутся, что нашу парочку связывает искренняя и взаимная любовь. Если ты согласна, Лесса, мы могли бы начать переговоры с Ториком по этому вопросу... Полагаю, мы сумеем его прижать и...

Рев Рамоты и Мнемента прервал его.

— Прибыли Н'тон и мастер Никат с Вансором, — произнес Ф'лар, вставая. Он кивнул арфисту и своей подруге: — Что касается молодых... не будем мешать естественному ходу событий.

— Да, зачастую это приводит к лучшим результатам, — согласился Робинтон.

Лесса поднялась и с загадочной улыбкой направилась к лестнице.

* * *

Вместе с Никатом, Н'тон привез трех опытных горняков. Сразу за ним прибыл Ф'нор с Вансором, Бенелеком и двумя телгарскими подмастерьями; оба — весьма внушительной комплекции. Не дожидалась Д'рама и Торика, весь отряд отправился Промежутком на плато и приземлился вблизи раскопа Никата. Яркий дневной свет позволил быстро раскрыть тайну этого кургана. По боковым стенам просторной комнаты маршировали животные — большие и маленькие, забавные и страшные, но все, как один — неведомые на Перне. В дальнем конце зала, на больших вертикальных планшетах, сплетались в прихотливый узор цифры и буквы. Робинтон удовлетворенно кивнул:

— Комната арфиста... Тут учили самых маленьких.

— Тогда где-то рядом должны находиться классы для старших, — решил Бенелек. — Возможно, мы найдем там

что-нибудь поинтереснее... — он кивнул подмастерьям и с сосредоточенным видом проследовал к ближайшему кургану справа.

Подождав, пока юноша отойдет подальше, Лесса усмехнулась:

— Он так уверен, что его ждут летописи, полные звездной премудрости... Но с таким же успехом там могут оказаться игрушки для грудных младенцев.

— Бенелек — упорный парень, — заметил Ф'лар. Он поглядел на солнце и предложил: — Не пора ли раскопать мой курган?

Памятая, что вход обычно располагался с торца кургана, они не стали расчищать крышу. Рамота и Мнемент приступили к работе, и серо-черная земля полетела двумя потоками; вскоре показалась дверь — очень большая, в нее свободно прошел бы дракон средних размеров. Большая дверь откатывалась в сторону на направляющих и в ее углу была еще одна дверь — в человеческий рост. Эту, навешенную на петли, удалось открыть, после чего Никат с Фандарелом обнаружили, что материал петель совсем не похож на металл. Очарованные мастера приступили к изучению очередного чуда, и в этот момент прибыли Джексом с Рутом. Как только они приземлились на вершине кургана, в небе возникли еще три дракона.

— Д'рам, — сказала Лесса, — и два коричневых из Бендана, посланных нам в помощь.

— Пришлось повозиться с картой, — Джексом протянул арфисту свиток, поклонился бенденцам и бросил рассеянный взгляд на курган Никата. — Нашли что-нибудь интересное?

Робинтон аккуратно уложил в сумку драгоценную карту и покачал головой.

— Помещение, в котором обучали ребятишек... Там забавные картинки — взгляни, если хочешь.

Но Джексому явно было не до развлечений. В глазах его застыло напряжение, и арфист понял — что-то произошло.

— Могу ли я поговорить с тобой, мастер Робинтон? Если только... — юноша кивнул в сторону только что раскопанного кургана с таинственно зияющим проемом распахнутой двери.

— Нам все равно придется обождать, пока помещение не проветрится, — сказал Робинтон и, взял юношу под руку, отвел в сторонку. — Ну, мой мальчик? Что случилось?

— Шарру не выпускают из Южного... Брат приставил к ней стражу... — голос Джексома был тих, и арфист про себя похвалил воспитанника — тот ничем не выдал владевшего им возбуждения.

— Ты в этом уверен? Откуда ты узнал? — спросил Робинтон, подняв глаза к небу и наблюдая за бронзовым Д'рама, заходившем на посадку.

— Шарра сама сказала Руту. Торик хочет выдать ее за одного из своих новых холдеров. Нас, наследников северных родов, он считает ничтожествами! — в глазах Джексома разгорался опасный блеск, и Робинтон впервые — и не без удовольствия — убедился, как похож юноша на своего отца, на Фэksа.

— Про некоторых наследников иначе и не скажешь, — с легкой насмешкой произнес он. — Ладно, — арфист покачал головой, заметив, что молодой лорд Руата не склонен к шуткам, — что ты задумал, Джексом?

— Я верну ее, — тихо и решительно произнес юноша, кивнув в сторону Руты. — Торик не принял кое-что в расчет... Я — не только наследник Руата; я также всадник!

— Полетишь в Южный и увезешь ее? — Робинтон едва сдерживал улыбку, представив, какую балладу сложит Менолли о столь романтическом похищении. Воистину — дай событиям идти своим чередом, и получишь сказку!

— Почему бы и нет? — внезапно в глазах Джексома мелькнули озорные искорки. — Сомневаюсь, что Торик ожидает от меня таких решительных действий. По его мнению, я — ничтожный наследник ничтожного рода!

Арфист сжал плечо юноши — Торик со своей командой уже приземлился в рападке между двух курганов. На ходу стягивая толстую тунику и шлем, южанин направился к

предводителям Бендена; однако, после первых приветствий, он резко повернул в сторону. Не оставалось сомнений, что его целью был Джексом.

— Мой мастер! — южанин приветствовал арфиста вежливым поклоном, но взгляд его буквально сверлил затылок Джексома. Со скучающим выражением на лице юноша изучал ближайший курган и, к восторгу Робинтона, даже не обернулся.

— А, холдер Торик, — он слегка кивнул, бросив на подошедшего небрежный взгляд из-за плеча. Глаза южанина сузились, однако придраться было не к чему — Конклав никогда не предлагал ему титула. Он с преувеличенной любезностью поклонился и протянул:

— А, лорд Джексом! — по его тону было ясно, кого он считает настоящим лордом.

Джексом медленно обернулся.

— Шарра говорила мне, что ты не одобряешь брачного союза с Руатом, — спокойно произнес он.

— Да, наследник, не одобряю! — Торик бросил взгляд на Робинтона и презрительно ухмыльнулся. — Она заслуживает большего, чем холд на севере размером с обеденный стол!

— Я не ослышалась, Торик? — раздался за спиной южанина вкрадчивый голос Лессы. Она подошла к Джексому и встала рядом.

— Холдер Торик считает, что его сестра заслуживает большего, чем северный холд величиной со стол, — повторил Джексом, и в голосе его прозвучала скорее насмешка, чем обида.

Глаза Лессы гневно сверкнули, хотя на губах продолжала играть улыбка.

— Я не собирался оскорблять Руат, — поспешил сказал Торик.

— Разумеется... Это было бы весьма непредусмотрительно с твоей стороны. Ведь ты знаешь, что я горжусь своим происхождением, — небрежно заметила Лесса. Огромная фигура Торика словно съежилась под ее ледяным взглядом.

— Он может еще передумать, — вмешался Робинтон, начиная мостить южанину дорогу для отступления. — Поду-

май сам, Торик! Этот союз, столь желанный для молодой пары, даст кое-что и тебе. Ты породнишься с одной из благороднейших семей Перна...

— И обретешь милость Бендена, — без обиняков закончила Лесса. На ее губах уже играла улыбка — столь обворожительная, что Робинтон содрогнулся, представив, до чего может довести Торика его упрямство.

Южанин стоял, потирая лоб; ухмылка на его лице заметно поблекла.

— Я думал, мы собираемся изучать прошлое Перна... — наконец, выдавил он. — А тут...

— А тут представился случай для обсуждения будущего, — перебила холдера Лесса, взяв его под локоть. — Твоего будущего, Торик... — Южанин дернулся, но руки не отнял.

— Да, в Южном скопилось столько молодых, честолюбивых и безземельных людей, — раздался голос Ф'лара. Он обошел Торика, так что тот оказался посередине между ним и Лессой. — Надеюсь, у тебя хватит наделов для всех... Мы не хотим кровавых междоусобиц на юге.

Торик вытянулся, зажатый меж предводителями Бенденна, как между каменными стенами. Робинтон бросил взгляд на Джексома, но юноша, казалось, не обращал внимания на эту экзекуцию; он пристально смотрел на своего дракона, словно о чем-то советовался с ним.

— Здесь достаточно земель, — пробормотал Торик; затем, внезапно приободрившись, с вызывающей усмешкой добавил: — Их хватит для каждого молодого честолюбца... Другое дело — как держать их в руках. И Шарра...

— Сейчас речь не о ней... к тому же, у тебя еще немало сестер, — в голосе Лессы слышалось раздражение. Подталкивая Торика под локоть, она повела его к только что очищенной от земли стене здания; Робинтон и Ф'лар шли по пятам. — Мы хотели бы обсудить дела твоего холда... и не только мы — есть вопросы у мастера Никата, у лорда Гроха и других. Нужна официальная встреча.

— Вопросы? Встреча? — переспросил Торик. Он прислонился к стене и скрестил руки на груди; вид у него был вызывающий. «Интересно, — подумал Робинтон, — победит ли здравый смысл его честолюбие?»

— Да! — подтвердил Ф'лар. — И на первый вопрос я хотел бы получить ответ прямо сейчас. Как ты полагаешь, сколько земли здесь, на юге, может держать один холдер? — он подчеркнул слово «один», так что не оставалось сомнений, кто имеется в виду.

Торик, словно защищаясь, поднял руку.

— Но мы заключили соглашение, — напомнил он. — Все, что я смогу разведать до того, как последний Древний оставит Вейр — мое!

— И как далеко ты успел продвинуться? — Ф'лар был настойчив.

— С помощью всадников Д'рама, — южанин бросил испытующий взгляд на вождя Бендена — знает ли тот об этой помощи? — мы достигли подножия Западного хребта. А вдоль побережья дошли до Большого залива, который развел Пьемур.

«Какая удача, что мы обнаружили карту!» — подумал Робинтон; теперь он знал, что хотя обозначенная Ториком территория была немалой, она составляла лишь небольшую часть огромного материка.

Ф'лар с удивлением покачал головой.

— Так далеко? Мой дорогой Торик, в силах ли ты удержать все эти земли? — в голосе всадника звучало участие и легкая насмешка.

— Я — предусмотрительный человек, — всхлинул южанин. — Вдоль всего побережья и на равнине, в направлении гор, основаны небольшие холды, и многие из них расширяются и процветают. Люди, которых за последние Обороты ты послал сюда, мой господин, — он дерзко улыбнулся Ф'лару, — оказались очень трудолюбивыми.

Лесса расхохоталась.

— Еще в Бендене я заметила, что ты — предусмотрительный человек! Посылали людей мы, а клятву верности они давали тебе, не так ли?

— Конечно! Я не скучился, наделяя их землей! К тому же, чем больше основано холдов, тем лучше. Ты же знаешь, госпожа, даже небольшое поселение может иметь огромную ценность — в глазах тех, кому оно дорого.

Лесса проигнорировала этот явный намек на Руат и, царственным жестом коснувшись могучего плеча Торика, повернулась к Ф'лару.

— С той встречи в Бендене обстоятельства изменились, — задумчиво произнесла она. — Холд Торика переполнен людьми, а многие переселенцы, не рассчитывая на его помощь, высаживаются в различных точках побережья... Но мы не можем допустить, чтобы наш верный союзник потерял хоть одну длину дракона разведенной им земли! — ее глаза снова вернулись к южанину. — Придется известить всех, что твои владения простираются от Большого залива до Западного хребта.

— Но и только, — уточнил Ф'лар, окинув Торика строгим взглядом.

Робинтон заметил, как на лице холдера настороженность и недовольство постепенно сменялись гримасой облегчения. Пожалуй, он даже был удивлен, что так легко добился своего — хотя еще не сообразил, какую цену придется заплатить ему за щедрость Бендена. Внезапно в глазах Торика вспыхнул огонек — он понял. Резко обернувшись, холдер шагнул вперед, бросив через плечо:

— Но что касается Шарры...

Протяжный крик Рамоты прервал его; затем к королеве присоединился Мнемент. Лесса покачала головой и чуть заметная улыбка скользнула по ее губам.

— Боюсь, ты опоздал, Торик... Эта проблема будет решена без тебя.

* * *

Джексон смотрел, как предводители Бендена, вместе с Ториком и Робинтоном, скрылись за пологим курганом и кучами свежей земли. Только теперь он мог дать выход своему гневу.

Значит, весь Руат — не больше обеденного стола этого зазнавшегося холдера? Неужели? Руат, второй из Великих Холдов Перна! Ну, если бы Лесса не вмешалась, он бы показал этому... этому...

Джексон глубоко вздохнул. Торик превосходил его и ростом, и силой, и опытом. Если бы Лесса не вмешалась, то он, гордый лорд Руата, сейчас, возможно, был бы мертв. Раньше ему не приходило в голову, что Торик будет противиться брачному союзу с Руатом. Когда Рут сообщил, что Шарра связалась с ним, Джексон был ошеломлен. Южанин даже не стал выслушивать сестру, которая пыталась рассказать об их любви — он приставил к ней пару верных людей и файра, чтобы Шарра не могла послать сообщение Джексому через своих ящерок. Вот тут он просчитался! Торик не знал, что сестра могла говорить напрямую с Рутом. Когда белый пересказывал другу эти потрясающие новости, в тоне его звучало торжество.

«Полетишь в Южный и увезешь ее?» — спросил учитель. А что еще ему оставалось? Джексон повернулся к белому дракону.

— Рут, тут не крутятся файры Торика?

«Нет! Мы полетим за Шаррой? Где назначить ей встречу? В Южном мы были только на Площадке Рождений».

— Туда и полетим. Эта история с яйцом сослужит-таки нам добрую службу, — Джексон с иронией скривил губы. — Узнай, может ли Шарра добраться до Площадки, — попросил он, взираясь на шею дракона.

«Она говорит — да!»

— Тогда — в путь.

Они мчались низко над землей, заходя с востока — как и тогда, неполный Оборот назад. Но сейчас круг теплого золотистого песка был пуст.

«Она идет! С ней королева Торика... Прочь! Уходи! Не смей подглядывать за моими друзьями!»

Тон Рута был свиреп, но у Джексона не оставалось времени на удивление — Шарра уже бежала через площадку. На ходу девушка придерживала одеяло, наброшенное на плечи... вот она наступила на край и едва не упала, отчаяние мелькнуло на ее лице.

«Она говорит, люди Торика преследуют ее», — доложил Рут. В полупрыжке-полуполете белый приземлился рядом с Шаррой, и Джексом подхватил девушку на руки. Двое мужчин, размахивая обнаженными мечами, мчались к ним; по их лицам градом катился пот. Дракон плавно взмыл вверх, оставив их бесноваться в кольце горячего песка.

— Думаю, твой брат просчитался, милая.

— Джексом! Увези меня отсюда! Увези на север! Я не хочу больше видеть этого хитрого, вероломного...

Джексом закрыл ей рот поцелуем.

— Нам придется еще раз повидать его. Я не собираюсь прятаться! Сегодня мы решим все — раз и навсегда.

— Джексом! — теперь в голосе Шарры слышался не гнев, а тревога; она прильнула к юноше, крепко обхватив его шею. — Он вызовет тебя и убьет!

— Наш конфликт вряд ли разрешится столь примитивным способом! — Джексом улыбнулся. — Закутайся в одеяло. Сейчас мы...

Короткая вспышка холода и тьмы разорвала знойный полдень, и в следующий миг они уже парили над плато. Рут, заходя на посадку, протрубил приветствие.

— Как я замерзла! Они отобрали у меня одежду, — пожаловалась Шарра. Ее стройные обнаженные ноги посинели от холода; Джексом наклонился и стал растирать их. Девушка юсмотрела вниз и вздрогнула. — Там... там Торик...

— А рядом с ним — Ф'лар и самый крупный дракон Бендана. Чего ты боишься, глупышка?

— Джексом!

— Твой брат любит поступать по-своему... Мне тоже это нравится.

— Джексом! — голос ее звучал удивленно, но гибкие руки лишь сильнее обнимали его шею.

Рут приземлился у кургана и, когда молодые люди направились к остальному обществу, он последовал за Джексомом — на манер почетного караула. При виде этой троицы глаза Торика широко раскрылись, снисходительная улыбка исчезла с лица.

— Торик, на всем Перне ты не найдешь места, чтобы спрятать от меня Шарру. Мы с Рутом отыщем ее! — Южанин

стиснул зубы, его лицо окаменело, но Джексом не надеялся, что разговор будет легким. Он ответил усмешкой на мрачный взгляд холдера и продолжал, — Ни расстояние, ни время не остановят Рута. Мы с Шаррой можем идти в любой Оборот, в любой час... в лес, долину, в горы или на побережье...

Жалобно попискивающая королева возникла над головой Торика и попыталась сесть ему на плечо. Он со злостью отмахнулся от файра.

— И огненные ящерицы тебе не помогут — они слушаются Рута, — Джексом снова улыбнулся и почесал приятелю надбровье. — Ну-ка Рут, прикажи, чтобы все файры убирались с плато!

Небеса над широкой равниной опустели; затем, после кивка Джексома, ящерки вернулись. На этот раз Торик не препятствовал маленькой королеве устроиться на его плече; не отрывая глаз от Джексома, он спросил:

— Откуда ты знаешь Южный? Мне говорили, что ты никогда не бывал у нас!

— Твой осведомитель ошибался, — решительно произнес Джексом. — Сегодня был не первый случай, когда я вернул из Южного то, что принадлежит северу, — он обнял тонкие плечи Шарры.

Хладнокровие изменило Торику.

— Ты! — его рука протянулась к Джексому, гнев, разочарование и невольное уважение промелькнули в глазах. — Ты вернул яйцо! Ты и этот твой... Но файры показывали темное пятно... Почему?

— Разве так трудно скрыть белую шкуру под грязью, чтобы не светить в ночи? — презрительно прищурился Джексом.

— Я чувствовал, что всадники Т'рона здесь ни при чем! — вскричал Торик, его кулаки судорожно сжались. — Но подозревать тебя... Ладно! — он вдруг преобразился, заулыбавшись — сначала натянуто, потом начал хохотать, и постепенно гнев, разочарование и обида растворились в смехе. — Да, наследник, ты разрушил такие планы... Если бы ты догадывался... — Торик посмотрел на Робинтона и бенденцев. — Кто знал, что он вернул яйцо?

— Думаю, немногие, — произнес арфист, стараясь сообразить, что известно на сей счет Ф'лару и Лессе.

— Я знала, — Шарра тряхнула головой, — и Брекки тоже. В бреду он все время говорил о яйце.

— Сейчас это не важно, — сказал Джексом. — Главное — вот что: получил ли я согласие уважаемого хозяина Южного на брак с его сестрой?

Торик поскреб мощную щею.

— Не вижу, как я мог бы воспрепятствовать этому...

— И не советую препятствовать, — заметил Ф'лар. Внезапно он усмехнулся и, словно предостерегая, добавил: — Никогда не стоит недооценивать всадников, Торик... Особенно — всадников с севера.

— Я запомню это, — по лицу Торика расплылась дружелюбная улыбка, хотя голос еще выдавал досаду. Он повернулся спиной к Шарре и Джексому, вежливым поклоном пригласил Ф'лара проследовать вперед и сказал: — Ну, вернемся к насущным проблемам. Кажется, перед тем, как эти дерзкие молодые люди прервали нас, мы обсуждали размеры моего холда?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В Северный Церн снова пришла весна. Когда склынули мутные воды и просохла земля, когда были засеяны поля, исправлены изгороди и амбары, пришел черед самого холда. Как показывали уравнения Вансора, очередной смертоносный ливень Нитей обрушится в западные моря, и древний Руат, пользуясь безопасными днями, оживился и начал прихорашиваться в лучах весеннего солнца.

Стены холда были вымыты, швы и трещины в стенах и окружавшей их каменной отмостке заделаны; в каждом окне полоскались флаги, цветы украшали дворы и главный зал — покрытые белыми и розовыми бутонами лозы доставили вчера с юга. Широкие лощины у подножия руатанских скал пестрели палатками для гостей, их скакуны паслись в окрестных лугах. Уже слышался трубный зов слетавшихся драконов, которых приветствовал старый коричневый; ему, стражу Руата, предстояло охрипнуть задолго до начала официальной церемонии. Стайки файров сновали вокруг, и драконам частенько приходилось призывать шалунов к порядку. Но свежий ветер, яркое солнце и воцарившаяся сегодня атмосфера праздника заставляли снисходительно относиться и к проделкам животных, и к людскому несовершенству.

Чтобы накормить и обслужить гостей, съезжавшихся со всех сторон — пол-Перна к северу и пол-Перна к югу — Форт холд, Вейры Форт и Бенден прислали своих поваров и прислугу в Руат. От Торика, с плодородных долин, из щедрых лесов и заливов Южного, привезли много свежих фруктов, рыбы и дичи, чай нежный вкус и тонкий аромат был так непривычен на севере. Огромные жаровни и пекарни работали уже со вчерашнего вечера, и исходившие от кухонь запахи наполняли слюной рты и дразнили воображение.

Праздник тоже начался накануне; танцы и пение продолжались до утра. Торговцы прибыли еще раньше, а вместе с ними — жонглеры, акробаты, арфисты и просто любопытные странники. Но никого не тревожила многолюдность и

многоликость сбирали; люди стекались по дорогам, шли по горным тропам и спускались с небес — и с каждым часом их становилось все больше и больше, по мере того, как приближался торжественный миг подтверждения законных прав молодого лорда Руата.

«Прибыл арфист», — сообщил Рут Джексому и Шарре; затем белый распахнул носом двери своего вейра и вышел во двор. Молодые хозяева Руата услышали его приветственный клич — словно дракон не расстался с мастером арфистов совсем недавно, пожелав ему на рассвете приятного отпуска.

«Лиот просит обождать, — эти слова остановили уже шагнувшего к двери Джексома. — Арфист и Н'тон хотят поговорить наедине».

Джексом удивленно обернулся к своей леди.

— Думаю, ничего серьезного, — с улыбкой предположила она, — иначе Робинтон сказал бы нам вчера. Послушай, Джексом, — пальцы Шарры коснулись его груди, — эта туника слишком обтягивает тебя. Неужели ты еще растешь?

— Это мускулы, милая, которые наросли за время раскопок на плато, — ответствовал лорд Руатанский и набрал полную грудь воздуха; швы его парадного одеяния подозрительно затрещали.

— Осторожней! — воскликнула Шарра. — Если порвешь, придется тебе щеголять с заплаткой! — она улыбнулась, смягчив упрек, и поцеловала своего лорда.

Перед поцелуем Шарры Джексом был бессилен; он выдохнул воздух и привлек ее к себе.

— Джексом! Ты изомнешь мне платье и испортишь прическу — а до церемонии остались считанные часы!

«Прибыли Рамота и Мнемент!» — Рут поднялся на задние лапы, почтительно приветствуя бенденских драконов.

— Какой Рут сегодня важный! Можно подумать, что это его утверждают владетелем Руата, — в мелодичном голосе Шарры звучал смех.

— Чтобы добиться этого, мы предпринимали совместные усилия, — уточнил Джексом, широко улыбаясь. Он снова осторожно обнял Шарру. Он был счастлив; неопределенность зимы сменилась весенними надеждами.

Никогда еще он не был так занят: управление холдом, молодая жена, Рут и, если удавалось урвать несколько свободных часов, раскопки на плато и в Корабельной лощине. Лайтол, оправдывая надежды своего питомца, всерьез увлекся изучением тайн предков и проводил все больше и больше времени в Прибрежном холде у Робинтона. Когда вопрос с утверждением Джексома в правах стал делом решенным, его начали приглашать на заседания Конклава, из коих юный лорд вынес твердое убеждение, что его родственник с юга вряд ли потерпит традиционный консерватизм этого органа. Торик, как и сам Джексом, скорее поддержал бы молодое поколение — Лаада Телгарского, Астгенара из Лемоса, Бегамона из Нерата и Сайгомала из холда Битра — а не патриархов вроде Гроха или Сэйнджела. Старикам было трудно осмыслить происходящие с каждым Оборотом перемены; они не понимали вызова, брошенного молодым бескрайними просторами юга.

Итак, формальная церемония утверждения нового лорда Руата одновременно служила и другим целям; она была поводом для собрания Вейра, Цеха и Холда, праздником по случаю окончания холдов и, наконец, просто днями всеобщего ликования — шел шестнадцатый Оборот с начала Проявления, а Нитям так и не удалось выкечь жизнь на Перне.

Лиот приземлился на маленьком дворике перед вейром Руата, и тот скрылся в своих покоях, чтобы не мешать огромному бронзовому. Вслед за Н'тоном арфист соскользнул с плеча дракона и, размахивая толстым свитком, вместе с всадником двинулся навстречу молодым владельцам Руата.

— Отложим новости, пока не подойдут Лесса и Ф'лар. Бенденцы уже близко, — произнес вождь Форта, пожимая руку Джексому. Они с Робинтоном скинули летные туники, причем арфист так и не выпустил из рук своего свитка. С нарастающим нетерпением и гости, и хозяева следили, как Рамота и Мнемент, высадив своих всадников, вслед за Лиотом взмыли к вершинам руатанских скал.

— Робинтон, друг мой, Мнемент сообщил, что ты прибыл с новостями, — произнес Ф'лар, передавая Джексому свою тяжелую тунику, шлем и перчатки. Шарра помогала Лессе.

— Да, — арфист помахал в воздухе драгоценным свитком.

— Что это? — спросила Лесса.

— Ключ к разгадке той разноцветной карты с кораблем, — с улыбкой произнес Робинсон. — Никату с Пьемуром пришлось поломать головы! — он развернул свиток, Лесса и Ф'лар держали его за края. — Таким темно-коричневым цветом обозначены скальные массивы, каменные щиты с практически нулевой вулканической активностью... Эти районы не изменились до наших дней. А плато над Прибрежным холдом, оставленное людьми после извержения, окрашено желтым — так же, как вулканические области вблизи Тиллека, — арфист поднял голову от карты, глаза его сверкнули. — Друзья мои, древние пришли на север, в Форт, Руат, Бенден, Телгар, потому что эти земли не подвержены стихийным бедствиям!

— Разве Нити — не стихийное бедствие? — с невеселой усмешкой сказала Лесса.

— Я предпочитаю бороться с чем-нибудь одним, — заметил Ф'лар. — Если с неба валятся Нити, а под ногами трястется земля, то для меня это уже слишком много!

— Но я еще не сказал главного! — арфист торжествующе потряс в воздухе кулаком. — Никат и Пьемур нашли значки, которыми древние обозначали месторождения металлов, горючего масла и черного камня! Эти залежи отмечены и на севере, и на юге — только многие северные шахты уже выработаны нами.

Ф'лар взволнованно отбросил со лба прядь поседевших волос и дрогнувшим голосом потребовал:

— А те, что на юге? Покажи!

— Вот... и вот... — палец Робинтона скользил по отметкам.

— Пока неизвестно, насколько они богаты, но скоро Никат со своими людьми исследует их. В основном, они расположены здесь... в землях всадников.

Н'тон засмеялся:

— Когда закончится это Прохождение, я стану горняком! Спущусь с небес на землю!

— Когда закончится Прохождение... — задумчиво повторил Ф'лар. Он поднял глаза на арфиста, внезапно осознав, что никто из них, скорее всего, не доживет до этих времен.

— Когда закончится Прохождение,— вдруг раздался над его ухом молодой голос,— мы заново откроем юг! Мы раскроем тайну кораблей и, возможно, узнаем, как можно пересечь на драконах безвоздушное пространство... Тогда мы достигнем Рассветных Сестер! — Джексом поднял взгляд от карты и посмотрел на юго-восток — туда, где за горизонтом плыли в небе невидимые сейчас рукотворные звезды.

— И, быть может, мы найдем способ, как предотвратить эти нашествия с Алоей Звезды... — чуть слышно прошептала Шарра.

— Что ж, когда-то и я мечтал об этом,— Ф'лар вздохнул, потом стиснул сильными пальцами плечо Джексома. — Вот задача для вас, молодых! Если вы изучите искусства предков, то сумеете добраться и до Алоей Звезды. А мне... — он снова вздохнул и покачал головой.

— А ты — ты выполнил свой долг, всадник,— строго произнес Робинтон. — Ты сохранил Перн единственным и свободным от Нитей... несмотря ни на что!

— И если бы не ты,— сердито сверкнула глазами Лесса, — разве случилось бы все это? — она плавно повела рукой, словно обозначив одним жестом и праздничный Руат, и весь весенний Перн, и неколебимую уверенность, что никакие Нити не смогут сжечь эту весну, этот праздник.

— Джексом! Лорд Джексом! — голос Лайтоля долетел из окна главного зала.

— Да, мой господин?

— Кто с тобой? Бенден? Форт? И наш арфист? Остальные вожди Вейров и все лорды Перна собрались!

Джексом кивнул и, предложив руку своей леди, жестом попросил гостей следовать первыми. Арфист, бережно сворачивая карту, покачал головой.

— Сегодня — твой день, лорд Джексом из холда Руат, — сказал он, низко кланяясь и пропуская вперед молодую чету.

Рассмеявшись, Джексом с Шаррой направились во двор; Робинтон и молодой предводитель Форта шли следом. Ф'лар предложил руку Лессе, но она, отвернувшись, смотрела на небольшой дворик между кухонным крыльцом и старой конюшней. И всаднику было нетрудно догадаться о ее мыслях.

— Это и твой день, Лесса, — шепнул он и поднес к губам тонкую изящную кисть. — Твоя настойчивость и воля сделали его возможным! — он погладил ее волосы, коснулся виска, заставляя смотреть прямо в свои глаза. — Видишь? Как и сотни Оборотов назад, наследники руатанской крови держат земли Руата.

— Что доказывает, — сказала она с притворной строгостью, хотя ее губы уже тянулись к его губам, — справедливость утверждения о том, что для усердия и терпения нет преград.

— Надеюсь, ты права, — Ф'лар с усмешкой поглядел на Алую Звезду. — Наступит день, и некто, усердный и терпеливый, достигнет этого предела...

— БЕНДЕН! — звучный зов арфиста разрушил их уединение.

Смущенно улыбаясь, словно напроказавшие дети, Лесса и Ф'лар пересекли неширокий дворик и, взбежав по ступенькам, поднялись в богато украшенный главный зал. Драконы, оседлавшие высоты над холдом, встали на задние лапы, радостным ревом приветствуя этот счастливый день, и файры, выписывая невероятные пирамиды, наполнили небеса Руата писком и щебетом. Небеса, чистые от Нитей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГЛАВНЫЕ ХОЛДЫ И ЗАЩИЩАЮЩИЕ ИХ ВЕЙРЫ

перечислены в порядке их основания:

ФОРТ ВЕЙР

Предводитель *Н'тон*, Госпожа Вейра *Брекки*;
Холд *Форт* (древнейший холд) — лорд *Грох*;
Холд *Руат* (следующий по старшинству) —
лорд *Джексом*,
Оберегающий *Лайтол*;
Холд *Южный Болл* — лорд *Сангел*.

ВЕЙР БЕНДЕН

Предводитель *Ф'лар*, Госпожа Вейра *Лесса*;
Холд *Бенден* — лорд *Реид*;
Холд *Битра* — лорд *Сифер*;
Холд *Лемос* — лорд *Асгенаар*.

ВЕЙР ПЛОСКОГОРЬЕ

Предводитель *Т'бор*, Госпожа Вейра *Надира*;
Холд *Плоскогорье* — лорд *Барген*;
Холд *Набол* — лорд *Мерон*;
Холд *Тиллек* — лорд *Отерел*.

ВЕЙР АЙГЕН

Предводитель *Г'нериш*, Госпожа Вейра *Надира*;
Холд *Керун* — лорд *Корман*;
Холд *Верхний* — *Айген*;
Холд *Южный* — *Телгар*.

ВЕЙР ИСТА

Предводитель *Д'рам*, Госпожа Вейра *Фанна*;
Холд *Иста* — лорд *Уорбрем*;
Холд *Айген* — лорд *Лауди*;
Холд *Нерат* — лорд *Винсет*.

ВЕЙР ТЕЛГАР

*Предводитель Р'марта, Госпожа Вейра Биделла;
Холд Телгар — лорд Ларад;
Холд Кром — лорд Нессел.*

ЮЖНЫЙ ВЕЙР

*Предводители Т'рон и Т'кул,
Госпожи Вейра Мардра и Мерика;
Южный холд — Оберегающий Торик.*

НЕКОТОРЫЕ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

Алая Звезда — планета системы Ракбета; вращается вокруг светила по вытянутому эллипсу

ашенотри — перинитское название азотной кислоты (HNO_3); применяется для уничтожения Нитей, упавших на землю;

бальзам — анестезирующая и заживляющая раны мазь; является универсальным лечебным средством, используется для врачевания ожогов, которые Нити наносят драконам и всадникам;

Вейр — место, где обитают драконы и их всадники — кратер потухшего вулкана;

вейр — пещера (логово) дракона с примыкающим к нему жилищем всадника;

десятина — подать, которую холды выплачивают защищающим их Вейрам;

Долгий Интервал — вдвое больше обычного Интервала; возникает в тех случаях, когда в силу флуктуаций орбиты Алой Звезды, она не подходит к Перну достаточно близко, чтобы сбросить Нити;

Древние — всадники и население пяти Вейров, приведенных Лессой из прошлого; часть из них (из Форт Вейра и Вейра Плоскогорье) изгнана в Южный Вейр;

Запечатление — взаимопроникновение сознаний новорожденного дракона и выбранного им всадника; рождает дальнейшую связь человека и зверя на всю жизнь;

Звездные Камни — Звездная Скала, Палец, Глаз-камень — камни-ориентиры, установленные на краях кратеров в каждом Вейре, и предназначенные для наблюдений за Алой Звездой;

Интервал — период времени между сближениями Алой Звезды с Перном, равный двумстам Оборотам;

кла — горячий, бодрящий напиток, приготовленный из коры деревьев определенного вида и имеющий привкус корицы;

Конклас — совет лордов, решающий вопросы управления холдами; в частности, в его компетенцию входит подтверждение полномочий правителей холдов;

лунное дерево — плодовое дерево, в период цветения отличается сильным ароматом. Культивируется на плантациях и растет в диком состоянии;

Нижние Пещеры — гигантские помещения, вырубленные в основании котловины Вейра; используются с хозяйственными целями. Там находятся кухни, кладовые, жилые комнаты для женщин и детей;

Нити — микозоидные споры с Алой Звезды, которые способны в период Прохождения достигать Перна, где они зарываются в землю и, в процессе своего развития, уничтожают все органические вещества;

Оборот — перинитский год;

огненный камень — минерал, содержащий фосфин; драконы заглатывают его, чтобы испускать пламя;

огненная ящерица (файр) — небольшие крылатые ящерицы; согласно преданиям, из них были выведены драконы. Файры способны перемещаться в Промежутке и вступать в мысленную связь с людьми;

озеро — естественный водный бассейн на дне котловины Вейра;

Площадка кормления — песчаная площадка на дне котловины Вейра, предназначенная для кормления драконов; рядом располагается загон для скота;

Площадка Рождений — арена с теплым песком внутри самой большой пещеры Вейра; эта пещера-амфитеатр служит для общих собраний людей и драконов. В теплом песке Площадки Рождений созревают яйца драконов;

Промежуток — измерение Вселенной, в котором отсутствуют понятия времени и пространства; драконы способны перемещаться через Промежуток в любую указанную им пространственно-временную точку обычного мира;

Прохождение — период, в течение которого Алая Звезда находится достаточно близко от Перна, чтобы сбрасывать на него Нити; равен пятидесяти Оборотам;

Ракбет — желтая звезда, солнце Перна;

Рассветные Сестры — три яркие звезды, особенно хорошо видные в южном полушарии Перна; предположительно, одна из них является Солнцем — древней прародиной перинитов;

страж порога — летающий ящер довольно больших размеров, отдаленный родич драконов. Используется как сторожевое животное. В естественном состоянии дикие стражи живут и охотятся стаями;

холд — место обитания жителей Перна; первоначально, для защиты от Нитей, залы и помещения холда вырубались в скалах.

Некоторые идиоматические выражения:

Во имя Первого Яйца

Во имя Яйца

Клянусь Первым Яйцом

Клянусь Скорлупой

Во имя Первой Скорлупы

Уйти навечно в Промежуток (умереть)

ОГЛАВЛЕНИЕ

М.Нахмансон

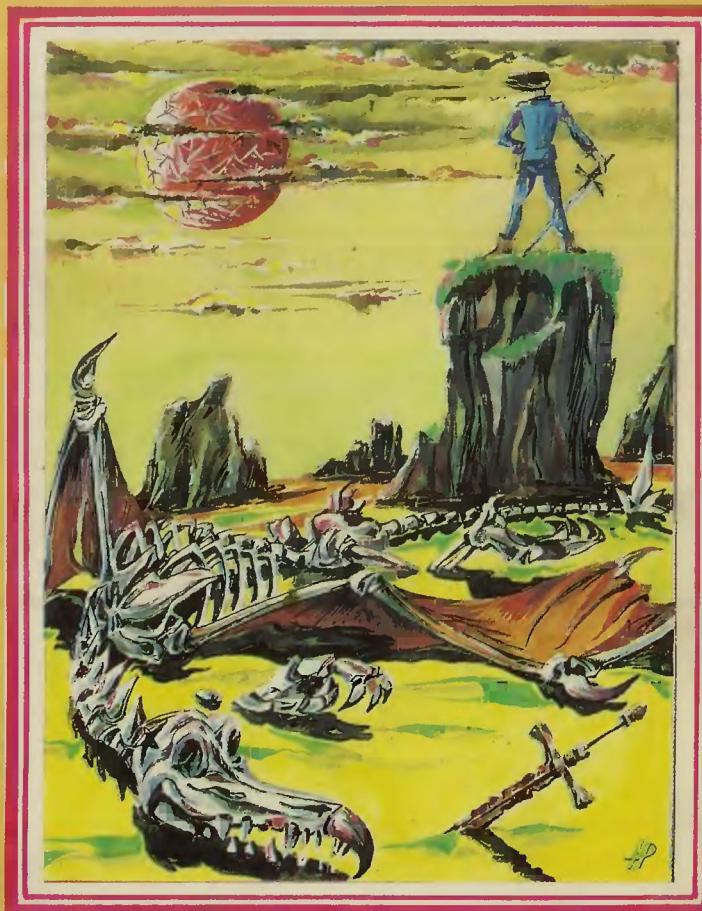
Крылья над миром 5

Энн Маккефри «БЕЛЫЙ ДРИКОН»

Пролог	19
Глава 1 Холд Руат; двенадцатый Оборот с начала Прохождения Алои Звезды.	30
Глава 2 Вейр Бенден; тринадцатый оборот с начала Прохождения.	57
Глава 3 Утро в холде Руат и мастерской кузне- цов холда Телгар; пятнадцатый Оборот с начала Прохождения, девятый день пятого месяца.	66
Глава 4 Холд Руат, холд Фиделло и разные мес- ты Промежутке; пятнадцатый Оборот, пятый месяц, дни с десятого по шестнадцатый.	92
Глава 5 Утро в мастерской арфистов, Форт холд; послеполуденное время в Вейре Бенден и позже, в мастерской арфистов; пятнадцатый Оборот, двадцать шестой день пятого месяца.	111
Глава 6 Холд Руат и холд Южный; пятнадцатый Оборот, двадцать седьмой день пятого месяца — второй день шестого.	140
Глава 7 Утро в холде Руат; пятнадцатый Оборот, второй день шестого месяца.	152
Глава 8 Холд Руат, Форт Вейр, холд Фиделло; пятнадцатый Оборот, третий — семнадцатый дни шестого месяца	163
Глава 9 Начало лета, мастерская арфистов и холд Руат; пятнадцатый Оборот, третий день седьмого месяца.	189
Глава 10 От Цеха арфистов до Южного материка, вечер в Вейре Бенден; Пятнадцатый Оборот, четвертый день седьмого месяца.	208

Глава 11	<i>Позднее утро в Вейре Бенден, раннее утро в Цехе арфистов, полдень в холде Фиделло; пятнадцатый Оборот, седьмой день пятого месяца.</i>	227
Глава 12	<i>Холд Руат, холд Фиделло, Падение Нитей; пятнадцатый Оборот, седьмой день шестого месяца.</i>	242
Глава 13	<i>Бухта на южном материке; плютинацатый Оборот, седьмой день седьмого месяца — двадцать восьмой день восьмого месяца.</i>	258
Глава 14	<i>Раннее утро в мастерской арфистов, середина утра в Вейре Иста; пятнадцатый Оборот, двадцать восьмой день восьмого месяца.</i>	285
Глава 15	<i>Вечер в Джексоновой бухте, ночь в Вейре Иста; пятнадцатый Оборот, двадцать восьмой день восьмого месяца.</i>	304
Глава 16	<i>В бухте Джексона; пятнадцатый Оборот, с двадцать восьмого дня восьмого месяца по седьмой день девятого.</i>	322
Глава 17	<i>Форт холд, Вейр Бенден, бухта Джексона, борт «Рассветной Сестры»; пятнадцатый Оборот, первый и второй дни десятого месяца.</i>	347
Глава 18	<i>Бухта Джексона в день прибытия мастера Робинтона; пятнадцатый оборот, четырнадцатый день десятого месяца.</i>	364
Глава 19	<i>Утро в Прибрежном холде, наблюдения за звездами поздним вечером; следующее утро, находка в горах; пятнадцатый Оборот, пятнадцатый — шестнадцатый дни десятого месяца.</i>	379
Глава 20	<i>Вулкан в бухте Джексона и холд Руат; пятнадцатый Оборот, восемнадцатый — двадцатый дни десятого месяца.</i>	428
Глава 21	<i>Прибрежный холд, плато у вулкана и Площадка Рождений Южного Вейра; пятнадцатый Оборот, двадцать первый день десятого месяца.</i>	456
ПОСЛЕСЛОВИЕ		468
ПРИЛОЖЕНИЕ		474
НЕКОТОРЫЕ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ		476

fantasy

ЭНН МАКЕФРИ

